

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ МОСКОВІЮ

БАРОНА АВГУСТИНА МАЙЕРБЕРГА,

члена императорскаго придворнаго совѣта

и

ГОРАЦІЯ ВИЛЬГЕЛЬМА КАЛЬВУЧЧИ,

КАВАЛЕРА И ЧЛЕНА ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАГО СОВѢТА НИЖНЕЙ АВСТРІИ,

ПОСЛОВЪ АВГУСТѢЙШАГО РИМСКАГО ИМПЕРАТОРА ЛЕОПОЛЬДА

КЪ ЦАРЮ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

АЛЕКСѢЮ МИХАЙЛОВИЧУ,

ВЪ 1661 ГОДУ,

ОПИСАННОЕ САМИМЪ БАРОНОМЪ МАЙЕРБЕРГОМЪ.

ИЗДАНІЕ
Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.
1874.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ МОСКОВІЮ

БАРОНА АВГУСТИНА МАЙЕРБЕРГА,

члена императорскаго придворнаго совѣта

и

ГОРАЦІЯ ВИЛЬГЕЛЬМА КАЛЬВУЧЧИ,

КАВАЛЕРА И ЧЛЕНА ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАГО СОВѢТА НИЖНЕЙ АВСТРІИ,

ПОСЛОВЪ АВГУСТѢЙШАГО РИМСКАГО ИМПЕРАТОРА ЛЕОПОЛЬДА

КЪ ЦАРЮ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

АЛЕКСѢЮ МИХАЙЛОВИЧУ,

ВЪ 1661 ГОДУ,

ОПИСАННОЕ САМИМЪ БАРОНОМЪ МАЙЕРБЕРГОМЪ.

ИЗДАНІЕ
Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи (Катковъ и Ко.),
на Страстномъ бульварѣ.
1874.

ЧТЕНІЯ

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ 1874 г. кн. 1-я.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Книга Мейерберга, говоритъ Ѳ. Аделунгъ, послѣ извѣстнаго сочиненія Барона фонъ Герберштейна подъ заглавіемъ „Moscovia,“ безъ сомнѣнія заслуживаетъ болѣе всего вниманія по подробности содержащихся въ ней свѣдѣній относительно Географіи и Статистики тогдашней Россіи.“ Хотя съ тѣхъ поръ, какъ такое мнѣніе впервые произнесено (1827 года) въ извѣстномъ сочиненіи, посвященномъ подробному изслѣдованію Майербергова творенія о нашемъ отечествѣ, озаглавленнаго: „Баронъ Майербергъ и путешествіе его по Россіи, съ присовокупленіемъ рисунковъ, представляющихъ виды, обряды, портреты и т. п., въ продолженіи сего путешествія собранныхъ,“ издано Ѳедоромъ Аделунгомъ, Д. С. С. и Кавалеромъ, на Нѣмецкомъ и въ переводѣ на Русскій въ С.-Петербургѣ 1827 г. (въ 8-ку съ атласомъ), прошло уже скоро около 50 лѣтъ, однако свѣдѣнія Аделунга о такомъ важномъ для насъ сочиненіи иностранца прошли даромъ мимо ушей нашихъ: никто не подумалъ заняться сообщеніемъ „Путешествія“ Барона въ Московію въ Русскомъ переводѣ. Та же почти самая участь постигла и его знаменитаго предшественника, Барона Герберштейна, путешествіе котораго къ намъ явилось по Русски лишь въ 1866-мъ году: „Записки о Московіи. Съ Латинскаго Базельскаго изданія 1556 г. перевелъ И. Анонимовъ. Спб.,“ но перевелъ не совсѣмъ вѣрно, безъ всякихъ поясненій встрѣчающихся въ немъ темныхъ мѣстъ, особливо мѣстныхъ названій. Странная, ни чѣмъ необъяснимая, судьба у насъ сихъ двухъ корифеевъ иностранныхъ путешественниковъ въ Россію, между тѣмъ какъ другіе, далеко уступающіе имъ во всемъ, имѣются уже на Русскомъ. Конечно, нѣкоторымъ объясненіемъ можетъ служить и языкъ, которымъ пи-

саны то и другое сочиненіе: Латынь не подъ силу инымъ нашимъ переводчикамъ съ чужихъ языковъ, да и переведенное требуется сопроводить нужными примѣчаніями, свѣдѣніями, объясненіями и т. п., что не всякому, и хорошо знающему языкъ перевода, доступно въ желанной полнотѣ. Какъ бы то ни было, только переводъ Майербергова „Путешествія въ Московію" является лишь теперь, благодаря неутомимому трудолюбію Д. Члена Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, А. Н. Шемякина, столько уже одарившаго это Общество и читающую публику своими прекрасными переводами путешественниковъ въ наше отечество. Примѣчанія, присоединенныя къ переводу, не означенныя никакими буквами, также принадлежатъ ему, а означенныя буквами О. Б., мнѣ. Кромѣ этого сочиненія, появившагося въ печати безъ означенія года и мѣста, въ листъ, на 236 листовыхъ страницахъ (Путешествіе на 110, а присоединенныя къ нему „Statuta Moschovitica," т. е., переводъ „Уложенія Царя Алексѣя Михайловича" на языкъ Латинскій), * Майербергу принадлежатъ еще два „Донесенія" (Relationes), хранящіяся въ Вѣнской Придворной Библіотекѣ подъ слѣдующими заглавіями, первое: „Relation der Kaiserl. Ablegaten Augustin von Mayern und Horatius Wilhelm Calvucci über ihre Reise nach Moscau und ihren Empfang daselbst. Den 12 ten Juni 1661" (за 8 листовъ); и второе: „Weitere Relation des Augustin von

---

* Оно, по замѣчанію Аделунга (стр. 96), напечатано въ небольшомъ числѣ и въ продажу не поступило: но гдѣ и когда? По мнѣнію „Каталога Библіотеки Графа Бутурлина (на Французскомъ, сгорѣвшаго въ 1812 г., кромѣ малаго числа уцѣлѣвшихъ экземпляровъ), въ Кельнѣ (Coloniae) 1663, что невѣроятно, такъ какъ Майербергъ въ этомъ году только что возвратился, и не могъ, занятый подачей въ Апрѣлѣ Императору своего «Донесенія,» кончить описанія «Путешествія,» для коего поджидалъ нѣкоторыхъ дополнительныхъ свѣдѣній; да этому противорѣчитъ и названіе его «Барономъ» на самомъ заглавія, когда онъ сдѣланъ имъ лишь спустя три года (1666). По мнѣнію же Митрополита Евгенія (см. статью его: «О личныхъ собственныхъ именахъ у Славяноруссовъ,» въ 3-й части «Трудовъ и Записокъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ,» 1826, стр. 72), сочиненіе Майерберга вышло въ 1679 г.

Mayern und Horatius Wilhelm Calvucci. Smolensk, den 27 Mai, 1662" (около 5 листовъ).

Сочинитель книги: „Die Handschriften der K. K. Bibliothek in Wien," Іосифъ Хмель, упоминаетъ, на стр. 219-й II тома своего сочиненія, подъ CCCXXXIX (Hist. prof. 454). „Cod. Ms. chart. in fol. sec. XVII (Foll. 43): „Relatio Humillima Augustini de Mayern et Horatii Gulielmi Calvuccii Ablegatorum in Moschoviam, a d. 17 Febr. anni 1661 usque ad d. 22 Febr. 1663." Это „Донесеніе" издано покойнымъ Вихманомъ, въ его: „Sammlung bisher noch ungedruckter kleiner Schriften zur ältern Geschichte und Kenntniss des russischen Reichs. I Band. Berlin, Reimer, 1820, 8. S. 201—338. О немъ Хмель замѣчаетъ: „Ist eine Ergänzung der selten gewordenen „Iter in Moschoviam" Augustini liberi Baronis de Mayerberg et Horatii Guil. Caluucci ab August. Rom. Imp. Leopoldo ad Czarem et Magnum Ducem Alexium Mihalowicz anno M. DC. LXI Ablegatorum. Fol. 8." Послѣднее есть окончательное его „Донесеніе," послѣ нѣкоторыхъ частныхъ, сдѣланныхъ въ продолженіи отсутствія его: оно ограничивается изложеніемъ обстоятельствъ, имѣвшихъ лишь непосредственное отношеніе къ самому Посольству. Между тѣмъ какъ въ описаніи самаго „Путешествія въ Московію" собрано и все то, что помѣщено было въ частныхъ „Донесеніяхъ" и что получено еще въ послѣдствіи. Напечатанное Вихманомъ „Донесеніе" послѣдуетъ за напечатаніемъ самаго путешествія, переводъ котораго, какъ указываетъ Аделунгъ въ своемъ: „Kritico-literarische Uebersicht der Reisenden in Russland bis Jahr 1700 und ihrer Schriften u. s. w. 2. Bd. № 100," сдѣланъ былъ въ томъ же самомъ столѣтіи, Французскій: „Voyage en Moscovie d'un Ambassadeur, consciller dela Chambre Imperiale, Envoyé par L'Empereur Leopold au Car Alexis Mihalovics, Grand Duc de Moscovie. A Leide, chez Friderik Harring, Marchand libraire. 1688, 12 (p. 381), а съ него на Италіянскій языкъ: „Viaggio nella Moscovia di Augustino Meyerberg, tradotto dal idioma francese. Napoli, 1697, 12.

Переходя къ личности самаго путешественника въ Мо-

сковію при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, какъ Посланника Императора Леопольда І-го, мы должны замѣтить, что всѣ свѣдѣнія о немъ ограничиваются только симъ его сочиненіемъ, т. е., что онъ въ немъ о себѣ сообщаетъ, да еще надписью на гробѣ его, правда, довольно большою, на Латинскомъ языкѣ. Тѣло его погребено въ Вѣнѣ, въ придворной приходской церкви Св. Михаила, возлѣ придѣла, называемаго „Mariahilf," гдѣ покоится также и тѣло знаменитаго предшественника его, Барона Герберштейна. На могилѣ Майерберга положенъ камень съ слѣдующею надписью:

„D. O. M.

Augustinus S. R. Imp. L. B. de Meyerberg, Dominus in Harmanns Zächel et Etmannsdorf nec non pignoris jure in Neukirchen am Steinfeld, Sac. Caes. Maj. Ferdinandi III. Rom. Imp. S. Aug. olim in regia majoris Glogovia dicast: ex nobilium ordine sacerdos, deinde augustiss. Imp. Leopoldi, ejusdem filii, apud Fiscum Silesiae, prius et postmodum apud Imp. aulicum a consiliis, post duodenas legationes ad principes electores ecclesiasticos ad Ferdinandum Carolum, archiducem tyrolensem, ad Mahometem IV Turcarum Sultanum, ad juniorem Rakoczium, Transylvaniae principem, ad ejusdem viduam Sophiam Bathoream, ad Magnum Moscoviae Ducem, Alexium Michailovitsch, ad Iohannem Casimirum Poloniae et Sueciae Regem, ad Michaelem ejus in Polonia successorem, ad Iohannem Philippum Electorem moguntinum, ad cathedralis ecclesiae herbipolensis capitulum, ad Lotharium Fridericum archiepiscopum moguntinum et ad Christianum V Daniae et Norvegiae Regem, continuata ter septem annorum laboriosa opera, prudenter, fideliter, feliciter obita, curarum tandem non suarum pertaesus, cunctis se muniis ultro abdicans, extra aestuosum inconstantis aulae Euripum, occisis licet per urcicum bellum vitae traducendae subsidiis, sibi tranquilla in vegeti senio aequanimitate vixit, donec anno 1688 die 23 mensis Martii. aetatis autem 76, mense septimo, animam deo reddens, suas exuvias, olim reassumendas deposuit."

Стало быть, онъ въ первый разъ является чиновникомъ въ городѣ Глоговѣ (Glogovia, Glogau), въ Нижней Силезіи, происхожденія благороднаго, служилъ въ правленіе Фердинанда III Старшимъ Совѣтникомъ при тамошнемъ Аппелляціонномъ Судѣ; сыномъ же упомянутаго Императора, Леопольдомъ I-мъ, вызванный ко Двору, пожалованъ въ Придворные Совѣтники (Гофраты); за тѣмъ видимъ его, въ продолженіи 21-го года, двѣнадцать разъ Посланникомъ къ разнымъ владѣтельнымъ Дворамъ, именно: 3-мъ Духовнымъ Курфирстамъ, Ерцгерцогу Фердинанду въ Тиролѣ, Турецкому Султану Магомету IV-му, у младшаго Ракоци, Трансильванскаго Князя и вдовы его, Софіи Батори, у Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, Польскихъ Королей, Іоанна Казимира и Михаила Корибута, къ Вирцбургскому Капитулу, Майнцкому Архіепископу Лотарю Фридриху, и напослѣдокъ къ Датскому Королю Христіяну I-му. Кончивъ свои посольства, онъ былъ принятъ въ число Государственныхъ Чиновъ Нижней Австріи, но вскорѣ удалился отъ всѣхъ дѣлъ въ уединеніе, въ которомъ, при стѣстенныхъ обстоятельствахъ, причиненныхъ разореніемъ его помѣстьевъ Турками, и провелъ остатокъ дней, скончавшись 23-го Марта, 1688 года, на 76-мъ году отъ рожденія; слѣдовательно, родился онъ въ Августѣ 1612 года. Судя по тѣмъ познаніямъ его въ Русскомъ языкѣ, какія онъ обнаруживаетъ въ своихъ сочиненіяхъ, передавая, большею частью, мѣстныя, историческія и т. п. названія въ настоящемъ, или весьма мало измѣненномъ, видѣ, особенно же въ прекрасномъ переводѣ нашего „Уложенія,“ Царя Алексѣя Михайловича, составлявшаго тогда, по новости своей, весьма яркое и важное явленіе въ жизни Московскаго народа, присоединенномъ къ его „Путешествію“ подъ заглавіемъ: „Statuta Moschovitica, ex Russico in Latinum idioma ab eodem translata;“ * судя по всему этому

---

* Аделунгъ догадывается (стр. 95), что подъ переводомъ «Уложенія,» вопреки словамъ заглавія (ab eodem translatis), «трудился переводчикъ, при Посольствѣ въ Москвѣ находившійся, и хотя переводъ этотъ не вездѣ вѣренъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ служить поясненіемъ подлинника.»

а также и мѣсту его рожденія, кромѣ того самому образу выраженія (правописанія) Славянскихъ звуковъ, можно полагать, что онъ былъ Славянскаго происхожденія, изъ рода Силезскихъ небогатыхъ дворянъ, но какого именно, трудно утверждать. Даже самое его имя покрываетъ нѣкоторая неизвѣстность. Обыкновенно его называютъ, говоритъ Аделунгъ (стр. 3—4), Барономъ фонъ Мейербергъ, и подъ симъ именемъ вышло изданное имъ путешествіе его въ Россію; однако, нѣтъ сомнѣнія, что званіе сіе принято имъ уже въ послѣдствіи времени, и что получилъ оное въ награду за свои заслуги; ибо въ „Донесеніи," поданномъ имъ Императору Леопольду I о своемъ путешествіи, равно какъ и въ письмѣ къ Польскимъ Сенаторамъ, подписывается онъ еще просто: Августинусъ де Майернъ. То же и на заглавномъ, листѣ сего донесенія (Wichmanns Sammlung kleiner Schriften zur ältern Geschichte und Kenntniss des Russischen Reichs, I, S. 201), и на чертежѣ, изображающемъ жилище Императорскихъ Пословъ въ Кремлѣ, названъ онъ де Мейернъ; равнымъ образомъ и на надгробной надписи его, какъ видѣли мы выше, а также и въ запискахъ Вѣнскаго Архива и Архива Московскаго Иностранныхъ Дѣлъ, слыветъ онъ: Майернъ, Маёрнъ, фонъ Маернъ. Въ Баронское достоинство возведенъ 23-го Августа, 1666 года, три года по возвращеніи его изъ Россіи, и тогда-то, вѣроятно, дано ему прозваніе: Мейеръ фонъ Мейербергъ, подъ коимъ сдѣлался извѣстнымъ. Въ прочихъ сочиненіяхъ о немъ, каковы разные словари объ ученыхъ и извѣстныхъ мужахъ, на примѣръ: Jochers Allgemeine Gelehrten-Lexicon, Biographie universelle и т. п., имя его пишется: фонъ Майербергъ, фонъ Майерсбергъ, Мейербергъ, de Mayerberg, и т. д.

Сочиненіе Майерберга показываетъ, что онъ обладалъ большими свѣдѣніями, даромъ слова, умомъ и стойкостью. Свѣдѣнія, сообщаемыя имъ о Русскихъ своего времени, отличаются большою точностью и подтверждаются въ значительной степени предшествовавшими ему путешественниками, равномѣрно и послѣдующими.

„Кромѣ этого путешествія, замѣчаетъ Аделунгъ, Майербергъ оставилъ еще не менѣе достопримѣчательное собраніе чертежей и рисунковъ, по распоряженію его сдѣланныхъ сопровождавшимъ его искуснымъ художникомъ, которые, представляя разныя мѣстоположенія, обряды и другіе предметы, обратившіе на себя вниманіе его, служатъ драгоцѣннымъ дополненіемъ къ описанію сего путешествія. Любопытное собраніе сіе, однако, имъ не издано, но, сдѣлавшись, по какому-то случаю, собственностію Королевской Библіотеки въ Дрезденѣ, оставалось тамъ и по нынѣ, будучи почти совсѣмъ неизвѣстнымъ свѣту. Первое свѣдѣніе о немъ Аделунгъ получилъ отъ Главнаго тамошняго Библіотекаря, Эберта, къ коему, по препорученію покойнаго Государственнаго Канцлера, Графа Н. П. Румянцева, отнесся онъ, для полученія извѣстій о имѣющихся въ той Библіотекѣ рукописяхъ, къ древней Исторіи Россіи относящихся. Эбертъ поспѣшилъ сообщить просимое, а Государственный Канцлеръ поручилъ было Аделунгу издать вѣрные снимки съ упомянутыхъ чертежей посредствомъ литографіи, вмѣстѣ съ нужнымъ къ нимъ для поясненія описаніемъ, что, однако, приведено въ исполненіе уже по смерти Канцлера, при содѣйствіи брата его, Графа С. П. Румянцева.“ Чертежи и изображенія эти приложены къ названному въ началѣ нами сочиненію Аделунга, коему они, по увѣренію его (стр. VI), были и первымъ поводомъ: въ немъ Аделунгъ собралъ все, что лишь могъ найти о путешествіи Майерберга, его пребываніи у насъ, политической цѣли его посольства, равно какъ и свѣдѣнія, къ литературѣ сего сочиненія относящіяся. Желающіе ближе познакомиться какъ съ самыми сими изображеніями, такъ объясненіями къ нимъ и по поводу ихъ разными свѣдѣніями, да благоволятъ обратиться къ самой книгѣ Аделунга о Served Баронѣ Майербергѣ и путешествіи его по Россіи, вышедшей въ одинъ и тотъ же годъ на Нѣмецкомъ языкѣ и въ переводѣ на Русскій.

О. БОДЯНСКІЙ.

17-го Декабря, 1873 г.
Москва.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ МОСКОВІЮ

БАРОНА АВГУСТИНА МАЙЕРБЕРГА.

Русское Царство, которое нынѣ мы называемъ Московскимъ, нѣкогда простиралось широко по обоимъ берегамъ Днѣпра (Борисѳена). Но въ началѣ XI-го столѣтія по Христіанскому лѣтосчисленію, когда, съ одной стороны, сперва напали на него Поляки, а потомъ, съ другой стороны, Литовцы, оно сильно уменьшилось въ продолженіи чуть не 400-лѣтней тяжелой войны. Потому что все теченіе Днѣпра, отъ его истоковъ до устья, съ Бѣлою (alba) и Черною (nigra), иначе Красною (rubra), или Малою (parva) Русью и обширнѣйшею Сѣверскою областью (Severiense ditione), Поляки и Литовцы постепенно отняли у Русскихъ Князей во многихъ походахъ. А Витовтъ (Vitoldus), Великій Князь Литовскій, въ 1414-мъ году отнялъ у нихъ еще и великій Новгородъ (Novogardiam), и Псковъ (Plescoviam). Однако жь, когда Иванъ Васильевичъ старшій (senior Joannes Basilides), съ безстрашною отвагою свергнулъ съ себя и съ своей Московіи (Moscovia) Татарское иго, онъ взялъ обратно великій Новгородъ, послѣ семилѣтняго облежанія, въ 1477 году, въ царствованіе въ Польшѣ Казимира III-го. Послѣ того какъ Сѣверскіе Князья перешли къ нему отъ зятя его, Александра Литовскаго, онъ опять привелъ подъ свою власть почти всю Сѣверскую область (Severia). Сынъ же его и преемникъ, Василій, возвратилъ себѣ, въ 1509 году, Псковъ, съ помощію измѣны духовенства, а спустя пять лѣтъ потомъ и самый Смоленскъ (Smolensciam), отнятый у Сигизмунда 1-го перебѣжчикомъ Михаиломъ Глинскимъ (Linckzium).

Потомъ Стефанъ Баторій (Bathoreus) такъ смирилъ гордость Ивана Васильевича младшаго (junioris Joannis Basilidis), въ своихъ трехъ походахъ въ Московію, подъ личнымъ, храбрымъ и счастливымъ, начальствомъ, что этотъ хитрый лицемѣръ умолялъ о миротворномъ посредничествѣ Римскаго Первосвященника, Григорія XIII-го, надававши ему блестящихъ обѣщаній. Папа, въ свою

очередь, послалъ Антонія Посевина (Possevinus), богослова изъ Общества Езуитовъ, который, не успѣвъ уладитъ между ними прочнаго договора на условіяхъ постояннаго міра, выгодныхъ для обѣихъ сторонъ, хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время остановить взаимное раздраженіе противниковъ. Такъ, въ 1582 году, онъ и склонилъ Стефана къ десятилѣтнему перемирію, заключенному на томъ условіи, чтобы Иванъ сначала возвратилъ Ливонію, а между тѣмъ поискалъ средства, какъ бы на свои военныя издержки и своимъ же оружіемъ взять назадъ Эстонію (Esthonia), отнятую у Польскаго Короля Шведами, и тоже, согласно договору, возвратить ее Полякамъ, равно какъ условиться, какимъ способомъ отдать Польшѣ обратно Смоленское и Сѣверское Княжества.

Стефанъ умеръ отъ удара, 13-го Декабря, 1586 года. На восьмой мѣсяцъ послѣ того выбранъ былъ Королемъ Сигизмундъ III, сынъ Іоанна, того Короля Шведскаго, который все еще удерживалъ за собою Эстонію. А сынъ Ивана Васильевича, Ѳеодоръ, по кончинѣ отца, 18 Марта, 1584 года, держалъ наслѣдственный скипетръ Московіи руками своего шурина, Бориса Годунова. Хотя онъ и освобожденъ былъ отъ обязанности возвратить Эстонію, которую Швеція обѣщалась отдать, по договору съ Польшею, при избраніи Сигизмунда, совсѣмъ тѣмъ взялъ вооруженною рукою Шведскую Нарву въ Ижорѣ (Ингріи), въ 1590 году. Черезъ пять лѣтъ потомъ Сигизмундъ заключилъ съ нимъ мирный договоръ на 20 лѣтъ, стараніями Барона Эрнфрида Минковича (Ernfridi a Minckowicz) и Николая Варкоча изъ Небшица (Nicolai Warcolsch a Nebschitz), Пословъ Императора Рудольфа, а по смерти Ѳеодора подтвердилъ этотъ миръ съ его преемникомъ, Борисомъ Годуновымъ, въ 1598 году, благодаря старанію Литовскаго Канцлера Льва Сапѣги (Leonis Sapihae).

Въ 1604 году, послѣ того, какъ этотъ же Борисъ Годуновъ тайно, съ помощію злодѣевъ, убилъ Димитрія Ивановича въ Угличѣ, за этого убитаго Царевича выдалъ себя разстриженный монахъ, Гришка Отрепьевъ (Griska Utrepeia); однако жь, хоть и поддержанный Польскою помощью въ продолженіе полутора года, онъ понесъ наказаніе за безрасудно веденный обманъ. На опустѣломъ Царскомъ престолѣ, съ общаго согласія Москвитянъ (Moschorum), сѣлъ Василій Ивановичъ изъ Князей Шуйскихъ (Basilius Juanowicz ex Ducibus Suiskiis). Впрочемъ, другой обманщикъ, продувной не меньше перваго, убитаго, выдалъ себя за Царя

Димитрія, тайкомъ будто бы увернувшагося во время мятежа и ввергнулъ Московію въ новыя смуты.

При такой невзгодѣ еще Сигизмундъ стѣснилъ жестокою осадою Смоленскъ 1-го Октября, 1609 года, а по тому Москвитяне, не будучи въ силахъ управиться съ такимъ числомъ враговъ, свели съ престола своего Царя Василія, постыдно презираемаго за не благоволившее къ нему счастіе, и на его мѣсто выбрали сына Сигизмундова, Владислава (Uladislaum), на томъ условіи, чтобы онъ принялъ крещеніе и исповѣдывалъ Вѣру по Московскому обряду (Moschovitico ritu). Но Сигизмундъ, чувствуя справедливое отвращеніе къ такому дурному дѣлу, и домогаясь для себя Великаго Княжества Московскаго, чтобы передать его сыну, Владиславу, медлилъ посылать Королевича въ Москву, чего такъ настоятельно требовали Москвитяне; когда же они не хотѣли сдать Смоленска до исполненія этого условія, онъ взялъ этотъ городъ силою 13-го Іюня, 1611 года. Но Москвитяне, осадившіе тогда Поляковъ въ Москвѣ, въ послѣдствіи выгнали ихъ оттуда, впрочемъ не прежде, пока Поляки не выжгли всего этого города и не произвели жестокаго побоища между жителями.

Москвитяне, раздраженные столькими обидами и потерями, отказавшись отъ Владислава, предпочли взять себѣ въ Государя Михаила Романова (Michaelem Romanowium), сына Ростовскаго Митрополита Филарета, благороднаго, хоть и незнатнаго, происхожденія.

Онъ настоятельно просилъ, торжественнымъ посольствомъ Римскаго Императора Матѳія, чтобы этотъ соизволилъ быть возстановителемъ мира между Москвитянами и Поляками. Легко склонясь на эту просьбу, Матѳій (Matthias) отправилъ Посла, Эразма Гейделя (Heidelium), который, въ 1615 году, въ качествѣ посредника между уполномоченными обѣихъ сторонъ, переходилъ, въ городѣ Вязьмѣ (Wiesmae), то къ тѣмъ, то къ другимъ, однако жь не въ силахъ былъ убѣдить ихъ къ заключенію равно пріятныхъ дла нихъ мирныхъ условій. Напротивъ, еще въ слѣдующемъ же году Москвитяне сдѣлали напрасное нападеніе на Смоленскъ. Но потомъ Владиславъ, вторгшись съ сильнымъ войскомъ, въ внутреннія области Московіи, привелъ долговременнымъ облежаніемъ въ опасное положеніе самую Москву и приступилъ къ ней; однако жь, такъ какъ и Владислава тоже стѣсняли разныя домашнія неурядицы, то, при деревнѣ Деулинѣ (Divulinum), въ

исходѣ 1618-го года, завязались переговоры, на которыхъ обѣ стороны и заключили на 14 лѣтъ съ половиною перемиріе.

Подъ исходъ этого перемирія сильно вооруженные Москвитяне напали на Смоленскъ, подъ начальствомъ Князя Михайла Борисовича Шеина (Schino), которому въ послѣдствіи отрубили на Московской площади голову, какъ измѣннику. Однако жь, когда неожиданно подоспѣвшій Владиславъ отразилъ ихъ, нанеся имъ сильное пораженіе, и отбилъ у нихъ станъ, они согласились на болѣе почетныя мирныя условія въ 1634 году при рѣкѣ Поляновкѣ (Polanovam), между Вязьмою и Дорогобужемъ (Drohobusum). По условіямъ этого мира, Владиславъ уступилъ Михаилу, вмѣстѣ съ титуломъ, всѣ свои права на верховную власть въ Московіи, но удержалъ за собою въ вѣчномъ владѣніи Княжества Смоленское и Сѣверское, со всѣми землями, также и титулами этихъ Княжествъ.

Послѣ скоропостижной смерти Михаила, 12-го Іюля, 1645 года, хотя сынъ его, Алексѣй, возобновилъ этотъ миръ, сначала съ Владиславомъ, а по смерти его, 20-го Мая, 1648 года, подтвердилъ клятвою, съ его братомъ преемникомъ, Іоанномъ Казиміромъ, совсѣмъ тѣмъ въ послѣдствіи не хотѣлъ ставить его ни во что.

Москвитянъ поджигало воспоминаніе бѣдствій, которыя Поляки, вступавшіе къ нимъ защитниками лукавыхъ продѣлокъ Лжедмитріевъ, далеко разнесли по областямъ ихъ Царства въ пожарахъ и убійствахъ. Ихъ подстрекали къ мести также Княжества Смоленское и Сѣверское, отторгнутыя отъ Московіи Сигизмундомъ въ трудное время Московской смуты и, не смотря на старанія Москвитянъ, удержанныя храбростію Владислава, на основаніи вынужденныхъ невыгодныхъ для нихъ мирныхъ условій. Такъ они все и искали случая возвратить свои потери и вмѣстѣ расплатиться мстительнымъ оружіемъ съ Поляками за всѣ убытки и обиды.

Въ числѣ другихъ условій Поляновскаго договора постановлено было, чтобы, въ видахъ устраненія на будущее время повода къ несогласіямъ, какой подавали до сихъ поръ ошибки въ титулахъ, предписанъ былъ извѣстный образецъ этихъ титуловъ, котораго и должны неизмѣнно держаться Польскіе Короли и Московскіе Цари, въ ихъ взаимныхъ письменныхъ сношеніяхъ. Вотъ Москвитяне и собрали съ особенною заботливостію и тщательно хранили много писемъ Польскаго Короля къ Царю, въ которыхъ, по словамъ ихъ, съ умышленнымъ пренебреженіемъ, на что жаловался и Царь, вкрались койкакія неважныя ошибки, по

оплошности писцовъ и по незнанію Московскаго нарѣчія и образа выраженія. А какъ Москвитяне видѣли, что возстаніе Запорожскихъ Козаковъ значительно ослабляетъ и развлекаетъ военныя силы Польши, то немедленно и воспользовались выпавшимъ случаемъ, котораго добивались уже давно.

Чрезъ своего Посла, Георгія Гавриловича Пушкина (Georgium Haurilowicz Putzkin), съ товарищами, Алексѣй съ большимъ многословіемъ жаловался Королю, Іоанну Казиміру, на злонамѣренныя перемѣны и искаженія его титуловъ въ Королевскихъ письмахъ, къ его Царскому безчестью, просилъ и требовалъ настоятельно, чтобы съ писавшими эти письма, какого бы званія они ни были, поступлено было по закону Владислава о преступленіи противъ Величества.

Поляки видѣли, что Москвитяне дѣлали это требованіе только съ тѣмъ, чтобы имѣть предлогъ къ нарушенію мира во время такихъ невзгодъ Республики, и, для предупрежденія ихъ намѣреній, отвѣчали, что, по Королевскому приказу, обвиняемые приглашены къ отвѣту на ближайшемъ сеймѣ, на который и Алексѣй пускай присылаетъ своихъ уполномоченныхъ въ качествѣ обвинителей, съ доказательствами, увѣряя его, что Король накажетъ виновныхъ даже смертною казнію.

Посолъ Пушкинъ, удовлетворенный Королевскимъ рѣшеніемъ, приводилъ другую жалобу, которую еще усилилъ множествомъ выраженій болѣе обиднаго смысла, именно: что Иванъ Александръ Горцинъ (Horczin), Эбергардъ Васенбергъ (Wassenbergius) Твардовскій (Twardowius), Виленская Академія и другіе, въ изданныхъ ими, съ вѣдома и согласія Короля, книгахъ превозносили трофеи Владислава и торжество его надъ Московіею, къ великому поношенію покойнаго Царя, Михаила, и всѣхъ прочихъ Москвитянъ, что было явное нарушеніе Поляновскаго договора, согласно постановленію котораго такія вещи должны быть преданы вѣчному забвенію, и необходимо требуетъ возмездія оружіемъ со стороны Царя, если Король и Республика не удовлетворятъ его за нанесенную обиду отдачею Смоленска, а Бояръ уплатою 50 тысячъ золотыхъ (aureorum).

Поляки отвѣчали, что обвиняемые писатели—люди вольные въ свободной Республикѣ, и издали свои книги, на которыя нападаютъ Москвитяне, безъ вѣдома Короля и Сената. Впрочемъ, какъ бы это ни сдѣлалось, Поляки не понимаютъ, съ чѣмъ это

сообразно, чтобы за оскорбленіе добраго имени Царя вознаграждать возвращеніемъ Смоленска, а за обиду, нанесенную Московскому народу, уплатою количества золота. На будущее время отъ такихъ торговыхъ сдѣлокъ за обиды, унизительныя для особъ Княжескаго званія и честныхъ людей, доброе имя ихъ еще скорѣе подвергнется опасности.

Посолъ былъ не столько несговорчивъ, чтобы настаивать на своемъ предложеніи, однако жь объявилъ, что Поляки могутъ удовлетворить его вполнѣ, если вырвутъ изъ книгъ страницы, обидно злословящія Царя и народъ его и, предавъ ихъ всенародно сожженію по всей справедливости, загладятъ дѣйствіе не заслуженной Москвитянами обиды и покараютъ дерзкое оскорбленіе Величества. Этого онъ и добился. Но хоть и были сожжены этѣ страницы, память объ ихъ содержаніи никакъ не сгорѣла, напротивъ еще засіяла ярче, озаренная такимъ пламенемъ. По тому что въ людяхъ возбуждено было любопытство узнать, что бы тутъ было такое, что столько хлопотали скрыть Москвитяне, даже до того, что и пустившихъ это въ огласку приговорили къ сожженію. Да и въ самомъ дѣлѣ, это безуміе, стоющее того, чтобы послать его на Антикиру [1] пить чемерицу, если кто разсердится на писателей, вѣрно передающихъ потомству его проступки, или перенесенныя имъ невзгоды. По тому что, относительно первыхъ, не должно дѣлать ихъ совсѣмъ, такъ и не станутъ ихъ описывать. А если кто поступалъ несогласно съ правилами справедливости, то съ какого же права и требовать ему, чтобы какой ни будь иностранный писатель поберегъ больше его добрую славу, нежели бережетъ ее самъ онъ своимъ преступнымъ образомъ дѣйствій? Относительно же послѣднихъ, такъ какъ нельзя ему ставить въ порокъ случайностей, которыя пошли на перекоръ его разумнымъ усиліямъ, посланы неожиданно злою его судьбой и перенесены имъ равнодушно и мужественно, то не изъ чего ему и гнѣваться, что въ книгахъ запишутся вины его счастія, а не его собственныя.

Потомъ, для продолженія заведеннаго дѣла о титулахъ, въ

---

[1] Anticyra, городъ въ Фтіодидѣ, при устьѣ р. Сперхіи, въ древней Греціи: въ его окрестности росла лучшая чемерица. Helleborus niger растетъ на горахъ въ Силезіи, Чехіи, Италіи, южной Франціи и Греціи. Естествоиспытатели признаютъ radix Hellebori orientali, за настоящую черную чемерицу Иппократа, считавшуюся въ древности лѣкарствомъ отъ съумасшествія. Helle-

назначенное время явились на Варшавскомъ сеймѣ присланные изъ Москвы: Аѳанасій Осиповичъ Прончищевъ (Affanasiuu Osypowicz Ronsczyczowius) и Алмазъ Ивановъ (Almasius Jvanowius). По обсужденіи дѣла на точныхъ основаніяхъ Польскаго права, при жаркомъ спорѣ сторонъ, Король Іоаннъ Казимиръ далъ рѣшительный приговоръ, согласно съ мнѣніемъ сейма:

1. Что это дѣло чисто личный поступокъ умершихъ уже людей, по законамъ Республики, должно прекратиться и не можетъ переходить на наслѣдниковъ покойныхъ.

2. Что постановленіе Владислава брата о титулахъ не имѣетъ обязательной силы для тѣхъ, которые еще до изданія этого закона надѣлали ошибокъ въ титулахъ.

3. Что, по законамъ Республики, нельзя отказывать въ присягѣ лицу, требующему ея для очищенія своей невинности.

4. Что не должно давать большой важности какой ни будь незначительной ошибкѣ, вкравшейся ненамѣренно, по неосмотрительности, или невѣдѣнію, писца.

5. Что находящіяся еще въ живыхъ лица, которыя, получивъ законную повѣстку явиться въ судъ лично, или чрезъ повѣренныхъ, по небреженію не явились, по законамъ Республики, подвергаются казни за Государственную измѣну.

Этотъ приговоръ не успокоилъ Москвитянъ: они, называя его неправильнымъ и насмѣшливымъ, протестовали, и отказали даже доставить списокъ съ него своему Государю.

И такъ Іоаннъ Казимиръ принужденъ былъ отправить потомъ къ Алексѣю съ письмами Альберта Прелавскаго (Alberto Praelawski) и Казимира Унеховскаго (Casimiro Uniechowski), [2] чтобы они заявили ему правильность этого приговора. Это было напрасно: Алексѣй отвѣчалъ, что скоро пришлетъ къ Королю Великихъ Пословъ, которые успѣшнѣе вытребуютъ у него и Республики казнь виновнымъ.

Въ 1653 году Великіе Царскіе Послы нашли Короля въ станѣ

---

borus niger извѣстенъ въ Аптекахъ, хоть и не пользуется древнею знаменитостью.

[2] По словамъ «Повсядневныхъ Дворцовыхъ Записокъ» времени Михайла Ѳедоровича и Алексѣя Михайловича (М. 1769), это были: Альбрехтъ Пенцеславскій и Христофоръ Казимеръ Унеховскій, а по словамъ «Собора объ объявленіи войны Польшѣ 1653 г., Октября 1,» первый названъ Пецлавскій, а послѣдній—Униховскій. О. Б.

у Львова, и повторили свое требованіе: послѣ многихъ съ обѣихъ сторонъ убѣжденій, они сказали наконецъ, что Государь ихъ охотно отстанетъ отъ этихъ настойчивыхъ требованій, если только увидитъ свое посредничество у Короля въ такомъ почетѣ, что онъ проститъ Запорожскимъ Козакамъ вину ихъ возстанія и, позабывъ имъ все прошлое, снисходительно приметъ ихъ въ нѣдра своей милости.

Во избѣжаніе всякихъ предлоговъ къ войнѣ, Король поручилъ нѣкоторымъ изъ вельможъ, чтобы они, вмѣстѣ съ Царскими Послами, разсудили хорошенько, не найдется ли возможности сдѣлать угодное Царю въ этой его просьбѣ? Совсѣмъ тѣмъ Москвитяне потребовали еще Зборовскаго договора (pacta Sborowiensia) для возставшихъ, а Королевскіе уполномоченные удачно доказали имъ, что новымъ своимъ возстаніемъ сами Запорожцы повторительно оказали пренебреженіе къ этому договору, и что благодѣяній его они дважды лишились по своей винѣ. Послы настаивали, чтобы, по крайней мѣрѣ, истребили корень несогласій съ Запорожцами, ограничивъ ту Вѣру, которая, по согласію ея съ Римскою Церковью, называется Унитскою и всегда, составляя замыслы на истребленіе Греческаго обряда, была причиною этой войны съ Запорожцами. Однако жь, постоянно опровергаемые чрезвычайнымъ множествомъ злодѣйскихъ и святотатственныхъ дѣлъ, совершенныхъ Запорожцами вездѣ надъ приверженцами одной съ ними Греческой Вѣры, надъ ихъ церквами и священной утварью, Послы, по видимому, успокоились; по тому что они гнушаясь злодѣйствами Запорожцевъ и вполнѣ негодуя на нихъ, объявили совершенно удовлетворенными и себя, и своего Государя.

Но только что вернулись они къ Алексѣю, какъ онъ, выславши войско, укрѣпилъ внутреннею стражей Кіевъ, Бѣлую Церковь (Bialoczerkuiam) и другія мѣста, отданныя ему въ залогъ вѣрности Запорожцами и поддерживалъ ихъ въ неповиновеніи. Вскорѣ вторгшись въ Бѣлоруссію (in Albam Russiam), онъ быстро овладѣлъ ею всею. Но, не довольствуясь этимъ, ободренный успѣхами, онъ подчинилъ себѣ еще силой всю, остававшуюся безъ обороны, Литву, выжегъ ее, вырѣзалъ ея жителей и опустошилъ.

Въ долгой борьбѣ съ этими и другими несчастіями, внутреннею измѣной, Шведскими завоеваніями, Іоаннъ Казиміръ наконецъ изнемогъ подъ ихъ гнетомъ и, потерявъ Государство, бѣжалъ укрыться въ Силезію, съ своею женою Лудовикою Маріею. Оттуда онъ, съ полной увѣренностью, просилъ своего двоюроднаго

брата, блаженной памяти Августѣйшаго Императора Фердинанда III, чтобы взялъ на себя посредничество для мира его съ Московіей, по тому что, съ удаленіемъ этого самаго могущественнаго врага, ему будетъ свободно вздохнуть отъ гнетущихъ его несчастій, сдѣлавшись его изгнанникомъ.

Фердинандъ согласился на просьбу, и немедленно, въ 1655 году, отправилъ Алегрета де Алегрети (Allegrettum de Allegrettis) и Іоанна Өеодора Лорбаха (Lorbach), которые отъ его имени должны были склонить Московскаго Царя къ заключенію мира съ Поляками, и дружескими убѣжденіями уладить мирныя условія къ общему удовольствію обѣихъ сторонъ. А въ видахъ осторожности, чтобы не подать никакого наружнаго повода Москвитянамъ къ подозрѣнію, будто бы онъ снарядилъ свое посольство по уговору съ Поляками, и чтобы Москвитяне, догадавшись изъ того, что Поляки трусятъ, не рѣшились предписать имъ болѣе тягостныя условія, Императоръ хотѣлъ, чтобы его Послы избѣгали Польскихъ владѣній, отправились бы чрезъ Нѣмецкія въ Любекъ, тамъ сѣли на корабль и плыли въ Ливонію, а оттуда ѣхали въ Москву.

Алексѣй принялъ предложеніе, и въ 1656 году назначилъ городъ Вильну мѣстомъ собранія Пословъ обѣихъ сторонъ; но дѣятельность Императорскихъ Пословъ никакъ не могла уладить споровъ о вѣчномъ мирѣ, которые, по заключеніи, 3 Декабря, перемирія, и были отложены до будущаго Польскаго сейма. Это было къ великой выгодѣ для Поляковъ, между тѣмъ какъ Москвитянинъ изливалъ весь свой гнѣвъ на Шведовъ въ Ливоніи, благодаря этому отвлеченію врага въ другое мѣсто, Полякамъ стало удобно вытѣснить его, съ помощію Цесарскихъ войскъ, изъ своего Государства, которымъ онъ овладѣлъ было.

Впрочемъ, условія перемирія соблюдались не очень-то свято съ обѣихъ сторонъ, а по тому война и возобновилась. Для прекращенія жалостнаго кровопролитія между Христіянами, и водворенія тишины во всемъ Сѣверномъ краѣ, при посредствѣ Австрійскаго орла, Державнѣйшій Римскій Императоръ, Всемилостивѣйшій мой Государь, Леопольдъ, пожелалъ слѣдовать по стезѣ своего отца, и всемилостивѣйше повелѣлъ отправиться къ Алексѣю мнѣ и Горацію Вильгельму Кальвуччи (Horatio Gulielmo Caluuccio), рыцарю Священной Римской Имперіи и члену суда въ Нижней Австріи, съ дружескимъ предложеніемъ ему перемирія, и только

въ случаѣ его согласія на то, объявить себя Императорскими Послами.

Придерживаясь тѣхъ же соображеній, какими руководился и Августѣйшій его отецъ, онъ велѣлъ намъ уклоняться отъ Польскаго Государства; для того сначала и просилъ Герцога Курляндскаго, Іякова, предупредить о будущемъ нашемъ приходѣ пограничныхъ Воеводъ Московской области, чтобы тотчасъ же, какъ прибудемъ туда, они насъ приняли и, нимало не мѣшкая, отвели прямо къ Царю. [3] По тому что старинный обычай Москвитянъ запрещаетъ имъ допускать въ свои области Пословъ иноземныхъ Государей до тѣхъ поръ, пока Великій Князь, удостовѣрившись точнѣе въ ихъ пріѣздѣ, не прикажетъ пропустить ихъ.

Отправившись изъ Вѣны, 16 Февраля, 1661 года, мы пріѣхали въ столицу Государства Маркоманновъ, Оломуцъ (Olomucium), по древнему названію Eburum Marcomannorum. Тутъ-то, покинувъ дорогу изъ Малой Польши, чтобы взять направленіе въ Курляндію, мы повернули влѣво и 26-го Февраля прибыли въ главный городъ Силезіи, удержавшій имя своего основателя, или возстановителя, Чеха Вратислава, въ 200 миляхъ разстоянія отъ Вѣны. Тамъ, изъ угожденія общему съ нами Государю, насъ посѣтили два Сенаторовъ и одарили дарами отца Вакха.

Чрезъ два дня мы выѣхали изъ Вратиславы (Uratislauia) и, проѣхавши городокъ Миличъ (Militscium), [4] въ 45 миляхъ оттуда, коснулись предѣловъ Великой Польши при Фрейгайнѣ (Freyhainium). [5] Сдѣлавъ еще 50 миль, при деревнѣ Погоржельцахъ (Pogorelitzium), [6] мы переѣхали по мосту рѣку Варту и, послѣ 15 миль пути оттуда, прибыли въ городъ Гнѣзно, [7] названный такъ его

---

[3] Полный составъ Посольства былъ слѣдующій: Императорской Гофъ-Камерратъ, въ послѣдствіи Баронъ фонъ Майрнъ (Майербергъ), и Совѣтникъ Внутренняго Правленія Австрійскаго Орацію Гульельмо Кальвуччи. При нихъ находились: переводчикъ Яковъ Веберъ, Священникъ или Капелянъ Севастьянъ Главиничъ, Секретарь Михаилъ Гамеръ, рисовальщикъ Іоаннъ Рудольфъ Сторнъ или Сторно, одинъ Шталмейстеръ и 12-ть человѣкъ разныхъ прислужниковъ.

[4] Миличъ, Уѣздный городъ въ Силезіи, на р. Барчѣ, съ 3,878-го жителями.

[5] Фрейгайнъ тамъ же, гдѣ и Миличъ.

[6] Пограничная съ Польшею деревня Погоржелицы.

[7] Гнѣзно, Уѣздный городъ въ Познани, съ прекрасною соборною церковью, въ которой, до 1320 года, короновались Польскіе Короли; 9,650 жителей, между которыми 1,300 Жидовъ.

строителемъ, Лехомъ, первымъ Польскимъ Княземъ, по совѣту кудесниковъ, отъ гнѣзда бѣлыхъ орловъ, около 550 г. нашего Искупленія. Тутъ было мѣстопребываніе самого Леха и его потомковъ до Крака, строителя Кракова (Cracoviae), который и жилъ въ немъ; тутъ же жилъ въ послѣдствіи и Пястъ, и многіе изъ его потомства. Туда же правнукъ Пяста, Болеславъ Храбрый (Chrobri), позаботился перенести тѣло мученика Адальберта, второго тамошняго Архіепископа, выкупивъ его у язычниковъ Пруссовъ, его убійцъ, и сдѣлалъ ему приличное погребеніе. Архіепископскимъ же достоинствомъ этотъ городъ почтилъ первый изъ Христіянскихъ Князей Польши, (Мечиславъ Miecislaus), правнукъ Пяста, около 965 года, съ утвержденія Іоанна XIII, занимавшаго тогда престолъ Св. Апостола Петра. Въ началѣ XV вѣка отъ воплощенія Бога Слова этому городу придана новая знаменитость, когда Архіепископъ его, Николай Трамба (Tramba), получилъ отъ Констанскаго Собора достоинство Примаса въ Польшѣ. Значеніе города еще увеличилось, когда, въ слѣдующемъ столѣтіи, Іоаннъ Ласкій (Laski) получилъ отъ Латеранскаго Собора званіе постояннаго Папскаго Легата въ Польшѣ, не только для себя лично, какъ до того Генрихъ Китлицій (Kitzlicius), отъ Иннокентія III, но и для своихъ преемниковъ. Въ гражданскомъ же отношеніи Архіепископъ Гнѣзненскій, самая важная особа послѣ Короля, во время междуцарствія представляетъ какъ бы тѣнь его, да и всегда отличается значительными преимуществами.

Проѣхавъ, въ тридцати миляхъ оттуда, городъ Пакосць (Pacossum),[8] на рѣкѣ Нотецѣ, мы прибыли въ Бромбергъ (Bromberga) или Быдгощь (Bidgostiam),[9] Королевскій городъ на рѣкѣ Бердѣ въ

---

[8] Пакосць (Pakość) лежалъ въ землѣ Куявской, въ околицѣ Палуки (Paluki), коего замокъ уже въ XIII столѣтіи упоминается. Съ половины XIV ст. городъ. Одинъ изъ Дзялынскихъ, Воевода Калишскій, въ концѣ XVII стол., находя положеніе его похожимъ на положеніе Іерусалима, построилъ тамъ Новый Іерусалимъ (Nowa Ierusalem), съ 25 часовнями, въ память жизни и страданій Спасителя. Въ первыхъ числахъ Мая собирается туда значительное число поклонниковъ. Съ 1772 г. городъ этотъ принадлежитъ Пруссіи. О. Б.

[9] Первоначально замокъ, извѣстный съ начала XIII стол., возвращенъ Польшѣ въ 1343 году, за тѣмъ и городъ. Достался Пруссакамъ по первому раздѣлу Польши. Съ проведеніемъ канала, соединяющаго рѣку Нотець съ Вислой при посредствѣ Берды, впадающей въ 7 верстахъ отъ Вислы, городъ этотъ значительно поднялся. О. Б.

Маломъ Поморьѣ (Pomerelia), то же въ 30 миляхъ разстоянія отъ Пакосця, который, при недавнемъ вторженіи Шведовъ, по случаю перемѣнчивости военнаго счастья и бѣдственной превратности войны, былъ взятъ ими и потомъ отнятъ у нихъ назадъ. По пріѣздѣ нашемъ туда горожане приняли насъ суровѣе, чѣмъ Шведовъ. Отъ того мы и принуждены были переночевать за городомъ на постояломъ дворѣ.

Малое Поморье, въ древности часть Поморья (Pommeraniae), обитаемая Готами (Guttonibus), происходившими отъ Германскаго народа Вандаловъ, была занята потомъ Сарматами Венедами или Вендами, усвоившими себѣ имя первыхъ, заключала въ себѣ часть Кашубіи (Cassubiae) и управлялась долго собственными Князьями. Это было до 1290 года, когда Местовинъ (Mestovinus), завѣщалъ ее, по просьбѣ своихъ подданныхъ, Князю Великой Польши, Премыславу (Primislao), помимо своихъ родственниковъ по отцу, Князей Передняго Поморья, и двухъ дочерей, одной, бывшей за Княземъ Руенскимъ (Rugiae), а другой за Графомъ Адольфомъ Голштинскимъ (Holsatiae), и такимъ образомъ Малое Поморье стало яблокомъ раздора (pomum Eridis) между ними. Но межъ тѣмъ, какъ они ссорились, Тевтонскій Орденъ (Teutonicus Ordo), вооружившись, и самъ подоспѣлъ на споръ и одолѣлъ ихъ, а въ 1310 году, покоривъ эту страну, присоединилъ ее къ своей Пруссіи, которую отнялъ у Эстовъ (Aestiis). По тому что когда Мазовію бѣдственно разоряли язычники Пруссы, Князь Мазовскій Конрадъ, чувствуя себя не въ силахъ оборонять ее, съ дозволенія Римскаго Императора Фридриха II-го, 29 Мая, 1226 года, возложилъ эту обязанность на Маріянскихъ рыцарей, [10] до того уже изгнанныхъ Сарацынами изъ Сиріи и бывшихъ въ то время подъ управленіемъ четвертаго Магистра Ордена, Германа Зальца (de Salza). Конрадъ предоставилъ имъ область, заключающуюся между рр. Вислой, Мокрой и Древенцею (Dervancia), съ присоединеннымъ къ ней недавно Хельменскимъ (Culmensi) округомъ, который, однако жь, долженъ быть возвращенъ ему, когда они, по уговору, подѣлятся съ нимъ отнятыми землями у побѣжденныхъ Пруссовъ. Крестоносцы повели дѣла

---

[10] Такъ названныхъ по имени Богородицы Маріи, какъ покровительницы Ордена, равно какъ и самый городокъ названъ, въ честь ея, Mariaeburg, по Польски переиначено въ Malborg, сдѣлавшійся съ того времени стольнымъ Крижаковъ или Крестоносныхъ рыцарей, при Магистрѣ ихъ Зигфридѣ Фейхтвагенѣ, и считался однимъ изъ самыхъ неприступныхъ. О. Б.

съ такимъ усердіемъ, что побѣдоносньмъ своимъ оружіемъ покорили Пруссовъ, а потомъ Польскій Король, Владиславъ Локотокъ, позвалъ ихъ на помощь своему замку Гданску (Gedanensis), осажденному Бранденбургскими Маркграфами, Іоанномъ и Вальдемаромъ: они освободили замокъ и удержали его за собою въ возмѣщеніе издержекъ. Въ 1310 году они взяли также и упомянутый городъ и утвердились во всемъ Поморьѣ, купивъ его у тѣхъ Маркграфовъ, съ соизволенія Императора Генриха. Въ послѣдовавшей за тѣмъ войнѣ, которая тянулась съ перемѣннымъ успѣхомъ, Поляки и Крестоносцы сражались между собою до тѣхъ поръ, пока, въ 1343 году, Рыцари не вынудили у Казимира Великаго грамоту, уступавшую имъ всѣ его права на Поморье и Хельменскій округъ, съ согласія свѣтскихъ вельможъ его Королевства. Послѣ того, въ 1408 году, Ягайло нанесъ войску Крестоносцевъ жестокое пораженіе при Грюневальде (apud Gruneváldum) [11] къ тому же, при этомъ упадкѣ силы ихъ, они не ладили между собою изъ ненависти, и такъ слабо правили своими подданными, что эти послѣдніе, въ 1454 году, почти всѣ перешли отъ нихъ къ побѣтелю, а потомъ къ его сыну, Казимиру, во время управленія Орденомъ Магистра Лудовика Эрлингсгаузена (ab Erlingshausen). Они далеки были отъ того, чтобы своимъ преемникамъ оставить возможность возвратить назадъ утраченныя земли; напротивъ, еще сами нашлись вынужденными стать подручниками Польши. Послѣ того Альбертъ, сынъ Фридриха изъ Онольбахской линіи (Onolsbachianae lineae) Маркграфовъ Бранденбургскихъ, тридцать четвертый Магистръ Ордена, распростившись съ Католической Вѣрой, принялъ, 24 Февраля, 1525 года, Лютеранскую, и уступилъ своему дядѣ, Сигизмунду 1-му, сыну Казимира, Орденское право на все Малое Поморье и часть Пруссіи, но удержавъ за собою въ потомственномъ владѣніи гораздо большую ея часть съ титуломъ Прусскаго Герцога (Ducis Prussiae), подъ подручничествомъ Польши. Отъ того Пруссія и раздѣлились на Королевскую и Герцогскую (Regalem et Ducalem).

Королевская Пруссія состоитъ изъ Варминскаго и Хельменскаго Епископствъ, Воеводствъ Хельменскаго, Маріенбургскаго и Малопоморскаго, съ большими городами: Торунемъ, Эльблонгомъ (Elbinga) и Гданскомъ (Gedanum), и премногими другими меньшими городами.

---

[11] Это извѣстная роковая битва при Танненбергѣ, бывшая въ 1410 году.

Ея гражданское управленіе принадлежитъ тремъ учрежденіямъ: первое составляютъ Епископы Варменскій и Хельменскій, Воеводы Начальники крѣпостей (Castellani), и низшіе придворные чины (Succamerarii), завѣдующіе судомъ въ пограничныхъ округахъ Хельменскомъ, Маріенбургскомъ и Малопоморскомъ, и въ большихъ городахъ: Торунѣ, Эльблонгѣ и Гданскѣ. Съ ихъ совѣта Король обязанъ управлять всѣми дѣлами, касающимися всей Пруссіи.

Второе учрежденіе дворянское, имѣющее свои собранія и судебные округи: въ Хельменскомъ, въ городахъ Ковалевѣ (Kowalewi) [12] и Голубѣ (Golubae), [13] въ Маріенбургскомъ въ Христибургѣ, [14] въ Малопоморскимъ въ Тщевѣ (Dersaviae), [15] въ Свецѣ (Suece), [16] Тухолѣ (Ticholiae), [17] Суховѣ (Glukoviae), [18] Мираховѣ (Mirachoviae), [19] Пуцкѣ (Putzki) [20] и Лавенбургѣ (Lavenburgi), [21] нынѣ отчужденномъ Бранденбургскому Курфирсту вмѣстѣ съ Битовымъ (Bythovia), [22] въ каждомъ изъ нихъ судья и выборный изъ гражданъ (a Scabinis) ихъ округа завѣдываютъ гражданскимъ судопроизводствомъ.

Третье правительственное учрежденіе составляютъ меньшіе города, изъ которыхъ каждый судитъ своихъ гражданъ.

Герцогская же (Княжеская) Пруссія, распадавшаяся въ старину на многія мелкія области, нынѣ заключаетъ въ себѣ округи Самбландскій (Samblandiae), Натангскій (Natangico) и Оберландскій (Oberlandico). Всѣ они, по праву наслѣдства, перешли, по кончинѣ Альберта, 20-го Марта, 1568 года, къ его сыну, Альберту Фридриху и его временнымъ опекунамъ, а по смерти его, послѣдовавшей 28 Августа, 1618 года, къ Курфирсту Бранденбургскому, Георгію Вильгельму, нынѣ же признаютъ своимъ

---

[12] По Нѣмецки Schoensee, между двухъ озеръ, въ 3-хъ миляхъ отъ Торуня. О. Б.

[13] На р. Древенцѣ, въ Маріенвердерскомъ округѣ Герцогства Пруссіи.

[14] Христбургъ въ Маріенверденскомъ округѣ на р. Соргѣ.

[15] Въ Гданскомъ округѣ на Вислѣ. О. Б.

[16] Польское Swiec, Нѣм. Schwetz, въ Маріенверд. округѣ. О. Б.

[17] Тамъ же. О. Б.

[18] Suchovia, или по Нѣмецки нынѣ Schlochau, въ Гданскомъ округѣ, съ замкомъ, не уступавшимъ въ крѣпости Мальборскому. О. Б.

[19] Тоже въ Гданскомъ округѣ. О. Б.

[20] На берегу Балтійскаго моря. О. Б.

[21] Лауэнбургъ, въ округѣ того же имени. О. Б.

[22] Битовъ въ Поморьѣ, въ Цеслинскомъ округѣ. О. Б.

Государемъ сына его, Фридерика Вильгельма, недавно освобожденнаго отъ всякихъ зависимыхъ обязанностей договоромъ въ Быдгощѣ, въ 1657 году (pacta Bidgostiensia).

Управленіе всѣмъ Герцогствомъ ввѣрено преимущественно четыремъ судебнымъ учрежденіямъ. Первое мѣсто занимаетъ Верховное Управленіе, которое составляютъ: Намѣстникъ Герцога, Главный Воевода Герцогства, Бургграфъ, Канцлеръ и Маршалъ. Второе мѣсто составляютъ 4 старшіе и 8 младшихъ Гауптмановъ (Capitaneis), и всѣ они изъ дворянъ (ex nobilitate). Каждое Гауптманство судится своими дворянами, такъ же какъ и каждый городъ своими граждами. Третье есть Верховный Аппелляціонный Судъ (Supremum Appellationis tribunal), учрежденный въ 1657 г., который состоитъ изъ предсѣдателя, пяти дворянъ и трехъ законовѣдовъ. А четвертое — Надворный Судъ (Judicium Aulicum), въ которомъ, подъ предсѣдательствомъ дворянина, засѣдаютъ пять дворянъ и трое гражданъ. Въ Герцогствѣ два сословія: одно дворянское (equestrem), къ которому принадлежатъ: Графы (Comites), Бароны и Дворяне (Nobiles), а другое гражданское, состоящее изъ горожанъ, которые имѣютъ право голоса въ областныхъ сеймахъ (comitiis).

Оставивъ негостепріимную Быдгощу, мы, сдѣлавъ 40 миль, прибыли въ Тухолу, лежащую тоже на рѣкѣ Бердѣ; городъ этотъ доселѣ не оправился отъ бѣдствій Шведской войны. Отсюда, проѣхавъ 50 миль, остановились въ Хойницѣ (Schoinicia) [23] или Скоржевѣ (Scarsevia), съ зáмкомъ, при рѣкѣ Ферсѣ (Fersa), также пострадавшее отъ войны; въ немъ судъ Воеводскій. Продолжая далѣе путь, послѣ двѣнадцати миль, пріѣхали, 12-го Марта, въ Гданскъ (Gedanum), славную пристань на Балтійскомъ морѣ.

Что Гданскъ построили Датчане, а не Визимиръ (Visimirus), Король Польскій, по увѣренію Гваньина, это, кажется, можно заключить изъ самаго этимологическаго производства этого названія, хотя Понтанъ, въ своей «Датской Исторіи,» и утверждаетъ, будто бы онъ нашелъ у Поморскихъ лѣтописцевъ, что во время морской войны Датскаго Короля, Вальдемара 1-го, съ Поморскимъ Княземъ Собѣславомъ, около 1165 года, Король построилъ при устьѣ Вислы замокъ или укрѣпленное мѣсто Дансвикъ (Danswicum). Клю-

---

[23] Иначе Skarzew, Нѣм. Schoeneck въ $4\frac{1}{2}$ миляхъ отъ Гданска, упоминается уже въ 1180 году. О. Б.

веръ же, чтобы польстить своимъ землякамъ, предпочитаетъ производить это названіе отъ неба (e coelo), увѣряя, что оно дано Гданску по заливу Коданскому (Codano) или Годанскому (Godano), который теперь называется нами Балтійскимъ моремъ, или лучше отъ имени Творца и неба и моря, т. е., Германскаго божества Дана (Dan) или Годана (Godono). [24] Собѣславъ, занявшій его вскорѣ по отступленіи Вальдемара, первый, говорятъ, далъ этому городу его права. Отъ преемниковъ же его этотъ городъ перешелъ во владѣніе Бранденбургскихъ Маркграфовъ, отъ нихъ къ Полякамъ, а отъ этихъ къ Маріянскимъ Рыцарямъ, а сбросивши иго ихъ, въ 1454 году, подчинился наконецъ, на извѣстныхъ условіяхъ, Польскому Королю, Казимиру Ягайловцу. Въ 1632 году, на сеймѣ чиновъ въ Варшавѣ, собранномъ по смерти Сигизмунда III-го, для назначенія ему преемника, Гданскъ получилъ право подавать и свой голосъ при избраніи Короля. Этотъ древній городъ, возобновленный въ 1343 году, былъ обнесенъ стѣнами, а замѣтивъ, что съ горъ, возвышающихся съ южной и западной стороны отъ него, всякая буря засыпаетъ пескомъ городскіе дома, онъ, въ 1656 и слѣдующихъ годахъ, когдаШведскій Король пытался его разрушить, оградилъ ихъ самыми сильными укрѣпленіями, частью сломавши, а частью сжегши, городскія предмѣстія. Въ управленіи этой общиной первое мѣсто занимаютъ четыре Консула и 14 Сенаторовъ, изъ которыхъ Король ежегодно выбираетъ своего Бургграфа (Burgravium). Второе правительственное мѣсто составляютъ старѣйшины, то есть, судьи, или, такъ сказать, помощники судей, завѣдывающіе гражданскими уголовными дѣлами. А третье Великій Совѣтъ ста мужей, во многихъ случаяхъ предоставляющій, однако жь, право обжалованія (аппелляціи) къ Королю. Большинство жителей—Лютеране, немало и Кальвинистовъ, меньше всего послѣдователей древней Католической Вѣры. Впрочемъ, всѣ пользуются равной свободой богослуженія. Тамошній Сенатъ, изъ уваженія къ Священному Цесарскому Величеству, прислалъ своихъ сочленовъ навѣстить насъ двоихъ и почтилъ насъ, въ видѣ подарка, виномъ.

Продолжая наше путешествіе 17-го Марта, тотчасъ же по выѣздѣ изъ Гданска, мы переправлялись, съ немалымъ трудомъ, въ полую воду, на паромахъ черезъ Вислу, которая въ древности

---

[24] Wodan.

называлась Вандальскою (Vandalum) и составляла границу между Германіей и Сарматіей.

Потомъ сдѣлали 26 миль по песчаной дорогѣ на берегу Балтійскаго моря или залива Коданскаго (Codanum) у Плинія, Венедскаго (Venedicus) у Птолемея, и у Тацита—Свевскаго (Svevicum); тутъ тянется длинное возвышеніе изъ наноснаго песку съ моря и съ залива, называемое островъ Неринга (Neringa) [25] и простирается до деревни Армленіи (Armlenium), признающей [26] судебную власть Гданскаго округа, а далѣе за нею Натангенскаго. На четвертый день послѣ того, съ восходомъ солнца, мы прибыли къ Пилавской переправѣ. Вѣтра не было никакого, и въ самую тихую погоду гребцы благополучно привезли насъ въ Пилаву. Это ни чѣмъ незамѣчательный городокъ (кромѣ только изобильной ловли осетровъ), едва ли бы отмѣтили на своихъ картахъ космографы, если бъ не заступились за него предъ ними два укрѣпленія, которыя тутъ построены. Оба они возвышаются по обѣимъ сторонамъ устья, которымъ Гафъ изливаетъ свои воды въ Балтійское море и поглощаетъ себѣ подвластныя рѣки, такъ что корабли безъ ихъ вѣдома ни какъ не могутъ проходить мимо ихъ, не подвергаясь величайшей опасности. Начальникъ этѣхъ крѣпостей и окрестныхъ мѣстъ, Петръ де ла Каве (de la Cave), осыпалъ насъ самыми любезными вѣжливостями.

Выѣхавъ въ тотъ же день дальше, мы увидали, на правой сторонѣ залива, городъ Фишгаузенъ (Fischhusium), [27] построенный Крестоносцами въ 1269 году, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, 23 Апрѣля, 997 года, тамошніе жители язычники замучили Св. Адальберта, привязавъ его къ столбу и пронзивъ семью копьями. Сначачала онъ былъ Епископомъ Пражскимъ, а потомъ Архіепископомъ Гнѣзненскимъ. Послѣ того этотъ городъ былъ мѣстопребываніемъ Епископовъ Самбландскихъ, до тѣхъ поръ, пока Георгій Поленцъ (a Polentz), разошедшись съ своею Невѣстою, Церковью и Вѣрой,

---

[25] Нерунги, двѣ песчаныя косы: Куришъ Нерунгъ и Фришъ Нерунгъ, то же, что наша Арабатская стрѣлка при Азовскомъ морѣ, по которой тоже проходила почтовая дорога.

[26] Армленъ, селеніе на Гданскмъ Нерунгѣ, въ 4 миляхъ отъ Фогельзанге.

[27] Фишгаузенъ, Уѣздный городъ на большой бухтѣ Фришгафа и главное мѣсто на полуостровѣ Самландѣ въ Кенигсбергскомъ округѣ, въ Пруссіи.

и бросившись въ объятія Балгенской [28] женщины, уступилъ это мѣсто Прусскому Герцогу въ постоянное владѣніе.

Послѣ 35-ти миль пути мы пріѣхали въ Кенигсбергъ (Regiomontum), [29] обширный городъ, построенный, въ 1260 году, шестымъ Магистромъ Тевтонскаго Ордена, [30] Поппомъ Остерлингомъ (Poppa ab Osterling), въ Самбійскомъ или Самландскомъ Герцог-

---

[28] Мѣстечко Балга въ Кенигсбергскомъ округѣ, при Фришгафѣ, съ развалинами древняго замка Меченосцевъ, который нѣнѣ возстановляется.

[29] Главный городъ Восточной Пруссіи и состоитъ изъ 4-хъ главныхъ частей: Стараго города, Лёбенихта, Кнейпгофа и Королевскаго замка. Въ зáмковой церкви, съ 1701-го года, совершается коронованіе Королей. Жителей 101,507.

[30] Тевтовскій Орденъ, учрежденный, по образцу Ордена Іоаннитовъ и Храмовниковъ, въ 1190 году, въ Палестинѣ, при осадѣ Акки или Акры: онъ имѣлъ своею цѣлію уходъ за больными паломниками, защиту ихъ и войну съ Невѣрными. Но не этѣ задачи больше всего требовали самоотверженія. Рыцарскіе Ордена вмѣстѣ съ тѣмъ налагали и монашескія обязанности: убожество, послушаніе, цѣломудріе, на всю жизнь. Весь человѣкъ, душою и тѣломъ, принадлежалъ Ордену. Участь Нѣмскаго рыцаря-монаха была такова, что дни проводилъ онъ у постели больнаго, или на сѣдлѣ въ битвѣ, а ночи часто за общественнымъ богослуженіемъ; его одежда была чернаго цвѣта, безъ всякихъ украшеній; сверху надѣвался бѣлый плащъ съ чернымъ крестомъ; постелью служилъ мѣшокъ съ соломой, покрытый шерстянымъ одѣяломъ; пища была простая, часто скудная. Но благочестивая восторженность и возвышенное честолюбіе представляли санъ рыцаря глазамъ лучшихъ людей въ свѣтѣ самаго достойнаго, привлекательнаго призванія. По тому-то эта немгочисленная толпа рыцарей, пришедшая, въ 1221 г., въ Пруссію воевать съ тамошними язычниками и обращать ихъ въ Христіанскую Вѣру, была только перодовымъ отрядомъ: слѣдомъ за нею шелъ весь Нѣмецкій народъ.

Первые города, построенные рыцарями, были Торунь и Хельмно (1232 г.). Хельменскій округъ былъ исходною точкою ихъ завоевательныхъ походовъ. Покоренные возмущались, получали помощь отъ сосѣдей, на пр., отъ Святополка (Свантеплука), Князя Задняго Поморья, но должны были уступить храбрости рыцарей и Крестоносцевъ, которыхъ привелъ Чешскій Король Оттакаръ. Покорено было племя Самовъ, а съ нимъ пала и общая святыня Пруссовъ, древнее Ромово въ Самландѣ (1255): священный дубъ съ изображеніями боговъ былъ сожженъ, и на р. Преголѣ возвысился оплотъ Нѣмечины и Христіанства—Кенигсбергъ (Кролевецъ). Пруссы, однако жь, не предавались отчаянію: при новомъ ихъ возстаніи Прусскій богатырь, Геркусъ Монте, послѣ многихъ побѣдъ, разорилъ зáмки, церкви, города. Но тысячи людей, умиравшихъ подъ знаменами Ордена, замѣнялись новыми тысячами Крестоносцевъ, между тѣмъ какъ Прусскій народъ изводился въ опустошительныхъ войнахъ. Такъ полуостровъ Самландъ опустошенъ былъ совсѣмъ; въ 1275 году покорены были Надравы, въ 1276 Шалавы, въ 1283 году пало послѣднее Литовское племя—Судавы.

ствѣ, неподалеку отъ устья Преголы (Pregolae), при сліяніи рѣкъ Ангерапа (Angerapii) и Аллы (Alliae). Онъ получилъ названіе Кенигсберга, въ честь и воспоминаніе Чешскаго Короля, Оттакара, помогавшаго Крестоносцамъ покорить эту страну. Бартольдъ Австрійскій (Bartholdus Austriacus) увеличилъ его, въ 1300 году, присоединеніемъ городка Лебеника (Lebenick), а Винрихъ Книпроде (a Winico Kriprode), въ 1380 году, городкомъ Книпгофъ (Kniphoff). Нынѣ онъ славится многочисленнымъ Университетомъ (Academia), основаннымъ, по внушенію Лютера, Герцогомъ Альбертомъ; въ немъ имѣетъ пребываніе и самъ Герцогъ, какъ подручникъ Польши. Отправившись оттуда не мѣшкая, на самомъ разсвѣтѣ, мы сперва переправились черезъ рѣку Самбію (Sambia). По-

---

Рыцари призвали Нѣмецкихъ поселенцевъ въ опустошенный край, и многіе дворяне перебрались въ Пруссію, получили отъ рыцарей въ наслѣдственную собственность отведенныя имъ земли, съ правомъ суда надъ прочими поселенцами и коренными жителями и обязанностью нести военную службу Города, построенные въ большомъ числѣ, пользовались особенными милостями Ордена: основаннымъ внутри страны далъ онъ Хельменское (Польское) либо Магдебургское право, приморскимъ Любецкое. Кромѣ побѣдъ надъ язычниками, рыцари одержали побѣду и надъ природой: обширная область между Вислой, Ногатой и г. Эльблонгомъ была въ то время огромнымъ болотомъ; ея рѣки въ полую воды дѣлали ее совершенно непроходимой; въ ней только гнѣздились дикіе звѣри. Орденъ призвалъ Нидерландскихъ поселенцевъ, привыкшихъ къ борьбѣ съ водною стихіей, и послѣ 6-ти лѣтнихъ усилій обратилъ это болото въ сушу: теперь тамъ Большой и Малый Вердеръ.

Гросмейстеръ не могъ называть себя полнымъ властелиномъ Государства: правленіе было аристократическое; на ряду съ Гросмейстеромъ стояли его Намѣстникъ (Ландмейстеръ) въ Пруссіи, также Смотритель за уходомъ больныхъ (Шпиттлехъ), Предводителъ (Маршалокъ), Казначей (Треслеръ), Смотритель за одеждою (Трапиръ), кромѣ того правители отдѣльныхъ городовъ съ ихъ округами или Комтуры. Власть Гросмейстера была на столько велика, что онъ могъ внушать рыцарямъ старинную чистоту нравовъ и строгій образъ жизни, безъ чего едва ли бы сохранился воинственный и религіозный характеръ Ордена; однако жь, онъ не освождался отъ отвѣтстенности собранію тѣхъ правительственныхъ лицъ.

Кромѣ земли, отнятой у Пруссовъ, Орденъ купилъ у Датчанъ Эстонію (1346 г.), у Шведовъ Готландъ (1396), у Люксембургскаго Дома Новую Мархію (Neumark, 1402 г.), такъ что Орденское Государство занимало 2000 квадр. миль, съ 55-ю городами, 20000-ми деревень, 2000-ми дворянскихъ усадебъ (Edelhof), 48-ю укрѣпленными зáмками. Положеніе Ордена измѣнилось, когда рыцари, изъ бѣдныхъ воителей, обратились въ Государей такого огром-

томъ прибыли на Куронскій (Curonia) полуостровъ, по туземному названію Неринга (Neringa), образующій, между Балтійскимъ моремъ и Куронскимъ заливомъ, длинную плотину изъ поднявшихся вверхъ песковъ. Послѣ ста миль пути, въ продолженіе котораго море почти всегда мирно омывало колеса нашихъ повозокъ, 8-го Марта, благодаря нашимъ возницамъ, мы имѣли уже въ виду у себя крѣпость Мемель (Memela), и переправились туда на лодкахъ съ лошадьми и поклажей.

наго пространства земли. Богатые доходы представляли для нихъ способы къ наслажденіямъ, къ роскоши, и прежнее убожество было забыто. Еще Гросмейстеръ Гогенлоге долженъ былъ разбирать жалобы на нравственную испорченность рыцарей (1302). За то, чѣмъ слабѣе становилась нравственность братьевъ, тѣмъ крѣпче держали они бразды правленія: истинную наружность святости долженъ былъ замѣнять для нихъ болѣе яркій блескъ земнаго величія. Съ ихъ подданными (потомками переселенцевъ) тоже произошла перемѣна: они уже больше не чувствовали себя пришлецами среди чуждаго, непріязненнаго имъ, народа, а такими же коренными жителями и гражданами, какъ и онъ. Власть Ордена должна была казаться имъ какою-то странностью: кто были эти надменные рыцари, составлявшіе правительство страны? Большею частію иноземцы, младшіе дѣти дворянъ изъ Имперіи и другихъ краевъ и весьма немногіе изъ Пруссіи. Жители городовъ, разбогатѣвшіе торговлею, дворяне, съ ихъ родовыми правами, справедливо могли требовать себѣ участія въ дѣлахъ Государства и «Собранія чиновъ земли» во главѣ управленія. Къ тому же рыцарей двоякимъ образомъ отчуждало отъ страны ихъ безбрачіе—недостаткомъ семейнаго счастія, смягчающаго умы, и семейныхъ связей. А обѣтъ цѣломудрія обратился въ пустую обрядность, между тѣмъ какъ его нарушеніе было двойнымъ грѣхомъ противъ Ордена и гражданскаго закона, и безчестило всѣхъ рыцарей, вмѣстѣ съ Гросмейстеромъ. Въ такомъ состояніи нашелъ Орденъ Гросмейстеръ Винрихъ Книпроде (1351—1382 г.). Онъ сдѣлалъ все, что могъ, чтобъ поддержать падающій Орденъ. Въ битвѣ при Рудавѣ, 1370 г., онъ одержалъ славную побѣду надъ Кейстутомъ съ 70-ю тысячами язычниковъ—Литовцевъ. Война съ ними велась постоянно у рыцарей, которымъ помогали Крестоносцы изъ другихъ странъ. Такъ, въ 1377 году Австрійскій Герцогъ Альбертъ явился въ Пруссію, чтобы получить званіе рыцаря въ битвахъ съ Литовцами. Любопытенъ примѣръ, какъ далеки были тогда рыцари отъ первоначальнаго ихъ убожества изъ уваженія къ знаменитому гостю. Винрихъ Книпроде возобновилъ обычай, такъ называемаго, «почетнаго стола», за который садились обыкновенно по вызову герольда. Число обѣдавшихъ не превышало 12-ти: вся посуда была золотая и серебряная; каждый собесѣдникъ только однажды могъ пить изъ одного и того же кубка, который имѣлъ право взять потомъ себѣ; стало быть, сколько разъ пилъ, столько же получалъ и кубковъ. Всего болѣе говоритъ въ пользу Винриха его заботливость о народной образованности «Въ силѣ и богатствѣ, говорилъ онъ, Орденъ никогда не будетъ имѣть

Эта крѣпость построена послѣ своего города, Христи-Мемеля [31] (Christimemel), въ 1279 году, на краю Пруссіи, на р. Мемелѣ и близъ Рагнета, [32] для отраженія Литовскихъ набѣговъ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прѣсныя воды Куронскаго залива сливаются съ солеными морскими, а въ 1312 году обнесенъ высокою стѣною и обведенъ рвомъ при 13-мъ Магистрѣ Тевтонскаго Ордена, Карлѣ Бефартѣ (Beffarto) Трирскомъ.

Эти пески обоихъ Нерунговъ, о которыхъ мы упомянули, вмѣстѣ съ Судиніей (Sudinia) или съ Судавіей (Sudavia), [33] между ними выдающимся въ море мысомъ, суть тѣ берега Венедскаго залива, куда въ то время, когда, съ одной стороны, западный, а съ другой, сѣверный, вѣтеръ поднимутъ бури, море выбрасываетъ изъ своихъ нѣдръ янтарь [34] (succinum seu electrum, gles-

---

недостатка, но легко можетъ нуждаться въ людяхъ ученыхъ и способныхъ управлять областями.» Въ этихъ видахъ онъ учредилъ въ Маріенбургѣ училище правовѣдѣнія, и пригласилъ, для обученія правамъ, ученыхъ законовѣдовъ изъ Германіи и Италіи. Онъ зналъ, какъ опасно полагаться, въ случаѣ войны, на однихъ рыцарей, на наемныя войска, и по тому оборону городовъ возложилъ на самыхъ гражданъ; а чтобы пріучить ихъ къ войнѣ, учредилъ стрѣльбища, гдѣ упражнялись они въ стрѣльбѣ въ цѣль. Въ томъ вѣкѣ, въ которомъ жилъ Винрихъ, ему дѣлаетъ особенную честь улучшеніе бѣдственной участи крестьянъ, для которыхъ облегчилъ онъ значительно барщину, не забывъ и потомковъ древнихъ Пруссовъ, которымъ далъ право составлять деревенскія общества, а знатнѣйшимъ изъ нихъ исправлять судебныя обязанности. Въ его время Орденъ въ Пруссіи украшался многими благородными и разумными братьями (см. Voigt's Geschichte Preussens u. s. w. Koenigsb. 1827—183.

[31] Мемель по Латышски Клайпеда. О. Б.

[32] Рагнитъ, Уѣздый городъ въ Гумбинскомъ округѣ.

[33] Мейербергъ говоритъ здѣсь о Самландѣ, полуостровѣ между двумя Нерунгами; а мысъ, составляющій сѣверную оконечность полуострова—Berust-Кар. Но Суданіей онъ называетъ Самландъ, по тому что Суданы, послѣднее свободное племя, занимавше юговосточную часть нынѣшней Пруссіи, около Мазурскихъ озеръ, и покоренное рыцарями только въ 1283 году, отчасти переселены были на опустошенный Самландъ. Preussische Geschichte v.W. Pierson. 1865 г.

[34] Янтарь—особенное произведеніе Пруссіи. Этотъ минералъ, называвшійся у Грековъ electron или солнечный камень, по его золото-желтому блеску, а у древнихъ Германцевъ Glas, по его прозрачности, въ послѣдствіи получилъ названіе Bernstein (brenndener Stein), горящій камень, по тому что горитъ и растапливается на огнѣ. Запахъ его на огнѣ очень пріятный. Легко можно точить и дѣлать изъ него разныя красивыя вещи, по чему онъ и цѣнится

sum у древнихъ), завернутый въ морской травѣ, или мхѣ. Набрали тамъ его и мы, хотя ужь опоздавшіе собиратели, послѣ уборки жатвы.

И начальникъ крѣпости Мемеля, и правительственныя городскія лица, обошлись съ нами такъ грубо, что никакія наши просьбы не сильны были согласить ихъ приказать, чтобы приготовлены были для насъ за деньги повозки до ближайшей Куроніи. Такъ и должны мы были прождать тамъ цѣлые два дня, пока не наняли на службу другихъ крестьянскихъ телѣгъ, на которыхъ и отправились 28-го Марта и, сдѣлавъ 25 миль, пріѣхали въ Жмудскую (Samogitiae) деревню Гейлигаву (Heiligaviam), гдѣ и переночевали.

Жмудское Княжество, когда-то очень послужившее въ пользу Литвѣ для расширенія ея предѣловъ, составляетъ нынѣ прира-

---

не только между нами, но цѣнился еще въ глубокой древности и жителями Азіи и Южной Европы. Вѣроятно, янтарь первоначально былъ древесною смолой, по неизвѣстнымъ причинамъ окаменѣвшей въ продолженіе времени. Часто встрѣчаются куски, въ которыхъ находятся муравьи, мухи, червяки, песчинки, мохъ и капли воды. Должно быть, онъ имѣлъ текучесть прежде, нежели покрылъ и заперъ въ прозрачную темницу этихъ насѣкомыхъ, гдѣ они и сохранились въ цѣлости, нетронутыя воздухомъ. Во многихъ кускахъ видны мошки, застигнутыя въ ту минуту, когда готовились ступить впередъ, и мухи въ такомъ спокойномъ положеніи, будто сидятъ на листкѣ. Иногда янтарь присталъ къ корѣ деревьевъ и вѣточкамъ. А что еще болѣе подтверждаетъ мнѣніе, что онъ смола, когда-то сочившаяся изъ деревьевъ теперь ужь не растущихъ больше въ Пруссіи, это—открытіе внутри земли пальмъ въ 80 ф. длины, изъ которыхъ иные съ плодами. Иногда янтарь выкапывается и изъ земли, но большую часть его выбрасываетъ Балтійское море на берегъ при сѣверозападныхъ буряхъ. По тому и предполагаютъ, что въ незапамятное время въ Пруссіи былъ другой климатъ, а дно Балтійскаго моря было сушей, пока страшное землетрясеніе не обратило ее въ море, а жаркій климатъ въ болѣе холодный. Какъ только волны отхлынутъ назадъ, и многія изъ нихъ отойдутъ футовъ на сто, но море еще не утихнетъ совсѣмъ, другія, не такъ уже буйныя, волны выбрасываютъ на неглубокія мѣста морскаго берега траву и водоросли съ кусками янтаря. Тогда жители тотчасъ же бредутъ въ воду, черпаютъ круглыми сѣтями на длинныхъ шестахъ морскія изверженія, и складываютъ всѣ ихъ на берегу, гдѣ и выбираютъ янтарь, подъ наблюденіемъ приставленныхъ чиновниковъ. Лучшій янтарь бѣловато-желтаго цвѣта, вѣсомъ въ шесть лотовъ и болѣе. Самый большой кусокъ показываютъ въ Берлинѣ: онъ вѣситъ $13^1/_2$ пудъ и выкопанъ въ землѣ недалеко отъ Гомбина. Главное мѣсто ловли янтаря—деревня Пальмникенъ въ Кенигсбергскомъ округѣ. (См. Geogr. alt und neuer Zeit, v. Schacht.— Geogr. v. Kannabich).

щеніе ея пространства. Предѣлы его: Семигаллія (Semigallia), восоочная часть Куроніи), Куронія (Curlandia), Балтійское море, Кудіянскій заливъ и воды р. Нѣмана (Nemeni). Оно поросло лѣсами въ которыхъ бѣгаетъ очень много лосей, а безчисленные рои пчелъ доставляютъ превосходнѣйшій медъ. И почва тамъ самая плодородная, которая обработывается деревяннымъ, а не желѣзнымъ, плугомъ. Въ старину населяли его Эсти Германскаго происхожденія, такъ же какъ и Пруссію и Ливонію. Но въ X-мъ вѣкѣ нашего искупленія оно приняло къ себѣ Итальянцевъ Колонна (Columnis) [35] въ разное время, было тревожимо оружіемъ сосѣднихъ Пруссовъ до тѣхъ поръ, пока не вошло въ составъ Литвы, которой долго было кормильцемъ, въ качествѣ ея члена, и не отдано было Витовтомъ, въ 1404 году, Прускимъ Крестоносцамъ. Черезъ четыре года Витовтъ раскаялся въ томъ и, съ помощію Воеводы своего, Ромбоуда (Rymboudam), отнялъ его у нихъ въ расплохъ. Спустя три года они отказались отъ правъ на Жмудь по Торунскому (Turoniense) договору съ Витовтомъ и Ягайломъ, на томъ условіи, чтобы взять ее обратно по смерти ихъ обоихъ, однако жь по договору 1422 года принуждены отказаться отъ нея навсегда. Межъ тѣмъ Ягайло подвизался по Апостольски: онъ привелъ жителей въ Христіянскую Вѣру, построилъ и надѣлилъ имуществомъ 12-ть приходскихъ церквей по числу округовъ: по его же настоянію, въ 1417 году, Октября 24, жители получили отъ Легатовъ Констанцкаго Собора, Архіепископа Львовскаго и Епископа Виленскаго, перваго Епископа Матѳѣя; мѣстопребываніемъ его были Мѣдники (Medniciae), [36] на р. Вирвитѣ (ad Wirzwitzam), гдѣ нынѣ пребываетъ 26-й Епископъ, Александръ Сапѣга (Alexander Sapieha), котораго викарій, Епископъ Спягленскій (Spigacensis). [37] Въ 1655 году Москвитяне взяли и сожгли почти весь славный городъ Троцкаго Воеводства, Ковно (Cauna), [38] на самой р. Виліи (Uiliac) и близъ р. Нѣмана, и стояли тутъ до 1662 года,

---

[35] Объ этихъ Колонна Майерберъ говоритъ нѣсколько подробнѣе дальше.

[36] Мѣдники, иначе Ворне (Wornie), у Крестоносцевъ Mederinken, Mediwagen, Medwalgen, мѣстопребываніе Жмудскаго Епископа, мѣстечко въ 7 миляхъ на сѣверъ отъ Россѣнъ, между 4 озеръ, изъ коихъ самое большое называется Лукиста; рѣка Вирвита соединяетъ двое изъ нихъ позначителѣе. О. Б.

[37] Не Спягленскій ли, по мѣстечку Спягла, Свѣнцянскаго Уѣзда?

[38] Иначе въ Латинскихъ источникахъ Caonia, Cawonia, Cawona, при впаденіи Виліи въ Нѣменъ. О. Б.

но опасались заходить въ незнакомые имъ лѣса сосѣдней Жмуди, уже ожидавшей Шведовъ, и оставили ее нетронутою. А Шведы поступили не такъ: они разорили ее и разогнали чуть не всѣхъ тѣхъ, однако очень крѣпкихъ въ работѣ, лошадокъ, которыхъ она вскормила въ безчисленномъ множествѣ.

На другой день мы тотчасъ же переправились черезъ рѣку, текущую за городомъ одного съ нею названія, составляющую границу между Судавіею и Куроніею и, отъѣхавъ недалеко, увидали поджидавшихъ нашего пріѣзда четверыхъ Герцогскихъ придворныхъ изъ областныхъ дворянъ. Они приняли насъ съ почетомъ отъ имени своего Герцога и отвезли въ 3 каретахъ въ Рутцаву (Rutzaviam),[39] въ десятахъ версти оттуда. На слѣдующій день, когда, отъѣхавъ еще 8 миль, мы были уже въ 2 миляхъ отъ Гробина,[40] насъ встрѣтилъ Намѣстникъ области, Іоаннъ Фридрихъ Рекъ (Reck), въ сопровожденіи многихъ дворянъ и съ 4 другими каретами; потомъ онъ принялъ насъ очень благосклонно отъ имени Герцога и отвезъ въ зáмокъ въ собственной каретѣ своего Государя. А тамъ, на крыльцѣ, при выходѣ изъ кареты, принялъ насъ самъ Герцогъ и отвелъ въ комнаты для пріѣзжихъ.

На утро мы исполнили долгъ вѣжливости, всемилостивѣйше возложенный на насъ Императоромъ, какъ къ самому Герцогу, такъ и его супругѣ, Алоизѣ Шарлотѣ, благоразумнѣйшей Принцесѣ, сестрѣ Курфирста Бранденбурскаго, Фридриха Вильгельма.

Обширную область Ливоніи (Livoniae) у Рижскаго залива (Synus Chylipenus) населяли въ древности Венеды, народъ Сарматскій. Прогнавъ Венедовъ, мѣсто ихъ заняли, переселившіеся туда съ береговъ Рейна, или лучше Везера (Visurgis), Германцы Эстіи, задолго еще до пришествія Христа. Они хоть и имѣли грубые нравы, но, по природной простотѣ своей, способны были къ болѣе мягкимъ. По тому что, когда, въ царствованіе Фридриха Барбароссы, стали приставать къ ихъ берегу одноплеменники ихъ, Нѣмцы, для торговли, они оказались способными къ этому дѣлу, и научились у Нѣмцевъ не только быть бережливыми въ домашнемъ хозяйствѣ, какъ насмѣхается врагъ Нѣмцевъ, Пясецкій (Piasecius), и не бросать воска, высосавъ изъ него медъ, по ихъ старинному обычаю, но еще къ болѣе важной пользѣ для себя не

---

[39] Рутцау—деревня Митавскаго Уѣзда.

[40] Гробинъ при р. Лисѣ, въ 10 верстахъ отъ Либавы.

относиться съ презрѣніемъ къ ручьямъ съ текучею водой, и не выкапывать колодцевъ, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ, которые не могли держать воду, не обращаться съ мольбою къ опасной силѣ демоновъ, неспособныхъ ни на какую помощь, пренебрегая спасительнымъ призываніемъ Всемогущаго Бога. Потому что Сегенбергскій (Segebergensis) каноникъ или монахъ Мейнгардъ (Meinhardus), вмѣшавшись между Нѣмецкими купцами, въ 1170 году, приплылъ къ Ливонскому берегу, чтобы купить драгоцѣнныя жемчужины, души Ливонцевъ, цѣною своихъ заботъ и даже жизни, если потребуетъ надобность. Много такихъ жемчужинъ, пріобрѣтенныхъ его усильнымъ трудомъ, онъ вставилъ въ драгоцѣнное ожерелье Католической Вѣры и возведенъ въ главнаго пастыря Ливонцевъ, получивъ посвященіе отъ Бременскаго Архіепископа, Гартвика (Hartwicns) II-го, съ соизволенія Папы Иннокентія III. Однако жь, такъ какъ Ливонія была тогда почти со всѣхъ сторонъ окружена невѣрными и еретиками, многіе, поселившіеся тамъ, Нѣмцы, для помощи себѣ и жителямъ, которыхъ, изъ Христіянской любви, они взяли для обороны подъ свое покровительство, поступили въ священное воинское общество, по увѣщанію Альберта, 3 Епископа Ливонскаго; называлось оно обществомъ братьевъ Меченосцевъ (Ensiferorum), коихъ гербъ два красные меча съ звѣздою, нашитые крестообразно на груди плаща. Они выбрали изъ среды себя Магистра Віена (Wienus) и Командоровъ, котырые завѣдывали дѣлами по управленію всей области, вмѣстѣ съ Рижскимъ Архіепископомъ и Епископами Юрьевскимъ (Dorpatensis), Ревельскимъ, Эзельскимъ (Osiliensis) и Куронскимъ, поставленными съ соизволенія Римскаго Первосвященника. Они долго и сильно отражали нападенія сосѣдей на свои предѣлы. Однако жь, подвергаясь нападеніямъ со всѣхъ сторонъ, Орденъ не могъ справиться съ силами и изнемогъ подъ возложеннымъ на него бременемъ; по чему Магистръ его, Волквинъ (Volquinus) и присоединилъ его къ Тевтонскому Ордену Крестоносцевъ, находившемуся въ то время въ Пруссіи подъ управленіемъ Магистра, Конрада Тюрингенскаго (Turingo), получилъ крестъ и покровительство этого Ордена, подъ условіемъ дани и повиновенія. Впрочемъ, спустя три столѣтія, преемникъ Конрада, Альбертъ Бранденбургскій, освободилъ Ливонскихъ рыцарей на будущее время отъ всякой дани и покорности, за огромное количество золота.

Послѣ того Лютеранское ученіе, прокравшись изъ Прус-

сіи,[41] зашло и въ Ливонію: все сословіе рыцарей, а вскорѣ и сами Епископы, приняли его съ такою жадностію, что всѣ взяли себѣ по подругѣ, въ противность правиламъ первоначальнаго ихъ устава, и стали продавать имѣнія и помѣстья, какъ церковныя, такъ и Орденскія, либо передавать ихъ своимъ дѣтямъ по праву наслѣдства. Въ заботамъ же о томъ, какъ бы закрѣпить за собою всѣ свои захваты сильнымъ покровительствомъ, они нашли Польскаго Короля, Сигизмунда Августа, пригоднѣе всѣхъ для своихъ смѣлыхъ попытокъ, зная его равнодушіе къ дѣламъ Вѣры, и не сомнѣваясь, что онъ будетъ поступать по примѣру отца, Сигизмунда, который изгналъ названіе Тевтонскихъ рыцарей изъ сосѣдственной Пруссіи. Такъ, по совѣту Виленскаго Воеводы, Николая Радивила Чернаго (Nicolao Radzivilio Nigro), Магистръ Готгардъ Кетлеръ (Godhardus Ketlerus), Вестфальскій дворянинъ, отдалъ Ливонію, съ городомъ Ригою, въ зависимость Сигизунда, сначала въ Вильнѣ, въ послѣдній день Августа, 1559 года, а потомъ въ Ригѣ, 17 Марта, 1560; на другой день то же сдѣлалъ и Рижскій Архіепископъ, отъ имени согласныхъ съ нимъ канониковъ. Впрочемъ, Кетлеръ удержалъ за собою и своимъ потомствомъ Куронію и Семигалію въ качествѣ Польской лены (подручничества), принесъ присягу за нихъ лично Сигизмунду Августу, 29 Ноября, 1561 года, въ Вильнѣ, получивъ титулъ Герцога Курляндскаго и Семигальскаго въ Ливоніи, и передавъ ему крестъ и другіе знаки Ордена.

Герцогъ Голштинскій Магнусъ (Magnus), тоже отдалъ подъ покровительство Польши Пильтенское (Piltensem) или Куронское (Curoniensem) Епископство, со всѣми его Задвинскими мѣстами, которыя отняты имъ у дяди его жены, Маріи, Московскаго Царя, Ивана (Juane). Это владѣніе было продано Епископомъ Іоанномъ Мюнхгаузеномъ (Muninchausen), Датскому Королю, Фридриху II, въ 1559 году, а этотъ, на другой годъ, отдалъ его Магнусу, какъ родственику, вмѣсто его наслѣдственной части въ Голштинскомъ Герцогствѣ.

Успѣхъ показалъ, что эти договоры Сигизмунда Августа не были одобрены Верховнымъ Владыкою всѣхъ ленныхъ владѣній въ мірѣ. Еще при жизни Короля Москвитяне захватили большую часть Ливоніи и утвердились въ ней, до тѣхъ поръ, пока храбрость

---

[41] Въ подлинникѣ: «per rimas Prussiaci exempli.»

и счастіе Короля Стефана не заставили ихъ выйти оттуда. Однако жь, Шведскій Король, Эрикъ (Ericus), надолго захватилъ Ревель, и по этому мосту не только самъ переходилъ въ Ливонію, но потомъ и его преемники: Іоаннъ, Карлъ, Густавъ Адольфъ и Карлъ Густавъ, распространили свое побѣдоносное оружіе такъ далеко и такъ крѣпко держались противъ Москвитянъ и Поляковъ, что Швеція овладѣла, какъ собственностію, утвержденною за ней недавно по Оливскому договору, всею Ливоніей, кромѣ Динабурга (Duneburgo), Рѣжицы (Rositenia), Люцына и Маріенгаузена, находившихся въ рукахъ Москвитянъ вмѣстѣ съ Эстоніей и островомъ Эзелемъ (Osilia), вырученнымъ отъ Датчанъ, по договору въ Бремсембрѣ (Bremsebroensia), въ 1645 году. Такъ ускользнуло у Поляковъ владѣніе всею Ливоніей. Та же, можетъ быть, участь предстоитъ имъ и въ Пруссіи, уже въ видѣ пролога къ слѣдующей потомъ драмѣ, отъ феодальныхъ правъ на области Герцога Альберта, обѣщанныхъ имъ Сигизмундомъ, внукъ его, Іоаннъ Казимиръ, на всегда отказался въ пользу Курфирста Фридриха Вильгельма, его праправнука, отъ внука Анны.

И такъ потомокъ того Готгарда, Герцогъ Іяковъ, держитъ бразды правленія въ Куроніи и Семигаліи. Однако жь, ему должно еще браться за нихъ слегка, по тому что областное дворянство такъ щекотливо, по случаю своихъ чрезмѣрныхъ преимуществъ, что если сдерживать его покрѣпче, упрямое и своевольное, оно сброситъ съ себя сѣдока и никогда не будетъ имѣть недостатка въ щедро задаренныхъ покровителяхъ при Королевскомъ Дворѣ. Въ прежніе годы испыталъ это на себѣ отецъ его, Вильгельмъ: не въ силахъ будучи склонить къ должной покорности возмутительное презрѣніе къ себѣ Курляндскаго дворянина, Магнуса Нольды (Noldae), онъ умертвилъ его черезъ своихъ убійцъ, и потомъ нarугался надъ нимъ; однако жь, едва, едва загладилъ этотъ поступокъ у леннаго своего Государя двадцатилѣтнимъ изгнаніемъ и отобраніемъ его имѣній въ Герцогствѣ.

Области Куроніи управляются четырмя Государственными Совѣтниками, а именно: Намѣстникомъ, Бургграфомъ, Канцлеромъ и Маршаломъ, двумя Придворными Совѣтниками, четырьмя Старшими Гауптманами: Митавскимъ (Nitaviae), Гольдингенскимъ (Goldingae), Зельбургскимъ (Selburgi) и Туккумскимъ (Tuccumii), и семью Младшими: Гробингенскимъ, Дурбенскимъ, Фрауенбургскимъ, Ландавскимъ Шрунденскимъ, Баусскимъ, Виндавскимъ и Доблинскимъ. Они судятъ дворянъ и крестьянъ, каждый въ своемъ округѣ,

жалобы на нихъ подаются Герцогу, а на этого — ленному его Государю, Польскому Королю.

Помѣстья дворянъ мало различаются отъ вотчинъ (ab allodiis); сами дворяне властвуютъ надъ крестьянами, какъ надъ рабами, принуждая ихъ безъ разбора ко всякой работѣ.

Впрочемъ, дворянство округа, въ старину Епископства Пильтенскаго, оспариваетъ свою зависимость отъ областнаго Герцога, признавая себя непосредственно зависимымъ отъ Польскаго Короля. Этотъ округъ простирается отъ р. Веды (Weda) до острова Эзеля, Латрина у Плинія; въ древности находился онъ во владѣніи у Гирровъ, Эстійскаго народа, и заключаетъ въ себѣ немалую часть Ливонскаго залива. Мы уже замѣтили, что этотъ округъ, проданный Епископомъ его, Іоанномъ Мюнхсгаузеномъ, въ качествѣ наслѣдственнаго владѣнія, Датскому Королю, Фридриху II-му, переданъ этимъ Государемъ брату его, Магнусу. По убѣжденію Короля, Магнусъ, вмѣстѣ съ остальною Ливоніею, тоже накинулъ на себя пріятныя съ виду сѣти покровительства Сигизмунда Августа. По смерти Магнуса вышли споры изъ за этого владѣнія между Стефаномъ, Королемъ Польскимъ, и Фридрихомъ Датскимъ, защищавшимъ свои наслѣдственныя права на него. Посредникъ мира 1585 года, Георгій Фридрихъ, Маркграфъ Аншпахскій (Anspacensis), прекратилъ эти споры такъ, чтобы Датчанинъ, получивъ съ Маркграфа 300 тысячъ рейхсталеровъ, уплаченные имъ при покупкѣ Мюнсгаузену, отказался отъ своего права на эту область, которая переходитъ къ Маркграфу на правахъ заложенной. Но въ томъ же году, 15-го Декабря, это рѣшеніе оспаривалъ торжественнымъ обжалованіемъ Герцогъ Курляндскій Готгардъ, въ Гроднѣ, въ присутствіи Короля Стефана. Однако жь, ни мало не уваживъ того, Король передалъ право выкупа этого округа своему родственнику, Балтазару Баторію (Bathoreum), по его желанію и съ согласія Чиновъ Рѣчи Посполитой, утвердившихъ это двумя постановленіями. Впрочемъ, эти послѣднія были отмѣнены, по нежеланію Маркграфа, Георгія Фридриха, и въ 1598 году, не вредя правамъ Герцога Курляндскаго Фридриха, изъявившаго на это свое согласіе, владѣніе упомянутымъ округомъ не только и впередъ предоставлено въ пользованіе Маркграфу, но распространено и на его жену, согласно съ соблюдаемымъ во всей Польшѣ обычаемъ, называемымъ пожизненнымъ правомъ. Въ 1609 и 1611 годахъ Герцогъ Курляндскій Вильгельмъ получилъ отъ Короля и Рѣчи Посполитой дозволеніе выкупить этотъ округъ,

такъ что, уплативъ 30,000 талеровъ Бранденбургскому Курфирсту, Іоанну Сигизмунду, общему наслѣднику Георга Фридриха, и обѣщавшись давать вдовѣ Маркграфа Аншпахскаго ежегодно 1,000 золотыхъ, онъ сдѣлался полнымъ владѣтелемъ округа. Когда жь Вильгельмъ не очень озаботился уплатой этѣхъ денегъ, вдова Маркграфиня опять введена была во владѣніе округомъ, въ 1617 году, чрезъ Королевскихъ повѣренныхъ, присланныхъ въ Куронію, и уступила свое право, вмѣстѣ съ владѣніемъ округомъ, Герману Майделю (Maidelium). А по смерти ея, въ 1639 году, сынъ Іякова Вильгельма, ссылаясь на то, что ея пожизненное право, переведенное на Майделя, теперь не имѣетъ силы, заспорилъ съ этимъ ея преемникомъ и наслѣдникомъ, потомъ даже и съ дворянами округа, не хотѣвшими подчиняться его судебной власти. Эта тяжба тянется и до сихъ поръ: въ нее вмѣшались и Жмудскіе (Samogitiae) Епископы, съ своими правами, завѣдывающіе Епископствомъ (нынѣ округомъ) по особенному приговору Урбана VIII-го, и основательными заявленіями устранили вредныя для себя предубѣжденія.

При устьѣ Веды, [42] названной такъ, можетъ быть, отъ Венедовъ, обитавшихъ въ старину на этомъ морѣ, лежитъ на высотѣ небольшой городъ Виндава, гдѣ Балтійское море образовало удобную пристань (Windavia). Но еще удобнѣе пристань на островѣ Либавѣ (Libaviae), напротивъ Гробина (Grobini). Пользуясь такими удобствами, Герцогъ, подражая Соломону, занимается торговлей, чрезъ посылаемыхъ повѣренныхъ, отправляетъ свои перевозныя суда и корабли даже въ Америку, гдѣ владѣетъ островомъ Табаго (Tabagi), и къ берегамъ Восточнаго моря, гдѣ у него есть островокъ еще меньше, именно Гамбія (Kambia).

2-го Апрѣля мы выѣхали изъ Гробина и, благодаря попеченіямъ о дальнѣйшемъ нашемъ путешествіи Литовскаго дворянина и Доблинскаго Воеводы Фридриха Дранковича (Drancowicz), исполнявшаго приказанія Герцога. Онъ пользовался для нашего удобства и Герцогскими и его подданныхъ повозками, да еще безъ всякихъ съ нашей стороны расходовъ, и 13-го Апрѣля съ трудомъ довезъ насъ, на пространствѣ 200 миль, до Цецина (Tzetzenium), [43] на границѣ Семигаліи. На народномъ нарѣчіи это слово

---

[42] Рѣка Виндава, по Латышски Вента.

[43] Есть неподалеку отъ Кокенгаузена мыза Кирхенъ-Зетценъ: не она ли этотъ Цецинъ?

означаетъ конецъ земли. Снѣга, по немногу таявшіе отъ весенней погоды, и часто перепадавшіе дожди такъ глубоко промочили землю, что она, засасывая копыта лошадей и колеса повозокъ, мѣшала движенію тѣхъ и другихъ, которое ни какъ не могло справиться съ ней. Каждый ручеекъ, черезъ который въ другое время перебирался въ бродъ ребенокъ, до того развело водою, что онъ походилъ на большую рѣку и не давалъ намъ переправиться черезъ него иначе, какъ на плотахъ, и тогда мы должны были связывать ихъ вмѣстѣ. Въ добавокъ къ тому еще край, оплакивающій свое разореніе не отъ захватившаго его Шведа, который сохранилъ его нетронутымъ отъ всякихъ невзгодъ войны, какъ свою родовую область, хотя не надѣяся ужь никогда возвратить ее себѣ отъ покровительственнаго нахальства защитника Поляка; къ тому же еще жалкое запустѣніе, и отъ того малочисленность поселянъ и рабочаго скота, и тоже разные другіе недостатки. Все это дѣлало для насъ путешествіе наше до того затруднительнымъ, что, нечего грѣха таить, никогда и ни въ какой дорогѣ не выносилъ я столько безпокойствъ.

Пріѣхавши въ Цецинъ, мы тотчасъ же съ нарочнымъ увѣдомили о томъ Московскаго Воеводу въ Кокенгаузенѣ (Kokenhausi). Въ слѣдствіе того дворянинъ, Иванъ Аѳанасьевичъ Желябужскій (Joannes Affanasiowicz Zelabowski Duoranin), [45] назначенный Царемъ въ Приставы (Commissarium), для сопровожденія насъ въ Москву, на другой же день позаботился, черезъ присланнаго Сотника (Centurio), увѣдомить насъ о своей готовности завтрашній день насъ принять, по приказу его Государя, и потомъ сколько можно скорѣе отправиться съ нами въ дорогу къ Царю, но чтобы мы прислали къ нему списокъ своихъ именъ и нашей прилуги, съ обозначеніемъ нашихъ должностей, а на другой день и наши пожитки.

Исполнивъ все это 18 Апрѣля, двинулись въ путь мы и, послѣ недолгаго переѣзда въ восемь миль, прибыли на ерегъ Двины, противъ Кокенгаузена. Эта рѣка, извѣстная Птолемею подъ именемъ Рубона, получаетъ свое начало и названіе отъ озера Двина (Dwina), въ 50 миляхъ разстоянія отъ болота Фрянова (Frono-

---

[45] Род. 1638, Ясельничій 1664—68, Посолъ въ Вѣнѣ 1668, Думный Дворянинъ 1676, Окольничій 1684. Записки его, съ 1682 по 27 Іюня, 1709 г., изданы Ѳ. О. Туманскимъ въ «Собраніи разныхъ записокъ», 1787, Д. И. Языковымъ 1840, и И. П. Сахаровымъ 1841 г., въ «Запискахъ Русскихъ людей.»

via), въ Волконскомъ лѣсу, въ Ржевскомъ Княжествѣ, въ такомъ же разстояніи и отъ истоковъ рѣки Днѣпра. Сначала течетъ она къ западу, а потомъ продолжаетъ свой путь съ сильною быстротою на сѣверъ, и уноситъ съ собою рѣки, сливающія съ ея водами свои: Велижку (Vielissiam), [46] Вивячку (Viviatzycam)?, Шомку (Szomkam)?, Касплю, [47] Витьбу (Widzbam), [48] Лучосу (Luczosam), [49] Добрыню (Dobrzyniam)?, Крезивину (Krezywinam)?, Улу (Ulam), Оболь (Obolam), Полоту (Polotam), [50] Усачу (Iszeczam), [51] Дисну (Dziesnam), [52] Дрису (Dryssam), [53] Друю (Druiam), [54] Дуету (Duetam)?, Индрицу (Indricam)?, Евстъ (Evestum), [55] Кокну (Koknam), [56] Огру (Ugram), [57] и Межу (Muszam). [58] Она протекаетъ города: Велижъ (Velisium), Витебскъ (Vitebsciam), Улу (Ulam), Полоцкъ (Polociam), Дисну (Diesnam), Друю (Drutiam) Динабургъ (Duneburgum), Крижбургъ (Kryssburgum), [59] Кокенгаузенъ (Kokenhausum) [60] и Ригу, и, утомленная шестисотмильнымъ путемъ, вливается въ Рижскій заливъ (Livonicum) Балтійскаго моря. Изъ Россіи и Литвы

---

46 Велижка, рѣка въ Витебской Губерніи, впадающая въ Зап. Двину при городѣ Велижѣ.

47 Касплы, рѣка въ Смоленской Губерніи, впадаетъ въ Зап. Двину у города Суража. О. Б.

48 Витьба, на коей городъ Витебскъ, по ней такъ названный. О. Б.

49 Лучоса, въ Могилевской Губерніи, на коей городъ Бабиновичи. О. Б.

50 Ула, Оболь и Полота въ Витебской Губ.

51 Рѣка Витебской Губерніи, или Ушица тамъ же?

52 Дисна, рѣка Виленской Губ., впадаетъ въ Зап. Двину у города того же имени. О. Б.

53 Дрисса, рѣка Витебской Губ., при городѣ Дриссѣ. О. Б.

54 Друе, въ Виленской Губерніи.

55 Евстъ, рѣка въ Курляндіи.

56 На коей Кокенгаузъ. О. Б.

57 Огеръ или Огера, вытекаетъ изъ Венденскаго Уѣзда и впадаетъ справа въ Зап. Двину. О. Б.

58 Межа, рѣка въ Тверской, Смоленской и Витебской Губ. О. Б.

59 Крижбургъ или Крейцбургъ, мѣстечко Витебской Губ. въ Динабургскомъ Уѣздѣ.

60 Кокенгаузенъ, нынѣ мыза въ Ливоніи, прежде городъ, по Русски Куконосъ, назывался также Царевичевъ Дмитріевъ городокъ. Этотъ городъ, съ другими мѣстами въ Ливоніи, завоеванными Русскими при Алексѣѣ Михайловичѣ, отданъ былъ въ управленіе знаменитому Ордыну-Нащокину. Тамъ-то Нащокинъ получилъ отъ Царя похвальную грамоту, возводившую его въ Думные

она отвозитъ твердыя, сплавленныя огнемъ, куски еловой, вязовой, липовой и ивовой золы, на которую большое требованіе у суконщиковъ и мыловаровъ (поташъ), коровъ и кожи превосходной выдѣлки, пшеницу, смолу, коноплю, ленъ, медъ, воскъ, сало и разные дорогіе мѣха: все это раздѣляется между Пруссаками, Шведами, Датчанами и Нѣмцами. А привозитъ рѣка Двина соль, вино, цѣльные золотые и серебряные Іоахимики (Іоахимс-талеры), въ Литву и Москву, гдѣ нѣтъ никакихъ металловъ, кромѣ желѣза.

Когда мы пристали къ высокому берегу, пришелъ къ намъ Московскій переводчикъ (translator), Лазарь Циммерманъ, изъ такихъ личностей, которымъ Москвитяне даютъ очень почетное названіе толмачей, такъ какъ они умѣютъ читать и писать. Переводчикъ сказалъ намъ отъ имени Пристава, что изъ письменнаго нашего вида отъ Священнаго Цесарскаго Величества, и изъ списка нашей прислуги, которые въ прошедшій день мы отправили къ Приставу съ Сотеннымъ начальникомъ для свѣдѣнія, онъ усмотрѣлъ, что мы называемся Посланниками Священнаго Цесарскаго Величества. А въ Указѣ его Государя сказано, чтобы онъ принялъ и проводилъ Цесарскихъ Пословъ: по чему и проситъ насъ принять на себя трудъ повѣрнѣе объяснить ему наше званіе. [61]

Императоръ снабдилъ насъ двойными вѣрющими грамотами къ Царю. Однѣ называли насъ Посланниками, и мы должны были подать ихъ Царю при первомъ представленіи, когда станемъ предлагать ему миролюбивое посредничество Его Цесарскаго Величества между нимъ и Польскимъ Королемъ. По тому что только для этого дѣла намъ совсѣмъ не прилично было называться громкимъ названіемъ Пословъ. Другія же грамоты честили насъ этимъ, болѣе почетнымъ, именемъ, но мы должны были представить ихъ только уже послѣ того, какъ принято будетъ наше предложеніе.

Дворяне за то, что онъ «алчущихъ кормитъ, жаждущихъ поитъ, странныхъ въ домы вводитъ, еще же и ворамъ не спускаетъ.» Въ самомъ дѣлѣ управленіе Нащокина Ливоніей было очень человѣколюбивое.

[60] Аделунгъ говоритъ, что «по запискамъ въ Государственномъ Архивѣ видно, что къ слову «Посолъ» иногда еще прибавляли «Великій.» Впрочемъ, различіе между званіями «Посла и Посланника» всегда съ строгою точностію наблюдалось во всѣхъ дипломатическихъ сношеніяхъ Россійскихъ Государей, не только съ Европейскими Державами, но и съ Азіятскими владѣтелями. Олеарій говоритъ въ своемъ путешествіи: «Малый Посолъ или Посланникъ.»

и когда мы заявимъ, что я отъ имени Цесаря буду исправлять должность посредника о мирѣ въ томъ мѣстѣ, какое назначится для разсужденій объ этомъ предметѣ, тогда только, но ни какъ не прежде, я получаю всѣ качества Посла, съ полномочіемъ для заключенія мира между сторонами. Между тѣмъ мой товарищъ, оставшись въ Москвѣ, исполнитъ то же самое порученіе, которое возложено на Барона Лизолу (Baro de Lisola), при Польскомъ Королѣ, и будетъ объяснять Царю недоумѣнія, какія могли бы возникнуть между переговаривающими на съѣздѣ, узнавъ о томъ изъ моихъ писемъ къ нему.

И такъ мы отвѣчали, что оба упомянутые наши письменные виды вполнѣ удовлетворительно объяснили Приставу, чтобы онъ отправилъ насъ къ Царю въ качествѣ простыхъ Посланниковъ Его Цесарскаго Величества. А по тому и странно, что, по его увѣренію, Царскій Указъ запрещаетъ ему принимать насъ въ качествѣ такихъ лицъ, а между тѣмъ наши пожитки онъ все же озаботился перевезти въ Кокенгаузенъ. Такъ пусть же онъ либо приметъ насъ, либо пришлетъ намъ назадъ наши пожитки, чтобъ мы могли вернуться къ пославшему насъ, нашему Всемилостивѣйшему Императору, а самъ пускай будетъ въ отвѣтѣ за этотъ отказъ у своего Государя.

Услыхавъ это, Приставъ опять прислалъ къ намъ того же Лазаря сказать, что готовъ принять насъ, подъ какимъ бы названіемъ мы ни пришли.

Не было тайною для насъ, что, по Царскому запрещенію, никому изъ Москвитянъ нельзя заносить ногу за предѣлы отечества, ни дома заниматься науками, отъ того, не имѣя никакихъ свѣдѣній о другихъ народахъ и странахъ міра, они предпочитаютъ свое отечество всѣмъ странамъ на свѣтѣ, ставятъ самихъ себя выше всѣхъ народовъ, а силѣ и величію своего Царя, по предосудительному мнѣнію, даютъ первенство предъ могуществомъ и значеніемъ какихъ бы то ни было Королей и Императоровъ Предаваясь мечтѣ о своемъ высокомъ превосходствѣ, они до того презираютъ всѣхъ иноземцевъ, какъ людей ниже себя, что если доведется имъ принимать Посланниковъ какого ни будь Государя, тѣ, кому прикажетъ Царь это дѣло, берутъ смѣлость требовать отъ нихъ, точно несомнѣннаго долга, чтобы они первые выходили изъ кареты, или слѣзали съ лошадей, и первые же снимали шляпы. А потомъ, когда поѣдутъ провожать ихъ, не стыдятся прежде всѣхъ занимать для себя самыя почетныя мѣста

И все это съ такою наглостью, что иногда, послѣ нѣсколькихъ часовъ жаркаго спора, имъ приходитъ охота показать, будто бы изъ одной только вѣжливости они отказываются отъ своего права, соглашаясь, чтобы настойчивый Посолъ въ одно и то же время съ ними ступалъ на землю, или снималъ шляпу. Такъ для предупрежденія подобныхъ состязаній мы положили поручить переводчику, чтобы онъ, ѣдучи впереди Пристава, предупредилъ его, что я не новичокъ въ исправленіи Посольскихъ дѣлъ, а потому и превосходно знаю, что слѣдуетъ ему и что намъ. Стало быть, пусть онъ избавитъ насъ отъ употребительныхъ при исправленіи его должности комедій своего рода, въ которыхъ мы вовсе не желаемъ быть дѣйствующими лицами.

При переправѣ черезъ рѣку мы видѣли, какъ Приставъ выѣхалъ на лошади изъ крѣпости и вскорѣ слѣзъ съ нея на берегу, стоялъ тамъ шагахъ въ восьми отъ лодки и ждалъ, пока мы высадимся. Когда первый изъ нашихъ сталъ высаживаться, тронулся тоже и онъ къ намъ, такъ что принялъ насъ ровно на половинѣ разстоянія между имъ и нами. Впрочемъ, онъ первый снялъ шляпу, а послѣ него тотчасъ же сняли шляпы и мы. Когда всѣ мы стояли съ открытыми головами, онъ сказалъ, что присланъ отъ Великаго Царя и Государя и проч. (весь титулъ своего Государя онъ пересказалъ на память) къ намъ, Посланникамъ его любезнѣйшаго брата и друга, Леопольда (тутъ тоже прочиталъ онъ по бумагѣ весь титулъ его Цесарскаго Величества), чтобы принять насъ и проводить къ нему. Это и радъ онъ исполнить.

Мы отвѣчали почтительнымъ повтореніемъ всѣхъ титуловъ, сначала, однако жь, по долгу нашему, Его Цесарскаго Величества, а потомъ уже Царскаго. Приставъ спросилъ насъ о здоровьи и, по Московскому выраженію, хорошо ли мы ѣхали? потомъ подалъ правую руку намъ обоимъ и всѣмъ почетнѣйшимъ лицамъ нашего общества. Послѣ того мы сѣли на подведенныхъ намъ лошадей и поднялись къ домику за городомъ, назначенному для нашего пріема. Впереди шли три сотни пѣхоты, съ распущенными знаменами и били въ литавры. Замѣтивъ, что нашъ Приставъ, ѣхавшій верхомъ, занялъ мѣсто на правой рукѣ у меня, во избѣжаніе споровъ, мы подозвали къ себѣ, подъ предлогомъ разговора, переводчика, который помѣстился слѣва отъ моего товарища, да такъ оба и ѣхали посреди ихъ.

Ливонская крѣпость Кокенгаузенъ, построенная на высокихъ

берегахъ Двины и впадающей въ нее незначительной рѣчки, укрѣплена больше мѣстностью, чѣмъ искуствомъ, и замѣчательна пораженіемъ семи тысячъ Шведовъ. Въ 1654 году овладѣли ею Москвитяне, отнявъ ее у тѣхъ же Шведовъ, вмѣстѣ съ Дерптскою областью и всею страною, даже до Печерскаго монастыря (Petzuriense coenobium). [61] На другой день мы остановились тамъ по недостатку многихъ нужныхъ въ дорогѣ вещей. По отъѣздѣ оттуда 19-го Апрѣля, 23-го мы прибыли въ Маріенбургъ (Marienburgum), [62] сдѣлавъ 11-ть миль все лѣсомъ, въ которомъ не было ни одного плодовитаго дерева.

Только что мы пріѣхали, неожиданно прибылъ туда же изъ Дерпта Аѳанасій Лаврентьевичъ Ордынъ-Нащокинъ (Athanasius Laurentewicz Ordin-Nasciockin), изъ Думныхъ Дворянъ (ex Dumni Duoraninis) или благородныхъ Царскихъ совѣтниковъ, тогдашній Воевода (Praefectus) Ливоніи. [63] Онъ тотчасъ же прислалъ служителя поздравить насъ съ пріѣздомъ. На другой день было Свѣтлое Воскресеніе у Москвитянъ, которые пользуются Греческимъ календаремъ, съ прибавкою къ нему дней празднованія памяти своихъ мѣстныхъ Святыхъ. Въ этотъ день Воевода угощалъ насъ у себя съ большею привѣтливостью и встрѣтилъ у самыхъ лошадей.

Обыкновенный образъ жизни Москвитянъ, даже и знатныхъ, никогда не нарушаетъ правилъ умѣренности. На длинный и узкій столъ, покрытый скатертью изъ плохого льна, ставятся уксусница, перечница и солонка. Каждому изъ обѣдающихъ кладутъ

---

[61] Псковопечерскій монастырь въ бывшемъ Печорскомъ Уѣздѣ, въ 60 верстахъ отъ Пскова, въ 12 отъ Нейгаузена, а отъ стараго города Изборска въ 13. Названіе свое получилъ отъ пещеръ, въ коихъ первые монахи его жили. Лежитъ по обоимъ берегамъ ручья Каменнаго. Онъ часто упоминается въ войнахъ нашихъ съ Ливонскимъ Орденомъ, а въ Нѣмецкихъ лѣтописяхъ слыветъ Пичуръ. О. Б.

[62] У Русскихъ Алистъ, у Латышей Аллокене, въ Ливоніи, въ Уѣздѣ города Валка, при озерѣ, прежде крѣпкій зáмокъ, взятый, въ 1702 г., Фельдмаршаломъ Графомъ Шереметевымъ. О. Б.

[63] Ближній Бояринъ, Дворецкій, Царственныя Большія Печати и Государственныхъ Посольскихъ Дѣлъ Оберегатель (Канцлеръ, Намѣстникъ Шацкій, сталъ извѣстенъ съ 1642 года, въ иночествѣ Антоній (1672), удалившійся въ мужескій монастырь Іоанна Богослова Крыпецкаго (съ 1552), въ 20 верстахъ отъ Пскова, скончался 1680 г., но гдѣ именно, не извѣстно. Онъ былъ сынъ бѣднаго Псковскаго Дворянина, который далъ ему отличное воспитаніе, между прочимъ онъ зналъ науки Математическія и языки Латинскій и Нѣмецкій. О. Б.

ложку и хлѣбъ, но только не всегда, а тарелки, салфетки, ножа и вилки не кладется никому, кромѣ знатныхъ. Потомъ подаются кушанья, каждое порознь, одно за другимъ, и во множествѣ, если много гостей; блюда одинаковаго вида, у всѣхъ почти знатныхъ и другихъ людей побогаче оловянныя, такъ же, какъ и весь столовый приборъ и по неряшеству прислуги запачканныя. Начало обѣда дѣлаетъ водка. Первую подачу кушанья составляетъ холодная вареная говядина, приправленная уксусомъ и сырымъ лукомъ. Другія потомъ кушанья подаются либо вареныя, либо жареныя, либо съ подливою, но ни въ одномъ нѣтъ недостатка въ большихъ пріемахъ чеснока, или лука, которые у Москвитянъ самыя изысканныя, возбуждающія вкусъ, средства. Тутъ ужь на вѣрное нѣтъ ничего поварского, никакихъ издѣлій кухмистерскаго искуства, которое изгнано изъ всей Московіи. Совсѣмъ тѣмъ на эти кушанья они напускаются съ такою жадностью, что скорѣе пожираютъ, нежели ѣдятъ. Оглодавши все мясо кругомъ какой ни будь кости, они бросаютъ ее оглоданную опять въ то же блюдо, изъ котораго взяли ее съ мясомъ; туда же, потрясывая рукой, отряхаютъ и приставшую къ пальцамъ слюну, которая отдѣлилась во рту отъ глоданья и смѣшалась съ подливой. Напитки у нихъ разные: вино, пиво, которое пьютъ рѣдко, всякіе меда въ болѣе частомъ употребленіи, и водка, составляющая начало и конецъ обѣда. Для этихъ напитковъ назначены и разные, особенные для каждаго сосуды: братины, кубки, кружки, чаши, стопы, рюмки, чарки, стаканы, всѣ большею частію оловянные, или деревянные, рѣдко серебряные, да и тѣ почернѣвшіе и грязные, по тому что забота, чтобы они не истерлись, не позволяетъ Москвитянамъ ихъ чистить. Когда же захотятъ задать пиръ друзьямъ, тогда выставляютъ на показъ все, что есть у нихъ; считаютъ, что пиръ не пышно устроенъ, или не искусно приготовленъ, если вмѣстѣ съ мясами и птицами не подано будетъ множества блюдъ съ разною рыбой, за которую Москвитяне, хоть и изъ грубой роскоши, платятъ дорого. Впрочемъ, они не съ такимъ тонкимъ вкусомъ, чтобы бросать эту рыбу, или брезгать ею, если она, по обыкновенію, и испортилась. О сладкихъ закускахъ (десертѣ) послѣ обѣда Москвитянамъ и заботы нѣтъ, по тому что пока еще придетъ пора подавать ихъ, они больше ужь не находятъ для нихъ мѣста у себя въ желудкахъ, раздувшихся отъ начинки пищею. Предѣлъ питью полагаетъ одно опьянѣніе, и никто не выходитъ изъ столовой, если его не вынесутъ. Въ продолженіе сто-

ла вдругъ разражаются самою звонкою рыготней, съ отвратительнымъ запахомъ непереваренной смѣси чеснока, лука, редьки и водки, и эта рыготня, съ позволенія стоиковъ, предоставляющихъ полную свободу ей и чревобѣсію, сливаясь съ громозвучными испареніями ихъ желудковъ, обдаетъ окружающихъ самымъ вреднымъ сѣрнымъ смрадомъ. Носовой платокъ держатъ не въ карманѣ, а въ шапкѣ, но за столомъ сидятъ съ открытыми головами, такъ что когда нужно бываетъ высморкаться, за отсутствіемъ платка, его должность исправляютъ пальцы, которые, вмѣстѣ съ ноздрями, вытираются потомъ скатертью. Рѣчи разговаривающихъ, какъ людей необразованныхъ никакою школой, или грамотностью, рѣшительный вздоръ, очень часто оскорбляющій порядочный слухъ. Злословіе, восхищеніе самыми мерзкими дѣлами, или наглымъ хвастовствомъ, которое порочитъ честное имя другихъ, составляютъ замѣчательныя изреченія и остроты многихъ рѣчей. Иной разъ на этихъ пирахъ не бываетъ недостатка и въ подаркахъ своего рода. Всегда входитъ въ столовую и жена хозяина, въ самой нарядной тѣлогрѣѣ и во всемъ женскомъ убранствѣ, въ сопровожденіи двухъ, или многихъ, прислужницъ: она подаетъ знатнѣйшему изъ собесѣдниковъ чару водки, омочивъ въ ней края своихъ губъ. А пока пьетъ онъ, она поспѣшно уходитъ въ свою комнату, надѣваетъ на себя другую тѣлогрѣю, и тотчасъ же приходитъ назадъ, для исполненія такой же обязанности къ другому собесѣднику. Повторивъ этотъ обрядъ съ каждымъ изъ прочихъ гостей, потомъ она всегда становится у передней стѣны: стоя тамъ съ опущенными на полъ глазами и сложивъ по бокамъ свѣшенныя внизъ руки, она отдаетъ терпѣливыя уста поцѣлуямъ собесѣдниковъ, которые подходятъ къ ней по степени своего достоинства и отъ которыхъ такъ и разитъ непріятнымъ запахомъ всего, что они ѣли и пили.

Впрочемъ, на пиру у Нащокина не было многаго изъ подобныхъ вещей: жена его не выходила къ намъ, собесѣдниковъ было мало, да и то все подчиненные его воинской власти, изъявлявшіе свое уваженіе къ нему скромнымъ молчаніемъ. А самъ онъ вовсе не глупый подражатель нашихъ обычаевъ, съ дружескою любезностью уволилъ насъ отъ способа пить и закона напиваться до пьяна.

Однако жь показалъ, что не совсѣмъ еще свободенъ отъ Московскаго духа, когда за чарою высказалъ намъ жалобу на то, что

начальникъ Литовскаго войска, Михаилъ Пацъ (Paczius), держитъ въ тѣсной осадѣ одинъ городокъ въ противность условіямъ перемирія, и настоятельно просилъ насъ написать къ нему, чтобы онъ оставилъ это покушеніе. Мы ему отвѣчали, что никакой Посланникъ Его Цесарскаго Величества не пытался уладить это перемиріе, да и воюющія стороны не принимали Императора въ посредники мира, а по тому намъ и нельзя вмѣшиваться въ это дѣло отъ его имени; это не возможно также и частнымъ образомъ ни кому изъ насъ, по тому что не только нѣтъ у насъ никакой дружбы съ Пацемъ, или съ другимъ какимъ Литовцемъ, но даже и въ лицо ихъ не знаемъ. Онъ съ любопытствомъ освѣдомился, по какой дорогѣ мы пріѣхали сюда? И услыхавъ, какъ мы колесили въ нашемъ путешествіи, возразилъ, для чего же мы не направились ближайшею дорогой прямо въ Москву чрезъ Польшу и Литву? За одно уже и безъ всякой потери времени по опасному пути поѣхали бы мы сначала въ Польшу, а то еще угодно ли будетъ Королю ея принять это предложеніе Цесаря? Мы дали такой отвѣтъ, что эти страны по случаю разореній, причиняемыхъ столькими войсками, да еще въ продолженіе столькихъ лѣтъ, были тогда непроходимы и для одного пѣшаго путника, по недостатку въ съѣстныхъ припасахъ. А Императоръ былъ увѣренъ, что Польскій Король тоже приметъ его миролюбивое предложеніе. Да и не наше дѣло было предлагать это Королю, такъ какъ другой Цесарскій Посланникъ при немъ исполнитъ эту обязанность въ свое время.

Многіе изъ Москвитянъ никогда и ничего не дѣлаютъ даромъ и, мѣряя однимъ только аршиномъ своихъ нравовъ души другихъ, не въ состояніи постигнуть, чтобы кто ни будь хотѣлъ быть безкорыстно добрымъ, и безпрестанно мучатъ себя подозрѣніями: отъ того-то и бываетъ, что чистую правду чьей ни будь безхитростной рѣчи эти подозрительные софисты обращаютъ въ худую сторону своими безполезными тонкостями. Особливо, если услышатъ, что тѣ, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло, люди образованные. По тому что тогда считаютъ все подозрительнымъ въ этихъ людяхъ, какъ бы скрывающихъ лукавство подъ личиною простодушія, точно такъ же, какъ Саулъ началъ остерегаться Давыда, узнавши его благоразуміе.

Такъ и Нащокину, хотя и одаренному острымъ умомъ, хотѣлось вывѣдать, не отправляемся ли мы къ его Царю съ пред-

ложеніемъ миролюбиваго Цесарскаго посредничества, уже въ увѣренности, что Полякъ приметъ его? Онъ подозрѣвалъ стачку между Польскимъ Королемъ и Цесаремъ, ни какъ не допуская въ душѣ, чтобы послѣдній послалъ насъ изъ чистаго усердія остановить кровопролитіе между Христіянами, скорѣе же оба они уговорились, что, въ благодарность, за оказанную недавно помощь противъ самаго могущественнаго изъ захватившихъ Польшу Государей, самъ Цесарь, или кто ни будь изъ Державнѣйшаго Дома, будетъ преемникомъ Короля, по чему онъ и предлагаетъ дѣло о замиреніи, стараясь для своихъ же выгодъ, либо все же ужь не по простому расположенію къ Государямъ различныхъ Исповѣданій, изъ которыхъ съ однимъ посредникомъ мира связанъ узами общихъ обрядовъ Вѣры и кровнаго родства.

На другой день, съ подлинно странною Московскою вѣжливостію, онъ пожелалъ проводить насъ отъѣзжавшихъ, съ милю отъ города, верхомъ.

26-го Апрѣля, оставивъ за собою Нейгаузенъ (Nienhusio) [64] въ сорока миляхъ отъ Маріенбурга, мы выбрались изъ ужасныхъ Ливонскихъ лѣсовъ на лежащія на припекѣ солнца Печорскія поля въ Московскихъ владѣніяхъ и, проѣхавъ по нимъ 10 верстъ (версты—Московскія мили, немного поменьше Италіянскихъ), мы прибыли къ монастырю Печорѣ (Petzuram, т. е., мѣсто погребенія), который, въ 1581 году, напрасно старался взять Георгій Фаренсбахъ (Farensbachius), по приказанію Польскаго Короля, Стефана.

И такъ мы были уже въ Московской Россіи, у народа, исповѣдающаго Іисуса Христа, только по Греческому обряду, давно уже, при несомнѣнной Божіей помощи, осужденному, непогрѣшимымъ судомъ истинной и единственной его невѣсты, Римско-Католической Церкви. Этотъ Греческій обрядъ передалъ Москвитянамъ, рожденный внѣ брака, сынъ Святослава (Suatoslai), Князь Володимиръ (Volodimirus), послѣ своего крещенія, въ царствованіе Греческихъ Императоровъ, Василія и Константина, въ 6496 г. отъ сотворенія міра, по общему у Москвитянъ съ Греками лѣтосчисленію а въ 987 году нашего искупленія, въ Херсонѣ (Chersonae), по Турецкому названію Сари Гермени (Sari Germeni), по-

---

[64] По Русски Новгородокъ Ливонскій, прежде крѣпкій замокъ въ Уѣздѣ города Верро, недалеко отъ границы Псковской Губерніи. О. Б.

селеніи жителей Понтійской Гераклеи на Скиѳскомъ (Scythica) полуостровѣ. Съ тѣхъ поръ они крѣпко держатся этой Вѣры, въ которую, впрочемъ, вкралось со временемъ немало отступленій отъ Греческой. Таково было отступленіе сына Владимирова, Ярослава (Jaroslai), который, въ 1044 году, хотѣлъ окрестить, по осужденному еще до VIII-го вѣка обычаю Монтанистовъ, кости своихъ дядей: Олега (Olehgae) и Ярополка (Jeropolchi), идолопоклонниковъ, погубленныхъ двоекратнымъ братоубійствомъ. Когда мы услыхали, что въ монастырской церкви хранится образъ Пресвятой Дѣвы, выросшій на деревѣ и славный многими чудесами, намъ пришло благочестивое желаніе поклониться ему, какъ счастливому предзнаменованію при нашемъ въѣздѣ въ Россію. Вотъ мы и попросили Пристава позволить намъ войти въ церковь. На словахъ онъ позволилъ это, а на дѣлѣ отказалъ. По тому что послалъ напередъ предупредить Ключаря, чтобы отнюдь не давалъ намъ этого позволенія, и когда мы подошли къ церкви, онъ ни какъ не могъ добиться для насъ входа туда. Послѣ ужь узнали мы, что Москвитяне запрещаютъ людямъ иноземной Вѣры входить въ свои церкви (что дѣлали они въ старину, то и впередъ будутъ дѣлать). И если кто изъ любопытства проберется туда тайкомъ, они сей же часъ выводятъ его, схвативши за плечи, и выметаютъ послѣ него полъ, чтобы очистить его отъ оскверненія поганымъ прикосновеніемъ. Да даже не хотятъ вносить въ церкви и книгъ Ветхаго Завѣта, чтобы не осквернить своихъ церквей, говоря, что въ этихъ книгахъ написано много непристойнаго и предосудительнаго. Частные люди изгоняютъ ихъ даже и изъ своихъ домашнихъ божницъ (larariis), а монахамъ вовсе запрещено читать оныя (кромѣ Псалтыри и нѣсколькихъ мѣстъ изъ Пророковъ).

Въ этомъ монастырѣ, такъ же какъ и въ прочихъ, весьма многочисленныхъ въ Московіи, монахамъ предписаны самыя строгія правила, по достохвальному Уставу Василія Великаго. По тому что мясо запрещено имъ совсѣмъ. Дозволены только рыба, яица и молочныя кушанья, да и того не положено по понедѣльникамъ, середамъ и пятницамъ въ продолженіе всего года, если только эти дни не праздничные, также и во весь сорокадневный (Великій) постъ (кромѣ годовыхъ праздниковъ Благовѣщенія и торжественнаго входа Господня въ Царскій градъ). Тогда не позволено также пить водку, ни чистую, ни съ водою, ни пиво, а утолять жажду только чистой водой, или кислой, отъ положенной въ нее закваски и называемой на Русскомъ нарѣчіи квасомъ (Kvas). Всѣмъ

имъ велѣно бывать за общею молитвою въ церкви въ установленные часы, и ночью, и на разсвѣтѣ. Однако жь, эти священнѣйшія установленія обращаютъ въ посмѣяніе почти всѣ монахи, нарушающіе ихъ даже въ монастырскихъ стѣнахъ, а всего чаще внѣ ихъ: вкусно накормленные у знакомыхъ, или родныхъ, они потопляютъ въ питьѣ разныхъ напитковъ уныніе духа, навѣянное строгимъ воздержаніемъ. А тутъ поднимаютъ ссоры, споры, волокитство и, откинувъ всякое приличіе, слоняются по городскимъ улицамъ, то пѣшкомъ, то верхомъ, то въ дрянныхъ телѣженкахъ, не рѣдко сами и правятъ, въ платьѣ, испачканномъ тысячью пятенъ и замаранномъ въ глубокой грязи: такъ и учатъ народъ, чтобы онъ истребилъ въ себѣ предвзятое мнѣніе объ ихъ святости не зельемъ какимъ ни будь, а положительнымъ свѣдѣніемъ, и не ставилъ бы въ грошъ ихъ, пренебрегая должнымъ, при другихъ условіяхъ, уваженіемъ къ монашескому призванію. Въ числѣ монаховъ въ каждомъ монастырѣ имѣется Игуменъ (Abbas) и Старшій (Prior), по немъ, да два, три, монаха въ священническомъ санѣ и исправляютъ божественную службу по очереди. Но и они тоже не выше другихъ по святости, да еще, какъ бы подружившись съ божествомъ, по случаю частаго совершенія жертвы, грѣшать гораздо безстыднѣе, не будучи связаны ни страхомъ, ни благоговѣніемъ. И это тѣмъ еще болѣе, что самыя важныя преступленія между ними обыкновенно наказываются только очень легкимъ выговоромъ.

Въ бытность мою въ Москвѣ былъ такой случай: въ темницѣ сидѣлъ одинъ молодой человѣкъ, Поповскій сынъ, за кражу изъ церкви святыхъ иконъ, украшенныхъ драгоцѣнными каменьями. Онъ запирался въ этомъ, былъ приведенъ къ допросу и, не въ силахъ будучи перенести боли отъ пытки, призналъ себя виновнымъ въ святотатствѣ, прибавивъ еще, что долгое время жилъ въ блудной связи съ однимъ Священникомъ, монахомъ того монастыря, изъ котораго были украдены иконы. Когда позвали того въ судъ и поставили передъ распутникомъ, онъ не отперся отъ преступленія, извиняя его преувеличенной человѣческой слабостью. Пожалуй, кто ни будь, вспомнивъ Божію кару нечестивымъ пяти городамъ, вообразитъ себѣ костеръ, сложеный, въ возмездіе за открытое, да еще и сознанное, преступленіе. Но хотя это было бы здѣсь кстати, только вышла бы неправда. Напротивъ, этотъ добродѣтельный смертный освобожденъ былъ отъ уголовнаго наказанія, а лишь посаженъ на нѣсколько дней въ смирительный домъ, и потомъ сосланъ на 42 дня въ другой монастырь просѣвать муку, для

очищенія ея отъ отрубей. По окончаніи срока этой работы, онъ долженъ былъ подходить въ монастырѣ къ кельѣ каждаго Священника и, стуча въ дверь ея, повторять: «Господи, помилуй!» потомъ получать отъ каждаго по три удара по спинѣ плетью, и такимъ образомъ могъ очистить себя отъ преступленія. А мальчикъ возвращенъ былъ отцу его, Попу (Popo), чтобы помѣщикъ Попа вознаградилъ на свой счетъ убытокъ, причиненный покражею церкви, въ урокъ себѣ: пусть впередъ смотритъ построже за своей прислугой, и тѣмъ останавливаетъ ее отъ дурныхъ дѣлъ. Однако жь, все же онъ не утратилъ своего господскаго права на этого преступника, какъ бы закабаленнаго ему за уплаченныя за него деньги, до тѣхъ поръ, пока своею службою тотъ не выкупитъ себя изъ кабалы на основаніи законовъ, опредѣляющихъ цѣну такихъ заработковъ. Говорятъ, что монастыри надѣлены такими богатыми вкладами благочестивыхъ людей, что, вмѣстѣ съ высшимъ духовенствомъ, владѣютъ будто бы третьею частію всѣхъ помѣстьевъ въ Московіи.

Мы выѣхали изъ Печоры послѣ обѣда, и на другой день проѣхали тѣ поля, на которыхъ Магистръ Ордена Меченосцевъ въ Ливоніи, Вальтеръ фонъ Плеттенбергъ (Waltherus a Plettenberg), съ небольшимъ 12 тысячнымъ войскомъ разбилъ Василія Ивановича (Basilium Iwanowicz), Великаго Князя Московскаго, имѣвшаго въ строю противъ него 100 тысячъ Русскихъ и 30 тысячъ Татаръ: съ потерею одного только воина Плеттенбергъ истребилъ непріятелей чуть не всѣхъ на поваль. Потомъ, сдѣлавши 40 верстъ, мы прибыли въ Псковъ (Plescoviam). Еще за милю разстоянія отъ него мы замѣтили на открытомъ полѣ 300 всадниковъ, ожидающихъ нашего пріѣзда, и въ числѣ ихъ нѣсколько пѣхотинцевъ. Почти всѣ они были Офицеры (Officiarii), судя по платью на нихъ и убору лошадей, выряженные на показъ. Межъ тѣмъ какъ мы сидѣли въ каретѣ, одинъ изъ нихъ, ихъ начальникъ, не сходя съ лошади, сказалъ намъ, чрезъ переводчика, что они присланы принять насъ Бояриномъ Княземъ Иваномъ Андреевичемъ Хованскимъ (a Duce Ioanne Andrewicz Gavanski Bojaro), главнымъ Воеводою Псковскимъ, по Царскому Указу. [65] Когда, изъявивъ нашу

---

[65] По прозванію «Тараруй,» извѣстный начальникъ Стрѣлецкаго Приказа, главный предводитель Старообрядцевъ во второй половинѣ XVII-го вѣка, павшій жертвой сообщниковъ своихъ, Милославскихъ и Князя В. В. Голицына,

благодарность, мы продолжали путь къ городу, они ѣхали впереди насъ. Приблизившись къ рѣкѣ Великой (Welikae Rekae), въ древности Турунту (Turunti), омывающей стѣны города съ юга, мы переѣхали ее на лодкахъ; а когда вышли на берегъ, подошли къ намъ главныя лица изъ всадниковъ и, подавъ правыя руки, поздравили насъ съ благополучнымъ пріѣздомъ. На противоположномъ берегу стояли въ большомъ числѣ пѣшія и конныя войска: послѣднія изъ нихъ, конники, провожали насъ, пока мы ѣхали всѣ въ каретѣ, до отведеннаго намъ помѣщенія, по городскимъ улицамъ, на которыхъ по обѣ стороны были поставлены 50 ротъ мушкетеровъ. Для караула даны намъ 50 стрѣльцовъ (Strelitzii) или тѣлохранителей; впрочемъ, они не запрещали выходить никому изъ нашего общества.

Самъ Князь Хованскій не прислалъ никого посѣтить насъ отъ своего имени, не почтивъ насъ и подаркомъ: такое нарушеніе обычаевъ мы приписали неудовольствіямъ, бывшимъ у него съ Нащокинымъ, отъ чего онъ и не хотѣлъ поступить по его примѣру, изъ пренебреженія къ нему. По тому что Москвитяне никогда не посвящали ни алтарей, ни храмовъ, дружбѣ, священнѣйшему божеству у всѣхъ народовъ, цѣнятъ ее не по дѣламъ, а повыгодѣ, всегда готовые, по предписанію Віанта (Biantis), такъ любить, какъ будто тотчасъ же должны будутъ возненавидѣть. Но, подстрекаемые завистью, они проводятъ время въ ссорахъ между собою, отыскивая случая, какъ бы насолить другъ другу, и только попадись онъ, они ужь превосходно умѣютъ за него взяться. Впрочемъ, мы узнали, что Хованскій до того не могъ одолѣть своего любопытства, что принялъ насъ за городомъ, находясь между всадниками неузнанный, а потомъ, скрывъ себя подъ крестьянскимъ кафтаномъ, поддерживалъ личнымъ стараніемъ нашу карету, приходившую въ опасное положеніе въ излучинахъ улицъ. Это тотъ Хованскій, что извѣстенъ всему свѣту своими пораженіями: бѣшено смѣлый, увлекаясь безразсудною горячностью, онъ всегда налетаетъ, или наступаетъ, на непріятеля, никогда не взвѣсивъ силъ его на вѣсахъ разсудка; невѣжда во всѣхъ военныхъ наукахъ, тѣмъ не менѣе считается достойнымъ начальствовать войскомъ, по тому что ведетъ свой родъ отъ Князей Корецкихъ

[65] 1682 г., Сентября 17, въ селѣ Воздвиженскомъ, гдѣ ему и, сыну его, Андрею Ивановичу, отрублены были головы. О. Б.

(a Corecciis Ducibus) на Волыни (Volynia), чрезъ Василія Александровича (Basilium Alexandrowicz), внука Дмитрія Корыбута (Demetrii Koributhi), сына Ольгерда (Olgerdi), Великаго Князя Литовскаго. По тому что по Московскому обычаю, между военными начальниками принимается въ уваженіе родъ, а не опытность, и хотя бы храбрость и благоразуміе провели кого ни будь по всѣмъ степенямъ долговременной военной службы до самой высшей, хотя бы онъ прославился тысячью побѣдъ надъ непріятелями, все же долженъ уступить какому ни будь навернувшемуся лѣнтяю и трусу, которому достались познаменитѣе предки, и этотъ, чуть мерцающій собственнымъ свѣтомъ, затмѣваетъ его славное имя, какъ ни сіяй оно ярко.

Мы отправились изъ Пскова 28-го Апрѣля и, сдѣлавъ 300 верстъ, 1-го Мая прибыли въ деревню Сольцу (Solczam), на рѣкѣ того жѣ имени, [66] тамъ сѣли въ лодки и поплыли потомъ по рѣкѣ Шелонѣ (Salonam); по ней вошли въ озеро Ильмень (Ilmenium) и, проѣхавъ 70 верстъ, мимо хорошо населеннаго берега, 3-го Мая пристали въ Великомъ Новѣгородѣ (Novogrodia Magna). По случаю накрапавшаго дождя, мы не стали дожидаться лошадей, которыхъ долженъ былъ выслать намъ Намѣстникъ Воеводы (Viceprаefectus), и проѣхали въ отведенное намъ помѣщеніе, чрезъ разставленныя до него съ берега по обѣимъ сторонамъ улицъ 35 ротъ пѣхоты. Этимъ городомъ протекаетъ рѣка Хезинъ (Chezinus), называемая у Русскихъ Ловатью (Lowat), до впаденія ея въ озеро Ильмень, а потомъноситъ названіе Волхова (Wolckow), до впаденія ея, чрезъ озеро Ладогу, въ Чудскій заливъ.

На другой день, который былъ середа, въ этомъ же городѣ Намѣстникъ Воеводы прислалъ къ намъ, во время нашего обѣда, двѣнадцать стопъ разныхъ напитковъ и двадцать семь блюдъ съ кушаньемъ, соотвѣтствующимъ Русскому воздержанію. По тому что Москвитянамъ предписано много постовъ, которые, впрочемъ, они соблюдаютъ строго. Круглый годъ по середамъ и пятницамъ они изгоняютъ со своихъ столовъ мясо, яйца и молочныя кушанья, а въ остальные дни дозволяютъ всякую пищу, только у людей поблагочестивѣе не бываетъ сахару, да и то не всякаго, а только заостреннаго на подобіе кегля и вылитаго въ видѣ обелиска, по тому что они наслышаны, что такой сахаръ обыкновенно очищается яичнымъ бѣлкомъ. Сорокадневный постъ начинаютъ съ мясопуст-

---

[66] Иначе Сольцо, посадъ при р. Шелонѣ, ниже города Порхова. О. Б.

ной недѣли, на которой, однако жь, не ѣдятъ только мяса, а рыбу всякую, также яйца и молочное, разрѣшая на эти кушанья также въ середу и пятницу; многіе изъ нихъ до того предаются тогда пированью, что во всю недѣлю, не скрывая своего опьяненія, словно жрецы Вакха, въ бѣшенномъ изступленіи слоняются по улицамъ и доводятъ себя до множества гнусныхъ и преступныхъ дѣлъ. А на слѣдующей недѣлѣ каются, и такъ какъ судебныя мѣста закрыты, то почти всѣ запираются у себя дома, и многіе довольствуются однимъ ржанымъ хлѣбомъ да чистой, или заквашенной, водой (квасомъ). Въ прочія недѣли прибавляютъ соленую, а по желанію и свѣжую, рыбу. Потомъ слѣдуетъ Петровъ Постъ, съ 8-й недѣли послѣ Пятидесятницы и до годоваго праздника Петра и Павла. Послѣ того Постъ Дѣвы Маріи (Госпожинки), съ 1-го числа Августа и до праздника Взятія на небо Божіей Матери (Успенія). А тутъ Постъ Филипповъ, названный такъ по тому, что начинается около праздника Св. Филиппа, которому посвящено 14-е число Ноября, и продолжается до Рождества Спасителя. Въ буднишній день Усѣкновенія Предтечи постятся рѣшительно до самаго захожденія солнца, а день Богоявленія Господня, хотя бы оно приходилось и въ Воскресенье, чтутъ воздержаніемъ отъ одного мяса. Отъ строгаго правила постовъ ни кто не можетъ разрѣшить кого бы то ни было. Матери не увольняютъ отъ нихъ маленькихъ дѣтей и даже младенцевъ. А монастыри и все высшее духовенство, какъ подчиненные монашескому уставу, еще крѣпче обязаны строжайше соблюдать посты. За то, въ продолженіе 14 дней послѣ Рождества Христова, всегда дозволяютъ себѣ ѣсть мясо, также и 7 дней до мясопустной недѣли, и столько же послѣ праздниковъ Воскресенія и Пятидесятницы.

Правда, что въ Недѣлю Пасхи всѣ безъ разбору, какъ знатные и незнатные, такъ и простой народъ обоего пола, такъ славно веселятъ свой духъ, что подумаешь, не съ ума ли сошли они. По тому что всѣ ничего не дѣлаютъ: лавки и мастерскія на запорѣ; кабаки и харчевни настежь; въ судебныхъ мѣстахъ тишина; въ воздухѣ раздаются буйные крики; при встрѣчѣ другъ съ другомъ гдѣ ни будь въ первый разъ, если это люди знакомые, то говорятъ одинъ другому: «Христосъ воскресе!» Другой отвѣчаетъ: «Во истину воскресе!» и потомъ, придвигая лицо къ лицу, цѣлуютъ другъ друга (Многіе сначала подаютъ одинъ другому яйца, или вареное въ густую, или деревянное, снаружи раскрашенныя разными красками). А всѣ Попы и прочіе церковники, взявши для

облегченія себя какого ни будь мальчика носить за ними святую икону, либо крестъ, въ лучшей одеждѣ ходятъ по перекресткамъ городовъ и деревень бѣгомъ, посѣщаютъ всѣхъ прихожанъ и другихъ знакомыхъ, и упиваются съ ними до совершеннаго опьянѣнія. На большихъ улицахъ такъ много увидишь лежащихъ мужчинъ и женщинъ, мертвецки пьяныхъ, что невольно подумаешь, столько ли милости Божіей принесетъ имъ строгій ихъ постъ, сколько они навлекутъ на себя негодованія нарушеніемъ законовъ воздержанія такою необузданною распущенностью. Колокола потрясаютъ воздухъ безпрестанно звономъ и днемъ и ночью, по тому что звонятъ не одни сторожа въ назначенные часы для призыванія народа къ псалмопѣнію и совершенію таинства, или для возбужденія набожности, а пьяные и всякіе прохожіе, изъ суевѣрнаго убѣжденія, яко бы такимъ звономъ они доставляютъ самое пріятное удовольствіе тѣнямъ своихъ родныхъ, или знакомыхъ.

Царь во всѣ первые три дня занятъ пріемомъ къ цѣлованію своей руки вельможъ и прочихъ придворныхъ. Вельможи и всѣ, старающіеся добиться для себя ихъ положенія исправленіемъ придворныхъ должностей, подносятъ ему нѣсколько собольихъ мѣховъ, вмѣстѣ съ хлѣбомъ и солью, но удержавъ у себя хлѣбъ и соль, все другое онъ отдаетъ имъ назадъ съ благодарностью.

Прочіе подходятъ къ нему безъ подарковъ и, цѣлуя его, сжатую въ кулакъ, правую руку, подставляютъ ему свои, тоже правыя, въ которыя и опускаетъ онъ изъ кулака по два яйца каждому.

Послѣ обѣда у Намѣстника Воеводы насъ отвезли въ каретѣ къ лодкамъ, съ такимъ же военнымъ парадомъ, и мы проплыли еще 20-ть верстъ до деревни Новолуки (Navoluki), гдѣ и переночевали у Попа (Popus) или Священника.

Когда правнукъ Рюрика, рожденный внѣ брака, Владиміръ, рѣшился сдѣлаться Христіяниномъ, и выбралъ крестнымъ отцомъ себѣ Василія, правившаго тогда Востокомъ, сообща съ братомъ, Константиномъ, Константинопольскій Патріярхъ, Николай Хризобергъ (Chrysobergus) поставилъ Митрополитомъ въ Русь (Russiae) Грека Михаила, и поручилъ ему крестить святымъ крещеніемъ Владиміра и его подданныхъ. Съ того времени главами Церковной Іерархіи въ Московіи всегда были Константинопольскіе Патріярхи. Это продолжалось до тѣхъ поръ, когда одинъ изъ нихъ, Іеремія (Hieremias), рыскалъ взадъ и впередъ по Россіи для

сбора денегъ, чтобы купить на нихъ благосклонность Оттоманской Порты и согнать съ Патріаршества Уніята Митрофана (Mitrophanem): въ презрѣнной бѣдности, стеная подъ Турецкимъ игомъ, онъ догадывался, что Московскій народъ, славный въ мірѣ тогдашнимъ завоеваніемъ Татарскихъ Царствъ: Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго, и пораженіемъ, нанесеннымъ Селиму, Турецкому Императору, будетъ когда ни будь освободителемъ Востока и самымъ могущественнымъ защитникомъ Греческой Вѣры, и по тому легко сдался на очень цѣнныя просьбы этого народа, что бы, изъ снисхожденія къ его тщеславію, благоволилъ ему имѣть собственнаго Патріарха, совсѣмъ независимаго отъ Константинопольскаго. Можетъ быть у Іереміи было въ виду 17-е правило Халкидонскаго Собора, которое предписываетъ, чтобы во всякомъ возобновленномъ городѣ Церковные и Епархіяльные чины тоже подчинялись гражданскимъ и общенароднымъ постановленіямъ. И такъ, въ Февралѣ 7097 года отъ сотворенія міра, и въ 1588 году отъ Р. Х., Іеремія лично посвятилъ въ Москвѣ Іова (Jobus) [67] въ санъ перваго Русскаго Патріарха, въ царствованіе въ Московіи Ѳедора Ивановича, сына Ивана Васильевича. Въ 1605 году Димитрій, опозоренный у Москвитянъ извѣстнымъ именемъ обманщика Гришки Отрепьева (Griskae Utrepejae), согнавъ Іова съ его Патріаршаго престола, принудилъ его удалиться въ стѣны его монастыря, и поставилъ Игнатія (Ignatium), исповѣдывавшаго, по сказанію Московскихъ лѣтописей, Римскую Вѣру. Преемникъ растерзаннаго чернью Димитрія, Василій Шуйскій (Basilius Suiski), тоже удалилъ и Игнатія съ Патріаршаго престола въ Московскій монастырь Чуда Архангела Михаила, чѣмъ и очистилъ онъ мѣсто Гермогену (Hemogeni), Митрополиту Казанскому, возведенному въ Патріархи, съ согласія того же Василія и духовенства, такъ какъ Іовъ отказался отъ этого сана. Но это было несчастіемъ для Гермогена: изъ общей ненависти къ нему и возвысившему его, Шуйскому, бѣшеная чернь заключила его въ подземной ямѣ и погубила тамъ голодною смертію. [68] Послѣ того выбрали наконецъ Филарета (Philaretas), Ростовскаго Митрополита, при содѣйствіи сына его, Великаго Князя Михаила, и по совѣту церковныхъ властей: за нимъ по порядку слѣдовали Іоасафъ (Jasaph), Іосифъ (Josephus) и въ настоящее время Никонъ (Nicon). Всѣ они правятъ съ

[67] Собственно Генваря 26-го, 1589 г. О. Б.

[68] Вовсе не чернь, но Поляки. О. Б.

неограниченною властію, судятъ всякія дѣла, относящіяся къ духовенству, церковному послушанію и Христіянскимъ нравамъ, и никогда не получаютъ у Царя отказа на просьбы объ утвержденіи своихъ приговоровъ.

Послѣ Патріярха считаются четыре Митрополита: Новогородскій (Novogrodiensis), Казанскій, Ростовскій и Сарскій (Sarkiensis), [68] который проживалъ въ Московскомъ зáмкѣ (въ Кремлѣ), и по Царскому приказанію исправлялъ должность Патріярха, находившагося тогда въ ссылкѣ.

За тѣмъ слѣдуютъ Архіепископы: Вологодскій (Vologdiensis), Рязанскій (Rezanensis), Суздальскій (Susdalensis), Тверскій (Tuverensis), Астраханскій (Astracanensis), Сибирскій (Sibiriensis), Архангельскій (Archangelensis) и Псковскій (Pscoviensis).

За ними идутъ Епископы: Коломенскій (Columnae), и Вятскій (Viatkae), и рядъ ихъ заключаютъ Протопопы (Protopopi), Протодьяконы (Protodiaconi), Попы (Popi) и Діяконы (Diaconi).

Кромѣ этихъ духовныхъ лицъ, Москвитяне считаютъ еще Митрополита Кіевскаго (Kyoviensem), Архіепископа Смоленскаго (Smolenscensem), и Епископовъ Мстиславскаго (Micislaviensem), и Полоцкаго (Polociensem). Но такъ какъ право на эти области оспариваютъ у нихъ Поляки и Литовцы, то надобно еще подождать будущаго мирнаго договора между ними, или обыкновеннаго рѣшенія войны.

Всѣ духовные сановники избираются къ пастырскому посоху изъ среды монаховъ. Никому изъ нихъ нельзя жениться, или жить вмѣстѣ съ женою, взятою прежде, а тѣмъ менѣе возлежать съ нею. При всемъ томъ таинства совершаютъ всѣ, хотя другое пред-

---

[69] Столица Кипчацкихъ Хановъ была въ городѣ Сараѣ, близъ нынѣшняго Царицына, гдѣ проживали многіе Русскіе купцы, художники и проч., которые пользовались тамъ совершенною свободою Вѣроисповѣданія. Въ 1261 году учреждена тамъ даже новая Епархія подъ названіемъ Сарайской или Сарской, первымъ Епископомъ которой былъ Митрофанъ. Одному изъ преемниковъ его, по имени Аѳанасію (съ 1340 по 1353) порученъ былъ Митрополитомъ Алексѣемъ надзоръ за всѣми церквами, лежащими по Дону, по чему и назывался онъ Сарскимъ и Подонскимъ. Со временъ Епископа Вассіяна (съ 1454 по 1466-й годъ) сіи Епископы имѣли свое пребываніе подъ Москвою, въ Крутицкомъ монастырѣ, построенномъ Великимъ Княземъ Даніиломъ Александровичемъ. См. «Baron v. Meyerberg und seine Reise, v. Adelung.»

писано въ Уставѣ Протоіереямъ, Священникамъ и Діяконамъ. Потому что предъ посвященіемъ они необходимо должны взять себѣ въ жены дѣвицу, а потомъ и жить съ нею по супружескому закону, и только въ день, слѣдующій за ночью, въ которую было у нихъ совокупленіе, Священники воздерживаются отъ служенія. Въ видахъ предохраненія отъ того, опредѣляютъ многихъ Священниковъ въ каждую церковь, въ которой поставленъ только одинъ алтарь и богослуженіе каждый день совершается по одному разу; впрочемъ, никто не обязанъ служить 4-ре раза въ недѣлю. Въ случаѣ смерти жены Священнику запрещено совершать таинство, если Патріярхъ, или Митрополитъ, не разрѣшитъ его отъ этого закона на какое ни будь время (что я и видѣлъ въ свою бытность въ Москвѣ); такіе допускаются только къ прочимъ церковнымъ службамъ, въ качествѣ простыхъ прислужниковъ (причетниковъ). Тутъ не поможетъ и вторая взятая жена: даже и въ этомъ случаѣ они не допускаются къ священнодѣйствію, какъ простые міряне, не имѣющіе больше ничего общаго съ духовенствомъ, и низведенные съ высокой вершины священническаго сана въ самое презрѣнное состояніе низкой черни, изъ котораго возвышаются всѣ. Одеждою не отличаются отъ мірянъ, кромѣ только круглой скуфейкой, возложенной при посвященіи Епископомъ на священническое гуменце, которой они никогда не должны снимать, развѣ только когда подстригаютъ волосы, въ коей и священнодѣйствуютъ, распустивъ съ макушки, по обычаю Назарянъ, кругомъ по плечамъ длинные волосы. Но эти простые Священники всѣ до того унижаютъ свой санъ, что, постоянно грубѣя въ нечистотѣ и грязи, сами правятъ своими телѣжками, въ самыхъ людныхъ городахъ ѣдятъ на улицахъ, точно въ какой уединенной столовой; а если кошелекъ туго набитъ, то заходятъ и въ кабакъ опоражнивать тамъ чарку за чаркой до скотскаго опьяненія. Всѣ они до одного какіе-то полоумные и называютъ погаными людей другого, а не Русскаго, Исповѣданія. Отъ того-то и нашъ Попъ не хотѣлъ намъ подать руки, въ обыкновенный знакъ радости гостямъ, чтобы не осквернить ее прикосновеніемъ нашихъ рукъ.

Къ этому суевѣрію заблудшаго ума онъ прибавилъ еще другое. Всякія изображенія въ пренебреженіи у Москвитянъ, кромѣ тѣхъ только, которыя при церковномъ алтарѣ; но доски, съ написанными на нихъ Греческой, или Русской, кистью ликами Святыхъ, вымѣненныя на золотыя, или серебряныя, деньги (покупать ихъ неприлично), они дѣлаютъ своею собственностью и,

окропивъ св. водою, такъ чтутъ ихъ, что придешь, пожалуй, въ недоумѣніе, какого рода у нихъ это почитаніе иконъ. Ихъ много въ домѣ всякаго частнаго лица: отведя имъ мѣсто въ углахъ столовыхъ и опочиваленъ, и украсивъ ихъ по средствамъ каждаго золотомъ серебромъ и жемчугомъ, Москвитяне выставляютъ ихъ для поклоненія домашнимъ и приходящимъ. Зажигаютъ у образовъ свѣчи и совершаютъ передъ ними свои молитвы, обыкновенно краткія, по тому что, когда осѣняютъ себя крестнымъ знаменіемъ, складывая вмѣстѣ три пальца, большой, средній и указательный, на правой рукѣ и, кладя ее сперва на грудь, потомъ на правую, за тѣмъ на лѣвую, сторону, они повторяютъ много разъ: «Господи, помилуй!» на своемъ нарѣчіи, съ присоединеніемъ молитвы Господней, которой не умѣетъ прочесть никто изъ поселянъ, а изъ горожанъ, да даже и изъ монаховъ, весьма немногіе. Когда же мужъ захочетъ исполнить свой долгъ съ женою, онъ обязанъ закрыть образа покрываломъ. Если Москвитянинъ входитъ въ покой къ другому, то, не здороваясь ни съ кѣмъ, кого бы ни засталъ тамъ, не смотря на его значеніе, онъ тотчасъ же, окинувъ взглядомъ углы, смотритъ, есть ли гдѣ образъ. А не видя его, спрашиваетъ: «Есть ли какой тутъ Богъ?» Когда укажутъ образъ, онъ чествуетъ его троекратнымъ наклоненіемъ головы, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, и только тогда уже исполняетъ долгъ вѣжливости къ окружающимъ. А при уходѣ, по исправленіи своего дѣла, онъ опять такимъ же образомъ оказываетъ почтеніе образамъ. Монахамъ, или Священникамъ, ни какъ не дозволяется исправлять свои моленія къ Богу безъ присутствія образовъ. Если надобно будетъ крестить дитя, или вѣнчать свадьбу, принимать присягу, или предавать землѣ прахъ покойника, тутъ же должны находиться и образа. Въ церквахъ образа размѣщаются по внутреннимъ стѣнамъ, кругомъ повѣшенныя набожностію частныхъ лицъ. Если владѣлецъ образа застанетъ передъ нимъ кого ни будь за молитвой, этотъ богомолецъ сей же часъ услышитъ брань себѣ: «Съ чего это ты забралъ себѣ въ голову перехватывать даромъ воровскими своими молитвами милости образа, которыя по праву слѣдуютъ тому, кто его вымѣнялъ? Заведи себѣ самъ какого ни будь Бога, да и молись ему, сколько душѣ угодно, а чужими не пользуйся!» Онъ и не надѣйся унять такого ругателя, пока не успокоитъ его уплатой чего ни будь изъ цѣны той вещи, на которую былъ вымѣненъ образъ. Буди же кто лишенъ будетъ, по приговору Церкви, общенія съ прочими Хри-

стѣнами, тому же наказанію подвергается и его святый образъ, который тогда выносится изъ церкви и вручается отлученному отнести домой къ себѣ; послѣ же, когда примирится съ Церковью, принимаютъ туда и его образъ. Потомъ, если какая ни будь икона, по ветхости, будетъ источена червями и краски на ней слиняютъ, то набожность запрещаетъ бросать, или сожигать, ее: лучше пустить ее по теченію воды, чтобы пристала тамъ, куда приведетъ ее судьба; либо зарыть оную на какомъ ни будь кладбищѣ, какъ бы уже умершую для ихъ употребленія. Въ 1570-мъ году, по смерти Елены (Helenae), дочери Ивана, Великаго Князя Московскаго, сына Василія Темнаго, и вдовы Польскаго Короля Александра, Русскіе предложили Литовцамъ освободить бывшаго въ плѣну у нихъ, по праву войны, Ѳому Махенича (Thomas Machienicz), съ 50-ю его товарищами, за выкупъ образа Божіей Матери, написаннаго, по словамъ ихъ, Евангелистомъ Лукою. Этотъ образъ, увезенный Еленою въ 1494 году изъ отцовской божницы, долгое время сохранялся потомъ въ Вильнѣ, у Уніятскихъ монаховъ Чина Василія (apud Basilianos), въ храмѣ Пресвятой Троицы. Такъ и хозяинъ нашъ, можетъ быть, опасался, не дурно ли онъ поступитъ съ образами, если оставитъ ихъ между погаными, или не добились ли бы мы у нихъ даровыхъ милостей нахальными своими молитвами, а по тому взялъ да и вынесъ ихъ изъ нашей спальни, спрятавъ въ своихъ внутреннихъ комнатахъ.

Но, кромѣ образовъ Святыхъ, во всей Московіи нельзя видѣть другихъ изображеній.[70] А изваяній ровно нѣтъ никакихъ, такъ что память дѣдовъ и внуковъ, а часто и родителей, у дѣтей погибаетъ разомъ съ ихъ смертью. На крыльцахъ домовъ тоже не ставятъ никакихъ изваяній, представляющихъ предковъ, славныхъ знаменитыми дѣлами, не вѣшаютъ по стѣнамъ комнатъ и ихъ изображеній, которыя служили бы побужденіемъ къ добродѣтели для потомковъ и воспламеняли въ нихъ благородное соревнованіе.

---

[70] Живопись и обученіе этому искуству составляли одну изъ заботъ Царя Ѳедора Алексѣевича въ его «Уставѣ о нищихъ.» Тамъ встрѣчаются слѣдующія замѣчательныя слова: «И человѣкъ, кромѣ ученія, человѣкомъ именоватися не можетъ, для того что не вѣсть, какъ онъ есть человѣкъ. И во вся дни живота своего (аще и зѣло почтенъ, еже образъ Бога невидимаго носити ему) пребываетъ аще и живъ, но мертвъ, и видя, но слѣпъ.» См. «Царствованіе Ѳеодора Алексѣевича, соч. Вейдемейера.»

5-го Мая мы должны были сдѣлать еще шесть верстъ озеромъ Ильменемъ, чтобы пристать на лодкахъ къ монастырю Ponadeglie. [71] Усердно стараясь продолжать нашъ путь, послѣ 300-тъ верстъ ѣзды по лѣсистой дорогѣ, мы прибыли, 12-го Мая, въ городъ Торжокъ (Tuverzackium). По недостатку въ военныхъ людяхъ для нашего пріема, ихъ должны были замѣнить городскіе жители, вооруженные серпообразными сѣкирами и копьями.

Тутъ мы опять сѣли въ лодки и переѣхали рѣку Тверцу (Tuverzam), которой покатое русло, по случаю растаявшаго снѣга, было еще возможно для плаванія, хотя не разъ и становились мы на мель между камнями; сдѣлавъ же 24 версты, въѣхали въ р. Волгу, а послѣ переправы черезъ нея двухдневнаго плаванія насъ привезли въ городъ Тверь (Tuveria).

Рѣка Волга (Volga), у древнихъ Ра (Rha), у Татаръ Едиль (Edil), обязана своимъ началомъ болоту Фрянову (Fronoviae), въ Волконскомъ лѣсу, въ Ржевскомъ (Rescoviensis) Княжествѣ, а своимъ именемъ озеру Волго (Volgo), съ водами котораго, послѣ 10 миль теченія, она соединяетъ свои и, разбогатѣвши отъ такой богатой прибыли, выходитъ изъ него опять. Она течетъ къ востоку по Княжеству Тверскому, Ярославскому, Ростовскому, Суздальскому, Нижегородскому и Царству Казанскому. Протекаетъ города этихъ Княжествъ: Старицу (Stasseczіam), Тверь (Tuveriam), Угличъ (Uglizam), Мологу (Mologam), Ярославль (Jaroslaviam), Кострому (Castromam), Плесъ (Plessam), [72] Юрьевецъ (Jargovitziam), Балахну (Balagnam), Нижній Новгородъ (Novogrodiam inferiorem), Васильгородъ (Vasilogrodiam), Козьмодемьянскъ (Kusmademianskiam), Чебоксары (Sabakzaram), Кокшайскъ (Koskagam), [73] Свіяжскъ (Swiatkiam) и Казань (Casanum), принимая рѣки: Дубну Dubnam), [74] Тудъ (Tutum), [75] Тверцу (Tuverzam), Кашину (Cassinum), [76] Danecam?, Мологу (Mologam), Шексну (Scosnam), Которость

[71] Аделунгъ отказывается объяснить, что это за монастырь.

[72] Заштатный городъ Костромской Губерніи.

[73] Кокшайскъ прежде бывшій городъ Казанской Губерніи, Свіяжской провинціи, а нынѣ слобода въ Царево-Кокшайскомъ Уѣздѣ той же Губерніи, стоитъ при р. Волгѣ, между устьями рѣкъ: Большой и Малой Кокшагъ.

[74] Дубна, на границѣ Калязинскаго и Корчевскаго Уѣздовъ, принимаетъ рѣку Сестру. О. Б.

[75] Въ Ржевскомъ Уѣздѣ.

[76] Кашина или Кашинка, рѣка Тверской Губерніи, вытекаетъ въ Кашинскомъ

(Skotoroam), [77] Кострому (Castromam), Оку (Occam), Суру (Suram), Juncam, [78] Ветлугу (Vetlugam), Su [79] и Казанку (Casanskam). Потомъ, взявъ направленіе къ югу, она течетъ по Астраханскому Царству, чрезвычайно увеличенная водами Камы (Kamae), Чердыка (Zerdikii), [80] Утки (Utkae), [81] Бейтмы (Beitmae)?, обѣихъ Атробъ (Atrobae), обѣихъ Самаръ (Samarae), Аскулы (Askulae), [82] Сызрани (Sirani), Панчины (Pantzinae), [83] Чагры (Zagrae), [84] Еруслана (Ruslanae), [85] Камышенки (Kamuskinkiae), [86] Балаклеи (Bollokleae), [87] небольшой рѣчки отъ рѣки Дона, Камышины (Komousii), Увары (Verovii), [88] омываетъ небольшіе городки на берегу Самары, горо-

Уѣздѣ и впадаетъ въ Волгу въ Калязинскомъ. На берегу ея Уѣздный городъ Кашинъ.

77 Которосль, р. въ Ярославской Губерніи, составляется изъ 2-хъ рѣкъ, Вексы и Устья; первая выходитъ изъ Ростовскаго озера, а вторая изъ болотъ Угличкаго Уѣзда и, слившись въ Ростовскомъ Уѣздѣ, составляетъ р. Которость, которая въ городѣ Ярославлѣ впадаетъ въ Волгу.

78 Это, вѣроятно, Унжа, текущая по Костромской Губерніи.

79 Су или Уса р. въ Симбирской Губерніи, или Сокъ въ Самарской.

80 «А ниже града Лаишева (Каз. Губ.) изъ Камы потекла протока Червыкъ и пала въ Волгу.» Книга Больш. Чертежу стр. 148.

81 Р. Утка течетъ въ Спасскомъ Уѣздѣ Казанской Губерніи и впадаетъ въ Волгу.

82 Въ Словарѣ Щекатова встрѣчается Аскульское лбище, урочище въ Симбирской Губерніи, не подалеку отъ села Аскулы, на берегу Волги; но есть ли тутъ и рѣка Аскула, не извѣстно. Словарь Щекат. т. I, стр. 266.

83 Рѣка Панчина составляетъ границу между Самарской и Астраханской Губерніями.

84 Это Иргикъ—Эланъ—Чагра, одинъ изъ трехъ Иргизовъ въ Самарской Губ. На новыхъ картахъ ее называютъ просто Иргицъ-Эланъ, на картахъ 20-хъ годовъ, на прим., у Пядышева (Атласъ Росс. Имп. на Русс. и Франц. яз. 1827) даютъ ей полное названіе. Она была границею Симбирской Губ. до учрежденія Самарской.

85 Русланъ — рѣка Самарской Губ.

86 Камышенка, рѣка въ Саратовской Губерніи, достойна примѣчанія по тому, что Государь Петръ Великій предполагалъ посредствомъ ея соединить Волгу съ Дономъ.

87 Быстрый ручей Балыклей, на которомъ находилась Балыклейская станица Волжскихъ Казаковъ, на половинѣ дороги между Царицынымъ и Камышинымъ. «А ниже Иловки пала въ Донъ рѣка Кешеня... а рѣка Кешеня вытекла отъ Волги, отъ верха рѣчки Балыклеи, а Балыклея пала въ Волгу.» Книга Больш. Чертежу.

88 Увара—названіе одного изъ главныхъ и очень рыболовныхъ устьевъ Волги

докъ Чернояръ (Tzornogarum) и городъ Астрахань (Astracanum). Потомъ, продолжая свой путь чуть не въ одиночествѣ, около 60 миль, она какъ бы раздѣляется на нѣсколько малыхъ ручьевъ, которые стали поперекъ ея русла отъ наносной земли, обросшей тростникомъ и кустарникомъ; но послѣ 3000 верстъ теченія она соединяетъ принесенныя ею воды вѣчнымъ союзомъ съ неизмѣннымъ ея господиномъ, Каспійскимъ моремъ, да еще надѣливъ ихъ приданымъ. По тому что для отправки къ Татарамъ, Армянамъ, Мидянамъ, Парѳамъ, Персамъ и Индѣйцамъ, привозитъ ввѣренные ей Русскими драгоцѣнные мѣха собольи, куньи, горностаевые и рысьи. А беретъ за то у нихъ разныя ткани льняныя, хлопчато-бумажныя и шелковыя, золотыя и серебреныя парчи, ковры, самый шелкъ, окрашенный въ разные цвѣта, рубины, бирюзу и жемчугъ, ревень, закаленные въ Бактріянскомъ Низапурѣ [88] клинки, и, на обратныхъ судахъ, отвозитъ все это по бѣгущимъ ей на встрѣчу рѣкамъ Окѣ и Москвѣ, даже въ самую столицу Московской Россіи.

Въ Твери никто не явился принять насъ, по тому что гражданъ было тамъ мало, а военныхъ людей и совсѣмъ не было. Мы высадились тамъ изъ лодокъ 17 Мая. Но нашъ проводникъ, до сихъ поръ очень усердно поспѣшавшій путешествіемъ по нашему настоянію, получилъ отъ Царя грамоту, въ которой велѣно ему къ самому 21 числу Мая привезти насъ въ деревню Черкизово (Zerkisowam), въ 25 верстахъ отъ Москвы. И теперь онъ такъ тихо поѣхалъ, что въ цѣлые 6 дней едва, едва сдѣлалъ только 150 небольшихъ верстъ, да еще по хорошей дорогѣ. Въ предлогъ тому онъ приводилъ благоволеніе своего Государя, который хоть и былъ увѣдомленъ изъ его писемъ о нашей поспѣшности и ея причинахъ, однако жь хочетъ позаботиться о нашемъ здоровьѣ и не допустить, чтобы наши силы, и то уже разстроенныя такою долгой и по множеству неудобствъ затруднительной дорогой, совсѣмъ упали при болѣе поспѣшной ѣздѣ. Въ самомъ же дѣлѣ насъ задерживали для того больше, чтобы между тѣмъ дать время Дворянамъ, созваннымъ для нашего пріема, собраться изъ областей въ городъ Москву къ назначенному для нашего въѣзда туда 25 Мая.

въ Астраханской Губерніи. Эта рѣка, при которой селеніе Уваринскій учугъ, впадаетъ въ море, въ 35 верстахъ отъ Астрахани.

[89] Низапуръ—главное мѣсто въ Хорасанѣ, въ Персіи.

Пока мы коротали въ этой деревнѣ время такой досадной остановки, насъ немного поразвлекъ слышанный разказъ вотъ о какомъ забавномъ случаѣ. Когда сильный внутренній жаръ угрожалъ доброму здоровью Великаго Князя, онъ велѣлъ стороною спросить совѣта о томъ его Врачей, тщательно утаивъ имя больнаго, и отъ каждаго изъ нихъ потребовать письменнаго мнѣнія. Всѣ Врачи согласились въ томъ, что больному надобно пустить кровь. Алексѣй одобрилъ совѣтъ и, переставъ скрываться, протянулъ руку Врачу для кровопусканья. Когда оно окончилось благополучно, Великій Князь пригласилъ и окружающихъ Бояръ (Proceres) послѣдовать его примѣру. Всѣ повинуются приглашенію Государя, хотя и противъ воли, однако жь не столько изъ, столь обыкновеннаго при Дворахъ порока, лести, сколько изъ страха, чтобы не навлечь на себя Царскаго негодованія, въ случаѣ отказа. Одинъ Окольничій (Oconlicius), Родіонъ Матвѣевичъ Стрѣшневъ (Rhodion Mattheowicz Streschnew), [90] понадѣявшись на родство, соединявшее его съ Алексѣемъ по его матери, Евдокіи Стрѣшневой (Eudocia Streschnowia), отговаривается, подъ предлогомъ своей дряхлой старости. «Ахъ ты неключимый рабъ!» сказалъ Алексѣй въ раздраженіи. «Развѣ ты не ставишь ни во что своего Государя? Не ужь-то въ твоихъ жилахъ льется кровь дороже моей? Да и съ чего ты такъ превозносишь себя надъ равными, даже и высшими, тебя, что похвальный примѣръ ихъ поспѣшнаго усердія позволяешь себѣ охуждать своимъ, совсѣмъ противоположнымъ, поступкомъ?» Не говоря много словъ, онъ бросается къ его лицу, наноситъ ему много ударовъ кулакомъ руки, свободной отъ кровопусканій, и даетъ ему пинки ногами. Когда же гнѣвъ его потомъ прошелъ, тою же рукою, которою билъ, онъ приложилъ, всегда пріятный для Москвитянъ, пластырь къ опухшимъ отъ ударовъ мѣстамъ, т. е., подарки, и одарилъ его щедро.

23-го Мая мы пріѣхали къ церкви Св. Николая, гдѣ, по приказу Великаго Князя, приготовили намъ двѣ палатки и объявили, что онъ велѣлъ это сдѣлать, узнавъ, съ какою неохотою мы останавливались на постой въ крестьянскихъ избахъ, всегда натопленныхъ какъ въ лѣтнее, такъ и зимнее, время.

Въ тотъ же день прибыли туда присланные Великимъ Кня-

---

[90] Съ 1657 года: погребенъ въ Чудовѣ монастырѣ 1687, Апрѣля 2-го, и названъ въ надписи надгробной Бояриномъ. О. Б.

земъ, шесть упряжныхъ лошадей съ кучерами везти нашу карету, и нѣсколько верховыхъ для почетнѣйщихъ лицъ нашего общества. Правду сказать, это была необыкновенная почесть, такъ какъ до сихъ поръ лошади обыкновенно присылались прочимъ Посланникамъ одинъ разъ только, въ самый день ихъ въѣзда въ Москву, за нѣсколько шаговъ отъ города.

На другой день, около 11-ти часовъ до полудни, мы двинулись къ Москвѣ. Въ карету къ намъ усѣлся и нашъ проводникъ, занявъ третье мѣсто въ ней, чего прежде никогда не бывало. Всѣ члены нашего общества ѣхали впереди верхомъ. Въ слѣдъ за ними двигалась наша карета и вещи. За двѣ мили отъ Москвы, въ открытомъ полѣ, по краямъ дороги, стояли шесть тысячъ пѣшаго войска, расположенныя разными отрядами, съ сорока знаменами, а дальше, въ такомъ же порядкѣ, до самаго предмѣстья, десять тысячъ конницы, тоже съ своими значками: для изъявленія радости они безпрестанно оглашали воздухъ барабаннымъ боемъ и игрою на трубахъ. Когда мы были уже въ 500 шагахъ отъ города, изъ среды этого войска вышелъ къ намъ гонецъ отъ Стольника (т. е., Дворянина, служащаго при Царскомъ столѣ), Якова Семеновича Волынскаго (a Jacobo Semenowicz Walinski), [91] и Дьяка (одного изъ низшихъ писцовъ) Григорія Карповича Богданова (Gregorio Carpow sin Bogdanow), [92] назначенныхъ Царемъ принять насъ и во всю нашу бытность въ Москвѣ заботиться о нашихъ нуждахъ. Москвитяне зовутъ ихъ Приставами. Гонецъ увѣдомилъ насъ отъ ихъ имени, что они прибыли съ Великокняжескою каретою, такъ чтобы мы высадились изъ нашей и пересѣли въ ту. Мы отвѣчали, что сей часъ же готовы сдѣлать это, какъ только увидимъ, что Приставы исполнили свою обязанность. Услыхавъ это Яковъ Вибергъ (Jacobus Wibergus), приданный къ намъ переводчикъ, тотчасъ же сошелъ съ лошади, за нимъ послѣдовалъ потомъ и Дьякъ, въ то же время слѣзъ съ лошади и первый Приставъ. Видя такую необыкновенную предупре-

---

[91] Сынъ Василія Семеновича, Боярина 1676 и Царственной большой печати Оберегателя 1671, сконч. 1683 г. О. Б.

[92] Былъ Дьякомъ въ Разрядномъ Приказѣ 1657 г., потомъ въ Приказѣ Казанскаго Дворца, а при Алексѣѣ Михайловичѣ и Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ Думный Дьякъ. Сынъ его, Ѳеодоръ Григорьевичъ, былъ уже Стольникомъ, равно и при Петрѣ I-мъ три Богдановыхъ: Яковъ Ивановичъ, Григорій и Михайло Самсоновичи, тоже Стольники. Сергѣй Никаноровичъ въ 1857 году и далѣе Д. С. С. и Предводитель Дворянства Владимирской Губерніи. О. Б.

дительность Москвитянъ, мы немедленно и сами вышли изъ кареты: прежде всѣхъ ступилъ на землю мой товарищъ, въ одно время со слѣзавшимъ съ лошади послѣднимъ Приставомъ, а послѣ всѣхъ и я. Приставы и переводчикъ, шедшіе къ намъ на встрѣчу, первые очень вѣжливо сняли шапки, безъ всякаго предварительнаго уговора, и съ обыкновенной обрядностью приняли насъ отъ имени своего -Государя. Потомъ Подконюшій (Propraefectus Stabulo) Великаго Князя, черезъ другого переводчика, предложилъ намъ, готовую для насъ, карету его Государя, и другихъ лошадей для членовъ нашего общества. Когда мы оба усѣлись въ ней, сѣлъ къ намъ тоже и первый Приставъ, да еще проводникъ нашъ, Дьякъ, и переводчикъ. Только что мы немного отъѣхали самымъ тихимъ шагомъ, какъ должны были остановиться, приблизившись къ предмѣстью, пока пѣхота и конница, разставленныя въ полѣ, не вошли всѣ въ городъ и не устроились потомъ на улицахъ, которыми намъ слѣдовало проѣзжать по дорогѣ къ нашему помѣщенію.

Вседневная одежда Москвитянъ, даже и знатныхъ, не разстроитъ очень состоянія. Весьма узкое исподнее платье изъ дешеваго сукна, да шелковый, немного недостающій до икръ, зипунъ и надѣтый сверхъ его кафтанъ съ длинными рукавами, лѣтомъ изъ зуфи (камлота, Ancirensi undulato), [93] а зимой изъ сукна на мѣховомъ подбоѣ. Хотя эти оба платья и поизотрутся, и позапачкаются въ носкѣ, Москвитяне, однако жъ, не пренебрегаютъ ими до того, чтобы бросать ихъ. Когда же надобно быть у пріема Пословъ иноземныхъ Государей, или при отправленіи общественныхъ молебствій, или на свадебныхъ торжествахъ, тогда все, что дѣлается дорогого на Атталійскихъ ткацкихъ станкахъ, вся цѣнная добыча съ ободранныхъ звѣрей, всѣ произведенія въ драгоцѣнныхъ камняхъ богатаго Востока, всѣ приношенія въ

---

[93] Ангора, прежде Ancyra, въ Ангорскомъ Эйялетѣ, въ Азіятской Турціи. Вся окрестность Ангоры—родина Ангорскихъ козъ, Kämel-Ziege, отъ Турец. слова Chamal, нѣжный, съ длинною, ослѣпительной бѣлизны, шелковистою шерстью, которой нѣжность съ лѣтами грубѣетъ, по чему большую часть этихъ козъ колятъ на 4-мъ году ихъ жизни Похожую на эту шерсть имѣютъ и овцы, собаки, кролики и кошки. Каждая коза даетъ ежегодно круглымъ числомъ 2 фунта тифтика или шелковистаго волоса, на 2[1] талера цѣною, а всю прибыль съ этихъ козъ считаютъ въ 1 милл. фунтовъ: изъ этого числа до 20,000 ф. идетъ на шали и ковры, остальное вывозится. Kannab. Geogr., 1871 года.

жемчужныхъ раковинахъ Эритрейскаго (Чермнаго или Краснаго) моря, все это Москвитяне, обвѣшанные крестъ на крестъ по плечамъ тяжелыми золотыми цѣпочками, чванливо выставляютъ на показъ изъ самой пустой пышности на ферязяхъ и шубахъ, которыя никогда не выходятъ изъ моды по неизмѣнному своему покрою и передаются для долгой носки внукамъ, далѣе на остроконечныхъ шапкахъ, на повязкахъ или лучше ожерельяхъ, облегающихъ ихъ шею. Если недостаточное состояніе не дозволяетъ кому ни будь запастись такою одеждой, тому выдается она въ ссуду, соотвѣтственно его званію, изъ Царской казны, за какую ни будь ничтожную плату. Только, кто бы онъ ни былъ, пускай остерегается изорвать, или запачкать, взятое въ ссуду платье, либо украсть, или потерять, сколько ни будь жемчуга на немъ, а то за всякую долженъ будетъ заплатить дорогою цѣной, а за вину свою, или за нерадѣніе, вытерпѣть наказаніе батогами.

Волосы отращиваютъ, только не длиннѣе концовъ ушей, чтобы не повредить достоинству бороды, которая въ высокомъ уваженіи. Однако жъ, тѣ, которыхъ Царь посылаетъ къ иностраннымъ Дворамъ, не подстригаютъ волосъ на головѣ и бородѣ до тѣхъ поръ, пока не будутъ къ нему допущены по возвращеніи домой.

Лошади въ употребленіи у нихъ Татарскія, которыхъ Ногайцы каждый годъ присылаютъ до 40 тысячъ на продажу въ Москву, да и по сходной цѣнѣ. При осмотрѣ лошадей они не обращаютъ никакого вниманія на такихъ, которыя съ жирнымъ животомъ, тощи тѣломъ, съ толстою шеей и высокой головой, ежели въ пользу ихъ не говоритъ ихъ рѣзвость, выносливость работы и голода. Однако жъ, знатные люди не имѣютъ недостатка въ Персидскихъ лошадяхъ, да какъ надѣнутъ на нихъ самую нарядную сбрую и выѣдутъ на какое ни будь общественное торжество, то и сами тогда бываютъ заглядѣнье. Но такъ какъ нѣтъ у нихъ учителей верховой ѣзды (берейторовъ), и красивая, или искусная, поступь не извѣстна ни лошади, ни кому либо изъ всадниковъ, то считаютъ в его для себя славнѣе вдругъ погонять лошадей во всю прыть, или заставлять ихъ дѣлать безобразные и вовсе неискусные скачки, чтобы тряслись и бренчали отъ ихъ движенія серебряныя изъ большихъ колецъ цѣпочки, украшающія ихъ въ видѣ другихъ уздечекъ, [94] да и звенѣли привязанные надъ копытами

---

[94] Эю чепи изъ серебра, или вызолоченныя, раздѣлялись на поводныя и гре-

у нихъ колокольчики, заставляя думать, что онѣ звонконогія. Это-то часто и было причиною нѣкотораго развлеченія для насъ во все время самой скучной остановки въ предмѣстьѣ. По тому что очень забавно было смотрѣть, когда то тотъ, то другой изъ знатнѣйшаго Русскаго дворянства, все въ разной одеждѣ, подъѣзжалъ къ нашей каретѣ и, не отдавая намъ никакой чести, словно павлинъ, развертывалъ всю пышность своего хвоста, показывая намъ свою шубу на собольемъ мѣху, самомъ дорогомъ по чернотѣ, густотѣ и длинѣ волоса, и поворачивалъ ее то тѣмъ, то другимъ, бокомъ, съ помощію слугъ, распахивавшихъ ее точно хламиду; либо заставлялъ безобразно скакать свою лошадь въ сбруѣ, въ цѣпочкахъ, опутанную колокольчиками и, благодаря потрясенію отъ этихъ скачковъ, представлялъ ее нашимъ глазамъ со звономъ, во всей ея цѣлости.

Въ продолженіи этого зрѣлища небо избороздили тучи, пошелъ сильный дождь и заставилъ насъ поспѣшать къ нашему помѣщенію. Вскорѣ, однако жь, стало ясно и тихо, такъ что мы двинулись впередъ, среди безчисленнаго множества народа и вооруженныхъ полковъ, при безпрестанныхъ звукахъ нашихъ трубъ, въ привѣтствіе Царскимъ. Мы видѣли столько зрителей обоего пола въ домахъ, лавкахъ, улицахъ и переулкахъ, которыми насъ везли, что можно было заключить, что въ этотъ день никто не оставался дома. Да и въ самомъ дѣлѣ, я былъ увѣренъ, что изъ монахинь ни одной не было дома: такъ много было разсѣяно ихъ по улицамъ. Монастыри для нихъ въ Московіи очень многочисленны, но дѣвицы тамъ рѣки, много вдовъ, а всего больше женъ, разведенныхъ съ мужьями; однако жь, въ этихъ монастыряхъ не очень-то процвѣтаетъ неуклонное соблюденіе священныхъ уставовъ. По тому что, по извращенному тамошнему порядку, комнаты замужнихъ женщинъ охраняются, если не стыдливостью, то, по крайней мѣрѣ, несокрушимою крѣпостью рѣшетокъ. А ограды мо-

---

мячія: первыя были изъ колецъ, и висѣли отъ удилъ до передней сѣдельной луки, въ видѣ поводьевъ, а вторыя изъ нѣсколькихъ, скрѣпленныхъ между собою, дутыхъ погремушекъ, прицѣплялись у той же луки и висѣли иногда ниже живота лошади. А украшенія у копытъ назывались остроги, въ видѣ шпоръ, съ бубенцами. Къ убору лошади принадлежалъ также чалдарь, изъ металическихъ бляхъ, набранныхъ на бархатѣ, и закрывавшій спину, бока и грудь лошади, и наузъ, золотая кисть, висѣвшая на шеѣ у ней. См. «Описан. вооруженій Русскаго войска, Вейдемейера.»

нахинь не запираются никакой рѣшеткой, ни запоромъ. Слѣдовательно, этотъ любопытный полъ, не сдерживаемый никакимъ закономъ затворничества, принимаетъ къ себѣ мужчинъ и, отстоявъ свою службу на клиросѣ еще до разсвѣта, своевольно шатается по городу вездѣ. Да и безъ стража своей стыдливости, который внушалъ бы ему страхъ къ себѣ и, заслоняя чувственностью доступъ къ душѣ честнымъ предостереженіямъ, ослабляетъ поводья своей соблазненной волѣ, которая и мчитъ его по заповѣднымъ, для него неприступнымъ и глухимъ, мѣстамъ до тѣхъ поръ, пока не сброситъ его въ пропасть, а опрокинутый туда, онъ дѣлается соблазномъ для всѣхъ добрыхъ людей и позоромъ своего священнаго покрывала.

Однако жь, ничего не было великолѣпнѣе въ этомъ парадѣ множества Князей, дѣтей Думныхъ Бояръ (Senatorum filii) и всѣхъ Великокняжескихъ Спальниковъ изъ дворянъ, съ самимъ Великокняжескимъ любимцемъ, Княземъ Юріемъ Ивановичемъ Ромодановскимъ (Georgio Juanowicz Romodanowski), [95] пожелавшимъ ѣхать передъ самою нашей каретой, отъ начала предмѣстія до нашего подворья. Всѣ они, провожавшіе насъ толпою, въ самой пышной одеждѣ, остановили у подъѣзда подворья своихъ лошадей и сказали, что они провожали насъ, да еще и съ охотою, по возложенной на нихъ Царемъ обязанности, для почета Священному Цесарскому Величеству: до сихъ поръ они никогда не исполняли такого долга ни для одного Посла. Великій Князь позаботился открыто заявить намъ чрезъ Приставовъ, что, дѣлая такой почетный пріемъ, въ знакъ братскаго его расположенія къ Императору, онъ желалъ отступить отъ прежнихъ примѣровъ.

Домъ для нашего помѣщенія отведенъ былъ довольно просторный и каменный, а это рѣдкость въ Москвѣ, по тому что большинство Москвитянъ живетъ въ деревянныхъ. Только нѣсколько лѣтъ назадъ многіе изъ нихъ стали строять себѣ домы изъ кирпича, либо по тщеславію, либо для того, чтобы безопаснѣе жить въ нихъ отъ очень частыхъ пожаровъ, совсѣмъ тѣмъ строятъ себѣ спальни изъ сосновыхъ бревенъ, а для связи ихъ прошиваютъ ихъ мхомъ, говоря, что известка всегда имѣетъ вредное

---

[95] Отецъ извѣстнаго Князя Кесаря Ѳедора Юрьевича. Онъ былъ особеннымъ любимцемъ и довѣреннымъ Царя Алексѣя Михайловича. О. Б.

свойство для здоровья, что и правда. Тамошніе зимніе холода имѣютъ такую пронзительную силу, что пробираются сквозь самыя толстыя каменныя стѣны, вмѣстѣ съ сыростью и, замораживая ее, покрываютъ снѣговою корой: это видалъ я много разъ самъ.

Во все чуть не двѣнадцать мѣсяцевъ нашего пребыванія въ Москвѣ содержаніе намъ было постоянно изобильное.[96] Хотя сначала наши Приставы и предлагали выдавать намъ каждый день на содержаніе извѣстное количество денегъ, по предварительному соглашенію, вмѣсто съѣстныхъ припасовъ; но такъ какъ наши предшественники, Послы Римскихъ Императоровъ, да и Московскіе въ Вѣнѣ, до сихъ поръ никогда не соглашались на это, то и мы не хотѣли первые подавать предосудительный примѣръ жадности для преемниковъ нашей должности, да при томъ полагали навѣрное, что намъ никакъ не позволено измѣнять старин-

[96] Объ отпускаемыхъ ежедневно на содержаніе сего Посольства разныхъ припасахъ въ Государственномъ Архивѣ находится слѣдующее любопытное свѣдѣніе: «Роспись, по чему давать Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержца, жалованья, поденнаго корму и питья, въ дорогѣ Цесарскимъ Посламъ, Августину фонъ Маерну съ товарыщи и съ дворяни и съ людми. Съ дворца 1-му Послу Августину по 7 ми чарокъ вина двойного, по 2 кружки ренскаго, по 2 кружки романѣи, по 2 кружки меду вишневаго, или малиноваго, по 2 кружки меду обарнаго, по полуведру меду паточнаго, по ведру меду цеженаго, по ведру пива доброго на день. Товарищу его Горацыушу по 4 чарки вина двойного, по кружки ренскаго, по кружкѣ романѣи, по 2 кружки меду вишневаго, по 2 кружки меду обарнаго, по полуведру меду паточнаго, по полуведру меду цеженаго, по полуведру пива доброго на день. Чиновнымъ людямъ 4-мъ человѣкомъ: Пастору, Мершалку, Секретарю: по 4 чарки вина боярского, по кружкѣ меду обарнаго, по полуведру меду цеженаго, по полуведру пива доброго человѣку на день. Людемъ посольскимъ 1-й статьи 8-ми человѣкомъ: по 3 чарки вина доброго, по 2 кружки меду цеженаго, по 3 кружки пива человѣку на день. Достальнымъ 7-ми человѣкомъ: по 3 чарки вина простаго добраго человѣку, да всѣмъ вопчѣ по ведру меду цежанаго, по 2 ведра вина на день. Питье давать въ готовыхъ судѣхъ. Изъ большаго приходу 1-му Послу Августину по 3 хлѣба да по 3 колача. Товарищу его по 4 хлѣба да по 2 колача грошевыхъ. Чиновнымъ лѣдемъ 3-мъ человѣкомъ, да Посольскимъ людемъ 14 человѣкомъ, по хлѣбу, да по колачу грошевому человѣку на день. Посломъ же и чиновнымъ людемъ, всего 5-ти человѣкомъ, по 2 гуся да по 2 тетеревя, по 5 куровъ на день. Посломъ же со всѣми людьми, всего 19 ти человѣкомъ: по четверти яловицѣ, по барану, по 40 яицъ, по 8 гривенокъ масла коровья на

ный обычай, до взаимнаго соглашенія Царя съ Цесаремъ объ этомъ предметѣ.

26-го Мая Пристава увѣдомили насъ, что въ слѣдующій день мы удостоимся видѣть свѣтлыя очи Великаго Князя. Потомъ насъ спросили, отъ имени Канцлера, есть ли съ нами подарки отъ Императора Царю? Мы отвѣчали, что это не въ обычаѣ. Есть только у насъ свои собственные небольшіе подарки, [97] по нашимъ достаткамъ, для представленія Великому Князю, въ знакъ нашего почтенія къ нему. Ихъ мы и показали, по просьбѣ Приставовъ.

На другой день опять пришелъ къ намъ нашъ Приставъ-Дьякъ съ увѣдомленіемъ, чтобы въ 2 часа мы приготовились представиться Великому Князю. Около 10 часу предъ полуднемъ къ крыльцу нашихъ домовъ явились лошади нашего общества, въ слѣдъ за Великокняжескою каретою, которая была другая, а не прежняя. За тѣмъ слѣдовали наши обыкновенные Приставы, которые и проводили насъ до кареты, переодѣвшись въ другой комнатѣ у насъ въ кафтаны, вышитые жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, по обыкновенію, взятые на этотъ случай изъ казны Великаго Князя. Послѣ того, какъ отвели намъ въ каретѣ почетнѣйшія мѣста, они сами оба сѣли въ ней съ переводчикомъ, а по обѣимъ сторонамъ сопровождала ее наша прислуга. Передъ нами ѣхали верхомъ въ переднемъ ряду флейщики и наша прислуга, за ними слѣдовали пѣшкомъ члены нашего общества, съ подар-

---

день, по чети ведра сметаны, по получетверику крупы, по 3 кружки уксусу, по 2 гривенки патоки, по 6 гривенокъ соли, на 2 дни; луку и чесноку, капусты, огурцовъ, свѣчъ восковыхъ и сальныхъ по 10 денегъ на день. А въ которой день Послы похотятъ рыбы, и имъ, вмѣсто мясные ѣствы, давати рыбою, счетчи противъ мясные ѣствы. Да имъ же давать конскаго корму на 5 лошадей по чети овса да по возу сѣна на 2 дни. См. «Baron v. Meyerberg und seine Reise, v. Adelung,» прим. 4, стр. 75 — 77.

[97] Подарки, поднесенные Царю Майербергомъ, состояли изъ двухъ серебряныхъ внутри вызолоченныхъ, мисъ (вазъ) и одной чаши съ серебряною кровлею Одна изъ этихъ мисъ до сихъ хранится въ Грановитой Палатѣ въ Москвѣ. Дары отъ Пословъ, подносимые Великому Князю, тотчасъ же оцѣнивались, чтобы сообразить по тому цѣну подарковъ, жалуемыхъ въ возвратъ за оные по запискамъ въ Государственномъ Архивѣ, дары Майерберга оцѣнены были въ 1878 руб. мѣдными деньгами, которые, по примѣрному соображенію, могутъ составить около 9057 руб. ассигнаціями. См.: «Baron von Meyerberg,» прим. 14, стр. 80.

ками, а потомъ одинъ изъ нихъ верхомъ: это былъ нашъ Секретарь, который, поднявъ руку, держалъ въ ней, на виду для всѣхъ, ни чѣмъ не обернутыя, вѣрющія грамоты Державнѣйшаго Императора. [98]

Всѣ члены нашего общества были, какъ и сами мы, безъ оружія, по тому что никому не дозволялось входить къ Царю съ оружіемъ: всѣ должны были оставлять его у дворцовыхъ воротъ; но какъ всѣ наши желали быть ему представленными, то и рѣшились лучше не брать съ собой никакого оружія, чѣмъ принести его и снимать потомъ.

Мы увидѣли, что отъ нашего подворья до Великокняжескаго Дворца разставлены были въ большомъ числѣ пѣшія войска, хорошо вооруженныя большими ружьями, красиво одѣтыя въ разноцвѣтные кафтаны, [99] по цвѣту ихъ полковъ. Насъ высадили у дворцовой лѣстницы, среди множества стоявшихъ тамъ Московскихъ военачальниковъ. Поднявшись въ первую комнату, мы были встрѣчены Стольникомъ, Княземъ Андреемъ Ивановичемъ Хилковымъ (Andreas Juanowicz Hilkow), и Дьякомъ Ѳедоромъ Михайловымъ (Theodorus Mihalow), которые сказали намъ, чрезъ своихъ переводчиковъ, что имъ приказано Великимъ Княземъ, отъ его имени, тутъ принять насъ. Послѣ изъявленія благодарности, мы продолжали путь дальше, и прежде чѣмъ вошли въ тотъ покой, гдѣ находился Великій Князь, насъ приняли опять, отъ его имени, Стольникъ Князь Василій Ивановичъ Хилковъ (Basilius Juanowicz Hilkow) [100] и Дьякъ Никита Головнинъ (Valowenin). [101] Когда мы поблагодарили ихъ, насъ допустили къ Царю.

---

[98] Майербергъ говоритъ въ своемъ Донесеніи Императору, что Приставы хотѣли, чтобы эти грамоты были завернуты въ красную шелковую ткань, но Послы, думая, что если бы такова была воля Императора, онъ вручилъ бы имъ эти грамоты въ футлярѣ, по чему и отвѣчали извиненіемъ, что шелковой ткани у нихъ нѣтъ съ собою, а по случаю праздничнаго дня и спѣшнаго времени посылать за нею въ лавки некогда. См. «Sammlung v. Wichmann.»

[99] Пальмквистъ, Шведскій Посланникъ, бывшій въ Москвѣ въ 1674 году, видѣлъ 14-ть Стрѣлецкихъ полковъ, все въ разноцвѣтныхъ кафтанахъ, вишневаго, клюквеннаго, брусничнаго, оранжеваго, алаго, желтаго, малиноваго, свѣтло-зеленаго цвѣтовъ, въ сапогахъ красныхъ, зеленыхъ и желтыхъ. См. «Описан. вооруж. Русск. войска, Вейдемейера.»

[100] Оба Хилковы—родные братья; изъ нихъ послѣдній, Василій Ивановичъ, р 1614, ум. 1677. О. Б.

[101] Головнины ведутъ родъ свой отъ Никиты Головни, Новгородскаго Боярина,

Покой былъ довольно обширенъ, однако жъ очень стѣснялъ ее по срединѣ толстый столбъ, поддерживающій сводъ. Стѣны были украшены старинною живописью, и между окнами прислонены были къ нимъ серебряные подсвѣчники. Кругомъ по этимъ стѣнамъ были подѣланы неподвижныя, покрытыя коврами, лавки, на которыя всходили по четыремъ стѣнамъ.

На нихъ, по правую сторону отъ Царя, на всемъ виду у него, отчасти даже и влѣво, сидѣли, съ открыми головами, въ большомъ числѣ Бояре (Bojari), Окольничіе (Ocolnicii) и Думные Дворяне изъ тайнаго Великокняжескаго Совѣта, совсѣмъ не удостоившіе насъ поклономъ ни при входѣ нашемъ, ни при выходѣ. Самъ Царь сидѣлъ на серебряномъ, позолоченномъ, престолѣ, поставленномъ не по срединѣ, а въ лѣвомъ углу покоя, между двумя окнами, и казался въ тѣни. Престолъ хоть и былъ возвышенъ, по тому что подъ тремя своими ступенями имѣлъ подножіемъ рундукъ, приходившійся вровень съ лавками Думныхъ Бояръ, но не отличался величиною, да и темное помѣщеніе такъ скрадывало его блескъ, что онъ не представлялъ никакого великолѣпія. По срединѣ его, надъ головою Царя, висѣлъ образъ Богородицы Дѣвы. Вправо отъ него въ окнѣ возвышались часы, въ видѣ башни. А въ другомъ окнѣ, замыкавшемъ уголъ его стѣны, стояла серебряная пирамида, державшая золотой шаръ. Выше къ своду висѣли на стѣнѣ еще два святые образа, выставленные для поклоненія. На краю лавки, вправо отъ Царя, стоялъ серебряный рукомойникъ съ подливальникомъ и полотенцемъ, которые, послѣ того, какъ мы, по обычаю, поцѣлуемъ его правую руку, должны были послужить ему для омыванія и обтиранія ея, оскверненной нечистыми устами поганыхъ, какъ называютъ Москвитяне всѣхъ приверженцевъ Латинской Церкви. На головѣ имѣлъ онъ остроконечную шапочку, съ собольимъ околышемъ, украшенную золотымъ вѣнцомъ, съ драгоцѣнными каменьями, который, какъ бы имѣя своимъ подножіемъ соболій околышъ, оканчивался въ верху крестомъ. Въ правой рукѣ держалъ скипетръ. По правую сторону у него стоялъ Князь Яковъ Куденетовичъ Черкаскій (Ja-

---

разбившаго, 1401 г., подъ Холмогорами, войска В. Кн. Московскаго, Василія Дмитріевича. Никита Григорьевичъ, въ VII колѣнѣ, былъ первымъ дворяниномъ Посольства Русскаго къ Шведской Королевѣ Христинѣ, 1648, съ извѣстіемъ о восшествіи на престолъ Царя Алексѣя Михайловича, а за тѣмъ Дьякомъ въ Приказахъ Помѣстномъ и Ямскомъ. О. Б.

cobus Kudinietowicz Tzerkaski), [100] изъ племени Черкасъ (Tzerkassorum), у Каспійскаго моря, и нынѣ первый Бояринъ; по лѣвую тесть его, Илья Даниловичъ Милославскій (Ilia Danilowicz Miloslawski), тоже Бояринъ. [101] А передъ престоломъ стояли четверо Княжескихъ сыновей, всѣ въ бѣлыхъ кафтанахъ, въ шапкахъ и съ сѣкирами въ рукахъ (рынды).

Наши Приставы поставили насъ въ 10-ти шагахъ отъ Царя. Тутъ мы и поклонялись ему, ставши, по нашему обычаю, на колѣни, изъ уваженія къ Царю. Въ нѣкоторомъ разстояніи позади насъ стояли всѣ члены нашего общества. Тогда Думный Дьякъ (одинъ изъ 3-хъ Великихъ Канцлеровъ Царства), Алмазъ Ивановъ (Almasius Juanow), сидѣвшій съ немногими другими на одной изъ лавокъ, влѣво отъ Великаго Князя, сталъ вровень съ нами и сказалъ, что прибыли Послы Великаго Римскаго Цесаря, стоятъ передъ нимъ и бьютъ челомъ ему, то есть, по Московскому выраженію, отдаютъ ему почтеніе. По тому что всѣ безъ различія Москвитяне оказываютъ почтеніе своему Князю, стоя на колѣняхъ и челомъ касаясь пола; такого же уваженія отъ низшихъ требуютъ себѣ, при случаѣ, и всѣ высшія лица. Великій Князь далъ знакъ Канцлеру сказать намъ, чтобы мы объявили наше желаніе.

Услыхавъ это, мой товарищъ началъ передавать на память первое предложеніе, по приказанію Всемилостивѣйшаго Священнаго Цесарскаго Величества, изложенное для насъ по принятому образцу. Но только что онъ пересказалъ Императорскій и Царскій титулы, какъ переводчикъ прервалъ его и повторилъ ихъ на Русскомъ нарѣчіи. Лишь только онъ кончилъ и это, какъ Царь, поднявшись съ престола, спросилъ насъ, здоровъ ли любезнѣй-

---

[100] Собственно Урускanъ Мурза или Ханъ (Канъ), въ крещеніи Яковъ, сынъ Куденета Мурзы, вызванный изъ Черкасіи Царемъ Михайломъ Ѳедоровичемъ, сначала Стольникъ, потомъ, 1644 г., Бояринъ; предводительствуя Русскими, онъ, въ 1654 году, покорилъ Оршу, Вильну, разбилъ подъ Шкловымъ Литовскаго Гетьмана, Князя Радивила, 1664 тѣснилъ Польскаго Короля, Іоанна Казимира, при Мглинѣ и Кричевѣ; женатъ на Княжнѣ Евдокіи Семеновнѣ Прозоровской, ум. въ Іюлѣ, 1666 г. О. Б.

[101] Съ 1648 года Бояринъ, ум. 1668 г.; дочь его, Марія Ильинична, была первою супругой (съ 1648 г.) Царя Алексѣя Михайловича, отъ которой имѣлъ онъ 5 сыновей и 8 дочерей; скончалась въ Мартѣ, 1669 г.; сестра ея, Анна, была за Бояриномъ Борисомъ Ивановичемъ Морозовымъ, воспитателемъ Царя. О. Б.

шій братъ его, Римскій Цесарь, Леопольдъ? И тотчасъ же сѣлъ опять. Мы отвѣчали, что, отъѣзжая изъ Вѣны, мы оставили Священное Цесарское Величество, благодареніе Богу, въ добромъ здоровьи. Канцлеръ сказалъ потомъ, чтобы мы подали Великому Князю Императорскія вѣрющія грамоты. Тогда, взявъ ихъ отъ нашего Секретаря, я подалъ ихъ Царю, въ сопровожденіи своего товарища, и воротился потомъ на прежнее мѣсто, а Царь въ ту же минуту вручилъ ихъ Князю Черкаскому.

Потомъ тотъ же Канцлеръ возвѣстилъ намъ, что Великій Князь жалуетъ насъ, т. е., соизволяетъ, чтобы мы шли цѣловать его руку. Пока мы подходили, онъ перенесъ свой скипетръ изъ правой въ лѣвую руку, и протянулъ намъ, для цѣлованія; тотъ же Черкаскій поддерживалъ ее своею, а Царскій тесть, Илья, все такъ и сторожилъ и кивалъ намъ, чтобы кто ни будь изъ насъ не дотронулся до нея своими нечистыми руками, можетъ быть, наперекоръ обычаю. По окончаніи этого, Канцлеръ объявилъ, чтобы мы высказали остальныя наши предложенія. А когда мы исполнили это, онъ сказалъ, что Великій Князь пожаловалъ насъ, позволилъ намъ сѣсть; тотчасъ подали намъ длинную безъ ручекъ лавку (какъ водится у. Москвитянъ), покрытую Персидскимъ ковромъ, на которой мы и сидѣли, пока нѣкоторые изъ нашихъ служителей цѣловали Царскую руку. Потомъ Канцлеръ пригласилъ насъ встать. Въ то время, какъ мы стояли, Великій Князь спросилъ насъ, здоровы ли мы? Мы отвѣчали по обыкновенію, что, благодаря Божію милосердію и его милости, здоровы, и поблагодарили его за такое благоволеніе къ намъ.

Потомъ опять насъ пригласили сѣсть. Подошедши съ боку къ Канцлеру, Окольничій, Иванъ Михайловичъ Милославскій [102] (Joannes Mihalowicz Miloslawski), сказалъ Великому Князю, что принесены ему отъ насъ подарки. Пока вносили ихъ наши служители, мы, по предложенію Канцлера, опять встали съ лавки и вмѣсто того, чтобы словесно просить Великаго Князя принять наши подарки въ то время, какъ онъ разсматривалъ ихъ, мы изъявили ему почтеніе наклоненіемъ тѣла, какъ водится у Москвитянъ.

Наконецъ Царь приказалъ Канцлеру дать намъ знать, что онъ отрядитъ нѣсколькихъ своихъ Думныхъ Бояръ, съ которыми

---

[102] Съ 1677 Бояринъ, род. 1629 г., ум. въ концѣ Іюля, 1685 г. О. Б.

мы и можемъ войти въ разсужденіе обо всемъ, что еще осталось намъ предложить, и чтобы въ этотъ день мы отвѣдали кушанья съ его стола.

Послѣ того, засвидѣтельствовавъ ему почтеніе, мы вышли. А при выходѣ насъ провожали тѣ же лица, что и приняли насъ при входѣ, отъ имени Великаго Князя.

Въ Кремлѣ мы видѣли лежащій на землѣ мѣдный колоколъ удивительной величины, да и произведеніе Русскаго художника, что еще удивительнѣе. Этотъ колоколъ, по своей величинѣ, выше Эрфуртскаго (Erphordiensem), и даже Пекинскаго въ Китайскомъ Царствѣ. Эрфуртскій вышиною девять футовъ шесть дюймовъ, діаметръ его жерла безъ малаго 8-мь футовъ, окружность 9 футовъ, толщина стѣнъ шесть съ половиною дюймовъ, а вѣситъ 25,400 фунтовъ. Пекинскій колоколъ $13^1/_2$ футовъ, поперечникъ его 12-ть футовъ, окружность 44 фута, толщина 1 футъ, а вѣсъ 120,000 фунтовъ. Но Русскій нашъ колоколъ вышиною 19-ть футовъ, шириною въ отверстіи 18-ть футовъ, въ окружности 64 фута, а толщиной 2 фута, языкъ его длиною 14 футовъ. На отлитіе этого колокола пошло 440,000 фунта мѣди, угару изъ нихъ было 120,000 фунтовъ, а все остающееся за тѣмъ количество металла было дѣйствительно употреблено на эту громаду. Я говорю не о томъ колоколѣ, что отлитъ и поднятъ въ царствованіе Бориса Годунова: въ него обыкновенно звонили, когда праздновалось какое ни будь торжество во славу Бога, или въ воспоминаніе его Святыхъ, когда принимались Посланники иноземныхъ Государей, или приводились въ Кремль къ Царю: этотъ колоколъ и до сихъ поръ еще виситъ на башнѣ, хоть и не служитъ уже для употребленія въ выше названныхъ случаяхъ. Здѣсь рѣчь идетъ о колоколѣ, вылитомъ въ 1653 году, въ царствованіе Алексѣя: онъ лежитъ еще на землѣ и ждетъ художника, который бы поднялъ его, для возбужденія его звономъ въ праздничные дни набожности Москвитянъ, по тому что этотъ народъ вовсе не желаетъ оставаться безъ колокольнаго звона, какъ особенно необходимаго условія при богослуженіи.

Черезъ часъ послѣ того, какъ проводили насъ на наше подворье, съ прежнимъ же пышнымъ парадомъ, вдругъ пришелъ къ намъ Стольникъ, Князь Алексѣй Ивановичъ Буйносовъ-Ростовскій (Alexius Juanowicz Boinosow Rosthawski), [103] потомокъ древ-

---

[103] Сынъ Князя Ивана Петровича, Кравчаго при Царѣ Василіи Ивановичѣ Шуй-

нихъ Ростовскихъ Князей, присланный отъ Великаго Князя почтивать насъ, вмѣсто его, обѣдомъ съ Царской поварни. Для почета мы вышли къ нему на встрѣчу у самой лѣстницы. Столовый приборъ былъ незатѣйливъ. На грубой скатерти поставили одну солонку, два сосуда съ уксусомъ, и масломъ; на верхнемъ концѣ стола для знатнѣйшаго собесѣдника положили единственную ложку съ ножомъ и вилкой, но все это изъ чистаго золота. Салфетокъ не положено было никакихъ. Сѣли за столъ съ неумытыми руками. Лепешки или ломти хлѣба должны были исправлять должность тарелокъ, находившихся въ изгнаніи. Поставецъ въ безпорядкѣ украшали стопы, братины и нѣкотораго рода бокалы изъ позолоченнаго серебра. Когда знатнѣйшимъ изъ насъ отведены были мѣста, угощатель нашъ, по Московскому обычаю, сѣлъ по лѣвую руку со мною, чуть не внѣ узкаго, какъ водится, стола. Безъ всякой перемежки принесено было за разъ 150-ть различныхъ кушаньевъ на серебряныхъ блюдахъ. Всѣ они поставлены передъ глазами у насъ, но поданы на столъ только тѣ, которые больше обѣщали вкусу. Остальныя отданы на сохраненіе нашему ключнику. Хотя всѣ они были холодныя, но не такъ же безтолково приготовлены, чтобы кто ни будь отвернулся отъ нихъ съ презрѣніемъ, если только онъ не лакомка. По обыкновенію щедро были наполнены и тотчасъ же поданы гостямъ 40-къ довольно большихъ стопъ, отчасти серебряныхъ, отчасти оловянныхъ, съ водкой, мальвазіей, Испанскимъ и Французскимъ виномъ, разными медами и пивомъ. Черезъ четверть часа нашъ архитриклинъ велѣлъ намъ встать и подалъ мнѣ не такъ, чтобы емкую, чашу пить здоровье его Царя, которую я, по предоставленному мнѣ отъ него выбору, налилъ Французскимъ виномъ, по тому что оно было слабѣе, потомъ онъ прочиталъ весь титулъ своего Царя. Когда я и всѣ другіе, сидѣвшіе за столомъ, выпили, усѣлись опять. Не прошло еще другой четверти часа, какъ онъ опять поднялся съ мѣста и, пригласивъ насъ тоже встать, снова подалъ мнѣ другую чашу пить здоровье Императора и, выпивъ самъ, прочиталъ весь титулъ его по бумагѣ. Когда всѣ мы это исполнили, и опять усѣлись, погодивъ немного, онъ пригла-

---

скомъ и Бояринъ Алексѣя Михайловича, сконч. 1661 г., а черезъ 8 лѣтъ умеръ и единственный его сынъ, Князь Алексѣй Ивановичъ, коимъ и пресѣкся родъ Князей Буйносовыхъ-Ростовскихъ. О. Б.

силъ меня въ 3-й разъ выпить 3-ю чашу за здоровье Царевича Алексѣя (Tzaruli Alexii), сына Великаго Князя. Всѣ мы и сдѣлали это стоя. Тогда, будто исправивъ свою должность отличнѣйшимъ образомъ, онъ ушелъ отъ насъ, съ подаркомъ, серебрянымъ позолоченнымъ кубкомъ не простой работы, въ награду за то, что недолго надоѣдалъ намъ.

29-го Мая Приставы возвѣстили намъ, что въ слѣдующій за тѣмъ день мы будемъ допущены къ Великому Князю, а между тѣмъ мы позволили бы нашимъ служителямъ ити, куда кому угодно Потомъ, отъ имени Канцлера, просили у насъ списокъ сдѣланнаго наши предложенія Царю; мы и отдали имъ этотъ списокъ.

И такъ 30-го Мая, около 9-ти часовъ утра, Приставы проводили насъ къ Царю совершенно съ тѣми же обрядами и парадомъ, съ какими провожали и къ первому представленію, и мы были приняты тѣми же лицами, которыя принимали насъ и тогда. Великій Князь предсталъ предъ насъ во всемъ блескѣ: въ вѣнцѣ, со скипетромъ и въ Царской одеждѣ, но въ другомъ, менѣе просторномъ, покоѣ, и на другомъ также престолѣ, тоже между двумя окнами, только у праваго угла. Въ головахъ у него на престолѣ былъ повѣшенъ образъ Пресвятой Дѣвы. На право, на серебряной пирамидѣ, лежалъ золотой шаръ (держава), тутъ же стоялъ и его тесть, Илья Даниловичъ, а влѣво Окольничій Ѳедоръ Михайловичъ Ртищевъ (Theodorus Mihalowicz Ertischew), Главный Дворецкій и непослѣдній любимецъ Государя. [104] Предъ Царемъ, по обыкновенію, стояли, попарно, съ каждой стороны, одѣтые въ бѣлое платье, молодые Князья (adolescentes Duces), вооруженные серпообразными сѣкирами. Влѣво и немного наискось отъ него, на лавкахъ, поставленныхъ на деревянномъ помостѣ, который воз-

---

[104] Сынъ Окольничаго (говоритъ Д. Н. Бантышъ-Каменскій въ «Словарѣ достопамятныхъ людей Русской земли,» IV, стр. 523—326. М. 1836 г.), Постельничій Царя Алексѣя Михайловича, Начальникъ Мастерской Палаты и воспитатель Царевича Алексѣя Алексѣевича. Онъ основалъ, 1648 г., Преображенскую пустынь, въ 2 верстахъ отъ столицы, на возвышенномъ берегу Москвы рѣки, въ коей было 80 братій, а черезъ годъ выписалъ изъ Кіева Епифанія Славинецкаго и нѣсколькихъ другихъ ученыхъ старцевъ, для перевода съ Греческаго полезныхъ книгъ, и проч. Смерть его воспитанника, на 15 году отъ рожденія (1670), и другія занятія ускорили и его кончину, 21 Іюня, 1673 г. Онъ отказался отъ предложеннаго ему сана Боярина. О. Б.

вышался только на двѣ ступени, сидѣло у стѣны немало Думыхъ Бояръ съ открытыми головами, а напротивъ ихъ на право стоялъ со многими другими Канцлеръ.

И такъ мы замѣтили тогда, да и послѣ, что углы, по обычаю Московскому, считаются почетными мѣстами. По тому что престолъ Великаго Князя мы всегда видѣли въ углу, хотя гораздо удобнѣе было бы поставить его по срединѣ, особливо въ этомъ второмъ покоѣ. Да и образа Святыхъ, которыхъ Москвитяне слишкомъ уже почитаютъ (idolatrentur) и всегда имѣютъ ихъ во всякой спальнѣ, они тоже ставятъ въ углахъ. Когда мы воздали честь Великому Князю, онъ потрудился спросить насъ о здоровьѣ. Отвѣтивъ по обычаю, благодарили его за обѣдъ, которымъ щедро накормилъ насъ его повѣренный. Потомъ Канцлеръ сказалъ, что Великій Князь озаботился переводомъ Императорскихъ грамотъ на свое нарѣчіе, и узналъ изъ оныхъ, что мы посланы сдѣлать ему предложенія, касающіяся нѣкотораго общественнаго блага, и чтобы онъ давалъ намъ полную вѣру: это онъ и исполнитъ. Между тѣмъ онъ отрядилъ выслушать наши предложенія: Боярина Князя Алексѣя Никитича Трубецкаго, Намѣстника Казанскаго (Alexium Nikitowicz Trubetzki Bojarum et Casani locumtenentem), [105] Боярина Князя Юрія Алексѣевича

---

[105] Онъ былъ двоюродный братъ извѣстнаго Князя Дмитрія Тимоѳеевича: 1629 года Тобольскій Воевода, 1633 Астраханскій, 1642 Тульскій, 1646 Бояринъ, Дворецкій, присутствующій въ Сибирскомъ Приказѣ, 1647 ведетъ переговоры съ Литовскимъ Посломъ, 1648 съ Послами Шведскимъ и Литовскими, 1654 съ Посланниками Гетьмана Богдана Хмельницкаго, съ которыми и постановилъ договорныя статьи, за что пожалованъ въ Ближніе Бояры и Намѣстникомъ Казанскимъ, 1659 осаждалъ безуспѣшно Конотопъ, опрокинутъ и разбитъ близъ Сосновки; по изгнаніи Виговскаго изъ Малороссіи, онъ занялъ Переяславль, принудилъ явиться къ нему Юрія Хмельницкаго, отказаться отъ всякихъ притязаній (въ Октябрѣ) и возобновить отцовскія статьи, за что Алексѣй Михайловичъ, 1660 г., пожаловалъ ему прародительскую отчину; городъ Трубчевскъ, по коему и названіе имѣютъ Князья Трубецкіе или Трубчевскіе (происходящіе отъ Корибута Димитрія, сына Ольгерда, Велик. Князя Литовскаго, тоже Великаго Князя, пребывавшаго въ Новгородѣ Сѣверскомъ, участвовавшаго, по поступленіи въ подручничество Москвѣ, 1379 года, съ братомъ Андреемъ, въ битвѣ на Куликовомъ полѣ, потомъ принужденнаго Ягайломъ возвратиться въ Литву, и за тѣмъ убитаго въ сраженіи съ Татарами на рѣкѣ Ворсклѣ, 1399 г., Мая 12 дня), послѣ чего Княжество досталось Михайлу Дмитріевичу, родоначальнику Князей Трубецкихъ; правнукъ его, Андрей Ивановичъ, вступилъ снова въ зависимость Московскаго В. Князя:

Долгорукаго (Georgium Alexiowicz Dolgoruki), Намѣстника Суздальскаго (Susdaliae locumtenentem), [106] Окольничаго Богдана Матвѣевича Хитрово (Bogdanum Mattheowicz Hitrow Ocolnicium), Начальника Царской Оружейной и Намѣстника Оршанскаго (Tzarei armarii custodem ejusque Orszae locumtenentem), [107] и Думнаго Дьяка или Канцлера Алмаза Иванова (Almasium Jwanow Dumni Diakum). Послѣ того, по обыкновенію, намъ подали лавку, чтобы сѣсть,

онъ былъ послѣднимъ Удѣльнымъ Княземъ Руси 1546 г. 30-й въ родѣ (въ 10 колѣнѣ), Князь Алексѣй Никитичъ названъ въ грамотѣ на Трубчевскъ съ его Уѣздомъ «державцемъ Трубчевска.» Онъ умеръ въ 1663 г. бездѣтнымъ, и по тому возвратилъ этотъ ларъ Царю, въ досадѣ на племянника, Князя Юрія Петровича, остававшагося въ ту пору еще въ Польшѣ, куда удалился было, 1612 г., Князь Юрій Никитичъ, за тестемъ своимъ, Михайломъ Глѣбовичемъ Салтыковымъ. Отъ этого-то Князя Юрія Петровича, принявшаго Православіе и женатаго на сестрѣ Князя Василія Васильевича Голицына, ведутъ свое начало всѣ нынѣшніе Князья Трубецкіе. О. Б.

[106] Сынъ Воеводы Князя Алексѣя Григорьевича, р. въ Москвѣ, въ началѣ XVII вѣка: 1648 Бояринъ, 1649 Дворецкій, 1651 Начальникъ Пушкарскаго Приказа, 1662 сражается съ Поляками, 1664 второй уполномоченный на съѣздѣ въ Смоленскѣ съ Польскими Комисарами по переговорамъ о мирѣ, 1666 присутствуетъ въ Казенномъ Приказѣ; около сего времени Ближній Бояринъ и Намѣстникъ Суздальскій (вѣроятно, однако, не ранѣе 1661 г.), за тѣмъ Намѣстникъ Тверской и участвуетъ въ договорѣ съ Польшею, 1672, равно и въ 1674, касательно избранія въ Короли Польскіе Алексѣя Михайловича; 1677 начальствуетъ надъ Приказами Пушкарскимъ, Смоленскимъ, Хлѣбнымъ и Устюжскою Четвертью, 1678 Стрѣлецкимъ и Намѣстникъ Новгородскій, послѣ умерщвленъ Стрѣльцами, 15-го Мая, 1682 г., на 80 году, равно какъ и сынъ его, Михаилъ. Онъ пользовался особеннымъ благоволеніемъ Царя Алексѣя Михайловича. О. Б.

[107] Род. 1615, въ 1635 Комнатный, 1646 Воевода въ Темниковѣ, 1647 изъ Стольниковъ Окольничій, 1651 присутствующій въ Челобитномъ Приказѣ, 1653 Посолъ съ Кн. Бор. Алексан. Репнинымъ и Дьякомъ Алмазомъ Ивановымъ въ Польшу для склоненія Короля и Шляхты примириться съ Козаками, 1654 присутствуетъ въ Земскомъ Дворѣ, въ Новой Четѣ, 1655 участвуетъ въ походѣ подъ Вильну и Ригу, 1658 судитъ Полтавскаго Полковника Пушкаря съ Виговскимъ, и утверждаетъ послѣдняго въ Гетьманствѣ, 1661 Оружейничій, 1665 присутствуетъ въ Приказахъ Ливонскомъ, Дворцовомъ, Судномъ и Большаго Дворца, 1668 Бояринъ, 1677 Дворецкій и присутствующій въ Золотой Расправной Палатѣ (гдѣ хранились списки Дворянскіе); ум. 27 Марта, 1680 г. Онъ способствовалъ возведенію въ Гетьманы Виговскаго и Брюховецкаго, а также участвовалъ въ низверженіи Боярина Матвѣева, былъ храбръ на войнѣ, искусенъ въ хозяйствѣ и ловкій царедворецъ. О. Б.

однако жь мы сидѣли на ней недолго, по тому что намъ велѣно было встать и перейти въ то мѣсто, гдѣ ждали насъ Царскіе уполномоченные (deputati); такъ мы и вышли, благоговѣйно изъявивъ, по принятому обряду, наше почитаніе Великому Князю, и были вѣжливо отведены туда тѣми же Князьями и Дьяками, которые принимали насъ внѣ покоевъ отъ имени Царя. При нашемъ выходѣ отъ Царя Думные Бояре немного привстали съ мѣстъ, а мы отвѣчали имъ наклоненіемъ головы.

Такъ и перешли мы въ довольно большой покой, гдѣ, противъ двери, но у праваго угла, поставленъ былъ длинный и, по Московскому обычаю, узкій столъ, такимъ образомъ, что во все его протяженіе видна была дверь. Тамъ и посадили насъ на лавку, придѣланную къ стѣнѣ, первый изъ уполномоченныхъ помѣстился на другой, которая соединялась въ углу съ нашею и какъ бы упиралась въ стѣну, такъ что онъ одинъ занималъ узкое пространство стола. [108] Другой уполномоченный и третій сѣли другъ возлѣ друга на той же лавкѣ, рядомъ съ первымъ, только уже не за столомъ. А Канцлеръ сѣлъ одинъ у стола, напротивъ моего товарища, плечами къ двери, на подвижной лавкѣ. Переводчики, Бaусцій (Bauscius) и Вибергъ (Wibergus), съ нашимъ Секретаремъ и тремя Московскими Поддьяками (amanuensibus) стояли.

Москвятяне еще съ пеленокъ начинаютъ приносить жертвы Меркурію и, судя по тому, какъ они исполняютъ это, надобно думать, что всѣ они угодили ему. Матери никогда не привѣшиваютъ дѣтямъ на шею ни Римской буллы, ни золотаго сердца; отъ того, выросши, они отстаиваютъ свое лганье прибавкою новыхъ лжей, съ такимъ наглымъ безстыдствомъ, что хотя знаешь на вѣрное, что они солгали, однако жь все еще какъ-то сомнѣваешься въ душѣ на счетъ своего мнѣнія. По тому что, если когда и уличать ихъ неотразимыми доводами въ неправдѣ, они, покраснѣвши, не придутъ въ стыдъ, а еще усмѣхаются, точно застали ихъ на какомъ добромъ дѣлѣ. Посланники иноземныхъ Государей пусть не дожидаются и отъ Царскихъ уполномоченныхъ болѣе правдивыхъ словъ, по тому что эти лица собираютъ вмѣстѣ всѣ тонкости закоснѣлаго лукавства, чтобы провести ихъ, либо выдавая ложь за правду, либо умалчивая, о чемъ

---

[108] Т. е., сидѣлъ, какъ говорится, въ переднемъ мѣстѣ.

надобно сказать, и ослабляютъ обязательную силу всякихъ рѣшеній на совѣщаніяхъ тысячью хитрыхъ изворотовъ, дающихъ превратный толкъ имъ, такъ что они совсѣмъ рушатся. А при счастьи, или при невзгодѣ, они до того слабы духомъ, что когда везетъ имъ счастье, они, будучи не въ силахъ удержать своихъ восторговъ, превозносятъ себя до самыхъ звѣздъ, а когда не везетъ, они позволяютъ однимъ щелчкомъ столкнуть себя въ пропасть. Отъ того-то при переговорахъ они оказываются самыми непостоянными. Особливо по тому, что найбольшая важность доказательствъ зависитъ у нихъ только отъ извѣстій, напечатанныхъ въ «еженедѣльныхъ Меркуріяхъ» (a Mercuriis hebdomadariis) Прусаковъ и Голландцевъ (apud Batavos), занесенныхъ въ Москву, да еще въ перевранномъ видѣ, иноземными купцами; они слушаютъ ихъ точно отвѣты съ треножника Дельфійскаго оракула. Либо думаютъ добиться такихъ извѣстій у военноплѣнныхъ маркитантовъ, обозныхъ, пѣхотныхъ солдатъ, когда эти бѣдняки, взятые къ допросу, хоть и не знаютъ, не вѣдаютъ, никакихъ тайнъ на своего Короля и полководцевъ, но, въ избѣжаніе пытки, врутъ все, что только взбредетъ имъ въ голову пригоднѣе, для укрощенія пріятной лестью своихъ палачей. Все это дѣлаетъ для иноземныхъ Пословъ исправленіе возложенныхъ на нихъ дѣлъ до того тягостнымъ, а успѣхъ ихъ до того сомнительнымъ, что они нерѣдко раскаяваются, что взяли на себя такую должность.

Главный уполномоченный, Князь Трубецкой, ведетъ свой родъ отъ Ольгерда, сына Гедимина, Великаго Князя Литовскаго, чрезъ сына его, Андрея Вигунда (mediante Andrea Wigundo), родоначальника тѣхъ Сѣверскихъ Князей, которые отложились къ старшему Ивану Васильевичу, Князю Московскому, и подъ этимъ именемъ занимаетъ 2-е мѣсто между Боярами, по тому что у Москвитянъ знаменитость рода цѣнится выше справедливости. Онъ уступаетъ надъ собою преимущество первенства лишь одному Князю Черкаскому, который, происходя отъ Татарскихъ Царей, по всѣмъ правамъ беретъ верхъ надъ нимъ. Трубецкой уже преклонныхъ лѣтъ, не съ большимъ даромъ слова, да и недальняго ума. Другой, Юрій Долгорукій или Лонгиманъ (Longimanus), тоже ужь въ лѣтахъ, славится своимъ родоначальникомъ Василіемъ (Basilius), внукомъ Ярослава, перваго Великаго Князя Тверскаго (Tuverensis). Онъ пользуется въ Москвѣ большимъ уваженіемъ за то, что, благодаря военному счастію, взялъ въ плѣнъ при Вильнѣ полководца Великаго

Княжества Литовскаго и Казначея, Викентія Корвина Гонсѣвскаго (Vincentium Corvinum Gosiewski).

Третій, простой дворянинъ, еще въ самые молодые годы заявилъ свой разумъ на службѣ у упомянутаго Князя Трубецкаго, заслужилъ его одобреніе и удостоился опредѣленія на службу къ Царю: тутъ онъ всегда высказывалъ свое мнѣніе съ величайшимъ присутствіемъ духа въ самыхъ затруднительныхъ дѣлахъ Государства и, при помощи своего даровитаго трудолюбія, такъ пошелъ впередъ, что изъ простаго дворянскаго званія прямо попалъ въ самое высшее и сталъ Начальникомъ Оружейной, гдѣ хранятся оружія, назначенныя для собственнаго употребленія Царя, и уборы для лошадей его, и двухъ Приказовъ: одного, въ которомъ судятся всѣ Московскіе граждане, и другого, завѣдывающаго всѣми харчевниками и кабатчиками, и нажилъ себѣ очень большое состояніе. А четвертаго, Алмаза Иванова, самое имя показываетъ, что это человѣкъ изъ самаго низкаго состоянія, потому Москвитяне въ подписяхъ и въ разговорѣ прибавляютъ къ своему собственному имени еще отцовское, съ тою, однако жь, разницею, что знатные придаютъ къ этому послѣднему окончаніе «вичъ» (wicz), а незнатнымъ этого не позволено. На примѣръ: когда у кого ни будь имя Алмазъ (Almas), а отецъ у него Іоаннъ или Иванъ (Joannes, Juanus), если онъ знатный, то зовутъ его Алмазъ Ивановичъ (Almas Juanowicz), а незнатный, то Алмазъ Ивановъ. Происходя отъ родителей простаго званія, онъ счастливо занимался торговлею. Потомъ, будучи знакомъ съ иноземными краями, при исправленіи многихъ Посольствъ, столько показалъ примѣровъ хитрости, коварства, находчивости, что удостоенъ былъ должности Смотрителя за тайными архивами Царства, за иностранными Послами, и докладчика ихъ посольствъ. И такъ Князь Трубецкой всталъ съ мѣста, тоже сдѣлали и мы со всѣми прочими. Послѣ призыванія Святой Троицы, проговоривъ сначала весь титулъ своего Государя, а потомъ титулъ Императора, онъ сказалъ, что Великій Князь слышалъ первое наше предложеніе, и озаботился переводомъ вѣрющихъ грамотъ его Священнаго Цесарскаго Величества на Московское нарѣчіе.

Долгорукій сказалъ, съ тѣми же обрядами, но сокративъ титулы, что Государь его внимательно прочелъ этѣ грамоты, и узналъ, что мы должны будемъ предложить нѣчто, касающееся общественнаго блага. Хитровъ, съ опущеніемъ титуловъ, приба-

вилъ, что въ грамотахъ написано, чтобы намъ оказывали довѣріе въ томъ, что будемъ мы предлагать, такъ мы бы приготовились высказать эти предложенія.

Наконецъ Канцлеръ, со всѣми прежними торжественными обрядами, заключилъ такъ, что они сами были назначены Царемъ выслушать наши предложенія, такъ пусть бы мы и сказали ихъ.

Такъ мы и встали съ мѣстъ, и теперь сами прочитали, во всей подробности, сперва титулъ нашего Императора, потомъ Царя, а тутъ опять сѣли, и мой товарищъ прочиталъ уполномоченнымъ отъ слова до слова другое предложеніе, по приказанію Всемилостивѣйшаго Священнаго Цесарскаго Величества, также изложенное для насъ по принятому образцу, между тѣмъ какъ толмачъ переводилъ его для насъ по періодамъ.

Выслушавъ его содержаніе, они попросили себѣ списокъ съ него. Это немедленно мы и исполнили.

Разговоръ продолжался долго о многихъ предметахъ, пока всѣ уполномоченные не разошлись, чтобы о слышанномъ донести своему Государю. Чрезъ четверть часа воротился къ намъ одинъ Канцлеръ и сказалъ, что доложилъ обо всѣхъ нашихъ предложеніяхъ своему Государю, только отвѣта не можетъ намъ дать въ это время, такъ чтобы мы возвратились къ себѣ. Мы и исполнили это съ прежними обрядами.

Въ послѣдній день Мая нашъ Приставъ-Дьякъ, скроивъ печальное лицо, далъ намъ знать, что его товарищъ впалъ вчера въ трудную болѣзнь, а по тому, вмѣсто его, назначенъ прежній Приставъ, бывшій съ нами въ дорогѣ, Желябужскій. Два дня тому назадъ это же самое открылъ онъ за тайну нашему Священнику. Но послѣ того, какъ намъ сказали о болѣзни Пристава, Священникъ встрѣтилъ его, въ 7-мъ часу, въ городѣ верхомъ и въ добромъ здоровьѣ, и тѣмъ объяснилъ намъ лукавство Москвитянъ. Изъ разныхъ разговоровъ въ дорогѣ мы замѣтили, что Желябужскій не глупъ и съ вѣрнымъ сужденіемъ; узнали также, что онъ получилъ придворную должность, благодаря покровительству Канцлера, и что часто ходили попеременно отъ одного къ другому гонцы; мы и сообразили, что, по случаю нашего будущаго затворничества въ Москвѣ, по тамошнему обычаю, намъ нельзя будетъ, для ускоренія дѣла о мирныхъ переговорахъ, ожидать такого удобства, чтобы дѣлать уполномоченнымъ исподоволь тѣ внушенія, которыхъ мы не хотѣли сдѣлать имъ разомъ, и считали

осторожнымъ для дѣла высказывать ихъ черезъ промежутки времени по немножку, какъ будто они выманены были дружбой. или поддались соблазну откровенности за обѣдомъ, и сего дня сказать одно изъ нихъ, а завтра оругое. Въ этомъ мы и не обманулись, по тому что Желябужскій, какъ только что ни будь узнаетъ отъ насъ, тотчасъ же безъ всякаго сомнѣнія пишетъ Канцлеру за тайну, которая сорвалась съ языка у насъ по легкомыслію, благодаря его ловкости, а въ этомъ и былъ нашъ разсчетъ. Когда, на первомъ совѣщаніи съ Царскими уполномоченными, мы нарочно ничего не говорили объ этихъ тайнахъ, Царь и пожелалъ его сдѣлать потомъ Приставомъ, какъ человѣка, пользовавшагося нашимъ довѣріемъ и умѣвшаго искусно выуживать у насъ изъ глубины сердца самыя потаенныя вещи.

3-го Іюня, около 10-ти часовъ предъ полуднемъ, насъ въ другой разъ проводили, съ обыкновеннымъ парадомъ, на засѣданіе съ уполномоченными. На крыльцѣ Дворца приняли насъ два Дьяка отъ имени уполномоченныхъ, и столько же въ самомъ Дворцѣ передъ покоями, а въ самыхъ покояхъ, въ первомъ Канцлеръ, а въ другомъ прочіе уполномоченные, которые пустили насъ итти впередъ и потомъ заняли свои прежнія мѣста, а мы свои. Тогда Канцлеръ объявилъ, что Царь съ удовольствіемъ видитъ желаніе Императора жить съ нимъ въ дружеской пріязни, которую съ своей стороны тоже желаетъ поддерживать взаимными услугами· Потомъ благодаритъ Цесаря за братское его расположеніе къ себѣ, съ которымъ онъ прислалъ насъ, для предложенія своего посредничества въ мирѣ между нимъ и Польскимъ Королемъ и Королевствомъ и Великимъ Княжествомъ Литовскимъ; это Цесарское посредничество онъ принимаетъ охотно.

4-го Іюня собрались мы въ третій разъ съ. ними. По приказанію своего Государя, они назвали мѣстомъ будущаго съѣзда Полоцкъ (Polocia), они увѣряли, что это согласно прошлогоднему желанію Польскаго Короля, такъ какъ этотъ городъ расположенъ удобно для обѣихъ сторонъ на берегу Двины, да и въ не такъ еще тогда раззоренной странѣ. А время, когда надо будетъ собираться туда, для заключенія мирнаго договора, они отдавали на волю Полякамъ. Державнѣйшій Императоръ велѣлъ намъ, чтобы послѣ того, какъ Москвитяне примутъ его предложеніе о заключеніи мира съ Поляками, мы предложили имъ его и для примиренія съ Шведами. Но въ то время, когда мы отпра-

вились въ Московію, въ Ливоніи съѣхались Шведскіе и Русскіе Послы, и безъ допущенія какого бы то ни было посредника, обдѣлали такія условія, что, когда мы предложили о стараніи Цесаря, Царскіе уполномоченные отвѣчали, что положеніе дѣлъ между повѣренными воюющихъ сторонъ получило такой оборотъ, что нельзя больше сомнѣваться въ заключеніи между ними почетнаго мира; если же послѣдствія обманутъ эту надежду, посредничество Цесаря будетъ принято съ удовольствіемъ. Да и самъ Царь, 6-го Іюня, сообщилъ намъ, чрезъ нашихъ Приставовъ, о заключеніи этого мира. 8-го Іюня, на самомъ разсвѣтѣ, когда мы еще лежали въ постелѣ, прибылъ къ намъ, со множествомъ провожатыхъ, Дьякъ Дементій Башмаковъ (Dementi Bosmakow), Великокняжескій любимецъ, и отъ имени Великаго Князя увѣдомилъ насъ, какъ Посланниковъ любезнѣйшаго его брата, Императора Римскаго и проч. Леопольда, что у него родился сынъ, нареченный Ѳедоръ (cui nomen Fedorum). Мы отвѣчали, какъ слѣдуетъ, вѣжливо и, для изъявленія нашей радости, подарили вѣстника большимъ серебрянымъ позолоченнымъ кубкомъ, и отпустили.

Великій Князь Московскій, при всякомъ пріумноженіи его рода, по обыкновенію, возвѣщаетъ о томъ немедленно чрезъ нарочныхъ гонцовъ иноземнымъ Посламъ въ Москвѣ и своимъ Боярамъ, также въ областяхъ Воеводамъ, а чрезъ нихъ знатнымъ дворянамъ и городскимъ властямъ. Всякій, кому оказывается эта почесть, даритъ, какимъ ему будетъ угодно, подаркомъ посланнаго. Отъ этихъ посольствъ, также и отъ тѣхъ, которыя зачастую бываютъ къ такимъ же лицамъ съ вопросомъ о здоровьи отъ имени и по приказанію Царя, многіе изъ придворныхъ дѣлаютъ значительное приращеніе къ своему состоянію.

Эта радость замедлила отправку нашего гонца къ Императору даже до 13-го Іюня, хотя дѣло и требовало поспѣшности. Черезъ шесть дней послѣ того Алексѣй хотѣлъ крестить своего Ѳедю (Fedorulum), [109] Москвитяне вѣрятъ, что крещеніе не имѣетъ силы, если крещающійся не весь погружается, по древнему церковному обычаю, три раза въ воду. Отъ того, когда кто ни будь, окрещенный по Латынской Вѣрѣ, переходитъ въ Московскую (а это нерѣдко дѣлается безбожными лицемѣрами, изъ жадности къ деньгамъ, или

---

[109] Въ подлинникѣ: «погружать своего Ѳедю въ святую воду возражденія.»

военноплѣнными, или изъ страха казни и ссылки за преступленія), его, какъ крещеннаго не по церковному обряду, перекрещиваютъ посредствомъ троекратнаго погруженія въ воду, расторгаютъ и бракъ его, заключенный имъ прежде, какъ человѣка, незаконно введеннаго священною дверью крещенія къ пользованію прочими Таинствами. Окрещеннаго тотчасъ же помазываютъ мvромъ, не ставя ни во что Латинское помазаніе, какъ ненужное. На шею ему крестившій надѣваетъ крестъ, золотой, серебряный, или оловянный, смотря по состоянію родителей, и онъ не долженъ снимать его во все продолженіе жизни, развѣ только передъ супружеской обязанностью. По тому что если какого ни будь скоропостижно умершаго найдутъ безъ креста, его лишаютъ и погребенія. Изъ почета Императору Царь сдѣлалъ и насъ участниками этого торжества, а послѣ велѣлъ угостить насъ обѣдомъ въ нашихъ помѣщеніяхъ. Архитриклиномъ былъ тотъ же, что и прежде, Ростовскій (Rosthavski), тѣ же и обряды, только въ придачу къ нимъ осушена была прибавочная чаша за здоровье меленькаго Ѳеди.

Во все время 12-ти мѣсячнаго, самаго скучнаго, нашего пребыванія въ Москвѣ, я съ любопытствомъ замѣтилъ, что тамъ люди знатные и дворяне позажиточнѣе пользуются мягкими постелями, по тому что подушки, сголовья и перины, набиваются самымъ нѣжнымъ лебяжьимъ пухомъ, такъ какъ лебедей тамъ изобиліе. Однако же всѣ этѣ вещи не льняныя, но у однихъ изъ шерстяной, у нѣкоторыхъ изъ шелковой, ткани, смотря по состоянію, и кладутся на придѣланной къ стѣнѣ лавкѣ, къ которой плотно придвигаютъ подвижную и изнутри задергиваютъ растянутымъ надъ постелью занавѣсомъ изъ трехъ разрѣзныхъ полосъ. Стѣны у многихъ голыя, если замысловатые пауки не заплетутъ ихъ своимъ тканьемъ. У немногихъ почистоплотнѣе обиты золоченной и расписанной кожей Белгійской работы, однако жь, довольно неряшливо.

А простой народъ, не только бѣдняки, нищіе и, люди, поддерживающіе свою убогую жизнь заработками, но и купцы, очень далеки отъ какой бы то ни было нѣги въ своемъ быту. Растянувшись на тюфякѣ, набитомъ шерстью, или соломой, многіе даже на голой лавкѣ, или кровати, или на палатяхъ, храпятъ во всю Ивановскую. У людей побогаче столъ умѣренный, а прочіе питаются однимъ хлѣбомъ и чеснокомъ, и всѣ одинаково утоляютъ жажду чистой водой, или очень скупо приправленной подмѣсью закваски.

Этой жажды ихъ, однако жь, никогда нельзя утолить, если станешь подносить имъ водки, сколько душа ихъ желаетъ. По тому что они пьютъ, не процѣживая сквозь зубы, какъ курицы, а глотаютъ всей глоткой, точно быки и лошади, да и никогда не перестанутъ пить, пока не перестанешь наливать. Въ кабакахъ пьянствуютъ до тѣхъ поръ, пока не вытрясутъ мошну до послѣдней копѣйки. Да и нерѣдко бываетъ, что кто ни будь, за неимѣніемъ денегъ, отдаетъ, по уговорной цѣнѣ, шапку, кафтанъ и прочую одежду, даже до голаго тѣла, чтобы попить еще, а тутъ безобразничаетъ, однако жь, хочетъ быть въ видѣ не Геркулеса, а отца Бахуса на новую стать. Отъ этой заразы не уцѣлѣли ни Священники, ни монахи. Очень часто можно видѣть, какъ кто ни будь изъ Москвитянъ выйдетъ невѣрнымъ шагомъ изъ кабака, пойдетъ впередъ съ отяжелѣвшей отъ питья головой, да и валяется въ грязи, пока не подниметъ и не отвезетъ его къ домашнимъ какой ни будь извощикъ, въ видахъ платы за провозъ, а эти извощики въ безчисленномъ множествѣ стоятъ на каждой почти улицѣ въ Москвѣ съ своими наемными повозками. Бываетъ тоже чрезвычайно часто, что этихъ бѣдняковъ, потерявшихъ всякое сознаніе, извощики завозятъ въ глухіе переулки и, обобравъ у нихъ деньги и платье, безчеловѣчно убиваютъ.

Но этотъ злой корень—пьянство даетъ много другихъ отпрысковъ самыхъ ужасныхъ злодѣйствъ. Москвитяне держатъ довольно многочисленныхъ холоповъ и рабовъ (famulititium serviumque), но съ небольшими расходами, по тому что, не заботясь о разноцвѣтныхъ платьяхъ (ливреяхъ для слугъ), одѣваютъ ихъ въ какіе ни есть обноски. Но какъ пайковъ или мѣсячины у нихъ не водится, а при томъ много по Закону постовъ, къ которымъ они изъ бережливости прибавляютъ еще нѣсколько отъ себя, то кормятъ слугъ самымъ сухимъ хлѣбомъ, тухлой, или сушеной, рыбой, и рѣдко мясомъ, назначая въ питье имъ чистую воду; эта вода подается тароватѣе въ случаѣ какого праздника, будучи испорчена въ видѣ кваса съ умѣренною примѣсью солода, чтобы имѣла возможность поразвеселить духъ. Жалованья не даютъ имъ никакого, по тому что большая часть изъ нихъ холопы (servi) или крѣпостные (vernae), но и вольнымъ-то очень ничтожное. Стало быть, они никогда не выходятъ съ сытымъ желудкомъ изъ за домашняго стола, и вотъ вмѣстѣ, съ праздношатающимися бѣдняками, которыхъ безчисленное множество, дожидается такой на площади безъ всякой работы, что бы достать денегъ для насыщенія себя, особливо на выпивку (ad

potum); не зная, по своей винѣ, никакого честнаго ремесла, они принимаются, какъ негодяи, за дурное: либо обворовываютъ тайкомъ дома, которые стерегутся поплоше, либо грабятъ ихъ, нарочно поджигая у людей позажиточнѣе и явившись будто бы подать помощь, либо въ ночное время нападаютъ открытою силой на встрѣчныхъ людей и, лишивъ ихъ неожиданнымъ ударомъ сначала голоса и жизни, чтобы они не могли кричать о помощи къ сосѣдямъ, отбираютъ у нихъ потомъ деньги и платье. Такъ какъ и въ трезвомъ состояніи, они готовы на ссоры и гнусныя обиды, то въ пьяномъ видѣ очень часто поднимаютъ драки изъ самыхъ пустяковъ и, тотчасъ выхвативъ ножи, вонзаютъ ихъ другъ въ друга съ величайшимъ ожесточеніемъ. Правда, что на всякой улицѣ поставлены сторожа, которые каждую ночь, узнавая время по бою часовъ, столько же разъ, какъ и часы, колотятъ въ сточные желоба на крышахъ, или въ доски, чтобы стукъ этотъ давалъ знать объ ихъ бдительности шатающимся по ночамъ негодяямъ, и они, изъ боязни быть схваченными, отстали бы отъ злодѣйскаго дѣла, за которое принялись; а не то, если лучше хотятъ быть злодѣями, сторожа ихъ ловятъ и держатъ ночью подъ карауломъ, чтобы съ разсвѣтомъ отвести къ уголовному судьѣ. Но эти сторожа, либо по стачкѣ съ ворами, сами имѣютъ долю въ украденномъ, либо изъ страха ихъ нерасположенія къ себѣ, будто объятые глубокимъ сномъ, не трогаются, потворствуя ихъ злодѣйствамъ, такъ что въ Москвѣ не разсвѣтетъ ни одного дня, чтобы на глаза прохожихъ не попадалось множество труповъ убитыхъ ночью людей. Особливо въ торжественные дни годовыхъ праздниковъ и на масляницѣ (in sexagesimae hebdomada), когда Москвитяне, запрещая себѣ мясо и питаясь одною рыбой и молочнымъ кушаньемъ, приготовляются къ строгости наступающаго 40-дневнаго поста: въ то время они пьянствуютъ на пролетъ дни и ночи, не только по Греческому обычаю, но черезъ чуръ уже и по Русскому, напоминая не Христіянскія духовныя представленія, а Бахусовы оргіи: отъ страшнаго пьянства приходятъ въ такое изступленіе и бѣшенство, что, совсѣмъ не сознавая своихъ дѣлъ, или проступковъ, наносятъ раны другъ другу и либо сами дѣлаются убійцами, либо ихъ убиваютъ.

У воротъ нашего подворья стояли, подъ начальствомъ своего Капитана, 40 караульныхъ изъ войска тѣлохранителей, которыхъ Москвитяне называютъ стрѣльцами (strelitzios); ихъ каждый день смѣняло такое же число другихъ стрѣльцовъ, такъ что этой еже-

дневной очереди подвергнулись всѣ, кто только жилъ изъ нихъ въ Москвѣ. Четверо изъ нихъ, распредѣливъ между собою стражу по числу часовъ. безпрестанно караулили въ разныхъ мѣстахъ зданія, внутри и внѣ его. чтобы мы могли ночевать безопасно отъ воровства (по словамъ Москвитянъ), или, какъ полагали вѣрнѣе мы сами, за тѣмъ, чтобы не допускать къ намъ никого, кто бы, можетъ быть, и хотѣлъ прійти. Одинъ изъ часовыхъ, по распредѣленію мѣстъ, долженъ былъ стоять на караулѣ подъ окошками моей спальни. Въ лѣтнія ночи онъ не давалъ мнѣ спать дикимъ пѣньемъ, либо нелѣпыми играми съ сослуживцами. А зимою, чтобы согрѣться, билъ въ ладоши и скакалъ, притопывая ногами. Стало быть, сонъ мой нарушали постоянныя непріятности. Мои жалобы на это Приставамъ не принесли никакой пользы. По тому что всѣ Москвитяне предаются послѣобѣденному сну такъ, что купцы послѣ полуденъ запираютъ свои лавки, а Бояре и дворяне не принимаютъ къ себѣ никого, занимаясь дѣлами только въ утреннее время: вотъ они и подумали, что и я приспособлю свою, уже укоренившуюся съ давнихъ лѣтъ, привычку къ ихъ обычаю, а потомъ ужь и не стану дорожить покойнымъ сномъ по ночамъ. Они раздѣляютъ годъ на 12-ть мѣсяцевъ, съ Латинскими названіями, однако жь начинаютъ его съ 1-го Сентября: дню, вмѣстѣ съ ночью, даютъ 24 часа, для различія которыхъ принимаютъ за правило присутствіе и отсутствіе солнца: отъ восхода его часы бьютъ 1-й дневной часъ, всѣ прочіе до самаго его захожденія означаютъ, по общему обыкновенію, умножая число ударовъ; а потомъ начинаютъ опять съ 1-го часа ночи и продолжаютъ бить прочіе часы до самаго солнечнаго восхода. Если бы этого не сказали мнѣ прежде, я бы и самъ узналъ въ продоженіе стольких моихъ безсонныхъ ночей.

Входъ къ намъ, по показанію Москвитянъ, открытъ былъ для всѣхъ, но на самомъ дѣлѣ для очень немногихъ. Не говоря уже о томъ, что никто изъ иностранцевъ не смѣлъ когда либо взглянуть и издали на наши домы, многіе изъ нихъ часто были останавливаемы стрѣльцами, чтобы не входили къ намъ, либо по приказанію, либо изъ дерзости, тогда какъ мы этого и не знали, а потомъ и у прочихъ отбивали охоту отъ этого покушенія примѣромъ испытаннаго ими отказа. По тому что если какой ни будь военный изъ нихъ, въ видахъ осторожности, просилъ у своего начальника, Московскаго Ѳоеводы, позволенія навѣстить насъ, ему хоть и не отвѣчали отказомъ, но подавали дружескій совѣтъ,

чтобы поудержался отъ этихъ вѣжливостей, а то, пожалуй, навлечетъ на себя подозрѣніе Великаго Князя. Строжайше запрещено было тоже пускать въ дома къ намъ женщинъ какого бы то ни было званія. Правду сказать, въ Московіи этотъ полъ не пользуется тою угодливостью какой удостоиваютъ его многіе изъ Европейскихъ народовъ. Тамъ никто не унизитъ на столько достоинства мужчины, чтобы на колѣнахъ обращаться съ мольбою къ женскимъ треножникамъ, точно къ Кипрейскимъ Венерамъ. Ни чье обожаніе ихъ красоты, продолжающееся по цѣлымъ годамъ, не научаетъ ихъ надуваться суровою спесью и не прежде внимать мольбамъ своихъ обожателей, пока они не воздадутъ имъ поклоненія жертвою вздоховъ, какъ божествамъ, вмѣсто Савейскаго ладана. [109] Тамъ онѣ подчинены мужьямъ, которые еще пренебрегаютъ ими. Всего несчастнѣе доля Царскихъ сестеръ и дочерей. Хотя въ старину дочь Ивана Васильевича старшаго, Елена, и была выдана за Польскаго Короля, Александра, а дочь Юрія, брата Ивана Васильевича младшаго, Марія, за Герцога Голштинскаго, Магнуса, брата Датскаго Короля Фридриха II-го, однако жь нынѣ ни одной изъ нихъ не выдаютъ замужъ за иновѣрца, къ которому имѣютъ отвращеніе, какъ къ поганому, ни за подданнаго, отъ того, что презираютъ его. Но какъ въ Московіи всѣ люди—Царскіе рабы, а за ея предѣлами ни одинъ независимый Государь не допускаетъ Греческихъ заблужденій въ своемъ Вѣроисповѣданіи, то всѣ этѣ не замужнія Княжны, заключенныя во дворцѣ, или въ монастырѣ, терпятъ постоянную муку въ дѣвственности своей плоти, страстно желающей замужества, наперекоръ помысламъ духа, неприкосновеннаго для желаній, и ведутъ жалкую жизнь, лишающую ихъ отрады въ самыхъ милыхъ между людьми именахъ и въ самыхъ нѣжныхъ чувствахъ.

А при заключеніи браковъ Москвитяне не только запрещаютъ себѣ жениться, по общему съ нами закону, на дѣвицахъ, связанныхъ съ ними въ 4-й степени родствомъ, или свойствомъ, но не позволяютъ даже никому жениться на сестрѣ своего шурина, ни роднымъ братьямъ на двухъ родныхъ сестрахъ, ни вступившимъ въ духовное родство при купѣли святаго кре-

---

[109] Въ Турецкой Аравіи, въ Эйялетѣ Еменъ, есть деревня Магребъ, среди развалинъ древняго города Саба, или Сава, Царица котораго приходила къ Соломону. Савейскія, или Аравійскія, благовонія славились въ древности.

щенія соединяться брачными узами: никто также не смѣетъ брать себѣ какую бы то ни было четвертую жену, послѣ троекратнаго вдовства. Хотя послѣднее нынѣ такъ же запрещено Москвитянамъ, какъ въ старину запрещалось уставомъ для Грековъ, со всѣмъ тѣмъ Иванъ Васильевичъ нарушилъ это запрещеніе: этотъ Государь не только взялъ себѣ 4-ю жену, но по несомнѣнному увѣренію Одерборна и Посевина, и седьмую.[110] Да и Митрополитъ его не имѣлъ на столько твердости духа, чтобы поразить его мечомъ проклятія, по примѣру Константинопольскаго Патріярха, Николая, постоянно запрещавшаго Святыя Тайны Императору Льву VI, женатому на 4-й женѣ. Кто женится на второй женѣ, тому возбраняется входъ въ церковь въ продолженіе 2-хъ лѣтъ; а тому, кто на 3-й женѣ, — 20-ть лѣтъ. Одноко жь, ни который бракъ не ставится въ счетъ новообращенному въ Русскую Вѣру, хотя бы разъ десять женатъ былъ въ Латинствѣ, кромѣ того супружества, въ которое вступилъ въ Московской Вѣрѣ. По тому что Латинскіе браки Москвитяне называютъ наложничествомъ, а не супружествомъ. Отъ того-то, когда супруги Латинской Вѣры, впавши оба въ соблазнъ отступничества, вмѣстѣ переходятъ въ еретическую Московскую Вѣру и желаютъ продолжить супружескую жизнь вмѣстѣ, то и обязаны совершить потомъ свой бракъ по Московскому обряду, изъявивъ взаимное на то согласіе предъ лицомъ Церкви. Отсюда необходимое слѣдствіе то, что всѣ, исповѣдующіе Латинскую Вѣру, по мнѣнію Москвитянъ, не законнорожденные, такъ какъ родились въ незаконныхъ бракахъ. А по тому и нечего слишкомъ дивиться, что всѣ мы въ презрѣніи у тѣхъ умовъ, которые одержимы такимъ огромнымъ предразсудкомъ.

Они не гнушаются и разводомъ съ женами, не только изъ заневѣрности, но и изъ за безплодія, даже иногда изъ за отвращенія къ нимъ даютъ имъ разводную, утвержденную властію Церковнаго правленія, дозволяющато имъ брать другую жену. Да и совсѣмъ не странно, что разводы у знатныхъ людей такъ часты,

---

[110] По однимъ 1-я жена Ивана Васильевича была Анастасія Романовна Юрьева, 2-я Марія Темрюковна Княжна Черкаская, 3-я Марѳа Васильевна Собакиныхъ, 4-я Анна Алексѣевна Колтовская, 5-я Анна Васильчикова, 6-я вдова Василиса Мелентьевна, сирѣчь женище, и 7-я Марія Ѳедоровна Нагихъ: по другимъ: 1, 2 и 3-я какъ выше, 4-я Анна Васильчикова, 5-я неизвѣстная Марія, въ черницахъ Марѳа, 6-я Дарья Ивановна Колтовская, 7-я Марія Ѳедоровна Нагихъ. О. Б.

по тому что несчастные, слѣдуя предосудительному обычаю отечества, должны обыкновенно жениться на тѣхъ, которыхъ дозволяютъ имъ видѣть только по совершеніи брачнаго союза Священникомъ въ церкви, но ихъ взаимному согласію, такъ что нерѣдко случается, что они обязаны бываютъ, вмѣсто желанной Рахили, брать навязанную имъ въ супружество Лію, къ обоюдному на будущее время раскаянію въ томъ, что дали обмануть себя.

Люди позажиточнѣе прячутъ своихъ женъ отъ всѣхъ глазъ въ 4-хъ стѣнахъ дома и, не поручая ихъ заботливости никакого хозяйства, осуждаютъ ихъ шить и прясть, какъ бывало древніе Римляне своихъ невольницъ въ ихъ острогѣ. Выходить имъ запрещено, по общему закону мужниной ревности, который отмѣняется чрезвычайно рѣдко для посѣщенія церкви, либо родныхъ. У женщинъ всѣхъ разрядовъ въ Московіи всѣ потребности состоятъ въ ежедневной ѣдѣ да въ нарядахъ: выѣзжая куда ни будь, онѣ носятъ на своемъ платьѣ доходы со всего отцовскаго наслѣдства, и выставляютъ на показъ всю пышность своихъ изысканныхъ нарядовъ, хоть сами никогда не бываютъ опрятны. По тому что если природа и не обезобразитъ ихъ какимъ ни есть недостаткомъ, который исправляется искуствомъ, тѣмъ не менѣе всѣ онѣ натираютъ все лицо съ шеей бѣлилами, а для подкраски щекъ и губъ прибавляютъ еще румянъ. Этотъ ложный обычай подкрашивать себѣ цвѣтъ лица до того укоренился, что даже въ числѣ свадебныхъ подарковъ глупый женихъ посылаетъ невѣстѣ также и румяна, чтобы она себя подделывала. Когда улицы занесутъ снѣгомъ, онѣ выѣзжаютъ въ крытыхъ саняхъ съ слюдяными окошками; въ прочее время года въ колымагахъ, въ сопровожденіи густой толпы слугъ. Но у женщинъ низшаго званія, которыхъ не такъ строго держатъ въ заперти дома, всегда готовы тысячи предлоговъ выдуманныхъ надобностей чтобы позволили имъ ходить, гдѣ угодно. Онѣ не прочь бываютъ и выпить, даже въ запуски попиваютъ съ своими поклонниками и нерѣдко восхищаютъ у нихъ пальму большей даровитости въ этомъ дѣлѣ. Но за то падаютъ въ изнеможеніи среди побѣды. По тому что когда хмѣль отниметъ силу у стыда, онѣ покидаютъ, не спрятавши въ глухую ночь, сокровище своей чести вороватому любострастію волокитъ, либо предлагаютъ его на позорную продажу, ужь, конечно, по самой дешевой цѣнѣ: и мужчины, и женщины, тѣмъ менѣе совѣстятся въ этомъ, что, по самому важному заблужденію ума, полагаютъ, будто бы грѣхъ женатаго съ незамужнею не подходитъ подъ названіе прелюбодѣя-

нія, считая за послѣднее только тотъ грѣхъ, который дѣлается съ замужнею. Москвитяне, всегда пропахшіе чеснокомъ и лукомъ, всѣ безъ различія ходятъ часто въ бани и, закаленные привычкою, подвергаютъ себя безъ перемежки вліянію чрезвычайнаго жара и стужи, безъ всякаго вреда для здоровья. По тому что всѣ въ поту, вызванномъ сильнымъ жаромъ бани, они растягиваются на полкахъ и стараются сѣчь и хлестать себя еловыми вѣтками до тѣхъ поръ, пока разгоряченная кровь, притекши къ кожѣ, не поддѣнетъ подъ нее розоваго чехла. И тогда они выбѣгаютъ совсѣмъ нагіе изъ бани къ рѣчкѣ, которая, по обыкновенію, течетъ, или разливается, очень близко оттуда, и обмываются. Либо, когда суровая зима затянетъ льдомъ воду, которая отъ того и откажется исполнять для нихъ свою обязанность, они прибѣгаютъ къ снѣгу и, послѣ долгаго натиранья имъ, будто мыломъ, возвращаются въ банный жаръ, а потомъ опять бѣгутъ туда же, и повторяютъ этѣ крайности безъ всякой перемежки, но и безъ вреда для себя, сколько имъ будетъ угодно. Въ общественныхъ баняхъ бываютъ въ большомъ числѣ и женщины простого званія; но хотя моются тамъ отдѣльно отъ мущинъ за перегородкой, однако жь совсѣмъ нагія входятъ въ одну дверь съ ними, а если которой ни будь придетъ такая охота, она остановится на ея порогѣ, да и не стыдится разговаривать при постороннихъ съ мужемъ, который моется съ самою вздорною болтовнею. Да даже и сами онѣ, вызвавши кровь такимъ же, какъ и мужья ихъ, сѣченьемъ и хлестаньемъ къ самой кожѣ, тоже бѣгутъ къ ближней рѣкѣ, смѣшавшись съ мущинами, и ни сколько не считая за важность выставлять ихъ нахальнымъ взглядамъ свою наготу, возбуждающую любострастіе.

Странно сказать, а при такой безпорядочной жизни обоихъ половъ въ Московіи, многіе доживаютъ до глубокой старости, не испытавъ никогда и никакой болѣзни. Тамъ можно видѣть сохранившихъ всю силу семидесятилѣтнихъ стариковъ, съ такою крѣпостью въ мускулистыхъ рукахъ, что выносятъ работу вовсе не подъ силу нашимъ молодымъ людямъ. Надо думать, что здоровый воздухъ много помогаетъ такому крѣпкому здоровью, не разстроенному ни у кого изъ нихъ ученьемъ, какъ у насъ. Москвитяне говорятъ, однако жь, будто бы это больше отъ того, что они пренебрегаютъ врачебнымъ искуствомъ. Во всей Московіи нѣтъ ни одного врача, ни аптекаря, [111] и хотя въ мое время Царь давалъ

---

[111] По «Исторіи Медицины въ Россіи,» соч. Рихтера (ч. II, стр. 175), извѣстно,

при своемъ дворцѣ довольно щедрое содержаніе 3-мъ врачамъ, [112] но это надобно приписать только его подражанію иноземнымъ Государямъ, по тому что ни самъ онъ никогда не пользуется ихъ трудами, ниже кто либо другой изъ Москвитянъ. Захворавшіе презираютъ всѣ правильныя средства Иппократа, едва дозволяя прикладывать себѣ наружныя лѣкарства. Скорѣе прибѣгнутъ къ заговорамъ старухъ и Татаръ. А при отвращеніи отъ пищи и для утоленія жара употребляютъ водку и чеснокъ.

Едва пробывъ 4-ре недѣли въ Москвѣ, послѣ пріѣзда туда, я почувствовалъ, что меня схватила лихорадка. Обождавъ три дня, я рѣшился прибѣгнуть къ помощи Эскулапа. На мой вопросъ: найдется ли въ городѣ кто ни будь свѣдущій во врачебной наукѣ, мнѣ отвѣчали, что такихъ трое: Итальянецъ, Нѣмецъ и Англичанинъ. Мнѣ, Итальянцу, [113] понравился Итальянецъ. Хоть и было прибавлено о немъ, что отъ него отяжелѣла одна плѣнная Полька, перешедшая въ Московскую Вѣру, и что за это сослали бы его въ Сибирь, но, во избѣжаніе такого наказанія, онъ и самъ грѣшнымъ образомъ перешелъ въ эту Вѣру, въ самомъ ли дѣлѣ, или притворно, подвергнувшись новому крещенію; однако жъ я разсудилъ, что все это не можетъ отнимать у него знанія и опытности, да еще и облегчитъ для него доступъ ко мнѣ, какъ для человѣка, не такъ подозрительнаго у Москвитянъ. Велю позвать его. Объ этомъ докладываютъ Приставу, Приставъ Канцлеру, Канцлеръ Вели-

---

что въ то время въ Москвѣ была уже Придворная аптека въ Кремлѣ, и одна частная, называвшаяся Новою. Равномѣрно поименованы и шесть аптекарей. Впрочемъ, ниже Майербергъ утверждаетъ, что Царь содержалъ за большое жалованье нѣсколькихъ аптекарей. О. Б.

[112] Рихтеръ, въ своей «Исторіи Медицины въ Россіи» (ч. II, стр. 265), называетъ ихъ по именамъ; это: Англичанинъ Самуилъ Колинсъ, жившій въ Россіи съ 1659 по 1667 г.; возвратясь въ Англію, онъ издалъ весьма замѣчательное сочиненіе о Россіи: «The present state of Russia,» напечатанное въ Лондонѣ 1671 года, переведенное на Русскій покойнымъ П. В. Кирѣевскимъ подъ заглавіемъ: «Нынѣшнее состояніе Россіи» и пр. и помѣщенное въ 1-й книгѣ «Чтеній въ Импер. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» 1846 г., Отд. III, стр. (1—177). Другой былъ Нѣмецъ Андрей Энгельгардтъ съ 1656 по 1666 г. Третій—Еврей Стефанъ фонъ Гагенъ, изъ Польши, а не изъ Италіи. О. Б.

[113] Слѣдовательно, это пишетъ не Майербергъ, но, по замѣчанію Аделунга (стр. 98—99), товарищъ его, Кальвуччи, родомъ Итальянецъ. Впрочемъ, и въ другихъ мѣстахъ замѣтно то же самое. О. Б.

кому Князю, не безъ того, чтобы дѣлу не замѣшкаться на два дня. Великій Князь соглашается на мою просьбу и велитъ врачу отправиться ко мнѣ. Межъ тѣмъ, какъ я жду его, мнѣ докладываютъ, что пришелъ Англійскій врачъ и говоритъ, что явился ко мнѣ по приказанію Великаго Князя. Не предвѣщая себѣ ни чего хорошаго отъ лѣченья, при самомъ началѣ котораго столкнулся я съ такимъ недоразумѣніемъ (quid pro quo) относительно самого лѣкаря, велю слугѣ сказать, что онъ засталъ меня спящимъ, а слуга не смѣетъ будить, но что доложитъ мнѣ объ его посѣщеніи, когда проснусь. Благодѣтельный Анличанинъ ушелъ, а Итальянца все нѣтъ. Навѣщаютъ меня Приставы, спрашиваютъ, приходилъ ли онъ. Отвѣчаю, что нѣтъ, и они уходятъ съ увѣреніями, что сейчасъ же пришлютъ его. Однако жь не дѣлаютъ того, да еще одинъ изъ нихъ, вернувшись, вретъ, будто бы Итальянецъ уѣхалъ, не извѣстно ему, куда, и спрашиваетъ, за чѣмъ это я отказался пользоваться у Англичанина, перваго Царскаго врача, самаго доки во врачебной наукѣ, которому по праву дано преимущество лѣчить всѣхъ знатныхъ людей. Отвѣчаю, что о лѣкарѣ я сужу такъ же, какъ и объ исповѣдникѣ, по тому что первому ввѣряемъ тѣло, а послѣднему душу. Но никогда же не бывало со мною, чтобы, по просьбѣ моей о Священникѣ, который бы исповѣдалъ меня, хотя бы во все не носилъ никакого особеннаго сана, отъ братіи какого ни будь монастыря прислали ко мнѣ лучше Игумена, либо Строителя, или Казначея, чѣмъ простого монаха. Я просилъ себѣ Итальянца, по тому что всегда былъ увѣренъ, что всякой народъ получилъ свѣдѣнія о природномъ тѣлосложеніи своихъ соплеменниковъ по болѣе вѣрнымъ опытамъ, нежели прочихъ людей; стало быть, умѣетъ употребить и вѣрнѣйшія средства для изгнанія болѣзни. Я отказалъ Англичанину въ томъ мнѣніи, что онъ приходилъ ко мнѣ по ошибкѣ, но ни сколько не сомнѣвался въ удовлетворительности его свѣдѣній; только послѣ того, какъ я уже обидѣлъ его отказомъ, благоразуміе не дозволяло мнѣ принять его опять. Эти мои доводы, неотступныя просьбы, лихорадка, усиливавшаяся съ каждымъ днемъ, склонили бы всякаго другого доставить мнѣ то утѣшеніе, котораго такъ просилъ я, но они не произвели ни малѣйшаго дѣйствія на каменныя сердца Москвитянъ. Не падая, однако жь, духомъ, я хорошо помнилъ наставленіе Амвросія, что гдѣ нѣтъ никакой помощи отъ людей, тамъ необходимо присутствуетъ Божія помощь. При непосредственной Божіей по-

помощи я и выздоровѣлъ, и тогда узналъ причину, по чему отказали мнѣ въ лѣкарѣ Итальянцѣ.

Въ то время, въ числѣ другихъ военноплѣнныхъ, содержался подъ стражею Наказной Гетьманъ (Dux campestris) и Подскарбій (Thesaurarius) Литовскаго Княжества, Викентій Корвинъ Гонсѣвскій (Corvinus Gosievius); доступъ къ нему запрещенъ былъ для всѣхъ, какъ водится у Москвитянъ. Уже съ годъ чувствуя разстроеннымъ свое здоровье, онъ просилъ позволенія прислать къ нему какого ни будь врача. Итальянецъ, которому Царь велѣлъ посѣтить его, нашелъ его гуляющаго на дворѣ, для освѣженія себя воздухомъ и для движенія тѣла. Тутъ же одинъ изъ нихъ разсказалъ свою болѣзнь, со всѣми ея признаками, а другой прописалъ ему лѣкарство и правила относительно ежедневнаго образа жизни, и между прочимъ очень хвалилъ употребленіе кремортартара. Между тѣмъ, насторожившi уши, Сотенный Начальникъ военной стражи (militum Centurio) ловилъ ихъ рѣчь и, подслушавъ, часто упоминавшееся слово, кремортартаръ (cremoris tartaris), заподозрилъ, по сходству именъ, что они говорили о Крымскихъ Татарахъ (Tartaris Crimensibus), прибѣжалъ къ Царскому тестю, Боярину Ильѣ Даниловичу, судьѣ всѣхъ занимающихся по должности врачебнымъ искуствомъ, и донесъ на лѣкаря, что онъ съ Литовскимъ непріятелемъ велъ долгіи разговоръ о союзныхъ съ Литовцами Татарахъ. А къ этому же случаю, на канунѣ того дня, прибылъ въ Москву гонецъ съ несчастной вѣстью, что Татары окружили со всѣхъ сторонъ Шереметева. [114] Тотчасъ же позвали лѣкаря, и поставили его предъ Ильею, точно виноватаго въ самомъ тяжкомъ преступленіи. Илья съ негодованіемъ упрекалъ его въ тѣхъ благодѣяніяхъ, что, будучи самъ плѣнникомъ, не только получилъ свободу, но и взятъ въ лѣкаря, съ назначеніемъ щедраго жалованья, и приведенъ въ истинную Христіанскую Вѣру посредствомъ правильнаго крещенія, если только Богу это угодно; потомъ спросилъ, за чѣмъ это онъ такъ разболтался, съ Великокняжескимъ недругомъ о союзникахъ его, Крымскихъ Татарахъ? Тотъ изумился и, взявъ себѣ въ защитники свою совѣсть, отвѣчалъ, что

---

[114] Это Василій Борисовичъ Шереметевъ, сынъ Боярина Бориса Петровича (у. 1650 г.), и самъ Бояринъ (у. 1690 г.). Онъ бымъ дважды въ осадѣ: у Любаря, въ Августѣ (7-го), и у Чуднова, въ Сентябрѣ (7-го), Поляками, Татарами и Козаками (тремя полками), сдался и уведенъ въ Крымъ. О. Б.

вовсе не говорилъ о томъ. Для улики привели потомъ свидѣтеля слышаннаго, Сотеннаго Начальника. Тогда, сообразивъ весь разговоръ свой съ Гонсѣвскимъ, лѣкарь тотчасъ же замѣтилъ ошибку, вышедшую изъ слышаннаго Сотеннымъ Начальникомъ названія кремортартара, и разсказалъ ее. Однако жъ, едва не получилъ названія изворотливаго перетолковщика своихъ словъ. Только что зародившееся разъ подозрѣніе къ лѣкарю крѣпко засѣло въ головѣ у Ильи, какъ вдругъ онъ слышитъ, что Царь назначилъ Итальянца лѣчить меня; онъ вмѣшался въ это и, по данной ему власти, остановилъ лѣкаря ити ко мнѣ, велѣвъ послать, вмѣсто его, Англичанина. И ни многократныя мои просьбы, ни съ каждымъ днемъ входившая въ силу моя болѣзнь, не склонили его отмѣнить свое упрямое запрещеніе.

Если сообразить здраво, что нравственныя добродѣтели пріютились въ промежуточной средѣ между противоположными имъ пороками, то нечего будетъ такъ удивляться, что еще рѣдкіе изъ Москвитянъ стали твердой ногой на этой средней дорогѣ. По тому что въ человѣкѣ, послѣ искаженія грѣхомъ его природы, душевныя склонности, вводимыя въ соблазнъ примѣрами, и внѣшнія чувства, находящіяся подъ обаяніемъ обманчивыхъ предметовъ, легко свергаются по крутизнамъ заблужденій въ предѣлы порока, если умъ не имѣетъ себѣ руководителя въ свободныхъ наукахъ и въ философіи, своей, или чужой, какъ дитя въ его нянькѣ. Къ сожалѣнію, всѣ Москвитяне лишены этого пособія, по собственной ихъ винѣ. Только мотовство никогда не находило къ нимъ доступа. Пройдите всю Московію, во всю ширину ея, и вы никогда не найдете мота, никогда не услышите, чтобы кому ни будь изъ мотовства запрещено было управленіе имѣніями и даны ему опекуны.

Въ Смоленскѣ разрѣшилась, съ Божіей помощію, [115] отъ бремени жена Князя Петра Долгорукаго, тогдашняго областнаго Воеводы, происходившаго изъ древняго рода Рюриковичей, непрерывно семь столѣтій правившихъ Россіей. [116] Соблюдая отеческій обычай, онъ увѣдомилъ, чрезъ разныхъ гонцовъ, всѣхъ городскихъ

---

[115] Въ подлинникѣ: «obstetricante Lucina». Эта Люцина помогала древнимъ во всемъ, что касается дѣторожденія.

[116] Это Князь Петръ Алексѣевичъ, сынъ Воеводы Алексѣя Григорьевича (ум. въ Іюнѣ, 1644 г.), Окольничій, скончался въ Февралѣ, 1669 г. О. Б.

Бояръ изъ своего рода о благополучномъ разрѣшеніи жены. По обыкновенію, тотчасъ же всѣ сошлись къ ней, и безвременнымъ посѣщеніемъ были въ тягость родильницѣ, только что обмытой отъ ея нечистотъ и лежавшей съ потрясенными отъ болей при родахъ силами. Изъ толпы поздравителей выдѣлялся Князь Никита Ивановичь Одоевскій (Nikita Juanowitz Odojowski), и самъ тоже изъ Русскаго Княжескаго рода, чрезъ Святослава, третьяго сына Великаго Князя Московскаго Ярослава, третій между Царскими Думными Боярами, Астраханскій Намѣстникъ и Великій Полномочный Посолъ при мировыхъ переговорахъ съ Поляками, [117] да его товарищъ Канцлеръ Алмазъ Ивановъ. Обычай требовалъ, чтобы всѣ подносили какой ни будь подарокъ родильницѣ: этотъ Князь Одоевскій, потомокъ стольких вѣнценосныхъ лицъ, съ приличною щедростью, подарилъ ей одинъ золотой (червонецъ, unico aureo), а товарищъ его — 30 серебряныхъ копѣекъ (triginta argenteis copikis), которыя не составляютъ по вѣсу и полуталера на наши деньги.

Купцы всегда подкрѣпляютъ свои обманы ложной божбой и клятвой при торговыхъ сдѣлкахъ; эти люди такой шаткой честности, что если торгъ не тотчасъ же конченъ отдачею вещи и уплатой цѣны за нея, то они легкомысленно разрываютъ его, если представится откуда ни будь позначительнѣе барышъ. Въ ремесленникахъ тоже совсѣмъ нѣтъ добросовѣстности и вѣрности. Въ Москвѣ нашъ Священникъ далъ Русскому обойщику Персидскаго двуличневаго ситца, да другого попроще для подкладки и еще ваты,

---

[117] Князья Одоевскіе считаютъ родоначальникомъ своимъ Князя Семена Юрьевича, въ XV колѣнѣ отъ Рюрика и въ X-мъ отъ Святослава Ярославича (у. 1076 г.), который, по нѣкоторымъ сказаніямъ, былъ собственно 4-мъ сыномъ Ярослава Владимировича. Сынъ Семена Михайловича (3-го сына извѣстнаго В. Кн. Михаила Черниговскаго, замученнаго въ Ордѣ (1246 г.), Князя Глуховскаго и Новосильскаго, жившаго въ Новосилѣ, Романъ Семеновичъ, избѣгая нападеній Татаръ, перешелъ въ Одоевъ (въ нынѣшней Тульской Губерніи); потомки его раздѣлились на 3 линіи: Князья Бѣлевскіе, угасшіе въ XVI стол., Воротынскіе въ концѣ XVII, и Одоевскіе въ наше время, со смертію Кн. Владимира Ѳедоровича, Тайн. Сов., 27 Февр., 1869 г. Князь Никита Ивановичъ, въ XX колѣнѣ отъ Рюрика, а въ V-мъ отъ Семена Юрьевича, Бояринъ и одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ государственныхъ дѣятелей своего вѣка, управлялъ Приказами Казанскимъ и Сибирскимъ, предсѣдательствовалъ въ Коммисіи Уложенія Царя Алексѣя Михайловича, скончался въ глубокой старости (въ концѣ 9-го десятка), 12-го Февраля, 1689 года. О. Б.

чтобы онъ, положивъ эту послѣднюю, какъ должно, межъ о бо ими ситцами, сшилъ своей ученой иглой одѣяло. Но зная наглое мошенничество такихъ людей, Священникъ все это предусмотрительно свѣсилъ сначала на глазахъ обойщика. Послѣдній принесъ сшитое одѣяло въ свое время и такого же вѣса, даже еще немного тяжеле, а это, по словамъ его, надо полагать отъ того, что прибавились еще швы. Одѣвшись одѣяломъ, Священникъ всю ночь чувствовалъ на себѣ тяжесть, но ни сколько не согрѣвался подъ нимъ: онъ не зналъ, что и подумать. Въ такомъ его недоумѣніи одинъ изъ стрѣльцовъ, ночевавшихъ у насъ въ этотъ день на караулѣ, увѣрилъ его, что тутъ кроется плутовство, вызываясь быть очнымъ свидѣтелемъ того. Вотъ Священникъ распоролъ слегка одѣяло, и увидалъ, что вата смочена водой, для того, чтобы присталъ къ ней самый легкій песокъ, насыпанный, въ замѣну сворованной ея половины. А какъ только пришелъ онъ въ мастерскую къ ремесленнику, чтобы выговорить ему за плутовство, то услышалъ, что онъ оставилъ городъ и отправился на берега Сѣвернаго Океана, что была тоже ложь: негодяй никуда не уѣзжалъ, а спрятался, понадѣявшись на нашъ отъѣздъ на другой день изъ Москвы, какъ ходила тогда молва. Но какъ этотъ отъѣздъ сверхъ его ожиданія, былъ отложенъ, съ досады онъ выбрался изъ своего убѣжища. Позванный Священникомъ въ судъ, онъ не сознался въ плутовствѣ, и, однако же, никакого наказанія не было ему сдѣлано, въ видахъ исправленія. Стало быть, нечего и дивиться, что этотъ родъ людей занимается плутовствомъ и воровствомъ, такъ какъ часто можетъ случаться, что вина счастливо сойдетъ имъ съ рукъ, а между тѣмъ отъ скрытаго воровства они наживаются, и отъ обнаруженнаго имъ тоже нѣтъ никакого убытка, потому что для исправленія наказываютъ ихъ не больше, какъ возвращеніемъ украденной вещи.

Царства, области и города, подвластные Московскому владычеству, управляются Намѣстниками (per Praefectos), называемыми у Москвитянъ Воеводами (Wajvodas), которыхъ управленіе, однако же, продолжается рѣдко больше трехъ лѣтъ. Они управляютъ во всемъ согласно съ постановленіями, которыя, въ 1647 году, [118] Алексѣй велѣлъ составить по древнимъ неписаннымъ обычаямъ и, напечатавъ, хотѣлъ сдѣлать общимъ закономъ; а такъ какъ лица,

---

[118] Въ 1648—49? О. Б.

пользующіяся расположеніемъ Государя, получаютъ даромъ его милости, точно водопроводныя трубы воду, но никому не отводятъ ее даромъ, то необходимо нужно располагать этихъ любимцевъ къ себѣ множествомъ подарковъ для полученія должности. А чтобы воротить съ лихвою свои убытки на это, Воеводы, не уважая предписаній закона, недовольствуются стрижкою народнаго стада, имъ ввѣреннаго, но не боятся сдирать съ него еще и шкуру, въ той увѣренности, что жалобы его имѣютъ такой сиплый голосъ, что не дойти ему до Царскаго слуха, только бы стало добычи съ ограбленныхъ, какъ для собственной жадности, такъ и на пріобрѣтеніе расположенія къ себѣ тѣхъ любимцевъ, для новой безнаказанности. Дѣло не стоитъ у нихъ и за остроумной выдумкой для обиранія въ тихомолку своихъ овечекъ, которыя пожирнѣе: они задаютъ пиры, и съ каждымъ годомъ чаще зовутъ на нихъ областныхъ дворянъ и купцовъ позажиточнѣе, чтобы, удостоившись такой необыкновенной почести, эти лица приносили имъ щедрые подарки по отеческому обычаю. Приговоры продаютъ съ торга: рѣшаютъ въ пользу той стороны тяжущихся, которая принесетъ больше. Преступники покупаютъ себѣ безнаказанность; злодѣи притупляютъ лезвіе меча правосудія, подставляя подъ удары его золотые щиты. Да и сами судьи, для затрудненія улики себѣ въ несправедливости своихъ притоворовъ, закрываютъ на судѣ глаза, чтобы подкупленные свидѣтели тѣмъ смѣлѣе дѣлали свои ложныя показанія, или для оправданія правдиваго обвиненія, или для подтверженія насказанной клеветы, чѣмъ богаче награду получатъ за свою ложь.

Всѣ Бояре безъ исключенія, даже и сами Великокняжескіе Послы у иностранныхъ Государей, вездѣ открыто занимаются торговлей. Продаютъ, покупаютъ, промѣниваютъ безъ личины и прикрытія: сами продавцы, сами маклеры заставляютъ почетный Посольскій санъ служить низкому промыслу. Не можемъ, однако жь, не признаться съ негодованіемъ, что такая низость чернитъ нѣкоторыхъ лицъ и изъ болѣе образованныхъ народовъ, да даже иногда и изъ нашего.

Я ужаснулся, услыхавъ въ Москвѣ о жадности даже и въ самомъ нищенствѣ. Четверо нищихъ, для корыстолюбія которыхъ мало было обыкновенныхъ подаяній, составили между собою общество кражи дѣтей, чтобы трогательной мольбой приводить въ сострааніе души благочестивыхъ людей, въ видахъ болѣе щедрой милостыни. Двое, или трое, изъ нихъ подстерегали дѣ-

тей и замѣтивъ такихъ, которые ушли далеко отъ глазъ матерей, увлекшись дѣтскимъ любопытствомъ, они тихонько приманиваютъ ихъ къ себѣ, протянувъ руку съ яблокомъ, или Грецкимъ орѣхомъ, а потомъ и уводятъ. А приведши къ себѣ въ жилье, ломаютъ имъ руки, или ноги, либо то и другое, или выкалываютъ глаза, либо портятъ другіе какіе члены у несчастныхъ. Если такое мученье убьетъ кого ни будь изъ дѣтей, эти пагубные ночные могильщики хоронятъ его, зарывая въ землю въ подпольѣ своего жилья. А прочихъ, переживших свою боль, водятъ съ собою на перекрестки, показываютъ проходящимъ съ притворными жалобами, будто родныхъ дѣтей невинно наказанныхъ увѣчьемъ отъ мачихи природы еще во чревѣ матери, и просятъ, чтобы, изъ сожалѣнія къ такому несчастію, не поскупились сотворить щедрую милостыню на прокормленіе бѣдняковъ. Семнадцать лѣтъ долготерпѣніе Божіе сносило жестокую жадность сихъ злодѣевъ: во все это время они украли и измучили множество дѣтей. Безнаказанность все только придавала имъ духа продолжать свои злодѣйства, какъ вдругъ Богъ явилъ на нихъ десницу своего правосудія, и милостивымъ наказаніемъ удержалъ отъ грѣховъ убійцъ. Одинъ изъ нихъ сидѣлъ на улицѣ съ обезображеннымъ и изувѣченнымъ ребенкомъ. Этотъ, разумѣется, горько и безполезно рыдалъ, но вдругъ, узнавъ, случайно проходившую мимо, свою мать, обернулся къ ней и, залившись, слезами закричалъ: «Мама, Мама!» Удивившись знакомому голосу сына, она пристально посмотрѣла на него, и узнала его хоть и обезображеннаго увѣчьями дѣтскаго вора; а когда ребенокъ, сильно зарыдавши, поползъ къ ней, она протянула къ нему руки и взяла его. Какъ громомъ пораженный, злодѣй былъ потомъ схваченъ прибѣжавшими людьми, назвалъ еще троихъ товарищей преступленія, которые и были посажены въ темницу; мы не слыхали, однако жь, было ли кому изъ нихъ какое ни есть наказаніе.

30-го (20) Іюля Царь, проходя въ церковь Святаго Иліи, находившуюся неподалеку отъ насъ, для чествованія его памяти ежегоднымъ празднествомъ, прислалъ къ намъ довѣреннаго своего Дьяка Дементьева (Diakum Dementi), спросить о здоровьѣ его любезнѣйшаго брата Императора, и потомъ о нашемъ

Священныя зданія въ Московіи посредственной обширности внутри, и всѣ построены по одному образцу. Въ нихъ въ одни и тѣ же часы, по установленному порядку, даже и ночью, Священ-

ники, Дьяконы и прочіе церковнослужители, поютъ, что слѣдуетъ, тихими голосами на своемъ родномъ языкѣ. Внутри каждой церкви стѣна противъ главнаго входа, соприкасаясь по обѣ стороны къ боковымъ стѣнамъ, возвышена во всю ширину ея и имѣетъ трои проходныя двери. У тѣхъ дверей, которыя на лѣво отъ зрителя и направо отъ двернаго косяка, повѣшенъ образъ Спасителя, а у лѣваго косяка—образъ Богородицы Дѣвы. Остальное пространство всей церкви уставлено кругомъ по стѣнамъ разными образами, принадлежащими частнымъ лицамъ, которыя и зажигаютъ предъ ними восковыя свѣчи во время богослуженія. Въ среднія двери видѣнъ небольшой престолъ, назначенный для приношенія жертвы, покрытый одеждой и висящимъ до полу покровомъ; посреди его подъ Серафимомъ чаша, направо лежащее, но не стоящее, распятіе, на лѣво кладутъ книгу Евангелій. Каждый день въ 3 часа до полудня, послѣ долгаго колокольнаго звона, на этомъ престолѣ совершается таинство, по одному разу въ день, на Московскомъ языкѣ (Moschovitica lingua), нерѣдко въ присутствіи одного богомольца въ будни, и при большомъ ихъ стеченіи въ праздники; употребленіе органовъ и другихъ музыкальныхъ инструментомъ при церковныхъ, службахъ, къ сожалѣнію, изгнано. Священникъ одѣтъ въ бѣлую столу (подризникъ), Дьяконъ въ стихарь, сшитый на обоихъ бокахъ; сверху надѣваютъ длинную одежду, идущую наискось съ праваго плеча на лѣвое. Женщины благороднаго званія, которымъ достались мужья не такъ сердитые и ревнивые, получаютъ иногда отъ нихъ позволеніе ходить въ церковь, входятъ въ особенную дверь, оттворяемую со стороны церковнаго погоста, на отгороженное мѣсто за рѣшеткой, устроиваемое на лѣвой сторонѣ въ каждой церкви (кромѣ Соборной), и стоятъ тамъ, укрытыя отъ глазъ мужчинъ. Когда же Священникъ, возжегши ладанъ (Sabaeum odorem), подойдетъ и повернется къ нимъ, по обыкновенію, слегка покачивая кадиломъ, слѣдующимъ за движеніемъ его руки, для того, чтобы оно дымилось, онъ держитъ глаза внизъ, изъ страха оскорбить какую ни будь женщину своимъ взглядомъ чрезъ рѣшетку. А женщины простого званія обыкновенно никогда не посѣщаютъ храмовъ, развѣ только въ такое время, когда никого нѣтъ, чтобы поклониться иконамъ. Въ нѣкоторые большіе праздники присутствуетъ и Великій Князь, подъ сѣнію [119] направо отъ церковнаго входа, въ Царскомъ облеченіи и въ вѣнцѣ, а напротивъ

---

[119] Балдахиномъ.

его, на лѣво, Патріярхъ въ митрѣ и съ посохомъ, если только не служитъ самъ; для обоихъ поставлены кресла, чтобы они могли садиться при чтеніи Апостола. Въ прочее время они стоятъ. Другіе же богомольцы никогда не садятся, и такъ какъ сидѣть Москвитянамъ не позволено въ церквахъ, то по тому тамъ вовсе нѣтъ и мѣстъ для сидѣнья, но вокругъ по стѣнамъ подѣланы лавки, чтобы присѣсть на нихъ только во время назидательнаго чтенія изъ Священнаго Писанія за утренней службой. Моленіе Богу на колѣняхъ называютъ достойнымъ проклятія подражаніемъ Преторіянскимъ воинамъ Пилата, которые ругались надъ Спасителемъ, преклоняя колѣна. Ни кто не творитъ шепотомъ молитвы за службою, даже не шевелитъ и губами, не желая прослыть колдуномъ, нашептывающимъ свои волшебные наговоры. Вся молитва, въ подраженіе молитвѣ Евангельскаго мытаря, состоитъ въ тысячекратномъ повтореніи: «Господи, помилуй (Gospodi, pomilui), (Domine, miserere) при осѣненіи себя столько же разъ крестнымъ знаменіемъ. Евангеліе слушаетъ Царь безъ вѣнца, который тогда снимаетъ кто ни будь изъ Бояръ, а по окончаніи чтенія тотъ же Бояринъ надѣваетъ на него опять. Передъ тѣмъ, какъ Священнику должно совершать приношеніе въ жертву хлѣба, онъ возлагаетъ его на голову Дьякону, и этотъ, вышедши изъ двери у лѣваго клироса въ церковь, проноситъ его чрезъ среднія двери въ алтарь. Въ это время вѣнецъ опять снимается съ Царя: и самъ онъ, и всѣ прочіе, поклонившись въ землю, оказываютъ неслѣдующее почтеніе (praepostera adoratione) хлѣбу. А потомъ, когда Дьяконъ положитъ его на престолъ, и среднія двери затворятся, Священникъ оканчиваетъ остальное священнодѣйствіе; но во время освященія жертвы, и Царь опять въ вѣнцѣ, и прочіе предстоящіе, каждый занимаясь своимъ: «Господи, помилуй!» передъ собственнымъ образомъ по ихъ Вѣрѣ, и уже не оказываютъ никакого благоговѣнія къ освященному хлѣбу. Если Царь изволитъ пріобщаться, то, снявъ съ себя вѣнецъ, подходитъ къ жертвеннику (престолу), чего не дозволяетея никому изъ прочихъ. Они подходятъ только къ порогу среднихъ дверей, гдѣ встрѣчаетъ ихъ Священникъ и пріобщаетъ. Подъ конецъ обѣдни Царь, снявъ царственное украшеніе съ головы, идетъ прикладываться къ образамъ, начиная съ образа Спасителя, потомъ постепенно переходитъ изъ набожности къ образу Богородицы, Святаго Николая и прочихъ Святыхъ, повторяя для каждаго три раза крестное знаменіе, «Господи, помилуй!» и поклонъ, съ самымъ умиленнымъ изъявленіемъ благочестія. По окончаніи обѣдни всѣ уходятъ

люди изъ благороднаго званія обѣдать, а изъ сословія купцовъ и ремесленниковъ работать и торговать, отперши свои лавки и мастерскія. Проповѣдей никакихъ не бываетъ, чтобы, какъ объявляютъ Москвитяне, заблудшимъ умамъ не давать случая научать народъ ереси. Но кто же когда либо будетъ у нихъ въ силахъ взять на себя дѣло проповѣдника, если только хорошее чтеніе и письмо составляютъ весь верхъ Московской учености?

Въ послѣдній день Сентября Великій Князь отправился въ знаменитый монастырь Пресвятой Троицы, въ 60 верстахъ отъ Москвы, по дорогѣ къ Переяславлю (Pereaslaviam versus), чтобы поклониться мощамъ своихъ Святыхъ: Сергія, нѣкогда тамошняго Игумена, и ученика его, Никона, и прислалъ къ намъ, часто упоминаемаго, Князя Алексѣя Ивановича Буйносова-Ростовскаго, увѣдомить насъ о томъ и спросить, здоровы ли мы? Мы изъявили чрезъ него нашу покорнѣйшую благодарность Царю, желаніе ему благополучнаго пути, для исполненія его обѣта, и возвращенія назадъ въ добромъ здоровьи. На походѣ онъ увидѣлъ, въ одной изъ городскихъ улицъ, нѣсколькихъ нашихъ служителей, которые привѣтствовали его почтительнымъ поклономъ, и послалъ освѣдомиться, изъ нашего ли они общества? Получивъ утвердительный отвѣтъ, посланный спросилъ еще отъ Царскаго имени, здоровы ли они? и потомъ воротился къ своему Государю съ ихъ отвѣтомъ и благодарностью.

Москвитяне признаютъ заступленіе Святыхъ; но такъ какъ ни мало не вѣрятъ немедленному суду душъ, лишь только онѣ разлучатся съ тѣломъ, то необходимо должны допустить, что, по вознесеніи Христа на небо, ни кто изъ умершихъ Святыхъ не попалъ туда, по тому что еще не былъ судимъ (если, по исключительному своему мнѣнію, не хотятъ различать промежуточнаго мѣста между раемъ и адомъ.) [120] Но если Святые иначе не въ состояніи имѣть свѣдѣнія о нашихъ, обращенныхъ къ нимъ, молитвахъ, какъ только посредствомъ созерцанія Бога, которымъ они блаженны, и чрезъ котораго, какъ въ зеркалѣ, является и открывается имъ все, до нихъ относящееся, чтобы не имѣли ни въ чемъ недостатка для полнаго блаженства, то какъ же могутъ они знать наши молитвы къ нимъ и присоединять еще свои къ Богу, если, по вѣрѣ Москвитянъ, не наслаждаются еще такимъ его созерцаніемъ?

---

[120] Разумѣется, чистилище.

Но думая о томъ, весьма чтутъ Пресвятую Дѣву и Николая Мирскаго. Приняли даже и праздникъ перенесенія его тѣла, установленный, въ 1096 году, Римскимъ Первосвященникомъ Урбаномъ II-мъ, [121] сохраняютъ его и нынѣ, не смотря на то, что Греки никогда не допускали этого празднества. Но всѣ ли прочіе, которымъ они молятся, святы предъ Богомъ, въ этомъ можетъ еще усомниться всякой: извѣстно, что въ число мучениковъ они внесли нѣсколько такихъ, о которыхъ должно еще сомнѣваться, не сражались ли они подъ знаменами Стефана (sub Stephani vexillo), такъ какъ причина муки, а не самая мука, дѣлаетъ святымъ мученикомъ. Рожденный внѣ брака, Владиміръ, первый изъ Московскихъ Князей, приведенный въ Христіянскую Вѣру таинствомъ животворнаго крещенія, по этому и называется Святымъ у Москвитянъ и въ Греческомъ Мѣсяцословѣ (Menologium), хотя онъ былъ многоженецъ и разными убійствами и хищеніями возвысился въ Русскіе Государи да и послѣ крещенія ничего и никогда не возвращалъ изъ того что присвоилъ себѣ. Когда онъ умеръ, его дѣти, спорившіе между собою изъ за власти, старались вредить другъ другу взаимными кознями. Изъ нихъ Святополкъ (Suatopolchus), захватившій силою Кіевъ и подославъ убійцъ, погубилъ своихъ братьевъ, Князя Ростовскаго Бориса (Borissum), по Христіянскому имени Романа, и Глѣба (Chlebum), въ крещеніи Давыда, Князя Полоцкаго (Polociensem). [122] Русскіе внесли ихъ въ книгу мучениковъ и празднуютъ ихъ память 24-го Іюля. [123] Тѣла ихъ перенесены въ Москву; [124] празднество же построенія въ честь ихъ церкви отправляется 2-го Мая. [125] Мнѣ

---

[121] Изъ Муръ Ликійскихъ (Myra, у Турковъ Дембре, главный городъ Ликіи, недалеко отъ моря) въ Баръ градъ (Barium, Bari), въ Италіи, на берегу Адріатическаго моря. Празднованіе сіе установлено Митрополитомъ Ефремомъ (скопцомъ), такъ какъ перенесеніе мощей Святителя Николая происходило въ его время. О. Б.

[122] Не Полоцкаго, а Муромскаго. О. Б.

[123] Не въ Москву, а Вышгородъ, въ церковь Св. Василія. О. Б.

[124] Борисъ умерщленъ Іюля 24, а Глѣбъ Сентября 5-го дня. О. Б.

[125] Т. е., въ новопостроенную каменную церковь (изъ ветхой деревянной) въ томъ же Вышгородѣ для нихъ, какъ «заступниковъ Русьстѣй земли, молящихся выну о своихъ людехъ.» Она построена, въ 1112 г., Олегомъ, но Святополкъ не согласился на перенесеніе раки ихъ въ оную. По смерти же его, уже при Владимірѣ Мономахѣ, церковь эта освящена 1-го Мая, а перенесеніе было на другой день. См. Житіе Бориса и Глѣба по харатейному списку XII вѣка, изданное мною въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» 1870 г. кн. 1, Отд. 3. О. Б.

извѣстно мнѣніе кое-какихъ лицъ, которыя для того, чтобы помѣстить ихъ въ ликъ мучениковъ, находятъ себѣ опору въ словахъ Доктора Ангелика (Doctoris Angelici), увѣряющаго, что къ мученикамъ должно причислять не только убитыхъ за Христіянскую Вѣру, но и за любовь къ какой ни будь человѣческой добродѣтели, и говорятъ, будто бы для мученическаго вѣнца Бориса и Глѣба была достаточною та причина, что они лучше хотѣли лишиться жизни и Царства, нежели, сохранивъ то и другое, подвергнуть своихъ подданныхъ войнѣ и многочисленнымъ бѣдамъ одного съ нею согласія. А я, держась съ уваженіемъ ученія Святаго Ѳомы, разсуждаю о дѣлѣ такъ: братъ Бориса и Глѣба старался разными коварными кознями и происками умертвить ихъ; одинъ изъ сихъ братьевъ напрасно принужденъ былъ спасаться отъ нихъ бѣгствомъ; [126] наконецъ оба не избѣгли ихъ, и нежданно, негаданно, подосланные злодѣи лишили ихъ жизни; слѣдовательно, ученіе Святаго Доктора (Sancti Doctoris) не легко можно примѣнить къ нимъ. Да что? Развѣ Давыдъ былъ не угоденъ Богу? Однако жъ, во время возмущенія самаго любимаго сына своего, Авессалома, не подставилъ же горла для отцеубійства, а тразилъ оружіе оружіемъ и наказалъ мятежника, хоть неохотно и съ плачемъ. Плохо пришлось бы добрымъ Государямъ, да и подданнымъ, законно ввѣреннымъ отъ Бога ихъ защитѣ, если бы мы стали хвалить ихъ за то, что они не оказывали ни малѣйшаго сопротивленія умысламъ противъ нихъ нечестивцевъ, и раздавать мученическіе вѣнцы такимъ, которые, пренебрегая вполнѣ необходимою войной въ защиту себя и подданныхъ, сами еще помогаютъ злодѣямъ наносить себѣ обиды, и такимъ образомъ награждаютъ злодѣйство всѣмъ, что имѣютъ, лишаютъ своихъ подданныхъ законнаго и правосуднаго Государя и, на погибель имъ, очищаютъ мѣсто назойливости преступнаго тирана. Но хоть причина мученической смерти Бориса и Глѣба и найдетъ похвалу въ комъ ни будь, однако жъ онъ еще остановится причислять ихъ къ лику мучениковъ, если послушаетъ Кипріяна, который говоритъ, что быть въ раздорѣ съ Церковью—непростительный грѣхъ, пятно, котораго нельзя омыть ни кровью, ни страданіемъ, и если, не давая большой цѣны неважнымъ возраженіямъ кого бы то ни было изъ разномыслящихъ, будетъ вѣрить съ Посевиномъ и почти всѣми другими, писавшими объ обращеніи ко Христу Русскихъ,

[126] Невѣрно. О. Б.

что они, всосавъ въ себя съ Греческимъ крещеніемъ ересь, упорно распространяютъ ее до сихъ поръ между своими потомками. А что подумать о тѣхъ, о которыхъ мнѣ предложитъ еще говорить? Борисъ Годуновъ (Borissus Hodunus) употреблялъ во зло простоту Великаго Князя Московскаго, Θедора Ивановича, мужа своей сестры, чтобы по немногу устранять нѣкоторыя препятствія своему честолюбію менѣе опаснымъ коварствомъ въ перемежку съ убійствами, для того и погубилъ рукою злодѣевъ девятилѣтняго брата Θедорова, Димитрія. Москвитяне называютъ этого младенца мученикомъ, и ежегодно празднуютъ его память 15-го Мая. Сколько ни пало Московскихъ вождей въ войнѣ съ Татарами, Русскіе всѣхъ ихъ чествуютъ празднованіемъ ихъ памяти, жертвами и молитвами, какъ мучениковъ. Въ 1659 году палъ, въ передовомъ полку, въ сраженіи съ Польскимъ, Казацкимъ (Cosacorum) и Татарскимъ войскомъ, Князь Семенъ Романовичъ Пожарскій (Simon Romanowicz Pozarski), [127] потомокъ Ивана, втораго сына Всеволода (Sevoldi), Князя Московскаго, человѣкъ, отягченный безчестными дѣлами и преступленіями и недавно снискавшій себѣ дурную извѣстность убійствомъ жены; и Алексѣй Михайловичъ торжественно причислилъ даже и его къ мученикамъ, и въ честь его нынѣ бываетъ особенное служеніе въ церкви. [128] А извѣстныя всѣмъ чудеса Сергія едва находятъ и вѣру у нынѣшнихъ современниковъ, по тому что теперь ихъ совсѣмъ не бываетъ. Никто совсѣмъ ужь и не помнитъ мѣднаго горшка (olla) съ топленымъ масломъ, которое обыкновенно подавалось каждому богомольцу въ достаточномъ количествѣ, безъ всякой убавки назначенной изъ него доли для монастырской братіи. Если мы и не скажемъ, что истинное чудо тутъ въ томъ, что горшка съ масломъ, составлявшимъ, безъ сомнѣнія, самое скудное кушанье монастырской поварни, доставало для пришельцевъ издалека, посѣщавшихъ монастырскій

---

[127] По прозванію Лопата, Стольникъ, потомокъ Князя Василія Андреевича, родоначальника Князей Пожарскихъ, въ V колѣнѣ, отъ Князя Ивана Всеволодовича Стародубскаго (у. 1239). Князья Пожарскіе угасли въ 1685, со смертью Князя Юрія Ивановича. Онъ не палъ въ битвѣ, но попалъ въ полонъ (съ Кн. Семеномъ Петровичемъ Львовымъ) въ битвѣ подъ Конотопомъ, гдѣ войско Князя Алексѣя Никитича Трубецкаго было разбито, Іюля 7-го, очутившись между Козаками и Крымскими Татарами; предводитель, обороняясь, отступилъ къ Путивлю. О. Б.

[128] Вовсе не былъ причисленъ къ лику мучениковъ, такъ какъ и не умиралъ тогда. О. Б.

храмъ два раза въ годъ, въ Троицынъ (in Trinitatis) и Михайловъ день (et Michaelis festivitatibus), то щедрыя подаянія отъ этихъ богомольцевъ даютъ возможность заключить, что горшокъ съ масломъ никогда не опрастывался. Въ Московіи всѣ вѣрятъ правдоподобной молвѣ, что въ этомъ монастырѣ за 40 милліоновъ серебряныхъ рублей (supra quater mille argenteorum rublorum myriades) отъ подаяній Великихъ Князей и другихъ лицъ зарыто въ землю на сбереженіе Плутона.

Здѣсь кстати замѣтить мимоходомъ, что Сергій, по мнѣнію Московскихъ лѣтописей, кончилъ жизнь въ 6897 году отъ сотворенія міра, или 1388 нашего спасенія, въ Княженіе въ Московской Руси Василія Дмитріевича; слѣдовательно, Посевинъ сдѣлалъ ошибку (если только не отнести это къ опечаткѣ) въ письмѣ къ Григорію XIII, въ 1581 году, будто бы онъ умеръ назадъ тому 19 лѣтъ. А Олеарій, слѣдуя ему на вѣру, не замѣтилъ, что самъ Герберштейнъ, о которомъ онъ упоминаетъ, что сказалъ неправду о Сергіѣ, издалъ свои записки о дѣлахъ Московскихъ въ 1549 году, послѣ перваго своего посольства въ Московію въ 1517 году, съ товарищемъ Витомъ Стрейніемъ (Vito Streinio), Посломъ Максимиліяна I-го, и послѣ вторичнаго, когда, въ 1526 году, при сынѣ Максимиліяновомъ, Карлѣ V-мъ, и братѣ его, Фердинандѣ, отправленъ былъ Посломъ, съ товарищемъ своимъ Графомъ Нагаролемъ (de Nagaralis), по тому ничего и не могъ сказать о погребеніи Сергія въ монастирѣ Пресвятой Троицы, также и объ его чудесахъ, если этотъ кончилъ жизнь только въ 1562 году.[129]

---

[129] Св. Сергій скончался 25 Сентября, 1391 г., по счету съ Генваря, на 78 году отъ рожденія.—Баронъ Сигузмундъ Герберштейнъ род. въ городѣ Випавѣ (Wippach), въ Крайнѣ, стало быть по происхожденію былъ Славянинъ (Словенецъ-Краинецъ), чѣмъ и объясняется пониманіе его Русскихъ лѣтописей и книгъ, воспитывался въ Горкѣ (Gurg) въ Цѣловацкомъ (Klagenfurt) округѣ (въ Хорутаніи), а потомъ въ Вѣнскомъ Университетѣ. Съ 1515 Императоръ Максимиліянъ началъ употреблять его въ Посольствахъ. Въ Москву отправился онъ 14 Декабря, 1516, гдѣ и оставался по 21 Ноября, 1517, и въ другой разъ спустя 9 лѣтъ, съ 26 Апрѣля по 11-е Ноября, 1526 г. Изъ прочихъ посольствъ его замѣчательно предпринятое въ Царьградъ 1541 года, по его важности и трудности. Умеръ на 80 году въ Вѣнѣ. Сочиненіе его о Россіи: «Rerum Moscoviticarum Commentarii, etc. Vindobonae 1549, fol.; изданіе это чрезвычайно рѣдкое, исправленное же изданіе вышло въ Базелѣ 1551, третье тамъ же 1556, съ прибавленіями самаго сочинителя, и т. д. Переведено на Итальянскій, Нѣмецкій, Чешскій и Русскій (Анонимовымъ 1866 г. въ Спб.). О. Б.

У Русскихъ есть и средство къ спасенію, т. е., наушная исповѣдь, которую по уставу они обязаны всегда предпосылать причащенію. Впрочемъ, кромѣ праздника Пасхи, рѣдко принимаютъ причастіе, и то немногіе, и коекакъ, да еще въ ненастоящемъ видѣ. Почти всѣ крестьяне и простолюдины въ городахъ считаютъ пріобщеніе принадлежностью Бояръ и людей позажиточнѣе, стало быть, имъ и предоставляютъ его. А тѣ увольняютъ себя отъ пріобщенія, чтобы не подвергнуться душеспасительной, суровой и долговременной, епитимьѣ, которую, по древнему Греческому обычаю, налагаютъ на нихъ духовные ихъ отцы. Въ этомъ ни какъ не могъ сознаться второй нашъ Приставъ въ Москвѣ, который, стараясь превосходство своей Вѣры доказать строгостію устава, превозносилъ суровыя и продолжительныя покаянныя условія, налагаемыя исповѣдникомъ на прелюбодѣя: я и сказалъ ему, что «если такъ идетъ дѣло, то, должно быть, всѣ вы, Москвитяне, безпрестанно справляете наложенныя на васъ епитимьи, не получая никогда разрѣшенія, по тому что знаемъ вашу частую повадку подбираться къ чужимъ женамъ.» — «Вотъ еще дураковъ нашли! отвѣчалъ онъ: развѣ мы говоримъ когда объ этомъ Попу?»

Причащаются подъ двумя, если не подъ тремя, вмѣстѣ взятыми, видами, по тому что Священники, смочивъ въ красномъ винѣ, разведенномъ теплою водой, кусочки кислаго хлѣба, который печется старыми, большею частію, вдовыми попадьями, и освятивъ его обычными словами, принятыми и въ нашемъ богослуженіи, берутъ его лжицей изъ чаши и раздаютъ причастникамъ, которые въ этотъ день должны воздерживаться отъ мяса; не удаляютъ отъ причастія даже и дѣтей, если минуло имъ 7-мь лѣтъ.

Пріобщаютъ и больныхъ, въ послѣднемъ бореніи со смертью, помазываютъ ихъ освященнымъ елеемъ, и ни чѣмъ уже больше не кормятъ ихъ, если нѣтъ надежды на выздоровленіе. Однако жь, когда они попросятъ пить не отказываютъ имъ въ водѣ, или въ винѣ, погрузивъ въ нее напередъ образки съ мощами. Если кто ни будь изъ нихъ въ эту торжественно-страшную минуту, постригшись и помазавшись, приметъ монашескій санъ, какъ обыкновенно и дѣлаютъ нѣкоторые изъ угрызенія совѣсти, то цѣлые восемь дней послѣ того онъ не можетъ подкрѣплять себя пищею, какъ сопричисленный къ Ангеламъ, ни принимать лѣкарства для облегченія болѣзни. А въ томъ случаѣ, если, выздоровѣвши, онъ переживетъ такой долгій постъ, то хоть и противъ желанія, но

долженъ оставить жену, во исполненіе своего обѣта, и ити въ монастырь.

Москвитяне, во всѣхъ другихъ случаяхъ не скупящіеся выказывать свое тщеславіе при отправленіи общественныхъ обрядовъ, обыкновенно дѣлаютъ похороны своимъ покойникамъ не такъ, чтобы съ большою пышностью, за то съ большимъ суевѣріемъ. Трупъ, обмытый мыльщиками и обернутый полотномъ, кладутъ въ деревянный гробъ и выносятъ; впереди его, вмѣсто растрепанныхъ плакальщицъ, родственницы покойнаго поютъ, или лучше, завываютъ съ дикимъ воплемъ, жалобныя похоронныя пѣсни. Священникъ несетъ образъ, особенно уважаемый покойникомъ при жизни; за гробомъ идетъ нѣсколько духовныхъ лицъ, множество родныхъ и друзей, съ зажженными восковыми свѣчами. Гробъ открываютъ на кладбищѣ, внѣ котораго изъ Русскихъ никто не хоронится, кромѣ застигнутыхъ скоропостижною смертью, или лишенныхъ общенія съ другими, по приговору Церкви; всѣ провожатые, нѣсколько разъ цѣлуя усопшаго, говорятъ послѣднее прости покойнику, котораго тотчасъ же могильщики и предаютъ землѣ, съ обращеннымъ къ востоку лицомъ.

Смѣшно то съумасбродство равнодушнаго невѣжества Москвитянъ, что передъ тѣмъ, какъ закрывать гробъ, Священникъ вкладываетъ въ пальцы похороняемаго бумагу, за подписью золотыми буквами и печатью духовнаго причта того мѣста, гдѣ проживалъ онъ; духовные удостовѣряютъ своимъ свидѣтельствомъ въ этой бумагѣ, что покойный при жизни исповѣдывалъ Греческую Вѣру, и хотя грѣшилъ, но вполнѣ очищалъ себя исповѣдью, разрѣшеніемъ и причащеніемъ, соблюдалъ посты, часто повторялъ молитвы, чтилъ Бога и всѣхъ Святыхъ, по чему и данъ ему этотъ листъ, для предъявленія Святому Петру, чтобы онъ безъ задержки впустилъ его въ райскія двери къ блаженной радости. Что за дѣтская безтолочь! Москвитяне, введенные въ заблужденіе Греческимъ ученіемъ, ни какъ не вѣрятъ въ очищеніе души огнемъ и въ особенный судъ для нея, какъ и показали мы выше; слѣдовательно, Петру, по этому заблудшему ученію, еще не было суда и нельзя находиться въ раю, чтобы оттворять его двери: а такъ какъ онъ можетъ быть тамъ только послѣ всеобщаго Суда, то въ одно время и вмѣстѣ съ нимъ окажутся тамъ и прочія души избранныхъ, которымъ не будетъ надобности въ должности привратника при входѣ въ рай: они войдутъ туда въ одно и то же мгновеніе съ нимъ; стало быть, нечего и просить его объ услугѣ, кото-

рой онъ оказать не можетъ, да никогда она и не понадобится. Ни къ чему тоже не послужатъ всѣ похоронные обряды, совершаемые по умершемъ родными и друзьями: безполезны молитвы, подаянія, подачи мясомъ, заупокойныя обѣдни и поминовенія, которыя справляются по нихъ, если ни одной душѣ до всеобщаго Суда не открытъ доступъ въ небо, и ни одна изъ нихъ не возвратится изъ отведенной ей въ наказаніе темницы. Однако жь, такъ какъ «бездна бездну призываетъ», несчастные впадаютъ въ другую ошибку, говоря, будто бы поминаютъ усопшихъ по тому, что есть два мѣста, куда относятся души по разлученіи съ тѣломъ. Одно, гдѣ сохранившія свою невинность, или возвратившія ее послѣ утраты раскаяніемъ, либо мученіемъ, ликуютъ съ добрыми Ангелами, имѣя въ виду надежду на блаженство; другое, гдѣ нераскаянные нечестивцы въ кромѣшной тьмѣ, вмѣстѣ съ падшими духами, въ постоянномъ ужасѣ трепещутъ наступленія послѣдняго дня. И такъ поминовенія, справляемыя по душамъ усопшихъ, или могутъ возратить на правый путъ спасенія тѣхъ, которыя, по своимъ заслугамъ, отведены будутъ по шуему пути осужденія къ мѣсту ужаса, или, если уже онѣ вступили на этотъ послѣдній путь, могутъ постоянною молитвой и непрестанною заупокойною жертвой такъ умилостивить Бога, что наконецъ, сжалившись надъ ними, онъ впишетъ ихъ въ книгу живота и помилуетъ при совершеніи всемірнаго Суда. Такъ Москвитяне, хотя и неучи, хоть ни чего не видятъ въ густой тьмѣ невѣжества, большею частію не знаютъ и грамотѣ, при томъ и Вѣра ихъ изобилуетъ, очевидными для здраваго смысла, заблужденіями, но все же осмѣливаются еще хвастать, что они одни Христіяне, а всѣхъ приверженцевъ Латинской Церкви называть погаными. Къ Римскому же Первосвященнику питаютъ еще такую ненависть, заимствованную отъ Грековъ, что никогда не хотѣли дозволить свободнаго богослуженія проживающимъ въ Москвѣ Католикамъ, межъ тѣмъ какъ безъ труда даютъ эту свободу Лютеранамъ и Кальвинистамъ, зная, что они отпали отъ Папы, хотя эти люди осуждаютъ такія вещи, которыя въ высокомъ уваженіи у Москвитянъ, каковы: образа, крестное знаменіе и призываніе Святыхъ. Тутъ дѣйствуетъ лукавство дьявола, чтобы, посредствомъ знакомства съ Католической Вѣрой, ни одинъ лучъ здраваго вѣроученія не заносимъ былъ въ Москву и, разсѣвая Русскую тьму, не показывалъ Москвитянамъ истинную стезю Вѣры, вступивъ на которую, они освободятся отъ его дьявольской власти. Здѣсь слѣ-

дуетъ пожалѣть о тѣхъ людяхъ Католическаго Исповѣданія, которые, въ видахъ незначительныхъ выгодъ по торговлѣ, или по военной службѣ, перебираются въ Москву, да еще съ женами и дѣтьми, безъ всякой надежды, чтобы ихъ когда ни будь отпустили оттуда (это совершенно вѣрно): они въ молчаніи отказываются не только отъ всякой отрады, получаемой благочестивыми душами отъ частаго отправленія богослужебныхъ обрядовъ ихъ Вѣры и проповѣди ихъ ученія, но и отъ несравненнаго благодѣянія тѣхъ таинствъ, которыя внушаются намъ, какъ особенно необходимыя для нашего спасенія. По тому что, хотя благость законодателя и освобождаетъ отъ необходимости закона того, кто, при всемъ его желаніи, не можетъ получить этихъ таинствъ, однако жь не разрѣшаетъ другого, который, по свободному намѣренію, отправляется туда, гдѣ извѣстно ему, что нельзя имѣть ихъ, если въ смертный часъ онъ не принесетъ поздняго раскаянія въ этомъ безуміи. О, если бы всеблагій Богъ милостиво простилъ это всѣмъ Католикамъ, умирающимъ въ Россіи! Но я, не безъ Христіянскаго сочувствія, съ горестью, видѣлъ въ Москвѣ, что нѣкоторые изъ нашихъ единовѣрцевъ такъ отвыкли отъ нашихъ богослужебныхъ обрядовъ, что хотя Священникъ служилъ у насъ ежедневно, они, къ сожалѣнію, были за службой всего раза два, три, да и то коекакъ, между тѣмъ какъ могли бы бывать за нею всегда; не позаботились тоже очистить и свою совѣсть, сложивъ Священнику на исповѣди свои грѣховныя скверны. Я узналъ также, что они принуждены держать своихъ дѣтей либо дома, въ совершенномъ незнаніи грамотѣ, либо поручать, для обученія тому, Лютеранамъ и Кальвинистамъ, а эти по немногу, вмѣстѣ съ грамотой, напечатлѣваютъ въ нихъ, точно неизгладимою печатью на мягкомъ воскѣ, правила своей Вѣры. [130]

---

[130] Не должно забывать, что сужденія, сдѣсь изложенныя Майербергомъ, о нашемъ Вѣроисповѣданіи и нѣкоторыхъ обрядахъ, при немъ наблюдавшихся нами, принадлежатъ истому Римскому Католику, для котораго Православное ученіе и обряды были, какъ и для всѣхъ почти его исповѣдниковъ, больше, чѣмъ странными, именно такими, какими онъ тутъ ихъ обзываетъ. Это, по тому, не должно насъ ни удивлять, ни возмущать, а тѣмъ болѣе вооружать. Такова ужь основа Римской Церкви, выступающая въ особенности со времени отдѣленія ея отъ Православной, соблюдаемая ею даже и въ наши дни тѣми членами оной, которые провозгласили своего Первосвященника недавно непогрѣшимымъ, земнымъ Богомъ. Что въ этомъ ученіи ложнаго, каждый Православный съ перваго раза самъ замѣтитъ, и по тому не нуждается ни въ какомъ нашемъ опроверженіи. О. Б.

Нѣкогда правили Русскими братья: Рюрикъ (Rurichus), Синеусъ (Sinaus) и Труворъ (Truvorus), родомъ изъ Варяговъ (Waregis) или Вагровъ (Wagriis), Князей Славянскаго народа у Каттегата и Зунда (ad sinum Codanum). Взявъ съ собою двоюроднаго брата, Олега (adscito sobrino Oleko), они раздѣлили между собою власть надъ Русью, предложенную имъ тамошними коренными жителями, по внушенію и совѣту гражданъ Великаго Новгорода, для того, чтобы эти братья обороняли ихъ отъ Кіевлянъ, войну съ которыми они едва выдерживали. Это было въ 6370 году отъ сотворенія міра и въ 861 [131] отъ Рождества Христова, по принятому Русскими Греческому лѣтосчисленію (текущій годъ отъ Рождества Христова 1663, начиная послѣ Августа мѣсяца, отъ сотворенія міра). [132] По смерти же обоихъ бездѣтныхъ братьевъ, имъ наслѣдовалъ Рюрикъ, и умирая оставилъ наслѣдникомъ Государства несовершеннолѣтняго для правленія, единственнаго сына, Игоря (Igorem), подъ опекою Олега, который потомъ и возвратилъ этому Игорю увеличенное имъ Царство. Сынъ Игоревъ, Святославъ (Suatoslaus), отецъ рожденнаго внѣ брака Владимира (Volodimiri), который построилъ на рѣкѣ Клязьмѣ (Clesmam) Володимиръ, [133] куда и перенесенъ престолъ Кіевскаго Княжества. Этотъ Владимиръ подчинилъ себѣ всю Русь, послѣ злодѣйскаго убійства своего брата, отъ законнаго брака, Ярополка (Jeropolcho), и Варяга (Varego) или Вагра (Vagrio), Псковскаго Князя Рогвольда (Rochvologdo). А въ 6496 году отъ сотворенія міра и въ 987 по Рождествѣ Христовомъ, [134] по слѣдамъ своей бабки съ отцовской стороны, Ольги (Olha), крестившейся въ 6463 году отъ сотворенія міра, и 954 отъ Рождества Христова, [135] въ Константинополѣ, въ царствованіе Константина VIII-го [136] ея воспріемника, онъ тоже принялъ святое крещеніе при Восточныхъ Императорахъ Василіи и Константинѣ, взялъ себѣ въ жену сестру ихъ, Анну, и славными дѣлами омылъ позоръ своего рожденія. По его смерти, изъ дѣтей и прочихъ его потомковъ, даже братьевъ Георгія (Georgium) и Ярослава (Jaroslaum) въ 6-мъ отъ него колѣнѣ, каждый старался захватить власть, раздѣ-

---

[131] 862. О. Б.

[132] Слѣдовательно, это сочиненіе свое Майербергъ писалъ въ 1663 году. О. Б.

[133] Владимиръ Мономахъ, а не Св. Владимиръ. О. Б.

[134] 988. О. Б.

[135] 957. О. Б.

[136] По другимъ счетомъ VI или VII. О. Б.

ленную между многими: губя другъ друга, они мало прославились въ войнахъ внѣшнихъ (если исключить праправнука Владимирова, Владимира Мономаха). Эти самые Георгій и Ярославъ испытали такія невзгоды въ войнѣ съ напавшимъ на нихъ Татарскимъ Царемъ Батыемъ (a Bato), что когда первый палъ въ ней съ сыномъ, Владимиромъ, [137] Ярославъ не въ состояніи былъ наслѣдовать ему, не отдавъ Татарской надменности въ порабощеніе ту Русь, которую, получилъ отъ предковъ свободною. Татары, высокомѣрные отъ своего счастья, не только произвольно раздавали требующимъ Русскимъ безсильныя ихъ Княжества по частямъ, чтобы легче было повелѣвать слабыми, но съ гордымъ презрѣніемъ заставили Князей при встрѣчѣ Татарскихъ пословъ, и даже простыхъ гонцовъ, подносить имъ чашу съ кобыльимъ молокомъ, и если пьющіе прольютъ сколько ни будь на гриву своихъ лошадей, подлизовать, а когда введутъ пословъ во дворецъ, уступать имъ Княжескій престолъ и стоять почтительно предъ сидящими съ непокрытыми головами и читавшимъ грамоты Татарскаго Царя, подстилать самые дорогіе горностаевые мѣха и сами слушать ихъ на колѣняхъ. Послѣ того, какъ Даніилъ, внукъ Ярослава, давно уже перенесъ Великокняжескій престолъ изъ Владимира въ Москву, это позорное Татарское иго свергнулъ наконецъ сынъ правнука Даніилова, Василія Темнаго, Иванъ, благодаря убѣжденію и хитрой выдумкѣ, помагавшей ему, супруги, Софіи Палеологъ (uxore Sophia Paleologa): онъ погубилъ разнымъ лукавствомъ многихъ родственныхъ себѣ Князей, соединилъ Русь въ одно цѣлое и назвался ея единодержавнымъ Государемъ. По кончинѣ его, въ 1504 году, [138] сынъ и наслѣдникъ его, Гавріилъ, извѣстный потомству подъ именемъ Василія, привелъ въ покорность всѣхъ другихъ Князей изъ Московскаго Княжескаго рода и возвратилъ Смоленскъ, а усилившись такими приращеніями, сталъ питать болѣе высокіе помыслы и присвоилъ себѣ Царскій титулъ, по свидѣтельству Герберштейна, Посла Римскаго Императора Максимиліяна I-го, чего никогда потомъ не забывали его потомки. По тому что, по смерти его, въ 1533 г., [139] взялъ себѣ этотъ Царскій титулъ, если и не нашелъ его въ отцовскомъ наслѣдствѣ, сынъ его, Иванъ.

---

[137] Племянникомъ Василькомъ? О. Б.

[138] 1505 г., Октября 27 дня, по инымъ 1506. О. Б.

[139] 1534 г. О. Б.

извѣстный міру жестокостью, можетъ быть, ужь слишкомъ преувеличенною писателями, по покореніи Татарскихъ Царствъ Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго. А преемники не хотѣли казаться меньше своихъ предковъ. При своей кончинѣ, 18-го Марта, [140] 1584 года, онъ оставилъ Царство сыну, Ѳедору, гораздо больше способному къ пономарской должности, по заявленнымъ имъ опытамъ своего малодушія, не совмѣстнымъ съ его положеніемъ и, стало быть, готовому переносить всякія обиды. Когда же онъ умеръ, въ 1597 году, [141] безъ наслѣдниковъ, отъ злодѣйской руки, своего шурина, Бориса Годунова (Borissi Hoduni), имени котораго, по неблагоразумію, дозволилъ величаться выше своего Царскаго, тогда этотъ Годуновъ первый устранилъ отъ прародительскаго престола Князей изъ племени Рюрика и взошелъ на него, съ помощію коварныхъ и хитрыхъ происковъ. Однако жь, хоть и хорошо правилъ Царствомъ, достигнутымъ такимъ дурнымъ путемъ, совсѣмъ тѣмъ, замѣтивъ 1605 г. народную ненависть къ себѣ изъ того одобрительнаго говора, съ какимъ принялъ народъ пришедшаго изъ Польши обманщика Димитрія (impostorem Demetrium), и не имѣя той силы духа, которая подкрѣпляетъ и учитъ людей мужественно переносить всякое зло до тѣхъ поръ, пока еще опасается отъ нихъ какой ни будь крайней мѣры, Годуновъ отравился, въ малодушномъ отчаяніи, и уступилъ свое мѣсто сыну, шестнадцатилѣтнему юношѣ, Ѳедору, при самомъ зловѣщемъ настроеніи государства. Ѳедоръ не на долгую себѣ радость получилъ Царскую власть: въ три мѣсяца его правленія природное непостоянство Русскихъ отъ него отвернулось и, по приказанію Лжедимитрія (Pseudo-Demetrii), онъ былъ удавленъ, 10-го Іюня, вмѣстѣ съ матерью, Маріею. Но и Лжедимитрій не въ силахъ былъ долго править непостояннымъ народомъ: ведя легкомысленную и несогласную съ отеческими обычаями жизнь, онъ навлекъ на себя презрѣніе и ненависть и подалъ благопріятный случай людямъ, строившимъ ему погибель. Въ десятомъ мѣсяцѣ его правленія, 18-го Мая, 1606 года, онъ былъ растерзанъ народомъ, по Боярскому заговору, и уступилъ свое мѣсто главному зачинщику, Князю Василію Шуйскому (Basilio Suisco), потомку Рюрика изъ рода Суздальскихъ Князей. Однако жь, скоро наскучилъ онъ Москвитянамъ, по тому что не везло ему счастье. На четвертомъ году

---

[140] По другимъ Марта 19 дня. О. Б.
[141] 1598 г., Генваря 7 дня. О. Б.

правленія они постригли его въ монахи, [142] хоть и противъ его воли, и, послѣ напраснаго сопротивленія, вмѣстѣ съ женою, Маріею, силой отвели его въ мужской, а ее въ женскій, монастырь. [143] Но это былъ еще не конецъ его злополучіямъ. По избраніи въ Цари Владислава, сына Польскаго Короля, Сигизмунда III-го, на томъ, между прочимъ, условіи, чтобы Королевичъ, въ присутствіи Патріярха, Духовенства и Бояръ, перекрестился въ Можайскѣ (Mosaisci) по Московскому обряду, Василій Шуйскій былъ отосланъ къ нему плѣнникомъ, съ двумя братьями и другими родственниками. Не прошло еще и года, какъ онъ, сокрушенный бѣдствіемъ заключенія, умеръ въ Гостинскомъ замкѣ (in arce Gostinensi) Воеводства Равскаго (Palatinatus Ravensis), вмѣстѣ съ братомъ, Димитріемъ. А Король Сигизмундъ, не желая, чтобы смерть вырвала у него изъ рукъ такой знаменитый трофей, поставилъ круглую часовню въ Варшавскомъ предмѣстьи (suburbano), называемомъ Краковскимъ (Cracoviense), и хотѣлъ похоронить въ ней обоихъ братьевъ, прибивъ тутъ еще мраморную дощечку, въ свидѣтельство своего счастія, которой надпись увѣковѣчила бы для потомства злую судьбу несчастныхъ. Однако жь миръ, послѣдовавшій въ 1634 году, между Королемъ Владиславомъ и Великимъ Княземъ Михаиломъ Θедоровичемъ, дозволилъ Москвитянамъ перенести кости плѣнниковъ въ Москву, а Михаилу зарыть въ землю ту мраморную доску съ надписью, присланную къ нему Владиславомъ съ Адамомъ Киселемъ (per Adamum Kisielium), Кіевскимъ Каштеляномъ. [144]

Но Владиславъ долго еще раздумывалъ ѣхать въ Москву для принятія Царства, по совѣту медлительнаго отца, котораго справедливо ужасало то нечестивое условіе въ договорѣ, либо же самъ онъ желалъ Царскаго вѣнца. Москвитяне, наскучивъ этой мѣшкотностью, выбрали себѣ, въ 1613 году, Михаила, сына Θедора Никитича Романова (Theodori Mikitowicz Romanow), который былъ въ то время Митрополитомъ въ Ростовѣ и потомъ Патріяр-

---

[142] Іюля 17 дня, 1610 г., лишенъ престола и отведенъ въ его домъ. О. Б.

[143] Іюля 18-го, «повели Царя въ монастырь Чудовъ, а Царицу въ Ивановскій. О. Б.

[144] О пребываніи Шуйскихъ въ Польскомъ плѣну, смерти ихъ тамъ и т. д.: см. мою статью, какъ особое добавленіе къ переводу съ Латинскаго «Дневника Корба во время посольства его въ Московское Государство.» М. 1868 г., стр. 376 — 379. О. Б.

хомъ. Этотъ Михаилъ давно еще сосланъ былъ Годуновымъ, вмѣстѣ съ матерью, Мароою Ивановной (Martha Juanova), въ Ипатьевскій (Ipathianum) монастырь, въ одной верстѣ отъ Костромы (Castromovia), и проживалъ тамъ постоянно. Между обоими избранными въ Цари запылала война и велась съ перемѣнчивыми случайностями непостояннаго счастья до 1634 года, когда, наконецъ, уступила мѣсто миру, утвердившему Михаила, по отреченіи Владислава, въ спокойномъ владѣніи Царствомъ. Когда же Михаилъ, 12-го Іюля, 1645 года, скоропостижно умеръ, на 50 году жизни, ему наслѣдовалъ 11-ти лѣтній юноша, Алексѣй, немедленно вѣнчанный на Царство, на другой день послѣ отцовской кончины, благодаря ловкости своего воспитателя.

Если согласимся въ томъ, что рѣки тѣмъ знаменитѣе, чѣмъ неизвѣстнѣе ихъ истоки, и такъ же будемъ судить и о родахъ, неизвѣстность происхожденія которыхъ доказываетъ ихъ древность, то по необходимости должны будемъ сознаться, что родъ Романовыхъ самый знаменитый. Я долго отыскивалъ его родословной, но ни одинъ, мало мальски ясный, лучъ знанія, даже и на минуту, не блеснулъ мнѣ, бродившему въ потьмахъ, такъ какъ всѣ Москвитяне стараются оставлять въ невѣдѣніи о томъ иностранца. Охотно соглашаюсь, что Ѳедоръ, сынъ Ивана, послѣдній изъ древнихъ Русскихъ Князей, по прямой мужской линіи, назвалъ на смертномъ одрѣ своимъ наслѣдникомъ Ѳедора Никитича Романова (Tleodorum Mikitowicz Romanovium), какъ ближайшаго родственника и связаннаго съ нимъ самою тѣсной дружбой. По тому что навѣрно знаю, что Иванъ Васильевичъ, отличающійся отъ своего дѣда, прозваніемъ Грознаго (tyranni), вступилъ въ первое супружество съ Анастасіею (Anastasia), дочерью Юрія, сына Захарія Романова (filia Georgii ex Zacharia Romanovio), и имѣлъ отъ нея дѣтей, Ивана и Ѳедора. Братъ Анастасіи былъ Намѣстникъ Новгородскій, Никита (Nikitas Praefectus Novgrodiensis), отецъ Ѳедора, котораго родственникъ его тоже Ѳедоръ, назначилъ своимъ наслѣдникомъ. Московскій Царь Годуновъ, по убіеніи родныхъ братьевъ этого Ѳедора: Александра, Василья, Льва и Михайла, изъ боязни, чтобы онъ не пожелалъ Царства, слѣдовавшаго ему по достоинству и по праву родства, сослалъ его потомъ въ монастырь Святаго Антонія (S. Antonii), на Сѣверномъ Океанѣ, при рѣкѣ Сискагѣ (ad fluvium Syskagum), [145] и прину-

---

[145] Вмѣсто Льва (Leonem) развѣ Ивана, который сосланъ въ Пелымь, куда пере-

дилъ дать монашенскій обѣтъ подъ именемъ Филарета (Filaretus). Однако, вскорѣ онъ выбрался оттуда, получивъ санъ Митрополита Ростовскаго. Потомъ онъ состоялъ въ Посольствѣ отъ имени Московскихъ Бояръ къ Польскому Королю, Сигизмунду III-му, осаждавшему тогда Смоленскъ, вмѣстѣ съ товарищами: Княземъ Василіемъ Васильевичемъ Голицынымъ (Duce Basilio Basilowicz Galiczino), Княземъ Даниломъ Ивановичемъ Мезецкимъ (Daniele Juanowicz Miszeskio), и Дьякомъ Ѳомой Луговскимъ (Thoma Lugoroski a secretis). [146] Они посланы были убѣдить Короля, чтобы какъ можно скорѣе прислалъ въ Можайскъ (Mosaiscum) своего сына, Владислава, выбраннаго Великимъ Княземъ Московскимъ, для обращенія, согласно договору, въ Московскую Вѣру. Но Сигизмундъ отправилъ Ѳедора Романова подъ стражей въ Каменку (Kamioncam); послѣ въ Маріенбургѣ въ Пруссіи его держали, гдѣ и услышалъ онъ, что на Московскій Престолъ взяли его роднаго сына, Михаила, при которомъ и былъ возведенъ на Русское Патріаршество. Я не согласенъ, однако жь, съ тѣми, которые увѣряютъ, что онъ былъ изъ поколѣнія и родни Ивана Грознаго, по тому что ни самъ, ни потомки его, никогда не пользовались Княжескимъ, или Герцогскимъ, титуломъ, (titulo Knesiorum, sive Ducum), тогда какъ всѣ другіе, ведущіе по линіи родства свое происхожденіе изъ рода Московскихъ Великихъ Князей, еще и нынѣ пользуются этимъ титуломъ, да и передаютъ его дѣтямъ. Ибо, если бы Романовы отличались самымъ знаменитымъ происхожденіемъ, Москвитяне, обыкновенно превозносящіе, по врожденному хвастовству, свои дѣла до небесъ, не только не захотѣли бы скрывать это, но еще прожужжали бы этимъ уши даже и тому, кто ихъ и не спрашиваетъ. А это вѣрно, что изъ роду Романовыхъ остался одинъ Алексѣй, сынъ Михаила, если не хотятъ

вели и Василія изъ Яренска; Михайло же отправленъ въ Великую Пермь, гдѣ, въ Ныробскомъ погостѣ (Чердынскаго Уѣзда), его удавили; Александръ увезенъ къ Студеному (Бѣлому) морю, къ Уголью въ Луду (посадъ при впаденіи въ губу рѣки Уны, Архангельской Губерніи, а Ѳедоръ удаленъ въ Сійскую (Сиискую, Сицкую) обитель Архангельской Губ. Холмогорскаго Уѣзда, гдѣ и постриженъ неволею. О. Б.

[146] Томиломъ Луговскимъ. Князя Голицына не стало въ Литвѣ, но тѣло его было отправлено къ Москвѣ. Князь Данило Ивановичъ Мезецкій былъ Окольничимъ, а Луговскій—Думный Дьякъ. Это происходило въ 1610—1611 г. Отправленіе Пословъ было, въ теченіи Апрѣля 1611 года, Днѣпромъ на судахъ, по направленію къ Кіеву, до Каменки, Староства Гетмана Жолкевскаго. О. Б.

думать, что у него есть родственники издревле знаменитые Свирскіе Романовы (Swircios de Romanow), а Романовъ городъ на рѣкѣ Каменкѣ въ Кіевскомъ Княжествѣ (ad Kaminczam fluvium in Ducatu Kyoviensi), [147] а Сверчъ въ Червоной Руси (Swiertz in Russia rubra), изъ которыхъ Ѳедоръ былъ Воевода Кіевскій, да и много другихъ даже до сей поры славятся воинскою храбростью. Этого отрока отецъ поручилъ Бояриму Борису Ивановичу Морозову (Borisso Juanowicz Morosow), для обученія добрымъ правамъ и наукамъ; но Морозовъ не въ состояніи былъ напечатлѣть на чистой скрижали отроческой души тѣ образы, о которыхъ у самого его не было въ головѣ понятія. Москвитяне безъ всякой науки и образованія, всѣ однолѣтки въ этомъ отношеніи, всѣ одинаково вовсе не знаютъ прошедшаго, кромѣ только случаевъ, бывшихъ на ихъ вѣку, да и то еще въ предѣлахъ Московскаго Царства, такъ какъ до равнодушія не любопытны относительно иноземныхъ; слѣдовательно, не имѣя ни примѣровъ, ни образцовъ, которые тоже, что очки для общественнаго человѣка, они не очень далеко видятъ очами природнаго разумѣнія. Гдѣ же имъ обучать другихъ, когда они сами необразованы и не въ состояніи указывать перстомъ предусмотрительности пути плаванія, пристани и бухты, когда не видятъ ихъ сами? А что Москвитяне изгоняютъ всѣ знанія въ такую продолжительную и безвозвратную ссылку, это надобно приписать, во первыхъ. самимъ Государямъ, которые, за одно съ Лициніемъ, [148] ненавидятъ ихъ, изъ опасенія, что подданные, пожалуй, наберутся въ нихъ духа свободы, да потомъ и возстанутъ, чтобы сбросить съ себя гнетущее ихъ деспотическое иго. Государи хотятъ, чтобы они походили на Спартанцевъ, учившихся одной только грамотѣ, а всѣ прочія знанія заключались бы у нихъ въ полномъ повиновеніи, въ перенесеніи трудовъ и въ умѣньи побѣждать въ битвахъ. По тому что послѣднее едва ли возможно для духа простолюдиновъ, если

---

[147] Романовъ или Романовка — мѣстечко на р. Унавѣ и Каменицѣ. О. Б.

[148] Это Луцій Лициній Крассъ, Римскій ораторъ. Въ 95 году до Р. Х. онъ былъ Консуломъ и сдѣлалъ предложеніе, чтобы всѣ, не имѣвшіе правъ Римскихъ гражданъ, оставили Римъ. Предложеніе было принято народомъ. Но Майербергу онъ кстати попалъ для сравненія въ должности Цензора, которую исправлялъ вмѣстѣ съ Домиціемъ Агенобарбомъ въ 92-мъ году: тогда онъ издалъ эдиктъ, объявлявшій «Латинскія училища» вредными нововведеніемъ и повелѣвавшій закрыть ихъ.

онъ будетъ предвидѣть опасности чрезвычайно изощреннымъ знаніями умомъ. Во вторыхъ, это слѣдуетъ приписать духовенству: зная, что науки будутъ преподаваться по Латыни и могутъ быть допущены не иначе, какъ вмѣстѣ съ Латинскими учителями, оно боится, чтобы этими широкими воротами, если распахнуть ихъ настежь, не вошелъ и Латинскій обрядъ, а учители его не передали на посмѣяніе народу его невѣжество, и не представили бы въ полномъ свѣтѣ несостоятельность вѣроученія, которымъ оно потѣшается надъ его легковѣріемъ. А въ третьихъ виною того старые Бояре по зависти, что молодежь получитъ такіе дары, которыхъ изъ пренебреженія, не хотѣли брать они сами, а отъ этого они справедливо лишатся исключительнаго обладанія мудростью, которое не по праву отвели себѣ сами, и будутъ устранены отъ общественныхъ дѣлъ въ Государствѣ. Однако жь, хитрый наставникъ Морозовъ, державшій по своему произволу скипетръ, чрезвычайно еще тяжелый для руки юноши, по обыкновенной предосторожности любимцевъ, отправилъ всѣхъ Бояръ, особенно сильныхъ во дворцѣ расположеніемъ покойнаго Царя, въ почетную ссылку, на выгодныя Воеводства, въ самыя значительныя области, и посадилъ на ихъ мѣсто въ придворныя должности такихъ людей, которые несомнѣнно были на сторонѣ того, по чьей милости попали во дворецъ. Такъ поступилъ онъ не изъ искренней благодарности къ нимъ: по тому что эта, вовсе не знакомая, чужестранная, гостья никогда не находитъ пріема въ Москвитянскомъ сердцѣ, но въ напоминаніе имъ, что не будетъ дурно, если вязъ, на который опираются, станетъ стоять неподвижно. По удаленіи всѣхъ тѣхъ, которые могли бы перечить ему, чтобы еще сильнѣе привязать къ себѣ душу питомца, онъ положилъ закрѣпить эту взаимную связь между ними, и очень расхваливъ красоту обѣихъ дочерей придворнаго дворянина, Ильи Даниловича Милославскаго, безъ труда убѣдилъ его выбрать и взять себѣ въ жены одну изъ нихъ. Такъ, въ 1647 году, [149] Алексѣй и отпраздновалъ свою свадьбу съ старшею изъ нихъ, Маріею, которая больше пришлась ему по душѣ, а черезъ 6-ть дней [150] потомъ Морозовъ женился на другой сестрѣ, смѣлою попыткой сдѣлавшись родней Государю.

---

149 Т. е., 1648 г., Генваря 16 дня. О. Б.

150 Черезъ 10 дней, Генваря 26 дня, Анна Ильинична Милославская вышла за Бориса Ивановича Морозова. О. Б.

И Алексѣю нечего желать жены плодороднѣе, по тому что, когда я пріѣхалъ, въ 1661 году, въ Москву, она принесла уже 6-ю [150] дочь, кромѣ сына, Алексѣя, и дочерей: Татьяны (Tatiana), Евдокіи (Eudocia), Анны (Anna), Катерины (Katherina), Маріи (Maria) и Софіи (Sophia), изъ которыхъ, однако, послѣдняя уже умерла. [151] А въ бытность мою тамъ, 8го Іюня того же года, родивъ другого сына, по имени Ѳеодора, [152] она вполнѣ удовлетворила желаніямъ Алексѣя. Онъ надѣялся, что, посредствомъ его наслѣдниковъ, верховная власть въ Московскомъ Царствѣ будетъ непрерывно продолжаться въ его потомствѣ, и такимъ образомъ это Царство утвердится на многихъ опорахъ; кромѣ того, имѣлъ также виды, внушенные ему Польской Республикой, дать когда ни будь Короля изъ своего Дома этой сосѣдней странѣ. Ему захотѣлось, чтобы этѣ надежды поддерживало многоплодіе его брака: отъ того-то и крушило его сильное горе, что, ожидая наслѣдника мужскаго пола отъ своей жены, при многократной ея беременности, все видѣлъ разрушеніе своихъ надеждъ, такъ какъ она всегда разрѣшалась младенцами женскаго пола. Онъ не шутя было объявилъ ей постриженіе и изгнаніе въ монастырь, по примѣру получившей разводную отъ Василія Саломеи (Salomeae), какъ будто она въ состояніи вылѣпить зародышъ, зачатый въ ея чревѣ, по своему желанію, точно хлѣбница въ пекарнѣ тѣсто въ разныя формы хлѣба, если бы въ восьмые роды не разрѣшалась мальчикомъ, 7-го Іюня; но и 1662 года, въ бытность нашу въ Смоленскѣ, она произвела девятаго свидѣтеля своего плодородія, Ѳеодосію (Theodosiam). [153]

---

150 Собственно седьмую; см. слѣдующее примѣчаніе. О. Б.

151 Ошибочно, сыновей было 5-ть отъ Маріи Милославской: Дмитрій 1649—1651, Алексѣй 1654 — 1670, Ѳедоръ 1661 — 1682, Семенъ 1665 — 1669 и Иванъ 1669 — 1696; а дочей 8: Евдокія 1650 — 1712, Марѳа 1652 — 1707, Анна 1655 — 1695, Софія 1657 — 1704, Екатерина 1658 — 1718, Марія 1660 — 1623, Ѳедосья 1662 — 1713, и Евдокія 1669 г. А отъ Натальи Нарышкиной: сынъ Петръ 1672 — 1725, и двѣ дочери: Наталья 1673 — 1716, и Ѳеодора 1674 — 1678. Всѣхъ дѣтей 16. Самъ Алексѣй Михайловичъ родился Марта 10 дня, 1629 г., а сочетался бракомъ съ Маріею (род. 1629, Марта 10, ум. 4 Марта, 1669), какъ сказано выше, 1648 г., Генваря 16, съ Натальею же 1671, Генваря 22 (род. 1651, Августа 22, а ум. 1694, Генваря 25). О. Б.

152 Ѳедоръ род. 30-го Мая, 1661 г., по старому счисленію. О. Б.

153 Въ Маѣ 1662 г. О. Б.

А Морозовъ, хоть и много разъ видѣлъ себя отцомъ, но вскорѣ оказался совсѣмъ бездѣтнымъ (Богъ, можетъ быть, платитъ ему за то, что онъ породнился изъ честолюбія съ своимъ Государемъ). Только что прошелъ годъ послѣ его женидьбы,[154] народъ, раздраженный алчностью его съ клевретами, при управленіи Государствомъ, потребовалъ его казни: онъ едва избѣжалъ ея, когда народъ, нѣсколько смягчившись казнію его соучастниковъ, простилъ его, по усильнымъ просьбамъ и слезамъ Царя, умолявшаго оставить его въ живыхъ. Послѣ того страданія отъ подагры и водяной болѣзни привязали его къ постелѣ и удалили отъ военой службы; однако жь, и тутъ все была у него такая же жадность къ золоту, какъ обыкновенно жажда пить; наконецъ, еще въ бытность мою въ Москвѣ, онъ лишился голоса, движеніе и всѣхъ чувствъ отъ употребленія какого-то настоя, прописаннаго ему однимъ деревенскимъ знахаремъ, съ трудомъ опамятовался только черезъ три дня и, послѣ долгой борьбы съ смертію на послѣднемъ для него поприщѣ состязаній, 11-го Ноября, отдалъ Богу душу, которая, должна быть, услышала отъ Евангельскаго порицателя: «А вся, яже уготовалъ̀ еси, кому будутъ?» Правду сказать. «утолованное» было не такъ маловажно, чтобы назначенный покойнымъ наслѣдникъ имѣлъ причины съ сѣтованіямъ при такомъ богатомъ наслѣдствѣ. По тому что, за раздачею значительнаго количества денегъ на нищихъ и монастыри, по его приказанію при послѣднихъ минутахъ жизни, наслѣднику все таки досталось несмѣтное число серебряныхъ рублей, золотыхъ червонцевъ и іоахимсталеровъ да еще очень обширныя помѣстья, съ 20 тысячами живущихъ въ нихъ крестьянъ.

Алексѣй статный мужъ, средняго роста, съ кроткой наружностью, бѣлъ тѣломъ, съ румянцемъ на щекахъ, волосы у него бѣлокурые и красивая борода; онъ одаренъ крѣпостью тѣлесныхъ силъ, которой, впрочемъ, повредитъ замѣтная во всѣхъ его членахъ тучность, если съ годами она все будетъ увеличиваться и пойдетъ, какъ обыкновенно, въ животъ; теперь онъ на 36 году жизни.

Духъ его надѣленъ такими блестящими врожденными дарованіями, что нельзя не пожалѣть, что свободныя науки (liberales

---

[154] 1662 г., послѣ пожара 26-го Мая, по другимъ Іюня 8-го, истребившаго Москву отъ Кузнецкаго моста до Пречистенки, со всѣми посадами. О. Б.

disciplinae) не придоединились еще украсить изваяніе, грубо вылѣпленное природой вчернѣ. Кроткій и милостивый, онъ лучше хочетъ, чтобы не дѣлали преступленій, нежели имѣетъ духъ за нихъ наказывать. Онъ и миролюбивъ, когда слушается своей природной наклонности; строгій исполнитель уставовъ своей ошибочной вѣры и всей душою преданъ благочестію. Часто, съ самою искреннею набожностію, бываетъ въ церквахъ за священными службами; нерѣдко и ночью, по примѣру Давыда, вставши съ постели и простершись на полу, продолжаетъ, до самаго разсвѣта, свои молитвы къ Богу о помиловани, или о заступленіи, либо въ похвалу ему. И что особенно странно, при его величайшей власти надъ народомъ, пріученномъ его господами къ полному рабству, онъ никогда не покушался ни на чье состояніе, ни на жизнь, ни на честь. По тому что хоть иногда и предается гнѣву, какъ и всѣ замѣчательные люди, одаренные живостью чувства, однако жь никогда не позволяетъ себѣ увлекаться дальше пинковъ и тузовъ.

Титулъ его, употреблявшійся во время нашего посольства, былъ таковъ: «Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, Московскій, Кіевскій, Владимирскій, Новогородскій, Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Царь Сибирскій, Государь Псковскій и Великій Князь Литовскій, Смоленскій, Тверскій, Волынскій, Подольскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и проч., Государь и Великій Князь Нижняго Новагорода, Черниговскій, Рязанскій, Полоцкій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондійскій, Витебскій, Мстиславскій, и всѣхъ Сѣверныхъ странъ Повелитель, Государь Иверскій и Царей Карталинскія, Грузинскія и Кабардинскія страны, Черкескихъ и Горскихъ Князей, и многихъ иныхъ, Восточныхъ, Западныхъ и Сѣверныхъ Государствъ и Областей, законный и наслѣдственный Дѣдичъ, Государь и Повелитель.»

Титулъ разумѣется большой, но по Московскому обычаю въ него вкралось много напрасныхъ, ложныхъ и независимыхъ владѣній.

Алексѣй безъ сомнѣнія Государь, по тому что повелѣваетъ всѣми самовластно по древнему обычаю. Его воля—непреложный законъ для всѣхъ подданныхъ. Какъ господинъ надъ рабами, онъ имѣетъ надо всѣми право живота и смерти по своему произ-

воленію. Когда онъ самъ накажетъ, или по его приказу высѣкутъ кого ни будь розгами, либо плетьми, наказанные приносятъ еще ему благодарность. Не себя называютъ Москвитяны владѣльцами своего имущества, а Бога да Царя. Нищіе, у пороговъ церквей, или на перекресткахъ, просятъ подать имъ милостыню изъ любви къ Богу и Царю. Если спросить кого ни будь о неизвѣстной ему вещи, онъ отвѣтитъ, что этого онъ не знаетъ: «Вѣдаетъ про то Богъ да Царь.» Короче сказать, о немъ говорятъ, какъ о Божествѣ, многіе такъ и чувствуютъ. Просьбы, ему подаваемыя, всѣ безъ различія подписываютъ изъ уничиженія уменьшительнымъ именемъ, такъ что если кого зовутъ Степаномъ, подписывается «Степкой (Stephanulus).» А Патріархъ и всѣ прочіе изъ духовенства, также и монахини: «богомолецъ твой» (Boghomoletz tuoi), или: «богомолица твоя» (Boghomolitza tuoia, tuus vel tua apud Deum praecator, vel praecatrix). Думные Бояре, всѣ дворяне и прочіе воинскіе чины изъ народа: «холопъ твой» (chlop, mancipium tuum); купцы перваго разряда, которыхъ зовутъ гостями (Gosti): «мужикъ твой» (subditus tuus); купцы низшаго разряда и иностранцы: «сирота твой» (szirota tuoi, orphanus tuus); женщины благороднаго званія: «рабица твоя» (Rabitza tuoia, servula tua); деревенскіе жители: «крестьяне твои» (chrestiane tuoi, christiani tui); слуги Думныхъ Бояръ: «человѣкъ твой» (czelowek tuoi, homo tuus). Надобно, однако жь, отдать правдѣ слѣдующее ей. Такъ какъ верховная власть Московскихъ Государей скорѣе власть господъ надъ рабами, нежели отцовъ семейства надъ дѣтьми, то подданные не признаютъ отца въ своемъ Царѣ и не оказываются дѣтьми къ нему. Ихъ покорность вынуждена страхомъ, а не сыновнимъ уваженіемъ. По тому-то, когда страха нѣтъ, или онъ поисчезнетъ, покорность упрямится и брыкается; хотя немилосердный господинъ и свирѣпствуетъ надъ спинами всѣхъ ихъ тѣмъ же кнутомъ, что и надъ Боярскими, при всемъ томъ, если палачъ уберетъ кнутъ, они, точно собаки, встряхнувши спиной послѣ побоевъ, продолжаютъ по прежнему упрямиться, отъ души готовые снова подставлять тѣло подъ удары съ рабскою терпѣливостью. Я видалъ, что Турки, которыми тоже правятъ желѣзнымъ прутомъ, повинуются своему Императору съ болѣе поспѣшною готовностью. Мнѣ думается, что упрямая и непокорная Славянская природа, возбуждаемая бурливыми парами ежедневно выпиваемой водки, дѣлаетъ такими строптивыми Москвитянъ. Напротивъ, въ менѣе грубомъ народѣ, Туркахъ, согласно ихъ закону воздержанія, раз-

умъ больше располагаетъ собою для внушенія имъ, чтобы оказывали должное съ веселымъ духомъ, а не то вынудятъ у нихъ это силой и противъ воли. Герберштейнъ пишетъ, что титулъ Царя принялъ Иванъ, сынъ Василія, и отецъ другого Ивана. По его свидѣтельству, сынъ того Василія, Иванъ, говорилъ, въ 1552 году, Посланникамъ Короля Польскаго, Сигизмунда Августа, что этотъ титулъ данъ отцу верховнымъ Римскимъ Первосвященникомъ Климентомъ и Римскимъ Императоромъ, Максимиліяномъ. Сказываютъ, что года черезъ два послѣ того Верховный глава Московскаго духовенства показывалъ другимъ Польскимъ Посламъ письма Максимиліяна и Турецкаго Султана, Солимана, удостоившія этимъ титуломъ Василія Васильевича.

По этому, кажется, ошибаются тѣ, которые, разсказавъ все это безъ опроверженія, увѣряютъ, что этимъ титуломъ въ первый разъ началъ пользоваться Иванъ, послѣ покоренія Казани.

Относительно этого названія самъ Герберштейнъ, также Гваньинъ, да тоже и Олеарій, предостерегали переводчиковъ съ иностранныхъ языковъ, чтобы они воздержались отъ ошибки обыкновеннаго перевода, особенно указывая, что на Русскомъ нарѣчіи слово Царь не означаетъ Императора, какъ переводятъ они обыкновенно, а Царя, по тому что и сами Москвитяне, научившись изъ Св. Славянской Библіи, при упоминаніи о Короляхъ, всегда называютъ ихъ Царями; когда же говорятъ объ Императорѣ и о своемъ Государѣ въ связи одной рѣчи, то съ замѣчательнымъ различіемъ перваго зовутъ Кесаремъ (Caesarem), а послѣдняго Царемъ (Tzarem), какъ я самъ много разъ слыхалъ. Да и самъ Великій Князь называетъ себя не Русскимъ, не Московскимъ, Царемъ, а либо безразлично Царемъ, либо опредѣленнѣе Царемъ Казанскимъ, Царемъ Астраханскимъ, Царемъ Сибирскимъ, а этѣ страны навѣрное ни какъ ужъ не заслуживаютъ названія ни Имперіи, ни Царствъ (исключая Сибири), по тому что, кромѣ тѣхъ городовъ, отъ которыхъ получили названіе, едва нѣсколько маленькихъ городковъ считаютъ подъ своею судебною властію. Однако жъ, не обращая вниманія на дружеское предостереженіе, нѣкоторые изъ переводчиковъ продолжаютъ по своей волѣ, ложно искажать слова къ предосудительному пренебреженію Императорскаго имени. Если ужъ руководитъ ими такое пристрастіе къ иноземнымъ народамъ, что хотятъ украшать ихъ пышными титулами, и полагаютъ, что имя Царя, по созвучію его съ именемъ Цесаря, звучитъ

гораздо величавѣе, то пусть зовутъ тѣхъ Государей Царями, но отнюдь же не Императорами. Такимъ образомъ они не взведутъ на себя вины во лжи, да и удовлетворятъ своему подслуживанью. Я желалъ бы, однако жь, чтобы они сами, хоть разъ когда ни будь взглянули на Карталинское и Грузинское Царства и на Царьковъ ихъ, называемыхъ Алексѣемъ Царями въ его титулахъ, по тому что увѣренъ, что когда увидятъ въ гористыхъ предѣлахъ Грузіи столько Царей, данниковъ Москвитянъ, Персіи, или Турціи, ведущихъ жизнь, далекую отъ всякаго Царскаго блеска, среди разныхъ лишеній, имя Царя до того упадетъ у нихъ въ цѣнѣ, что впредъ постыдятся обращать его въ Императорское.

Титулъ Великаго Князя первый присвоилъ себѣ и передалъ потомкамъ, рожденный внѣ брака, Владиміръ, сынъ Святославовъ.

Имя Алексѣй между извѣстными мнѣ Русскими Государями, потомками Рюрика, не въ употребленіи въ Россіи и явно иностранное. Москвитяне чтутъ Алексія, Кіевскаго Митрополита, родившагося во время Московскаго Князя Ивана Даниловича, посвященнаго въ этотъ санъ въ 1364 году и умершаго спустя 14 лѣтъ потомъ въ правленіе Ивана Ивановича. [155] Каждый годъ они торжественно празднуютъ память его 5-го Октября, а день перенесенія его мощей въ Москву 20-го Мая. [156] Онъ далъ совѣтъ своему народу, чтобы, бросивъ войну съ Крымскими Татарами, лучше сохраняли миръ съ ними, платя имъ ежегодно извѣстную дань. И, принявъ на себя исполненіе своего совѣта, онъ купилъ миръ для Русскихъ у Татарскаго Хана Бердигирея (Ber-

---

[155] По изслѣдованію Преосвященнаго Филарета, Архіепископа Черниговскаго, Алексій родился въ 1300 г. и нареченъ былъ Елевѳеріемъ, посвященъ въ санъ Митрополита въ 1354 при Патріархѣ Калистѣ, «на всю Русскую землю,» а скончался 78 лѣтъ, 12 Февраля, 1378 г., пробывъ на каѳедрѣ Митрополичьей 24 года, слѣдовательно, въ княженіе Дмитрія Ивановича Донского. См. «Русскіе Святые,» Февраль, Черниговъ, 1862 г., стр. 86—119. О. Б.

[156] Память его празднуется 5-го Октября, вмѣстѣ съ другими двумя Митрополитами Московскими, съ 1596 года, въ день мученицы Харитины, подъ названіемъ: «Памяти тріехъ Святителей Московскихъ,» а 20-го Мая празднуется обрѣтеніе его мощей и перенесеніе, совершившееся, по Никоновской лѣтописи (IV, 55 — 66), въ 1431 г., но не въ Москву, а изъ одного храма въ другой новосозданный. О. Б.

degereio).[157] Михайловичъ (Mihalowicz) есть имя отцовское, которое, какъ замѣчено выше, по Московскому обычаю, прибавляеся къ собственному.

Имя Россіи простирается далеко, по тому что заключаетъ все пространство отъ горъ Сарматскихъ и рѣки Тиры (Tyra), называемой жителями Днѣстромъ (Nistro), чрезъ обѣ Волыни къ Борисѳену (Днѣпру) и къ равнинамъ Полоцкимъ, сопредѣльнымъ Малой Польшѣ, древней Литвѣ и Ливоніи, даже до Финскаго залива, и всю страну отъ Кареловъ, Лапонцевъ и Сѣвернаго Океана, во всю длину предѣловъ Скиѳіи, даже до Нагайскихъ, Волжскихъ и Перекопскихъ Татаръ. А подъ названіемъ Великой Россіи Москвитяне разумѣютъ то пространство, которое заключается въ предѣлахъ Ливоніи, Бѣлаго Моря, Татаръ и Борисѳена, и обыкновенно слыветъ подъ названіемъ «Москвитяне.» Подъ Малою же Россіей разумѣются области: Браславская (Bratislawensis), Подольская, Галицкая, Сяноцкая, Перемышльская, Львовская, Бельзская съ Холмскою, Волынская и Кіевская, лежащія между Скиѳскими пустынями, рѣками Борисѳеномъ, Припетью и Вепремъ, Малою Польшею и Карпатскими горами. А подъ Бѣлой, заключающеюся между Припетью, Борисѳеномъ и Двиной, съ городами: Новгородкомъ, Минскомъ, Мстиславлемъ, Смоленскомъ, Витебскомъ и Полоцкомъ и ихъ округами. Все это когда-то принадлежало по праву Русскимъ, но, по военнымъ случайностямъ, они уступили счастію и храбрости Поляковъ и Литовцевъ.

Первый, писавшій себя Самодержцемъ всея Россіи (totius Russiae Monarcha), былъ Великій Иванъ, сынъ Василія Темнаго (coeci), въ его письмахъ къ Александру, Великому Князю Литовскому, въ 1492 году, тотъ самый, что свергнулъ 250-тилѣтнее Татарское иго, наложилъ свое на Великій Новгородъ, выгналъ изъ родовыхъ областей весьма многихъ родственныхъ ему Князей, и такъ соединилъ подъ своею властію большую часть Россіи. Послѣ того преемники его всегда пользовались этимъ титуломъ, особливо внукъ его, Иванъ, въ своихъ письмахъ къ Польскому Сенату въ 1572 году, послѣ смерти Сигизмунда Августа. Но, кромѣ Алексѣя, ни кто, для отличія, не носилъ имени самодержца

---

[157] Бердибека, преемника Джанибека, супругу котораго, Тайдулу, Святитель Алексій исцѣлилъ отъ слѣпоты. Это произошло въ 1357 году. О. Б.

(autocrator) или покровителя (conservator) Великой, Малой и Бѣлой Россіи.

Что Московія занимаетъ первое мѣсто въ титулѣ, это слѣдуетъ приписать не древности ея, а достоинству. По тому что послѣ того, какъ Даніилъ Александровичъ, двѣнадцатый преемникъ Государей въ прямой линіи отъ Рюрика, по бывшимъ у меня подъ рукою Московскимъ лѣтописямъ (Juxta eos, quibus ego sum usus, Moschorum annales), съ очень выгоднымъ расчетомъ, перенесъ Княжескій столъ изъ Володимера въ городъ Москву, и жилъ тамъ постоянно, Москва съ каждымъ днемъ становилась великолѣпнѣе по зданіямъ, прибывавшимъ въ ней все больше и больше. Даже и свое имя, заимствованное отъ рѣчки (fluviolo), протекающей мимо ея и выходящей изъ Тверской области, она передала всей Россіи и всѣмъ обитающимъ въ этой странѣ народамъ: это имя принято всѣми съ такимъ одобреніемъ, что много уже лѣтъ эта страна называется обыкновенно «Московіей» (Moschovia), а жители ея общимъ для нихъ въ свѣтѣ именемъ «Москвитянъ» (Moschovitae); но не зная этого новаго названія, или пренебрегая имъ, они сами всегда зовутъ себя древнимъ именемъ «Русскихъ» (Russos), или отъ брата Русса (a fratre Russo), или отъ внука Лехова, перваго Польскаго Князя, либо отъ древнѣйшаго города Русса (Russ), лежавшаго въ 60-ти верстахъ отъ Великаго Новгорода, или отъ русаго цвѣта волосъ, называемаго на Славянскомъ нарѣчіи «русыми» (Russ), или отъ народа Роксоланъ (Rox ,nes), или же отъ древняго слова «Россія» (Rosseia), означающаго рассѣяніе, или разсѣяваніе. Хотя область Московская ни обширна лодородна, по случаю часто перемежающихся чрезвычайныхъ холодовъ и жаровъ въ воздухѣ, легко убивающемъ въ ея песчаной почвѣ посѣвы переходами отъ необыкновенной засухи къ дождямъ, но, съ позволенія писателей, утверждавшихъ, будто бы въ ней не водится ни какихъ дикихъ звѣрей, кромѣ зайцевъ, и ни одна пчела не приноситъ меда, я не согласенъ съ ними. По тому что, какъ бы ни было это въ старину, а нынѣ въ ней несомнѣнное изобиліе лисицъ, волковъ, медвѣдей, пчелъ и меда. Какъ очевидецъ противнаго, отвергаю, со множествомъ другихъ басенъ, также и тѣ, будто бы животныя въ ней, по случаю холодовъ, безрогія, и кобылы не носятъ жеребятъ. Однако жь, нельзя же допустить и увѣренія тѣхъ, которые пишутъ о такомъ здоровомъ ея климатѣ, что никогда тамъ не понадобился бы диктаторъ, какъ часто бывало въ древнемъ Римѣ, для вбиванія гвоздя

противъ заразительной болѣзни, по тому что тамъ никогда не свирѣпствовала никакая зараза. Это увѣреніе опровергаютъ Московскія Лѣтописи, сообщающія, что въ 6930 году отъ сотворенія міра и въ 1421 отъ Рождества Христова, въ правленіе Василія Дмитріевича, и чрезъ 6 лѣтъ потомъ, въ началѣ правленія сына его, Василія, язва опустошила такъ жестоко Московію, что послѣ нея точно обезсилѣло все природное тѣлосложеніе Русскихъ: весьма немногіе изъ нихъ доживаютъ до 100 года, тогда какъ прежде обыкновенно многіе переживали этотъ годъ, съ большою еще къ нему прибавкою. [158] Въ 7109-мъ году по сотвореніи міра и въ 1600-мъ году по Рождествѣ Христовомъ, и спустя потомъ еще 2 года, въ царствованіе Бориса Годунова, въ Москвѣ свирѣпствовала такая язва, что едва не лишила ее почти всѣхъ жителей. [159] Въ 1654-мъ году и въ слѣдующемъ, въ настоящее царствованіе Алексѣя, таже чума, похитивъ въ Москвѣ 70 тысячъ жителей обоего пола, тоже едва не опустошила ее совсѣмъ. [160] Городъ Москва, когда-то самый обширный и населенный, но много разъ терпѣвшій случайные пожары, а въ 7079 году отъ сотворенія міра и въ 1570 году отъ Рождества Христова, 24-го

---

[158] Моръ этотъ происходилъ въ 1420 г., при Василіи Дмитріевичѣ (у. 1426 г.), 1426 и 1427, при Василіи Васильевичѣ Темномъ, «и послѣ того мору (говоритъ Никон. лѣтопись V, 94), какъ послѣ потопа, толико лѣтъ люді не почали жити, но маловѣчнії и худі и щадушниі начаша быти.» Это мѣсто доказываетъ, что Майербергъ, между прочимъ, пользовался лѣтописью Никоновскою, можетъ быть ею одной исключительно. Слѣдовательно, какъ замѣчено мною въ Предисловіи, зналъ Русскій языкъ, по своему Славянскому происхожденію. О. Б.

[159] Отъ извѣстнаго голода при Борисѣ, съ осени 1602 года. Отъ него въ одной Москвѣ погибло, по словамъ Маржерета (стр. 75) болѣе 120 т., а по Беру (стр. 39) болѣе 500 т. О. Б.

[160] По донесенію Князя Мих. Петр. Пронскаго, Начальника Москвы во время похода Царя противъ Поляковъ, чума эта началась еще въ 1654 г., но особенно сильно свирѣпствовала съ осени 1654, «отъ чего всѣ 6 Приказовъ Стрѣлецкихъ были совсѣмъ истреблены, церкви, кромѣ большаго собора, лишились Священниковъ. Дьяки и Подъячіе умерли, и всѣ бѣгутъ вонъ.» Въ одной Москвѣ погибло тогда 20 т., съ ея Начальникомъ, Княземъ Пронскимъ. а съ распространеніемъ на другія мѣстности, по увѣренію Колинса, отъ 700 до 800 т. Кончилась она съ Октябремъ, начавшись падежемъ скота. О. Б.

Мая, весь выжженный Перекопскими Татарами [161] и въ 1611 году Поляками, [162] нынѣ, въ болѣе тѣсной окружности 21-й версты, имѣетъ гораздо меньшую часть жителей противъ того, сколько ихъ отведено въ Литовскій и Польскій полонъ. По замѣчанію другихъ моихъ предшественниковъ, при большинствѣ домовъ находятся обширные пустыри и дворы, къ очень многимъ домамъ примыкаютъ еще огороды, плодовитые сады, да, кромѣ того, раздѣляютъ ихъ другъ отъ друга довольно обширные луга, въ перемежку съ ними безчисленныя, можно сказать, церкви и часовни; слѣдовательно, въ ней и нѣтъ такого множества народа, какъ полагали нѣкоторые, обманувшись ея обширностью съ вида. Въ ней крѣпость, называемая Кремль (Kremelinae nomen), мѣстопребываніе Великихъ Князей, не меньше средней величины города, впервые обнесенная каменною стѣной Иваномъ, сыномъ Василія Темнаго; она стала гораздо укрѣпленнѣе съ прибавкою рва и другихъ улучшеній. Въ Москвѣ такое изобиліе всѣхъ вещей, необходимыхъ для жизни, удобства и роскоши, да еще покупаемыхъ по сходной цѣнѣ, что ей нечего завидовать никакой странѣ въ мірѣ, хоть бы и съ лучшимъ климатомъ, съ плодороднѣйшими пашнями, съ обильнѣйшими земными нѣдрами, или съ болѣе промышленнымъ духомъ жителей. По тому что хоть она лежитъ весьма далеко отъ всѣхъ морей, но, благодаря множеству рѣкъ, имѣетъ торговыя сношенія съ самыми отдаленными областями.

По увѣренію Русскихъ лѣтописей, Кіевъ былъ городъ древнѣе всѣхъ прочихъ городовъ въ Россіи послѣ Великаго Новгорода. По тому что разказываютъ, что братья, вышедшіе изъ Польши (ex Polonia egressi), Кій (Kieu), Щекъ (Issok) и Хоривъ (Koriw), поселились на горѣ, на правомъ бергу Борисѳена. Кій на самой вершинѣ, Щекъ на той же сторонѣ, которая названа была имъ Щековица (Sokowiza), а Хоривъ на другой, получившей отъ него имя Хоривицы (Korowicae). А такъ какъ они не раскаява-

---

[161] Подъ предводительствомъ Хана Девлетъ-Гирея. См. свидѣтельство объ этомъ ужасномъ пожарѣ (1571 г.) очевидцевъ, «двухъ Англичанъ и извѣстнаго Флетчера,» 17 лѣтъ послѣ того бывшаго у насъ: «Матеріялы для Исторіи Россіи, извлеченные изъ рукописей Британскаго Музея въ Лондонѣ Н. И. Стороженкомъ,» въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древн. Россійскихъ,» 1870, кн. 3-ья. О. Б.

[162] Тогда Москву сожгли, въ концѣ Марта, отъ Кулижскихъ воротъ до Покровки, и отъ Чертольскихъ до Тверской, также и Китай-городъ. О. Б.

лись въ выборѣ мѣста, то и построили тутъ городъ, безъ гаданій по полету птицъ, безъ братоубійства, и, руководясь однимъ уваженіемъ къ лѣтамъ, назвали его по имени старшаго брата, Кіевомъ (Kyovia) Олегъ (Olechus), родственникъ Рюрика и опекунъ его сына, Игоря, сдѣлалъ нападеніе на Кіевъ, въ отмщеніе за обиды отъ него Новогородцамъ и, пользуясь счастіемъ, взялъ его и основалъ въ немъ столицу всей Руси. Этихъ преимуществъ лишилъ, однако жъ, городъ Игоревъ внукъ, рожденный внѣ брака, Володимиръ, отдавъ ихъ городу Володимиру, построенному имъ на рѣкѣ Клязьмѣ (Clesmam). [163] Сынъ его, Ярославъ, побѣжденный въ 1009 году, Польскимъ Княземъ, Болеславомъ Храбрымъ, принужденъ былъ возвратить Кіевъ, изгнанному оттуда и лишенному этого города, брату Святополку, но опять отнялъ его у послѣдняго, за его братоубійство. [164] Десять лѣтъ спустя тотъ же Болеславъ побѣдилъ его снова, въ великой битвѣ на рѣкѣ Бугѣ (ad Bugum), и сдѣлалъ своимъ данникомъ. [165] Ярославъ увеличилъ городъ и обнесъ его стѣнами; со всѣмъ тѣмъ, въ 1070 году, Польскій Болеславъ Смѣлый, побѣдивъ Кіевскаго Князя, Всеволода (Sevoldo), [166] принудилъ отдать ему Кіевъ и приказалъ княжить въ немъ Изяславу (Isaslao). Но это было къ несчастію для Короля, по тому что, повторивъ вступленіе Аннибала въ Капую, Король и его войско изнурили и развратили себя удовольствіями и наслажденіями Кіева, и обратили въ предметъ раскаянія для себя свою побѣду. А послѣдующіе за тѣмъ Князья, зависимые отъ Польши, [167] стараясь вредить другъ другу взаимными кознями, никогда не пере-

---

[163] Невѣрно, какъ сказано уже было выше. О. Б.

[164] Все это, большею частью, по Польскимъ историкамъ, не всюду достовѣрнымъ, каковы: Мартынъ Галлъ, Кадлубекъ, особливо Длугошъ и Стрыйковскій. О. Б.

[165] Но тогда жилъ еще Владиміръ. Это изъ Кадлубка, который баснословитъ даже о 4-хъ битвахъ съ Поляками: въ 1008 двѣ, 1009 и 1018. Кромеръ, Стрыйковскій и другіе тоже повторяютъ, увѣряя всѣ о дани Болеславу. О. Б.

[166] Вовсе не Всеволода, но Всеслава, Князя Полоцкаго, взятаго хитростью Изяславомъ, Великимъ Княземъ 1067 г., близъ Днѣпра, у Смоленска, и заключеннаго въ темницу, по освобожденіи изъ коей народомъ былъ объявленъ Кіевскимъ Княземъ, а Изяславъ бѣжалъ къ Польскому Королю, Болеславу Смѣлому, сыну Маріи, дочери Владиміра, и согласилъ его помочь ему, но битвы не было никакой, такъ какъ Всеславъ, устрашився непріятелей, бѣжалъ въ свой Полоцкъ, а Изяславъ вступилъ мирно въ Кіевъ. О. Б.

[167] Несправедливо, но по Польскимъ историкамъ. О. Б.

ставали сгонять попеременно одинъ другого съ Княжескаго престола, до тѣхъ поръ, пока не занялъ этотъ престолъ Ростиславъ, сынъ Мстислава (Rostislao Mistislai filio): тогда, въ 6748 г. отъ С. М., и въ 1239 отъ Р. Х., Татарскій Царь, Батый (Batus), точно бурный ручей, разлился по Руси и, разрушивъ до основанія Кіевъ, сравнялъ его съ землею.[168] Когда поулеглась эта жестокая буря, Русскіе опять заселили это мѣсто, съ согласія Татарскихъ преемниковъ Батыя и съ обязательствомъ дани. Но Гедиминъ (Gediminus), Великій Князь Литовскій, побѣдивъ, въ великой битвѣ, въ 1320 г., Станислава (Stanislao), княжившаго тогда въ Кіевѣ, и выгнавъ его, взялъ городъ и весь его округъ даже до Черкасъ (ad Czerkassios), и, обративъ это Княжество въ простую область (provinciam), ввѣрилъ его, для управленія, Князю Ольшанскому Миндовгу (Mindopho Holsano Duci).[169] Въ 1390-мъ году овладѣлъ этимъ Княжествомъ Володимиръ (Volodimirus), старшій сынъ Ольгерда, Великаго Князя Литовскаго, съ согласія своего брата, Ягайла, въ то время уже Короля Польскаго, но долженъ былъ уступить его общему ихъ брату, Казимиру Скиригайлу (Casimiro Skirgeloni). Онъ отказалъ въ согласіи на это, а по тому, въ 1395 году, Витовтъ (a Vitoldo), Великій Князь Литовскій, выгналъ его оттуда, съ сыномъ Олелькомъ или Александромъ (cum Olelkone sive Alexandro); а когда, недолго спустя, Скиригайло умеръ, отравленный какимъ-то монахомъ, то Витовтъ опять обратилъ это Княжество въ область, и отдалъ ее въ управленіе Ивану Альгимунду (Joannis Algimundi), Князѣ Ольшанскому (Ducis Holsanensis). Въ 1416 году, когда Ягайло праздновалъ въ Сянокѣ (Sanoci) свою свадьбу съ Елисаветою Пилецiею (Pilecia),[170] Эдигей (Ediga), Воевода Тамерлана, напавъ, съ многочисленнымъ войскомъ, на Кіевъ, опустошилъ его такъ жестоко, что этотъ городъ никогда уже больше не возвращалъ прежняго своего величія.[171] Со всѣмъ тѣмъ въ третій разъ обстроившись множествомъ домовъ, при по-

---

[168] По Никоновской лѣтописи, которая точно говоритъ о Ростиславѣ Мстиславичѣ, котораго Даніилъ взялъ съ собою и отправился въ Угрію, гдѣ Ростиславъ и умеръ. Онъ былъ внукъ Давыда Смоленскаго. О. Б.

[169] Миндовгъ былъ племянникъ Гедимина и отчасти Христіяшинъ. Все это по Стрыйковскому, который любитъ сказки. По нашимъ лѣтописямъ еще въ 1331 г. въ Кіевѣ былъ Русскій Князь, и при немъ Баскаки. О. Б.

[170] Т. е., со вдовой Елисаветой Грановской, вѣнчавшись въ Сянокѣ. О. Б.

[171] По Длугошу преимущественно и другимъ. О. Б.

дошвѣ горы, на берегу рѣки, онъ имѣлъ собственныхъ Князей. [172] По тому что въ 1421 году Ягайло женился на дочери Кіевскаго Князя, Андрея Ивановича Друка (Andreae Juanowicz Druki), Сонкѣ (Zonca), послѣ того называвшейся Софіей (Sophia). [173] Пишутъ также, что, въ 1435 году, Иванъ Володимировичъ (Joannes Volodimiricz), Князь Кіевскій, взятъ былъ въ плѣнъ въ сраженіи съ Михаиломъ (a Michaële), сыномъ Великаго Князя Литовскаго, Сигизмунда, и потомъ убитъ имъ. Семь лѣтъ потомъ тотъ же Михаилъ взялъ Кіевъ, выгнавъ оттуда Князя Александра (Alexandro), но и самъ, выгнанный Польскимъ Королемъ, Казиміромъ Ягайловцемъ, долженъ былъ возвратить это неправое пріобрѣтеніе законному владѣльцу. По смерти же Александра, въ 1455 году, тотъ же Казиміръ отнялъ Кіевъ у его дѣтей, Симеона и Михаила (Simoni et Michaëli), однако жь предоставилъ его, на феодальныхъ правахъ, одному Симеону. Хотя этотъ и оставилъ, по своей смерти, въ 1471 г., сына Василія (Basilium), однако жь Казиміръ, отмѣнивъ Княжескій титулъ въ Кіевѣ, отдалъ этотъ городъ въ управленіе Мартыну Гастольду (Martino Gastoldo), въ качествѣ области. [174] Такъ онъ и обратилъ въ простое Воеводство (Palatinatum) это Великое Княжество, пользовавшееся уваженіемъ всѣхъ Русскихъ Князей и заключавшее въ себѣ обширное пространство земли въ Малой Россіи (in Parva Russia). Въ немъ же и начало Козаковъ (Cosacorum ortus), когда-то земледѣльческаго (agrestis olim gentis), жившаго въ окрестностяхъ Кіева. Увлекшись прелестью добычи у Татаръ, привыкшихъ часто кочевать

---

[172] Такъ какъ Эдигей, разоривъ Кіевъ, не могъ, однако, взять крѣпкаго его замка, то и неудивительно, что въ немъ владѣлъ Русскій Князь, Андрей Ивановичъ.

[173] См. выше примѣч. 172. — Ягайло женился на ней послѣ смерти Елисаветы Грановской, умершей 1420 года. Сонка была племянницей Витовту, а по другимъ двоюродной сестрой. О. Б.

[174] По Другошу, Бѣльскому и Кояловичу. Князь Семенъ Олельковичъ, умирая, ввѣрилъ, черезъ посла, совѣсти Казиміра, Великаго Князя Литовско-Русскаго и своего Государя, свое Кіевское Княжество, жену, дочь и сына, и Казиміръ, по желанію семьи Семена Олельковича, поручилъ опеку ихъ тестю умершаго и дѣду сиротъ, Литвину Мартыну Гастольдовичу. По словамъ Кояловича, отъ Василія Семеновича Олельковича произошли Князья Слуцкіе, пользовавшіеся такими почестями и значеніемъ въ Литвѣ и Руси, какихъ не имѣли никакіе другіе Княжескіе роды, кромѣ, развѣ, Князей Глинскихъ. О. Б.

въ пустыняхъ Днѣпра, съ дѣтьми и стадами, этотъ народъ переселился туда же, и потомъ размножившись отъ прибѣгавшихъ къ нему дворянъ (nobilium), изгнанниковъ (exulum), или разбойниковъ (praedonum), онъ началъ уже получать извѣстность во времена Сигизмунда Стараго, а послѣ него заслужилъ у Стефана Баторія въ подарокъ себѣ городъ Трехтимировъ (Trethymirovia), въ 50-ти верстахъ ниже Кіева. [175] Потомъ, оттѣсняя все дальше и дальше Татаръ, благодаря удачной отвагѣ, Козаки заняли Днѣпровскіе острова и навсегда удержали за собоюглавный изъ нихъ, Томаковку (Tomakowkam), [176] на немъ поселились главные смѣльчаки ихъ, а множество другихъ, возраставшее изо дня въ день, разошлось на широкое пространство, даже до городовъ, разсѣянныхъ по Волыни. У этихъ острововъ, между крутыхъ и утесистыхъ скалъ, Днѣпръ часто свергается внизъ съ высоты стремнинъ, называемыхъ у Поляковъ порогами (porogi), [177] и, протекая черезъ нихъ, оставляетъ Козакамъ названіе Запорожцевъ (Zaporovienses), такъ какъ все, находящееся дальше за этими стремнинами, называется «Запорогами» (Za Porohi, Запорожье). Иногда Козаки называются также Низовцами (Nizovienses), а это названіе взято отъ населяемой ими земли, которая ниже и дальше Волыни, а по тому и носитъ общее названіе Низа (Nis). Этотъ народъ сперва раздѣлался (ulciscitur) за обиды съ своими господами, которые свирѣпствовали надъ нимъ невыносимо; отплатилъ, за незаслуженную смерть, своихъ вождей (Ducum), казненныхъ, на перекоръ общему мнѣнію — Ивана Подковы (Juana Podkovae), [178] въ

---

[175] Мѣстечко Кіевской Губерніи, въ Богуславскомъ Уѣздѣ, лежитъ при рѣкѣ Днѣпрѣ, наискось отъ Переяславля, въ 70 в. отъ Кіева. О. Б.

[176] Томаковка, рѣка Екатеринославской Губерніи, въ 10-ти верстахъ отъ Грушевки. Она достойна примѣчанія тѣмъ, что на ней, во время продолжавшейся у Козаковъ съ Поляками войны, была Сѣчь Запорожскихъ Козаковъ. Въ этой же Губерніи есть село, или слобода, на той же рѣкѣ Томаковкѣ.

[177] Не у Поляковъ, а у Малоруссовъ, отъ которыхъ они и приняли эту форму, такъ какъ Польская форма его próg. О. Б.

[178] Подкова, по словамъ однихъ, былъ простой Козакъ, по другимъ—Атаманъ Кошевой или Куренній, а по третьимъ—Гетьманъ. О немъ сохранились въ народѣ три небольшія Думы, записанныя Изм. Ив. Срезневскимъ и напечатанныя имъ въ его «Запорожской Старинѣ» (Харьковъ, 1833, I, стр. 33—36, 82—86). Въ нихъ онъ названъ Серпягою, можетъ быть, его настоящимъ именемъ, Подкова же было прозвище, данное ему по тому, что, об-

Львовѣ, Королемъ Стефаномъ, а Павлюка (Paulukii) въ Варшавѣ—Владиславомъ IV; [179] отомстилъ позоръ, нанесенной Чаплинскимъ (a Czaplinscio) Богдану Хмельницкому, въ лицѣ его жены и сына, и, оставленный безъ наказанія Конецпольскимъ (Koniespolcii), бывшимъ тогда въ должности Великаго Короннаго Гетмана, неутомимой стойкостью и счастливой войной заставилъ Польшу возвратить ему его независимость. Я уже сказалъ, что когда Кіевскій Князь, Володимиръ, положилъ сдѣлаться воиномъ Христа, и выбралъ себѣ въ воскреемники отъ купели Греческаго Императора, Василія, Константинопольскій Патріярхъ, Николай Хризобергъ (Chrysobergus), поставилъ Митрополитомъ въ Кіевѣ Грека Михаила, чтобы онъ окрестилъ Князя и его подданныхъ. Послѣ того, одинъ за другимъ, слѣдовали многіе Митрополиты, то изъ Уніятовъ, то изъ еретиковъ, [180] смотря по тому, на какую сторону склонялось больше усердіе правителей. Изъ этихъ Митрополитовъ особливо выдѣляются: Алексѣй, Русскаго происхожденія, посвященный въ 1374 году, [181] о которомъ разсказываютъ (если только молва справедлива), что когда Турокъ Амуратъ (ab Amurathe Turco) позвалъ его къ себѣ, по извѣстной его святости, онъ испросилъ у Бога своими молитвами зрѣніе слѣпой его дочери; [182] Исидоръ Булгаринъ, который присутствовалъ на Тридентскомъ Соборѣ, подписалъ унію [183] и, возведенный въ санъ Кардинала, сдѣланъ Легатомъ Верховнаго Первосвященника (a latere), а въ 1440 году обнародовалъ по Русскимъ областямъ

ладая необыкновенной тѣлесной силой, ломалъ подковы. Онъ было завладѣлъ Молдавіей, сдѣлался ея Господаремъ, но видя, что не усидѣть ему на ея столѣ, оставилъ ее и возвратился на Подолъ, гдѣ Поляки «лестію его емше, до Короля отослали,» который приказалъ снять ему голову. Козаки трупъ его завезли въ Каневъ, и тамъ «у могилу тихо положили.» Начало всего этого относится къ 1577 году. О. Б.

[179] Карпъ Павловичъ Гудзанъ или Павлюкъ (сынъ Павловъ), послѣ битвы подъ Кумейками, 6-го Сентября, съ Польнымъ Гетьманомъ, Николаемъ Потоцкимъ 1637, вскорѣ былъ выданъ подъ Боровицею (20 Декабря) послѣднему съ нѣкоторыми товарищами и казненъ въ Варшавѣ, въ Февралѣ 1638 года: имъ отрубили головы и воткнули ихъ на колы. О. Б.

[180] Такъ Майербергъ величаетъ насъ, Православныхъ. О. Б.

[181] Невѣрно. См. выше примѣчаніе 155. О. Б.

[182] См. также выше стр. 118—119. О. Б.

[183] Невѣрно. См. слѣдующее примѣчаніе. О. Б.

унію; [184] Іона, Московитскій еретикъ, около 1520 года, который, по своей святости, почитается выше всѣхъ у еретиковъ его. [185] Послѣ того, какъ Владиславъ IV-й внушилъ Козакамъ выгнать Унитскаго Митрополита изъ Кіева, и взять себѣ еретика отъ Константинопольскаго Патріарха этотъ изгнанникъ ожидаетъ для себя въ Вильнѣ лучшаго времени отъ Божіей милости. [186] Въ тамошнемъ Печерскомъ монастырѣ (Pieczerscensi) можно видѣть подземныя пещеры, которыя началъ копать отшельникъ Антоній, прибывшій съ Аѳонской Горы при Великомъ Князѣ Изя-

---

[184] Соборъ сперва происходилъ въ Феррарѣ, а потомъ во Флоренціи 1439, гдѣ присутсвовалъ и Исидоръ, происхожденіемъ Грекъ, а по мнѣнію другихъ — Булгаринъ, даже Далматъ, учившійся въ Западныхъ школахъ. Изъ Архимандритовъ монастыря Св. Димитрія въ Царьградѣ, сдѣлался онъ Епископомъ Илирика, за тѣмъ испросилъ, по смерти Фотія, Митрополита Всероссійскаго, себѣ у Патріарха Цареградскаго санъ Митрополита Русскаго, прибылъ въ Москву 1437 г., и черезъ 4 мѣсяца отправился въ Италію на Соборъ. По возвращеніи въ Москву съ Собора онъ былъ осужденъ Русскимъ Соборомъ и заключенъ въ Чудовъ монастырь, откуда, однако, бѣжалъ, въ Сентябрѣ 1443 г., въ Римъ, а изъ Рима отправленъ Папой посломъ на Востокъ 1452 г., гдѣ, 1453, присутствовалъ при взятіи Цареграда Турками, которые чуть было не лишили его жизни, но онъ спасся въ Италію, и пожалованъ Папой Николаемъ въ санъ Константинопольскаго Патріарха и Декана Кардинальской Коллегіи. Умеръ въ Римѣ Апрѣля 27 дня, 1463 г., и погребенъ въ церкви Св. Петра. Онъ описалъ взятіе Цареграда по Латыни въ письмѣ къ Папѣ изъ Перы. О. Б.

[185] Онъ родился близъ Солигалича, былъ Епископомъ Рязанскимъ, а послѣ Фотія (1431) управлялъ Митрополіей, и 1448 посвященъ Соборомъ Русскихъ пастырей въ Митрополиты Россіи, принималъ участіе въ устройствѣ Православныхъ Епархій въ Бѣлоруссіи и Малороссіи (съ 1449). При немъ разрѣшено Русскимъ поставлять себѣ Митрополита безъ сношенія съ Патріархомъ, и съ того времени Митрополія Русская заняла первое мѣсто послѣ Іерусалимской Патріархіи (1453); съ 1458 противостоялъ Григорію, ученику Исидора, присланному Папой въ Митрополиты Русскіе. Скончался 31 Марта, 1461 года; черезъ 11 лѣтъ обрѣтены его мощи, 1-го Іюля (замѣненнаго 27 Мая). О. Б.

[186] Сдѣсь разумѣется дипломъ, полученный Архимандритомъ Петромъ Могилой, 1-го Ноября, 1632 г., отъ Варшавскаго Сейма и Короля, при чемъ, между прочимъ, онъ получилъ позволеніе отъ Православныхъ, собравшихся на Сеймъ, быть избраннымъ на Кіевскую Митрополію, что и произошло вскорѣ. Уніятскій Митрополитъ былъ тогда Велляминъ Рутскій, преемникъ Потея, родомъ изъ Бѣлорусскаго Новогородка, изъ Русскихъ дворянъ, но сдѣлавшійся Кальвиномъ, Католикомъ и Уніятомъ, любимецъ и избранникъ Потія, 1611, въ преемники, умершій 1637 г. О. Б.

славѣ (Isaslao). [187] Въ нихъ лежитъ много не тлѣнныхъ еще тѣлъ, почитаемыхъ Русскими за святыя, однако жь безъ всякаго подтвержденія этой святости, какъ Римскою, такъ и Греческою, Церковью. По увѣренію Кіевскихъ жителей, основанному на одномъ древнемъ преданіи, есть тамъ и тѣло Святой мученицы Варвары [188]

Володимирское Княжество, между Волгою и Окою, замѣчательно плодородною почвой и названіемъ города, построеннаго, рожденнымъ внѣ брака, Владиміромъ, на рѣкѣ Клязьмѣ, которая, по соединеніи съ Окою, въ 60 верстахъ оттуда, [189] становится судоходною. Володимиръ укрѣпилъ его деревяннымъ дѣтинцемъ и, покинувши Кіевъ, хотѣлъ сдѣлать мѣстопребываніемъ Великихъ Князей Русскихъ. [190] Но наконецъ правнукъ его праправнука, Даніилъ, разрушилъ его предположеніе и предоставилъ это, вмѣсто Владимира, Москвѣ. Разоренный Татарами, подъ начальствомъ Батыя, Владимиръ представляетъ нынѣ великія развалины, — жалкіе памятники его величія. Къ этому Княжеству прилежитъ Муромское (Muromensis), которымъ владѣли когда-то потомки Великаго Князя Ярослава, по наслѣдственному праву отъ сына его, Святослава. Но теперь крѣпость города Мурома срыта: населенный Татарами, смѣшенно съ Русскими, онъ признаетъ верховную власть Москвы вмѣстѣ съ прочею Россіей. Если подниматься отъ него вверхъ по Окѣ, то появится городокъ Касимгородъ (Cassimogro-

---

[187] Но Антоній два раза ходилъ на Аѳонъ: послѣ перваго путешествія на него, онъ возвратился въ 1012, или 1013 г., но вскорѣ (1017) удалился изъ Кіева, по причинѣ волненій послѣ кончины Владимира; во второй разъ возвратился въ Кіевъ въ 1027 г., или 1028 г., когда «уста усобиця и мятежь, и бысть тишина велика на земли.» Первое было еще при Владимирѣ, а послѣднее при Ярославѣ; Изяславъ же сдѣлался Великимъ Княземъ только въ 1054 г., (а умеръ 1078) и тотчасъ явился къ преподобному съ дружиною просить у него молитвъ. Не принялъ ли Майербергъ возвращенія Антонія съ дороги обратно въ Кіевъ, когда Изяславъ, разсердясь на него за постриженіе двухъ его придворныхъ (Варлаама и Ефрема), велѣлъ было ему удалиться изъ его стольнаго города, но потомъ, по настоянію своей супруги, приказалъ воротить обратно? О. Б.

[188] Мощи Св. Великомученицы Варвары, какъ извѣстно, находятся въ особомъ придѣлѣ Кіевскаго Золотоверхо-Михайловскаго монастыря съ незапамятнаго времени, а не въ пещерахъ. О. Б.

[189] Нынѣ въ 150 верстахъ. О. Б.

[190] Неправильно, какъ уже было замѣчено выше. О. Б.

dia) (Касимовъ), [191] уступленный Царемъ Годуновымъ, на правахъ подданства, Татарскому Царьку, а теперь владѣетъ имъ сынъ его, недавно окрещенный въ Московскую Вѣру, и такой маленькiй владѣлецъ называется тоже величавымъ именемъ Царя. Если и нынѣ есть подленькiе льстецы, то пусть себѣ назовутъ и его Императоромъ, коли придетъ имъ такая охота.

Княжество Великiй Новгородъ въ старину было дѣйствительно великая волость Рюрика, по тому что простиралась она даже до Ливонiи, Финляндiи, Швецiи и Норвегiи. Оно получило названiе отъ обширнаго своего главнаго города, по увѣренiю лѣтописей, самаго древняго изо всѣхъ Русскихъ городовъ, построеннаго переселившимися туда Дунайскими Славянами въ 2 верстахъ отъ озера Ильменя (a lacu Ilmenio). Это озеро, принявъ рѣку Хезину (Chesinum), у Русскихъ Ловать (Lowat), выпускаетъ ее потомъ изъ своего нѣдра подъ другимъ уже именемъ Волхова (Wolkow), судоходнаго, очень изобильнаго рыбой и протекающаго Новгородомъ. Александръ Витовтъ, Великiй Князь Литовскiй, въ 1414 году, долго осаждалъ его, принудилъ платить себѣ ежегодную дань и принять своихъ Воеводъ, поручивъ тогда это Воеводство, Князю Ольшанскому, Семену Альгимунду (Simone Algimundo Holsano Duce). Черезъ 14 лѣтъ послѣ того Новгородъ заупрямился было, но Александръ привелъ его въ покорность, и городъ пришелъ въ самое цвѣтущее состоянiе подъ этой зависимостью. Наконецъ Московскiй Князь, по справедливости Великiй, Иванъ, сынъ Василiя Темнаго, покоривъ Новгородъ послѣ семи лѣтъ войны, отнялъ его у Казимира III, Короля Польскаго и Великаго Князя Литовскаго, въ 1477 году, [192] а потомъ, въ 1493 году, принудилъ своего зятя, Казимирова преемника, Александра, отказаться отъ всякихъ правъ на этотъ городъ. [193] Но 1611 годъ пока-

---

[191] Касимовъ лежитъ на крутотъ высокомъ берегу Оки и при рѣчкахъ Бабинкѣ и Сѣвернѣ, слишкомъ въ 280 в. отъ Москвы, отъ Губернскаго города своего Рязани въ 136. Прежде назывался онъ Городецъ, а по отдачѣ его Касиму, Татарскому Царевичу, Василiемъ Темнымъ, переименованъ онъ въ его имя, такъ какъ составлялъ его столицу. Жителей нынѣ около 10,000 обоего пола, церквей 9, монастырь женскiй, мечеть, училищъ 4 и т. п. О. Б.

[192] Послѣ смерти старшаго брата (1491 — 1501), Яна Альбрехта. Миръ заключенъ былъ 7-го Февраля, 1494 г. О. Б.

[193] Новгородъ покоренъ 15-го Генваря, 1478 года. О. Б.

залъ, что великія громады, одинъ разъ обрушившись, ужь никогда потомъ не въ состояніи подняться, какъ бы придавленныя собственной тяжестью. По тому что Яковъ Де ла Гарди (Jacobus de la Garde), вождь вспомогательнаго войска, посланнаго въ Россію Карломъ IX, Королемъ Шведскимъ, противъ намѣреній его племянника, Польскаго Короля, Сигизмунда III, будучи раздраженъ обманами Москвитянъ, взялъ этотъ городъ однимъ отважнымъ приступомъ храбро напавшаго его небольшаго пятитысячнаго отряда. [194] Новгородъ — мѣстопребываніе первенствующаго Русскаго Митрополита. Къ его же области принадлежала и крѣпость Иваньгородъ (arx Iuanogrodia), построенная тѣмъ же Иваномъ, при рѣкѣ Наровѣ, изъ тесаннаго камня, въ 1495 году, а не жестокимъ, его внукомъ, какъ думаютъ нѣкоторые. [195] Ямы (Jamma), Копорье (Coporium) и Орѣшекъ (Oreschakum) или Нотебургъ (Noteburgum) въ Ингріи, отняты вооруженною рукою у Москвитянъ или самимъ Карломъ, или сыномъ его, Густавомъ Адольфомъ, вмѣстѣ съ Кексгольмомъ (Kexholmia) въ Кареліи (Carelia), подареннымъ Карлу Василіемъ Шуйскимъ за присланное отъ него вспоможеніе противъ Поляковъ. Всѣ эти мѣста перешли въ вѣчное владѣніе Шведовъ, по праву войны и подъ новыми названіями, по мирному Столбовскому (Stolboviensis transactio) договору, заключенному въ 1617 году между тѣмъ же Густавомъ Адольфомъ и Великимъ Княземъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ, и подтвержденному юнымъ Королемъ Карломъ XI и Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1661 году и слѣдующемъ годахъ. [196]

---

[194] Новгородомъ Шведы овладѣли тогда (Іюля 15-го, 1611 г.), благодаря нерадѣнію Градоначальниковъ его (Князя Ив. Никит. Одоевскаго и Вас. Ив Бутурлина) и измѣнѣ одного Новгородца (Ивашки Швала), введшаго въ Новгородъ непріятеля ночью (съ 15 на 16-е Іюля) Чудинцевскими воротами. О. Б.

[195] Несправедливо, но въ 1492 году, у рѣки Нарвы или Наровы, на Дѣвичьей горѣ. О. Б.

[196] Миръ съ Шведами заключенъ былъ, при посредничествѣ Англійскаго Посла (Джона Мерика) въ селѣ Столбовѣ, между Тихвины и Ладоги, 27-го Февраля, 1617 г., по которому Россія удовольствовалась токмо возвращеніемъ одного Новгорода съ малою частію Уѣзда. При Алексѣѣ же заключенъ былъ, въ Октябрѣ 1661 г., въ Кардисѣ (деревнѣ между Юрьевомъ Ливонскимъ и Колыванью), и по нему Царь уступилъ Швеціи всѣ завоеванные Ливонскіе города, а черезъ годъ почти послѣдовало подтвержденіе въ Москвѣ и Стокгольмѣ со стороны Королевы Елеоноры, съ ручательствомъ за малолѣтняго Короля, Карла XI. О. Б.

Вологда (Volochda) тоже была Новгородская область, получившая названіе отъ протекающей по ней рѣки и съ трудомъ доступная, по причинѣ частыхъ болотъ и густыхъ лѣсовъ: такимъ образомъ она обѣщаетъ Государямъ въ главномъ городѣ, Вологдѣ, на рѣкѣ Сухонѣ (ad Suchanam), самое безопасное хранилище для ихъ казны, подъ защитою чрезвычайно сильной крѣпости; она же служитъ и мѣстопребываніемъ Архіепископа, пользующагося преимуществомъ предъ другими.

И Устюгъ (Ustiuga) былъ Новгородская область, названная отъ устья рѣки Юга (ob ostio Jugae), гдѣ возвышалась въ старину крѣпость съ городомъ Устюгомъ, нынѣ перенесенная немного повыше. [197]

Наконецъ тоже была и Двинская (Duina) обширная область, съ городомъ Холмогоры (Colmogoria), и очень населенною страною на рѣкѣ Вагѣ (Vaga). По случаю безплодной почвы, въ старину эта область считала у себя немного жителей, а нынѣ, благодаря удобству знаменитой ея пристани у Михаила Архангела (Michaëlis Archangeli emporii), [198] она изобильна и жителями, и товарами. Свое названіе получаетъ отъ протекающей по ней рѣкѣ Двины (Duina), а эта называется такъ по тому, что образуется изъ слiянія двухъ рѣкъ, Сухоны и Юга (a Suchanae et Jugae confluxu), такъ какъ Двина на Русскомъ нарѣчіи то же, что и «два.» [199] Сухона беретъ начало изъ Кубенскаго (Koinski) озера въ Вологодской области. [200] Имя рѣки Вологды, впадающей въ нее въ 42 миляхъ ниже города того же имени, [201] она заглушаетъ своимъ, и такъ обогатившись чужимъ добромъ, да

---

[197] То есть, Сухона и Югъ, соединясь вмѣстѣ, составили рѣку Сѣверную Двину, по тому городъ, построенный тутъ, получилъ названіе свое Устюга (Устье Юга). Называютъ его и Юстюгъ Великій. О. Б.

[198] То есть, Архангельска. О. Б.

[199] Нелѣпость! О. Б.

[200] Вытекаетъ изъ юговосточной оконечности Кубенскаго озера въ границахъ Вологодскаго Уѣзда. До впаденія въ нее р. Вологды слыветъ Сухона Рабангой, Рабонгской Сухоной, отселѣ до впаденія р. Двиницы — Нижней Сухоной, Окольной же Сухоной зовется большая излучина ея, въ которую впадаетъ р. Лежа. О. Б.

[201] Рѣка Вологда вытекаетъ съ границы Вологодскаго и Череповскаго Уѣздовъ и впадаетъ въ Сухону Окольную, выше города за 100 верстъ. О. Б.

смѣшавъ это, нечестно добытое богатство, будто собственность, съ своими наслѣдственными водами, и захвативъ еще съ собою другія незнатныя рѣки, уноситъ всѣ эти воды дальше къ востоку, на пространствѣ 500 миль, и оставляетъ назади у себя городки: Сухкумъ (Suchkum), [202] Тотьму (Totmam), Брусенецъ (Browsenskum), Бобровскій (Bobroweskum) [203] и Стрѣльну (Strelnam) [204] Но только что пройдетъ городъ Устюгъ (Ustiugam), какъ изливается въ Югъ (Jugam), и такимъ образомъ наказывается, по праву равнаго воздаянія. По тому что обѣ эти рѣки, слившись вмѣстѣ, лишаются своихъ именъ, такъ что изъ точки ихъ сліянія катится, на всемъ пространствѣ прямо къ Сѣверному океану, уже другая рѣка, носящая названіе Двины (Duina). По дорогѣ она увеличивается еще самыми многоводными на 500-тъ верстъ рѣками: Пермяной (Permanae), Вычегдой (Witzogdae), [205] Вагой (Vagae) [206] и Пинегой (Pinegi humeribus), [207] протекаетъ чрезъ многочисленныя по берегамъ ея и очень многолюдныя деревни и городки: Двину (Duinam), [208] Емцу [209] (Jempsam), [210] Холмогоры и монастырь Михаила Архангела. Но всегда вѣрная своему Государю, впадаетъ въ Двнскую губу (sinum Granuicum). Да и никогда не приходитъ туда безъ ноши на своемъ хребтѣ, по тому что совсѣмъ завалена перевозкой: привозитъ то выдѣланныя воловьи кожи, то слѣдующія еще къ выдѣлкѣ ло-

---

202 Устюгъ?

203 Брусенецъ, по Географическимъ Словарямъ Щекатова и Гагарина, укрѣпленный городокъ Вологодской Губерніи въ Великоустюжскомъ Уѣздѣ, вѣроятно, нынѣшняя деревня Брусенатская, показанная въ атласѣ Вильбрехта, на правомъ берегу р. Сухоны, ниже города Тотьмы.

204 Нынѣ Бобровскій Ямъ, на р. Бобровнѣ, близъ впаденія ея въ Сухону.

205 «А отъ Бобровска до Стрѣльнаго 50-тъ верстъ, отъ Стрѣльнаго 50 верстъ до Устюга Великаго,» сказано въ «Книгѣ Большаго Чертежа.» Нынѣ Стрѣлицкій погостъ на р. Стрѣльнѣ, впадающей въ Сухону.

206 Вычегда беретъ начало въ Усть-Сысольскомъ Уѣздѣ Вологодской Губерніи, а въ Соль-Вычегодскомъ, въ 16-ти верстахъ отъ города Соль-Вычегодска, впадаетъ въ Сѣверную Двину.

207 Вага беретъ начало въ Тотемскомъ Уѣздѣ Вологодской Губерніи, а въ Архангельской, въ Шенкурскомъ Уѣздѣ, впадаетъ въ Двину.

208 Пинега беретъ начало въ Вологодской Губерніи, а въ Архангельской, въ Холмогорскомъ Уѣздѣ, впадаетъ въ Сѣверную Двину.

209 Двина?

210 Емецкое село и приходъ въ Холмогорскомъ Уѣздѣ Архангельской Губерніи.

синныя, то коноплю и смолу, то льняное сѣмя и сало, то воскъ и приготовляемую на Волгѣ бѣлужью, осетровую и другихъ рыбъ икру (ovis icarii), то липовую, ясеневую, вязовую и ивовую очищенную золу для суконнаго и мыловарнаго дѣла, то медвѣжьи, волчьи, лисьи, бѣльи, рысьи, хорьковые, куньи, собольи и другіе мѣха: все это для Англичанъ и Голландцевъ, пріѣзжающихъ каждый годъ туда моремъ, въ извѣстную пору лѣта. Они берутъ всѣ эти вещи, да еще слюду, добываемую изъ горъ на берегу Двины, и вытопленное изъ тюленьяго жира масло, и либо уговорившись съ начала объ обмѣнѣ на свои товары, либо тутъ же сторговавшись въ цѣнѣ, отдаютъ за то привезенные по Средиземному морю и океану разныя благовонныя вещества: сахаръ, шафранъ, соленые сельди, мальвазію, Испанскія и Французскія вина, сукна разнаго рода и цвѣта, Голландское полотно, зеркала, ножи, сабли, пистолеты, ружья, пушки, мѣдь, свинецъ, олово, шелковыя ткани, атласъ, аксамитъ, камку, обьярь, золотой, серебряный алтабасъ, полотняные, бумажные и шелковые чулки, пряденое золото, жемчугъ, перлы, алмазы, рубины, смарагдъ, сапфиры, хризолиты, аметисты, топазы, наконецъ огромное количество золотыхъ и серебряныхъ денегъ. Все это отвозится въ верхъ по рѣкѣ, къ городу Вологдѣ, а потомъ, по зимней дорогѣ, въ Москву, въ продолженіе 8 дней пути.

Казанское, бывшее нѣкогда Татарское, Царство получило названіе отъ своего столичнаго города, а этотъ отъ рѣки Казанки (Kasanska), обтекающей его своимъ извилистымъ русломъ. Казань построена Перекопскими бѣглецами изъ Тавриды, въ княженіе Василія Васильевича въ Московіи. Василій Ивановичъ заставилъ ее брать отъ него Царей себѣ. А потомъ, когда она возмутилась было, онъ стѣснилъ ее лишеніями опасной войны, однако жь не покорилъ. Но въ 7061 году, отъ С. М., въ 1552 отъ Р. Х., сынъ его, Иванъ, взялъ Казань, послѣ шестимѣсячной осады [211] и, вмѣстѣ съ ея Черемисами (Ceremissis), заставилъ смириться подъ властью Москвы. Однако жь, въ видѣ вознагражденія за обиду, подчинилъ ей сосѣднюю себѣ Болгарію (Bulgariam), которой терпѣть не могъ за частые мятежи, чтобы эта страна, не привыкшая къ покорности, научилась носить чужое иго, и украсилъ Казань учрежденіемъ въ ней Митрополіи и мѣстопребыванія Митрополита.

---

[211] Октября 2-го. О. Б.

Астраханское Царство, принимающее въ широкое устье Волги пришлыя въ нее рѣки и спровождающее ее въ Каспійское море посредствомъ многихъ рукавовъ, было стариннымъ наслѣдіемъ длиннаго ряда Царей Татарско-Нагайской орды. Иванъ Васильевичъ, въ 1554 году, 1-го Августа, [212] отнялъ его у нихъ, съ городомъ Астраханью, славною во всей области пристанью, на лѣвомъ берегу Волги, въ 60-ти верстахъ отъ Каспійскаго Моря (Hircanum Mare). [213] Онъ выгналъ изъ города всѣхъ Татаръ и, оградивъ его съ начала каменной стѣной, заселилъ одними Русскими жителями и почтилъ мѣстопребываніемъ Архіепископа. Астрахань изобилуетъ весьма хорошею изъ озеръ солью, рыбой изъ Волги, птицами изъ камышей и кустарниковъ; въ ней не только много плодовъ, но и довольно вкусное виноградное вино: какъ цѣльное, безъ всякой примѣси, она отправляетъ его въ Московію, для употребленія при церковномъ богослуженіи.

Сибирь (Sibiria) сдѣлалъ сначала своею данницею Иванъ Васильевичъ Старшій (III-й), а потомъ совершенно покорилъ ее Младшій. Это самая обширная область, извѣстная, какъ несчастное ссылочное мѣсто виновныхъ, а также и невинныхъ, изгнанниковъ. По немногу захватывая сосѣднихъ Татарскихъ Князей и время отъ времени дѣлая ихъ своими данниками, благодаря опустошительнымъ набѣгамъ въ разныя стороны, Московія распространила свои разбросанные предѣлы даже до Иммауса (Immaum) (если правду говорятъ Москвитяне); перенесла бы ихъ и еще дальше, если бы недавнія военныя неудачи не остановили ея нападеній. Главный городъ Сибири Тобольскъ (Tobolia), построенный Москвитянами на высокой горѣ, при самомъ впаденіе Тобола (Tobola) въ рѣку Иртышъ (Irtischii), и обнесенный деревянной стѣною, подъ защитою тутъ же пристроенной деревянной крѣпости. Городъ пользуется почестію Архіепископства и мужскаго монастыря; населяютъ его одни Москвитяне, а для всѣхъ другихъ пришлецовъ отведенъ, подчиненный Тобольску, городокъ на берегу Тобола. Въ извѣстное время года въ Тобольскъ со всѣхъ сторонъ стекаются Татары изъ своихъ Царствъ для торговли, однако жь они ни какъ не хотятъ отдавать своихъ товаровъ за деньги, а только мѣняютъ на другіе, привезенные изъ Архангельска. Къ Тобольской области

---

[212] По другимъ Іюля 2-го, 1554 г. О. Б.

[213] Теперь въ 80. О. Б.

принадлежитъ и большой городъ Тюмень (Tumenium), въ 64 верстахъ [214] къ югу отъ Тобольска, при рѣкѣ того же имени, обнесенъ деревяннымъ острогомъ и тоже населенъ одними Москвитянами, такъ какъ Татары должны довольствоваться своими жилищами на другой сторонѣ рѣки. Также и Верхотурье (Vircbaturia), деревянный городъ, не уступающій обширностію Тюменю, въ 220 верстахъ отъ него, [215] тоже къ югу, и построенный на горѣ при рѣкѣ Турѣ (Tura), впадающей потому въ Тоболъ. Между нимъ и Тюменемъ поднимаются очень высокія горы, поросшія множествомъ кедровыхъ лѣсовъ, откуда Великій Князь ежегодно получаетъ огромный доходъ съ этого обширнаго Царства въ разныхъ очень дорогихъ мѣхахъ. Природные жители Татары, идолопоклонники и говорятъ собственнымъ нарѣчіемъ, и даже до сихъ поръ не знаютъ употребленія хлѣба. Не по тому, однако жъ, какъ пишутъ нѣкоторые, чтобы стужа не давала дозрѣвать жатвѣ, но въ слѣдствіе обычая, почти общаго всѣмъ народамъ той области, которые довольствуются звѣринымъ мясомъ да рыбой, а этого у нихъ большое изобиліе, и по тому пренебрегаютъ употребленіемъ хлѣба. Впрочемъ, Московскія поселенія, заведенныя тамъ, также ссыльные воины и Воеводы, обработываютъ, для своего употребленія, самыя плодородныя поля, особливо у Тюмени, и въ свое время собираютъ съ нихъ ввѣренное имъ сѣмя съ самой богатой для себя прибылью, сверхъ всякаго ожиданія. Пьютъ пиво, квасъ и водку. Меду у нихъ нѣтъ, по тому что совсѣмъ нѣтъ пчелъ. О виноградномъ винѣ тоже не заботятся, такъ какъ очень удобно привозить его изъ залива Бѣлаго моря.

Тѣ трое братьевъ Варяговъ или Вагріевъ, Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, не владѣли Псковскимъ Княжествомъ (dominium Plescoviense): оно находилось подъ властію Князей, которыхъ тамошній свободный народъ бралъ себѣ, по желанію, у своихъ сосѣдей. Рожденный внѣ брака, Володимиръ, правнукъ Рюрика, пошелъ войной на одного изъ такихъ Князей, Варяга или Вагра Рогвольда (Rockwologdum), за то, что тотъ отказалъ выдать за него дочь свою, Рогнѣду (Rochmida): онъ убилъ Рогвольда, вмѣстѣ съ двумя сыновьями, а свою любезную, не смотря на ея сопротивленіе, взялъ себѣ въ жены, противъ воли боговъ, покровителей брака.

---

[214] Нынѣ въ 250 верстахъ. О Б.

[215] Нынѣ за 500 верстъ. О. Б.

Городъ этотъ, нынѣ мѣстопребываніе Архіепископа, взятъ былъ потомъ, въ 1241 г., Ливонцами, но, немного времени спустя, получилъ прежнюю независимость отъ Александра, сына Ярослава, Великаго Князя Московскаго, съ помогавшими ему Татарами. Онъ счастливо наслаждался самымъ цвѣтущимъ состояніемъ подъ покровительствомъ выбранныхъ имъ самимъ Князей, подъ своими законами, охраняемыми городскимъ правительствомъ, при чистотѣ своихъ нравовъ и безопасности свободы. Его спокойствіе было нарушено въ 1414 г. Литовскимъ Княземъ, Витовтомъ, который долговременной осадою заставилъ его сдаться, обложилъ данью, отдалъ въ управленіе Георгію, Князю Московскому; когда же, черезъ 12-ть лѣтъ потомъ, городъ оказался непокорнымъ, Витовтъ наказалъ его денежной пеней. Въ 1509 году, по злодѣйскому заговору нѣкоторыхъ Священниковъ, Псковъ былъ преданъ Василію Ивановичу и, лишенный гражданъ, отправленныхъ Василіемъ въ ссылку, совсѣмъ измѣнился въ самую худую сторону, среди чрезвычайной распущенности нравовъ пришлыхъ Москвитянъ, которые пробрались туда.[216] Укрѣпленный промежуточными стѣнами въ четыре ряда[217] онъ отразилъ нападенія, въ 1581 г., Польскаго Короля Стефана,[218] а въ 1614 г.—Шведскаго

---

[216] Покореніе Пскова Генваря 13, 1510 года, когда «спустише колоколъ вѣчной (вѣчевой) у Св. Троицы, и начаша Псковичи, на колоколъ смотря, плакати по своей старонѣ и по своей воли.» О. Б.

[217] «Нынѣшній городъ Псковъ, пишетъ о немъ въ своемъ Словарѣ Щекатовъ, стоитъ на восточномъ или на правомъ берегу рѣки Великой, и раздѣляется на три главныя части: на Кремль, Средній городъ и Большой городъ. Кремль стоитъ при самомъ устьѣ р. Псковы, на лѣвомъ ея берегу, весь каменный съ толстыми стѣнами. Укрѣпленіе сіе называется Довмонтовою стѣною, безъ сомнѣнія, по имени его построителя, мужественнѣйшаго изъ всѣхъ Князей Псковскихъ, Довмонта, во Св. Крещеніи Тимоѳея, княжившаго въ Псковѣ отъ 1266 по 1299 годъ, который и похороненъ въ Соборной церкви. Средній городъ заключается въ каменной стѣнѣ, идущей отъ Кремля вверхъ по лѣвому берегу р. Псковы и обращающейся, на подобіе полумѣсяца, внутри города такъ, что задній ея конецъ примыкаетъ опять повыше Кремля къ стѣнѣ Большаго города. Послѣдній окруженъ стѣною, идущею кругомъ всего Пскова.

[218] Августа 25 дня. Въ Псковѣ начальствовали тогда Бояре и Воеводы, Князья Шуйскіе, Василій Ѳеодоровичъ и Иванъ Петровичъ, съ другими; изъ нихъ послѣдній отвѣтствовалъ за всѣхъ Воеводъ. «Тогда же Баторію, яко мало на свой мечъ не пасти, яко мнѣтися сердцу его не треснути.» Послѣ 46

Густава Адольфа.[219] Впрочемъ, не одинъ только Псковъ, по ложному извѣстію Пясецкаго (Piasecius), во всей Московской области обнесенъ каменными стѣнами, кромѣ мѣстопребыванія Великихъ Князей, Москвы, да еще Смоленска, по тому что, не говоря уже о крѣпости Борисовѣ (Borissovia) въ 6-ти миляхъ отъ Можайска, вправо, устроенной изъ вала, кольевъ и камней, и напрасно осаждаемой, въ 1617 году, Литвиномъ Ходкевичемъ (a Lituano Chodkievicio), о Коломнѣ (Columna) на Окѣ и Нижнемъ Новгородѣ (Novogardia Inferior), обнесенныхъ каменными стѣнами, о Казанской крѣпости, съ такою же оградой, и городѣ Астрахани, которую Иванъ Васильевичъ укрѣпилъ самыми толстыми каменными стѣнами, намъ встрѣчаются еще: Великій Новгородъ (Novogardia Magna), Тула (Tulla), Можайскъ (Mosaiscus) и Вологда, обороняемые отчасти каменной крѣпостью, отчасти же высокими и толстыми кирпичными стѣнами.

Подобно рѣкѣ Нѣману или Хронону, который, поглощая въ своекъ теченіи разныя воды, все растетъ и растетъ, Литва (Lituania) тоже съ ничтожнаго начала увеличилась до весьма значительнаго пространства. Правда, что послѣ своего появленія у Куронскаго залива, между Пруссіей и Жмудью (Samogitia), быстро идя впередъ противъ теченія Нѣмана, къ концу X-го вѣка и въ правленіе Итальянца Палемона (principante Italo Palaemone), изъ рода Колонны (ex gente Columna), она столкнулась, на своемъ пути, съ счастьемъ Кіевскаго Владимира Святославича, и отъ этого удара лишилась независимости, однако жь вскорѣ потомъ освободилась, при дѣтяхъ Палемона: Боркѣ (Borco), Кунонѣ (Cunone) или Кунасѣ (Cunasso), и Сперѣ (Spera). Въ сосѣдствѣ Юріи (Juriae) и Нѣмена они построили Юрбургъ (Jurborco), а при впаденіи въ Нѣманъ Виліи (Vilia)—Ковно (Cauna), на озерѣ же, между рр. Невѣжею (Nieviaza), Свѣнтою (Swianta) и Червентою (Tzerwenta)—Сперу; послѣ того сынъ Кунаса, Керно (Kierno) построилъ на Виліи Керновъ (Kiernoviam), который, въ продолженіе длиннаго

отбитыхъ приступовъ, Генваря 15 дня, 1582 г., заключенъ былъ миръ въ Запольскомъ Яму. О. Б.

[219] Именно 1616 г., Октября 7, вылазки Псковитянъ, управляемыхъ Воеводами: Бояриномъ Василіемъ Петровичемъ Шереметевымъ, Өедоромъ Леонтьевичемъ Бутурлинымъ и Княземъ Аөанасьемъ Өедоровичемъ Гагаринымъ, вынудили Короля Шведскаго снять осаду и «пойти за море.» О. Б.

ряда лѣтъ, былъ мѣстопребываніемъ Литовскихъ Князей. Литва такъ сильно укрѣпила громоздкое зданіе своего государства, что все увеличиваясь, среди взаимной братской ненависти между Князьями братьями изъ рода Ярослава Кіевскаго, завоевала Браславъ (Braslaviam) и навсегда удержала его за собою при Князьяхъ братьяхъ Керпѣ и Гимбутѣ (Gimbuto). Такую смѣлость Литвы не въ силахъ былъ спокойно сносить Романъ Мстиславичъ (Micislai filius), сынъ Володимирова правнука, получившій, въ 1198 году, въ ленное владѣніе отъ Краковскаго Князя, Лешка Бѣлаго (Leski albi). Галицкое Княжество, отнятое у его предка Уграми, въ началѣ XIII-го вѣка, отплатилъ за эту отвагу Литовцамъ неоднократными побѣдами, наказавъ ихъ немаловажною частью завоеванной ими области и заставивъ ихъ дать себѣ клятву въ вѣрности и платить постыдную дань.[220] Но когда, черезъ пять лѣтъ послѣ того, онъ убитъ былъ при Завихвостѣ (Zawickwustum), честолюбіе его преемниковъ, какъ будто на погибель имъ самымъ, порождая междоусобные раздоры, ободрило сыновей Гимбута, Живибунда (Ziwibundus) и Монтвила (Montwillo), освободить свой народъ изъ рабства. Въ 1217 году они послали Эрдивила (Erdivilum), сына Монтвилова, съ отборнымъ войскомъ, подъ начальствомъ опытныхъ вождей: Литовцы сперва возстановили и укрѣпили Новогородокъ (Novogrodeko), захватили Городно (Grodnam), Берестъ (Brestiam), Дрогичинъ (Drohyczinum), и все пространство между рр. Виліей и Припетью (Prepetium), и поставили въ нихъ охранительные отряды для защиты. Черезъ два года потомъ Мингайло (Mingailo), сынъ Эрдивила, Князь Новогородецкій (Novogrodeki), напалъ на Полоцкъ (Pолоciam), и взялъ его: этотъ городъ пользовался въ то время свободою, употребляя ее во зло и обижая сосѣдей. А на другой годъ сынъ его, Скирмундъ (Skirmundus), въ промежутокъ немногихъ мѣсяцевъ, разорилъ Пинскъ (Pinsco) и Туровъ (Turovia), и, убивъ Царя Заволжскихъ Татаръ, Балаклая (Balaclajo), овладѣлъ Мозыремъ (Mozyro), Стародубомъ (Starodubo), Черниговымъ (Czernicovia), и совершенно всею Сѣ-

---

[220] Уже въ 1188 г. Галицкіе Бояре, по смерти Ярослава Осмомысла, удаливъ сына его, Владиміра, призвали было къ себѣ Волынскаго Князя, Романа Мстиславича, котораго, однако, Владиміръ вытѣснилъ при помощи Угровъ, посадившихъ на престолъ, не его, а Королевича своего, Андрея. Спустя два года (1190) Казимиръ II Справедливый (1178 — 1194), выгналъ Андрея для Владиміра, за что онъ съ Романомъ и Всеволодомъ Бельзскимъ

веріею (Severia), бывшею подъ властью этого Царя. При такомъ распространеніи предѣловъ Литвы, Князь ея, Рингольдъ (Ringoldus), сынъ Гимбута, первый принялъ титулъ Великаго Князя. Зависть сосѣдей возбудила противъ него жестокую войну, но, разбивъ, сперва Кіевскаго Князя, Святослава, и счасливо истребивъ войско союзниковъ, онъ храбро отстоялъ свой новый титулъ. Этотъ титулъ возвысилъ потомъ сынъ его, Миндовгъ или Минданъ (Mendogus sive Mindanus); съ вынужденной покорностью подчинившись мирнымъ условіямъ, предписаннымъ ему Магистромъ Ливонскихъ рыцарей, Андреемъ Штукландомъ (Stuckland), онъ принялъ Св. Крещеніе на Новогородецкомъ полѣ, [221] въ 1252-мъ году, отъ Епископовъ Рижскаго и Хельменскаго (Culmensem) и властію Римска-

---

помогли Казимиру изгнать Мечислава Стараго изъ Кракова (1191). Въ 1196 г., по смерти Казимира, Романъ сражался съ Мечиславомъ при рѣкѣ Мозгавѣ, какъ союзникъ Лешка Бѣлаго, старшаго сына Казимирова, у котораго Мечиславъ Великопольскій (Старый), какъ представитель старшей линіи, оспаривалъ престолъ Краковскій. И хотя Мечиславъ, по договору съ Лешкомъ, получилъ Краковское Княженіе (1200), но Лешекъ, въ благодарность Роману за участіе въ его судьбѣ, помогъ ему взойти на Галицкій Княжескій столъ, упраздненный кончиной (1198) Владимира Ярославича. Польское войско, предводимое Краковскимъ Воеводой, Николаемъ (ум. 1207), явилось въ Галичъ и принудило жителей его принять Романа. Объ утвержденіи Романа въ Галичѣ въ нашихъ лѣтописяхъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній, но лишь въ Польскихъ (Стрыйковскаго, Бѣльскаго, Кромера и т. п.); по тому не удивительно, что, опираясь на нихъ, Майербергъ толкуетъ тутъ о ленной зависимости Романа отъ Лешка. Могъ ли онъ допустить ее, сдѣлавшись Государемъ всей Руси по самый Днѣпръ (одолѣвъ Князей Черниговскихъ и Кіевскаго, Рюрика, коего изгналъ, а на его мѣсто посадилъ другого, въ зависимости отъ себя)? Напротивъ, уже въ 1204 г. требовалъ вознагражденія себѣ отъ Поляковъ (при Владиславѣ Тонконогомъ, Мечиславовомъ сынѣ и преемникѣ въ Краковѣ (1202—1207), и, не получивъ его, опустошилъ часть Сандомирской земли и домогался Люблина, который осаждалъ, но узнавъ о томъ, что Лешекъ и Конрадъ, братъ его, Князь Мазовскій, выступили противъ него, пошелъ имъ на встрѣчу и у Завихвоста (въ 14 верстахъ отъ Сандомира), сразился съ Поляками, побѣжденъ и убитъ ими, удалившись съ малочисленною дружиной отъ главнаго войска (1205).

[221] Къ этому онъ побужденъ былъ крещеніемъ въ Ригѣ же племянника своего, Тевтивила, воевавшаго противъ него съ Русскими Князьями (Романовичами). Свѣдавъ, что Рижане собираются помогать ему, Миндовгъ испугался, склонялъ богатыми подарками Геермейстера на свою сторону, который, съ своей стороны, склонилъ и его креститься: «крещеніе же его лестиво бѣ; жря бо богомъ своимъ въ тайнѣ.» О. Б.

го Первосвященника, Иннокентія IV-го, возведенъ въ Королевскій санъ. [222] Благодаря расположенію Римскаго престола, онъ передалъ бы этотъ санъ своимъ преемникамъ, если бы вскорѣ не снялъ съ себя личины, надѣтой имъ только изъ страха, и не отрекся отъ Христіянской Вѣры. Въ возмездіе, за оскорбленіе Бога, въ скоромъ времени самъ онъ и сыновья его, Руклій (Ruclius) и Репикъ (Repicus), не въ силахъ были управиться съ заговоромъ своихъ подданныхъ и погибли. Въ продолженіе многихъ лѣтъ послѣ того Литва, тревожимая набѣгами и разореніями Прусскихъ и Ливонскихъ Крестоносцевъ, никогда и ни сколько не падая духомъ, наоборотъ, и сама безпокоила ихъ: то же опустошала ихъ поля, жгла деревни и села, а Князья ея вредили другъ другу взаимными нронсками. Но въ 1319 году [223] Гедиминъ (Gediminus), пользовавшійся покоемъ отъ нихъ, по заключеннымъ съ ними мирнымъ договорамъ, обратилъ свое оружіе и ненависть на Русскихъ (in Russios) и, сошедшись подъ самыми стѣнами Володимира (Volodimiriae) (Волынскаго) съ Княземъ его, тоже Володимиромъ (Volodimiro), побѣдилъ его войско, убилъ его самого и овладѣлъ этимъ городомъ и областью. Потомъ, когда Левъ, Князь Луцкій (Luceoriensi Leone), бѣжалъ отъ него изъ своего города, онъ взялъ и Луцкъ и, присоединивъ къ Литвѣ всю Волынь (Volyniam), отдалъ ее подъ охраненіе Воеводъ. Едва только прошла зима, онъ напалъ на Кіевскую область, и покорилъ ее всю, съ главнымъ городомъ, выгнавъ оттуда Кіевскаго Князя, Станислава (Stanislao). Вскорѣ, въ побѣдоносномъ шествіи своемъ, онъ отнялъ Брянскъ (Branskum) у Князя Романа (Romano) и Переславль (Pereslaviam) у Князя Олега (Olego), и подвинулъ предѣлы Литвы даже до Путивля (Putivulum). Послѣ того близъ Кернова онъ построилъ Троки (Trocos), а тамъ, гдѣ р. Вильна (Vilna) впадаетъ въ р. Вилію (Viliae) или Нериду (Neridi), заложилъ городъ Вильну (Vilnam), защищаемую двумя крѣпостями. Сынъ же его, Ольгердъ, разбилъ, въ 1331 году, Перекопскихъ Татаръ, въ великой битвѣ при Синихъ Водахъ (ad Siniavodam) [224] и возвратилъ себѣ Подолъ

---

[222] Новгородокъ былъ стольнымъ городомъ Миндовга, который отпалъ отъ Христіянства по тому, что Нѣмецкій Орденъ не измѣнился въ отношеніи своемъ къ Литвѣ; умеръ онъ 1263 г. О. Б.

[223] По другимъ это произошло въ 1320 г. О. Б.

[224] По словамъ Стрыйковскаго въ 1331 г., но собственно въ 1363, гдѣ побѣдилъ 3-хъ Татарскихъ Князей, начальствовавшихъ надъ 3-мя Ордами, прогналъ ихъ

(Podoliam), которымъ владѣли они со временъ Батыева нашествія. На другой годъ потомъ онъ сдѣлалъ непріятельскій набѣгъ на городъ Москву, въ священнѣйшій день Воскресенія Христова, вошелъ въ нее и заставилъ у себя просить мира Великаго Князя, Дмитрія Ивановича (Demetrium Juanowicz), между прочими условіями котораго предѣлы Литвы раздвинуты были къ Можайску (Mosaiscum) и къ р. Угрѣ (Ugram). Въ 1386 году, 14-го Февраля, сынъ его, [225] Ягайло, принялъ Св. Крещеніе въ Краковѣ и, нареченный Владиславомъ, женился на Ядвигѣ, дочери Короля Людовика, которая еще при жизни ея отца, съ согласія вельможъ государства, давно уже помолвлена была за Вильгельма Австрійскаго и, слѣдовательно, скорѣе была принуждена, нежели убѣждена, къ этому замужеству; въ приданное за нею онъ взялъ Польское Королевство, а, въ свою очередь, далъ въ вѣно за нее Великое Княжество Литовское съ Жмудью (Samogitia) и прочими областями, бывшими въ его владѣніи. Впрочемъ, онъ объявилъ, что братъ

за Донъ, опустошилъ Тавриду, а въ ней Херсонъ, съ тѣхъ поръ переставшій существовать. О. Б.

225 Въ названныхъ годахъ ничего подобнаго не было. Походовъ Ольгерда къ Москвѣ было два: первый, въ 1368, по жалобѣ Тверского Князя, Михаила Александровича, лично Ольгерду, своему зятю, на Дмитрія Ивановича, за несправедливые съ нимъ поступки и нападеніе. Съ огромнымъ войскомъ и всѣми Князьями Литовскими, братомъ Кейстутомъ, сыномъ его, Витовтомъ, и Михаиломъ, подступилъ онъ, въ Ноябрѣ, къ Москвѣ, осадилъ ее и, послѣ трехъ дней, не могши ее взять, «монастыри и церкви и села попали, а Христіянъ изсѣче, удалися въ Литву.» Второй походъ былъ въ 1370 г., также по жалобѣ Михаила Александровича: Ольгердъ, съ Кейстутомъ, Литовцами, Смоленцами и Тверичами, явился подъ стѣнами Москвы, въ половинѣ Декабря, стоялъ тутъ 8 дней и, услыхавъ о сильномъ ополченіи, спѣшившемъ на выручку, испугался, просилъ замиренія, что и послѣдовало срокомъ до Петрова дня, послѣ чего ушелъ въ свои владѣнія. Третій походъ гораздо меньшій, происходилъ въ 1372 г. тоже по просьбѣ шурина своего, Михаила, съ которымъ соединился въ Калугѣ (около половины Іюня), но, встрѣтивъ войска Русскія, примирился, заключивъ перемиріе съ 1-го Августа по 26 Октября. Ольгердъ умеръ 1377 г. Христіяниномъ, схимонахомъ, обращенный изъ язычества второй супругой своей, Юліяной, принявъ имя Александра, а въ монашествѣ имя Алексѣя. Сдѣсь же разсказъ Майерберга основанъ весь на Стрыйковскомъ, который всѣ три похода соединилъ въ одинъ, со множествомъ выдумокъ, повторенныхъ и Майербергомъ. Онъ называетъ Дмитрія Ивановича Семечкомъ; Угра же, какъ замѣчаетъ Карамзинъ, не могла быть границей нашей уже по тому одному, что Княжество Смоленское было тогда самостоятельное Княжество. О. Б.

его, Казимиръ Скиригайло (Casimirus Skirgello), будетъ Великимъ Княземъ Литовскимъ, но въ полномъ у него повиновеніи. Но этотъ трусливый, преданный пьянству и буйный, Князь сдѣлался вскорѣ предметомъ ненависти и презрѣнія своихъ подданныхъ: въ 1390 году отъ него отложился дядя его, Витовтъ (Vitoldus), и съ помощію войска Маріянскихъ рыцарей, принудилъ его довольствоваться однимъ Кіевскимъ Княжествомъ, а все остальное уступить ему на правѣ леннаго владѣнія, зависимаго отъ Ягайла. [226] На съѣздѣ въ Городлѣ (in comitiis Hrodlensibus), въ 1413 году, было постановлено, чтобы, по смерти Витовта, Великое Княжество Литовское навсегда оставалось въ соединеніи съ Польшею и, при равенствѣ правъ его дворянства съ Польскимъ, признавало Княземъ только того, кого дастъ ему Ягайло. [227] Такъ по смерти Витовта безъ наслѣдниковъ, 27 Октября, 1430 года, въ Трокахъ (Trocis), Ягайло хотѣлъ, чтобы Великимъ Княземъ Литовскимъ сталъ братъ его, Болеславъ Свидригайло (Boleslaus Suidrigelo). [228] По изгнаніи Свидригайла, мѣсто его заступилъ Сигизмундъ, братъ Витовта, но злодѣйски убитый своими подданными въ Трокахъ, въ Вербное Воскресенье, 1440 года, онъ уступилъ свое мѣсто третьему сыну Ягайлову, Казимиру. Черезъ 42 года послѣ того, по смерти Казимира, его замѣнилъ сынъ его, Александръ, а когда и этотъ умеръ, 19-го Августа, 1506 года, въ Вильнѣ, ему наслѣдовалъ, 20-го Октября, братъ Сигиз-

---

[226] Ягайло присудилъ брату своему, Скиригайлу, Кіевъ, Кременецъ и Стародубъ, подъ верховною зависимостью Витовта и, въ случаѣ недоразумѣній, обязанностью обоихъ судиться у Польской Королевы, Ядвиги. Это происходило въ 1392 г. О. Б.

[227] Городло на Сѣверномъ Булѣ. Договоръ Городельскій оспаривается нѣкоторыми писателями, называющими его вымысломъ позднѣйшаго времени. О. Б.

[228] Но Свидригайло сдѣлался преемникомъ бездѣтному Витовту не по желанію Ягайла, не имѣвшаго уже права на престолъ этотъ, въ слѣдствіе своего отчужденія отъ него принятіемъ престола Польскаго, но по праву старѣйшинства, которое принадлежало брату его, Свидригайлу, тѣмъ болѣе, что онъ былъ и Исповѣданія Православнаго. Свидригайло тотчасъ потребовалъ возвращенія захваченныхъ Ягайломъ Русскихъ городовъ и держалъ его подъ стражей въ Вильнѣ, куда онъ было пріѣхалъ. Ягайло принужденъ былъ удовлетворить брата; но какъ Поляки не согласились того исполнить, то возгорѣлась война. Разсказъ о ней Майерберга невѣренъ, равно и разсказъ о дальнѣйшемъ. Смотри «Исторію Червоной или Галицкой Руси, Д. И. Зубрыцкаго,» въ переводѣ моемъ съ Польскаго на Русскій (М. 1845 г.), стр. 268 — 314. О. Б.

мундъ, который еще, при жизни своей, 18-го Октября. 1529 года, въ Вильнѣ, отдалъ Литовское Княжество сыну, Сигизмунду Августу, и при немъ на Люблинскомъ Съѣздѣ, въ 1569 году, оно наконецъ было на всегда присоединено къ Польскому Королевству, которому уступило также Кіевъ, Волынь и Подляхію. Изъ этого обширнѣйшаго Княжества недавно занятые войсками Алексѣя города: Витебскъ (Vitepscia), Полоцкъ (Polocia), Смоленскъ (Smolenscia) и Сѣверія (Severia), и теперь еще находятся въ его власти.

Смоленское Княжество (Smolenscensis Ducatus), по увѣренію Русскихъ письменныхъ лѣтописей, родственникъ Рюрика и опекунъ (tutor) Игоря, Олегъ, отнялъ у Славянъ Кривичей (Slavis Kriwitziis). Володимиръ I-й назначилъ его въ потомственный удѣлъ предпослѣднему изъ 12-ти своихъ сыновей, Станиславу (Stanislao), а Ярославъ, сынъ того Володимира, меньшому сыну Вячеславу (Venceslao), которому наслѣдовалъ сынъ послѣдняго, Борисъ (Borissus). Но послѣ бездѣтной смерти Бориса, по назначенію двоюроднаго брата, Володимира Мономаха, при которомъ всѣ Русскія Княжества соединились въ одно тѣло, Смоленское Княжество было отдано восьмому его сыну, Мстиславу (Micislao), передавшему его праправнуку своему, Георгію, правнуку Глѣба. Этотъ, взятый въ плѣнъ въ сраженіи съ Витовтомъ, гдѣ палъ и отецъ его, Святославъ, лишился своего Княжества, уступленнаго побѣдителемъ брату его, Глѣбу (Hlebo), но въ томъ же еще году Смоленскъ былъ отнятъ у него съ помощію жестокой хитрости и обращенъ въ Литовскую область. Въ 1403 году Георгій овладѣлъ имъ опять, по наущенію и съ вспомогательнымъ войскомъ своего тестя, Князя Рязанскаго; однако жь Богъ отплатилъ ему за жестокость, съ какою онъ свирѣпствовалъ тамъ надо всѣми: онъ принужденъ былъ уступить силѣ Витовта, подоспѣвшаго къ Смоленску съ многочисленнымъ войскомъ, а самъ бѣжалъ въ Москву, къ Василію Дмитріевичу (ad Basilium Demetrowicz), съ сыномъ Ѳедоромъ, по мнѣнію Русскихъ лѣтописей, или, по извѣстію Польскихъ историковъ, въ Угрію (in Hungariam), и тамъ убитъ въ одномъ сраженіи въ качествѣ воина Короля Сигизмунда. Спустя 37 лѣтъ возмутившіеся Смольяне овладѣли городскою крѣпостью и, пригласивъ сосѣдняго Дорогобужскаго (Drohobuso) Князя, Андрея Дмитріевича (Andream Demetrowicz) поставили его своимъ Княземъ, но вскорѣ низложили и приняли Георгія Лингвенія (Georgium Linguienium),

тотчасъ же прогнаннаго Казимиромъ Ягайловцемъ, Великимъ Княземъ Литовскимъ. Послѣ того Смоленскъ, со всѣмъ его Княжествомъ, находился въ зависимости отъ Литовцевъ, которые, въ исходѣ XV-го вѣка нашего спасенія, цѣлыхъ два года къ ряду превосходно отбивались отъ жестокой осады Московскаго Князя, Дмитрія Ивановича (Demetrii), три раза принимавшагося осаждать Смоленскъ. Но въ 1514 году, въ царствованіе въ Польшѣ Сигизмунда I-го, братъ этого Дмитрія, Василій, возвратилъ Смоленскъ, при содѣйствіи передавшагося ему потомка Русскихъ Сѣверскихъ Князей, Михаила Глинскаго (Michaëlis Linczkii), послѣ чего преемники Василія всегда храбро обороняли этотъ городъ даже отъ усилій Константика Острожскаго (Constantini Ostrogii), неистовствовавшаго послѣ своей побѣды надъ Челядинымъ (Celadinum) при Кропивнѣ (ad Kropiwnam), до тѣхъ поръ, пока 13-го Іюня, 1611 года, не овладѣлъ Смоленскомъ и не заставилъ его подчиниться Литовцамъ другой, болѣе счастливый, Сигизмундъ, защищавшій избраніе въ Московскіе Цари сына своего, Владислава. И послѣ напрасныхъ попытокъ Великаго Князя Михаила Ѳедоровича (Michaële Fedorowicz) покоритъ Смоленскъ обѣщаніями и орудіемъ въ 1616 и 1633 годахъ, примиреніе между нимъ и Владиславомъ могло состояться не иначе, какъ только съ отреченіемъ Великаго Князя въ пользу Литвы на всегда отъ всѣхъ правъ, какія онъ могъ имѣть на Смоленскъ, а также и отъ титула Князя Смоленскаго. Алексѣй подтвердилъ этотъ договоръ, не давая, однако жь, ему никакого вѣса, такъ какъ невыгодный имръ не можетъ быть проченъ: въ 1654 г. онъ дождался такого времени, когда Польша занята была холопскимъ возмущеніемъ мятежныхъ Козаковъ, и 4-го Октября, послѣ недолгой осады, овладѣлъ самою сильною Смоленскою крѣпостью, благодаря измѣнѣ малодушнаго Воеводы, Филиппа Казимира Обуковецкаго (Philippi Casimiri Obucowicii Palatini). Воеводѣ далъ этотъ предательскій совѣтъ изъ корыстолюбія отщепенецъ отъ Католичества, Лидскій Кравчій Альбертъ Голимонтъ (Albertus Golimont). Вмѣстѣ съ крѣпостью Алексѣй подчинилъ себѣ и все Княжество и по прежнему принялъ названіе Князя Смоленскаго. [229]

---

[229] По Русскимъ лѣтописямъ Воеводой въ Смоленскѣ былъ тогда Филиппъ Казимиръ Обуховичъ, при немъ Полковникъ Корфъ, которые и сдали его 23-го Сент., 1654 года. О. Б.

Великій Князь Ярославъ Всеволодовичъ (Jaroslaus Sevolodicz), воротившись изъ своего убѣжища, Великаго Новгорода, въ Москву послѣ разоренія, причиненнаго Россіи Татарскимъ Царемъ Батыемъ (a Bato), построилъ городъ Тверь (Tuveriam), близъ слiянiя рѣки Тверцы (Tuverzae) съ Волгою. [230] Онъ оградилъ его деревянною стѣною при самомъ впаденіи Тверцы въ Волгу, и приписалъ къ нему половину города Торжка (Tuverzakii) и обширную волость, которую отдалъ предпослѣднему изъ 9-ти своихъ сыновей, Ярославу, съ Княжескимъ титуломъ. Съ того времени это Княжество, имѣя собственные законы и монету, было самые цвѣтущее изъ всѣхъ Русскихъ Княжествъ: родъ Князей его продолжаетъ жить еще и нынѣ въ частныхъ Князьяхъ, лишенныхъ уже родоваго наслѣдія и подъ измѣненными прозваніями. Иванъ, сынъ Василія Темнаго, женившись на Маріи, дочери Великаго Князя Тверского, Бориса, отнялъ это Княжество у брата его, Михаила, потомка Ярославова въ седьмомъ колѣнѣ. Этотъ, въ 1486 году, бѣжалъ къ сыну Ягайлову, Казимиру, проживавшему въ Вильнѣ. Съ той поры это Княжество, зависимое отъ Московскихъ Государей, стало приходить въ упадокъ и, разоряемое въ послѣдовавшихъ за тѣмъ междоусобіяхъ то Поляками, то Шведами, выгонявшими поочередно другъ друга, едва только можетъ представить какіе ни будь жалкіе остатки своей старинной славы. Такъ счастье, по своей измѣнчивой причудливости, повертываетъ сверху внизъ города и царства на легкомъ своемъ колесѣ.

Въ 1319 году Гедиминъ присоединилъ къ Литвѣ обширнѣйшую и плодороднѣйшую область Волынь (Volynia), раздѣлявшуюся на ближнюю и дальнюю и въ древности населенную Тирангитами или Тиритами (a Tyrangitis sive Tyritis). Потомъ она была славнымъ мѣстопребываніемъ многихъ Князей и состоитъ изъ двухъ округовъ: Кременецкаго (Cremenecensem) и Луцкаго (Luceoriensem). По тому что послѣ того, какъ въ битвѣ, подъ самыми стѣнами города Володимира (Волынскаго), погибъ, храбро сражаясь, Русскій Князь Волыни, Володимиръ, и, по такой же благосклонности счастія, Левъ (Leo), Князь Луцкій, былъ прогнанъ въ Сѣверію, Гедиминъ покорилъ оба города съ ихъ областями и ввѣрилъ ихъ охраненію Воеводъ и войска Литовскаго. Хотя, въ 1349

---

[230] Но Тверь построилъ Всеволодъ Юрьевичъ 1181 года. См. Карамзина И. Г. Р. III, прим. 61. О. Б.

году, Польскій Король, Казимиръ и занялъ почти всю эту область, а въ 1365 году лишилъ Кейстута (Kyestuto), Гедиминова сына, и свободы и города Володимира, однако жь Кейстутъ первую возвратилъ бѣгствомъ, а послѣдній оружіемъ. И такъ обладаніе этою областью, слѣдуя измѣнчивымъ переходомъ военнаго счастія, было спорнымъ у Поляковъ съ Литовцами. По тому что въ 1437 году Литвинъ Свидригайло (Suidrigelo), принужденный просить мира у Владислава, прозваннаго, по его пораженію, Варнскимъ (Varnensis) уступилъ ему Луцкую область съ большею частію Волыни, а Владиславъ отдалъ ее въ удѣлъ сопернику Свидригайла, Сигизмунду, съ условіемъ, чтобы, по его смерти, она опять возвращена была Польскому Королевству. Но по исполненію этого условія Ягайловецъ Казимиръ опять отдалъ ее своему дядѣ, Свидригайлу. Наконецъ въ 1569 году, въ слѣдствіе соединенія Литвы съ Польшею, эта область была уступлена послѣдней и вошла въ составъ ея. Безчисленное Московское войско, посланное Алексѣемъ, опустошило ее своими непріятельскими набѣгами по всему ея протяженію. Но въ 1660 году оно было наказано за свои разоренія потерею 70-ти тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ Василія Борисовича Шереметева (sub Basilii Borissowicz Tzeremetow), близъ Любартова (prope Lubartoviam).

Подолъ (Podolia), съ чрезвычайно плодородною почвою, мраморомъ и алебастромъ, въ древности населяли его Певкины (Peucini), изъ племени Бастарновъ, выгнанные потомъ Сарматами, а въ послѣдствіи подпалъ онъ подъ власть Полякамъ, по собственному ихъ увѣренію, потомъ же, покоренный Скиѳомъ Батыемъ, долго стеналъ подъ игомъ Перекопскихъ Татаръ (Praecopensium Tartarorum). Ольгердъ, сынъ Гедимина и Великій Князь Литовскій, разбивши, въ жестокомъ сраженіи, при Синей Водѣ, Султана Кутлубука (Katlubako), Качибея Гирея (Kaczybego Gierego) и Султана Дмитрія (Dimeytero Sultano), и, храбро прогнавъ ихъ, отдалъ эту область своимъ племянникамъ, сыновьямъ брата Коріята (Coriatha), Александра, Константина, Ѳедора и Георгія, съ очень сильнымъ охранительнымъ войскомъ, которые, однако жь, должны были присягнуть ему въ вѣрности и признавать его власть. Но въ 1339 году, когда Ѳедоръ, одинъ, получивъ во владѣніе всю область, упрямо пренебрегъ властію дяди, этотъ, поспѣшно вооружившись, взялъ ее всю назадъ и, обративъ въ зависимую область, поручилъ вѣрности Воеводы Гастольда. Польскій Король, Ягайло, отдалъ ее

въ удѣлъ своему брату, Болеславу Свидригайлу, получивъ сперва на то согласіе Витовта, по словамъ Литовскихъ историковъ, а Польскіе говорятъ, что онъ поступилъ такъ безъ его спроса. Выгнанный оттуда Поляками, онъ бѣжалъ въ Пруссію и дождался отъ брата того, что этотъ, спустя два года, отнялъ у него область. Однако жъ, сдѣлавшись, по смерти Витовта, Великимъ Княземъ Литовскимъ, онъ получилъ ее опять, только съ тѣмъ, чтобы, по смерти его, она снова возвращена была Польшѣ, если прежде того Поляки и Литовцы не сдѣлаютъ относительно ея новаго соглашенія. Говорятъ, что въ слѣдствіе такого условія, она и перешла потомъ къ Сигизмунду, Великому Князю Литовскому. Слѣдовательно, права на нее всегда были подвержены сомнѣнію: Литовцы много разъ требовали ее себѣ, какъ собственность, Поляки столько же разъ отказывали имъ, до тѣхъ поръ, пока, совершившееся при Сигизмундѣ Августѣ, соединеніе Польши и Литвы, въ 1569 году, смѣшавъ права ихъ, научило ихъ обѣихъ мирно повиноваться одному и тому же Государю. Въ Волыни красуется, построенный на высокой горѣ, городъ, Каменецъ (Camenecia), по мнѣнію нѣкоторыхъ, древняя Клепидава (Clepidava), замѣчательный больше по своей мѣстности, нежели по укрѣпленіямъ.

Югорія (Jugoria), или Югра (Jugra), иначе Юхра (Juhra), небольшая область, прилежащая къ Сибири, жители которой, Татары, ведутъ суровую и дикую жизнь, а со времени Ивана Васильевича Старшаго признаютъ Московскую власть и платятъ дань Великому Князю драгоцѣнными мѣхами. Сказываютъ, что отсюда вышелъ нѣкогда тотъ народъ, который, разбивъ и совершенно истребивъ Аваровъ и Гунновъ и овладѣвъ Дакіею, Панноніей и Норикомъ, бывшими подъ властію этихъ послѣднихъ, получилъ весьма знаменитую извѣстность въ свѣтѣ по многочисленнымъ примѣрамъ своей воинской доблести. Нѣкоторые говорятъ, что доказательствомъ тому служитъ и сходство языка: я повѣрилъ бы это очень охотно на опытѣ, если бы могъ имѣть подъ рукой кого ни будь изъ Югорскихъ жителей, чего добивался такъ часто. Только слышалъ отъ одного Нѣмца, бывшаго въ ссылкѣ въ Сибири и наѣзжавшаго иногда въ Югорію, что Югры (Jugri) говорятъ на собственномъ нарѣчіи, которое плохо понимаютъ Сибирскіе Татары, и что наружность у нихъ красивая, по тому что не безобразитъ ея ни большая голова, ни сплюснутое лицо, какъ у Татаръ.

Напротивъ Пермія (Permia) очень обширная область, только непроходима, по причинѣ множества рѣкъ и болотъ. На рѣкѣ Вышерѣ есть тамъ очень большой городъ одного съ нею названія, [231] замѣчательный, какъ мѣстопребываніе Архіепископа, который съ титуломъ Вологодскаго (Volochdensis) завѣдываетъ дѣлами и этой Епархіи. Тамъ говорятъ на собственномъ нарѣчіи, пишутъ тоже особенными буквами, которыя нѣкогда были даны имъ Епископомъ ихъ, Стефаномъ. [232] Иванъ Васильевичъ Старшій принудилъ таже и ее платить дань Московскому Царю мѣхами.

Вятка (Viatka) нѣкогда обширная Татарская область, застроенная множествомъ городовъ и завоеванная Василіемъ Ивановичемъ. Онъ выгналъ прежнихъ ея владѣтелей и принудилъ ее подчиниться Московскому игу, отъ котораго больше она и не освобождалась, но ежегодно чтила его данію горностаевъ. По причинѣ болотъ и лѣсовъ она непріятна и представляетъ много затрудненій, однако жь очень богата медомъ, дикими звѣрями и рыбой, которою и кормится, не заботясь о хлѣбѣ.

Заволжская область Болгарія (Bolgaria), простирающаяся между Камою и Самарою къ рѣкѣ Яику (Jaikum), въ древности Римну (Rhymnum), ведетъ свое названіе отъ большаго города того же имени. Этотъ городъ, покоренный Татарскимъ Царемъ Батыемъ въ 1235 году, [233] находился во владѣніи Калмыковъ (Kalmuki) до тѣхъ поръ, пока Великій Князь Московскій, Василій Дмитріевичъ, вытѣснивъ ихъ силою оружія, въ 1398 году, увеличилъ Болгаріей Русскія области. Но какъ она много разъ возставала, то, правнукъ [234] его, Иванъ Васильевичъ, въ наказаніе за строптивость, подчинилъ ее судебной власти покореннаго имъ Казанскаго Царства. И ужь разжалованная въ село, [235] она обитаема смѣшенно тѣми же Калмыками, Мордвинами и Русскими.

---

231 Намекъ на Старую Пермь, городъ, по «Книгѣ большому чертежу,» стоявшій съ правой стороны рѣки Вычегды (при впаденіи въ нее Вышеры?), отъ устья ея въ 140 в., а ниже Старой Перми, по той же рѣкѣ въ 70 в., городъ Еренескъ (Яренскъ), Уѣздный городъ Вологодской Губерніи. О. Б.

232 Извѣстнымъ Стефаномъ Храпомъ.

233 Т. е., въ 1237 г. О. Б.

234 Праправнукъ. О. Б.

235 Собственно городъ Болгаръ Великій или Болгары, нынѣ сельцо Казанской Губерніи, близъ города Тетюшъ, но въ Уѣздѣ Спаскомъ, на луговой сто-

Княжество Нижегородское, или Новогородское (Novogrodia), иначе Новагорода (Novae urbis), по плодородію и изобилію во всемъ, ведетъ еще нерѣшеный споръ съ Володимирскимъ. Городъ, давшій ему свое названіе, въ 1509 году, построенъ былъ Василіемъ Ивановичемъ при устьѣ рѣки Оки, впадающей въ Волгу. [236] Онъ обнесенъ каменными стѣнами съ башнями и защищается крѣпостью, тоже каменною, построенною на горѣ. А при р. Сурѣ, отдѣляющей это Княжество отъ Казанскаго Царства, стоитъ на высокой мѣстности Васильгородъ (Wasilogrodia), построенный тѣмъ же Василіемъ, въ 1523 году. [237]

Алексѣй присвоилъ себѣ титулъ Князя Черниговскаго, такъ же, какъ и самое это Княжество, въ противность мирнымъ условіямъ, заключеннымъ между отцомъ его, Михаиломъ Ѳедоровичемъ, и Владиславомъ, Королемъ Польскимъ въ 1644 году. [238] Эта область входила въ составъ нѣкогда обширнаго и замѣчательнаго многочисленностью городовъ и крѣпостей Сѣверскаго Княжества, простиравшагося отъ р. Днѣпра до развалинъ крѣпости Мценска (Mscenek). Нынѣ же она заключаетъ его въ своихъ предѣлахъ подъ названіемъ Воеводства. Пятый изъ Московскихъ (?) Великихъ Князей, Ярославъ Володимировичъ, сначала отдалъ Сѣверское Княжество третьему своему сыну, Святославу, съ передачею и его наслѣдникамъ, отъ которыхъ получили начало многіе Княжескіе роды въ Россіи. Когда же, по изгнаніи Русскихъ, заняли его Татары, Скирмундъ, Князь Новогородка Литовскаго, разбивъ ихъ и умертвивъ Балаклая, Царька Заволжскихъ Татаръ, отнялъ у нихъ всю Сѣверію и раздѣлилъ между сыновьями, Любартомъ и Писимундомъ (Lubarto et Pisimundo). Но по изгнаніи оттуда

ронѣ Волги, иначе Успенское, при истокѣ Симанскомъ, р. Болгарѣ и Моховомъ болотѣ, въ 22 в. отъ Спаска, съ населеніемъ около 2,000 д. об. пола, церковью и почтовой станціей, а также съ развалинами. О. Б.

[236] Георгіемъ Всеволодовичемъ, въ 1219 году, по другимъ въ 1221-мъ. О. Б.

[237] Василій Ивановичъ, во время похода своего на Казань, послалъ изъ Нижняго Царя Шигъ-Алея и Князя Василія Шуйскаго съ судовою ратью, а Князя Бориса Горбатаго съ конною, для опустошенія по Волгѣ, при чемъ они заложили городъ при впаденіи Суры въ Волгу, назвавъ его Василемъ. О. Б.

[238] По Поляновскому миру 5-го Іюня, по коему Царь обѣщалъ не называться болѣе Черниговскимъ и Смоленскимъ, уступивъ Польшѣ Сѣверу, Дорогобужъ, Бѣлой и Рославль. О. Б.

ихъ потомковъ, Великій Князь Московскій, Дмитрій Ивановичъ, отдалъ это Княжество своимъ сыновьямъ, Юрію и Андрею, однако жь черезъ нѣсколько времени Ольгердъ, Великій Князь Литовскій, далъ этому раздѣлу очень неожиданный оборотъ: межъ тѣмъ, какъ Дмитрій тщеславился пораженіемъ, которое нанесъ Татарамъ, Ольгердъ такъ напугалъ его своимъ нечаяннымъ приходомъ къ Москвѣ, что, въ слѣдствіе условій постыднаго мира, онъ допустилъ придвинуть Литовскіе предѣлы даже до р. Угры и Можайска. Такъ Ольгердъ, сдѣлавъ своими данниками Дмитріевыхъ сыновей, назначилъ своему сыну, Дмитрію Корибуту, Новгородъ, тоже платившій дань ему, и вмѣстѣ съ тѣмъ титулъ Князя Сѣверскаго. Братъ Корибута Ягайло, утвердилъ за нимъ это Княжество, взявъ присягу въ вѣрности съ его пословъ. Но такъ какъ онъ отказалъ потомъ въ дани Витовту, то былъ побѣжденъ имъ въ битвѣ и взятъ въ полонъ, однако жь выкупилъ свободу, отказавшись на всегда отъ этой области, въ которой Воеводой былъ Ѳеодоръ Сангушко (Sangusko). Со всѣмъ тѣмъ, городъ ея, Стародубъ (Staroduba), удержалъ за собою Андрей Вигундъ (Vigundus), братъ ограбленнаго Дмитрія, а послѣ него братъ его, Свидригайло, который, сжегши городской зáмокъ и много другихъ, передалъ Московскому Князю, Василію, первый въ Сѣверіи городъ Новогородокъ и убѣжалъ въ Москву. Въ правленіе же въ Польшѣ сына Ягайлова, Казимира, сдѣланъ былъ Княземъ Стародубскимъ и Брянскимъ Михаилъ, сынъ Великаго Князя Литовскаго, Сигизмунда, по отложившись, завладѣлъ съ помощью, Москвы Кіевомъ. А потомъ, когда его выгнали изъ Кіева и лишили всѣхъ прочихъ владѣній, убѣжалъ въ Московію и былъ отравленъ въ хлѣбѣ Св. Причастія. Послѣ же паденія Великаго Новгорода нѣкоторые изъ Сѣверскихъ Князей перебѣжали отъ Польскаго Короля, Александра, къ его тестю, единодержавному Московскому Государю, Ивану Васильевичу. А когда этотъ Государь, въ 1499 году, разбилъ, при р. Ведрошѣ, войско своего зятя, подъ начальствомъ Константина Острожскаго, прочіе Сѣверскіе Князья, остававшіеся въ повиновеніи у Александра, передались побѣдителю, только съ несчастнымъ для себя послѣдствіемъ, по тому что сынъ его, Василій, сначала перессорилъ ихъ всѣхъ, чтобы они схватились другъ съ другомъ, а потомъ, подъ обыкновеннымъ у него предлогомъ измѣны, лишилъ ихъ Княжествъ, въ которыхъ самъ заступилъ ихъ мѣсто. Въ то время, какъ на театрѣ Россіи разыгрывались трагическія исторіи Лжедимитріевъ и столько разъ сце-

на перемѣнялась, и все съ новыми декораціями, Польскій Король, Сигизмундъ III-й, овладѣлъ всею Сѣверіею и по перемирію, заключенному, 1618 года, съ Царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, удержалъ это Княжество за собою, а сынъ его, Владиславъ, закрѣпилъ его миромъ съ тѣмъ же Царемъ, уступившимъ его вмѣстѣ съ титуломъ, Польшѣ. Но потомъ Алексѣй разсѣкъ этотъ договоръ мечемъ, и возвратилъ себѣ опять все Княжество. [239]

Рязанское Княжество лежитъ между Окой и Дономъ и такъ богато плодородной почвой, обильными рыбой водами и многочисленными, въ которыхъ столько дикихъ звѣрей, птицъ и пчелъ, что всего ставало вдоволь для Рязанскихъ, Трубчевскихъ (Strubensibus), Тульскихъ (Tullensibus), [240] Карачевскихъ (Corsirensibus), Одоевскихъ и Воротынскихъ [241] Князей, нѣсколько пустыхъ титуловъ ихъ можно еще слышать у ихъ потомковъ въ Россіи, а прежде они правили независимо своими народами въ отведенныхъ каждому изъ нихъ предѣлахъ, пока еще не попали подъ гнетъ жестокой власти того же Василія, ложно оговоренные въ вымышленныхъ преступленіяхъ. Столица Княжества Рязань (Rezania), мѣстопребываніе Архіепископа, была нѣкогда обширнымъ городомъ, но по разореніи Крымскими Татарами, въ 1568 году, обратилась въ село и изъ развалинъ ея выстроенъ Переславль Рязанскій (Pereslavia Rezanensis), въ сорока верстахъ отъ прежняго города. [242] Въ этомъ Княжествѣ, при рѣкѣ Богданѣ (apud fluvium Bogdanum), Царь Борисъ Годуновъ хотѣлъ, въ честь своего имени, построить городъ Борисовъ, въ 1598 году. За Тулою (Tulla) тянутся къ Таврическому Херсонесу неизмѣримыя необработанныя поля, лишенныя деревьевъ, такъ же какъ и жителей: это были бы рѣшительныя пустыни, если бъ не жило въ нихъ безчисленное множество дикихъ ословъ, которые и въ поимкѣ такъ упорно сохраняютъ свои дикіе нравы, что скорѣе умрутъ, нежели сдѣлаются ручными. Въ этомъ Княжествѣ вытекаетъ рѣка Танаисъ, по Русскому назва-

---

[239] Все это по Польскимъ и Литовскимъ свѣдѣніямъ чрезвычайно сбивчиво и спутанно. О. Б.

[240] Не Торускихъ ли?

[241] Воротынскъ, безъуѣздный городъ Калужской Губерніи въ Перемышльскомъ Уѣздѣ, бывшее владѣніе Воротынскихъ Князей, перешедшихъ изъ подъ власти Литвы къ Василію Ивановичу, въ 1508 году.

[242] Нынѣшняя Рязань. О. Б.

нію Донъ, которая у древнихъ была предѣломъ между Азіею и Европою: это и правильно, если только пользоваться такимъ предѣломъ, пока идешь отъ Азовскаго моря противъ теченія этой рѣки до ея колѣна и города Туи (Tujam), а оттуда, оставивъ ее, продолжаешь путь черезъ поперечный хребетъ Переволоцкій (Perewlock) къ рѣкѣ Тюменю (Tumenium) и устью рѣки Оби (Obii), въ древности Карамбука (Carambucis), даже до Татарскаго Океана и древняго Кельтскаго мыса Литармина (Lytarmin), называемаго нынѣ Обскимъ (Obium). Эта рѣка, обличая во лжи всѣхъ тѣхъ, которые ей давали начало съ Рифейскихъ или Обскихъ горъ, вытекаетъ изъ большаго озера Одоевскаго (ex ingenti Odoio lacu), или, по народному названію, озера Иванъ (Juanow osero), а по нашему Іоаннъ: она беретъ сначала направленіе прямо къ востоку, становясь судоходной близъ развалинъ древняго города Данкова (Donch), [243] направляясь къ рѣкѣ Волгѣ, какъ будто для того, чтобы слиться съ нею, межъ тѣмъ касается города Леха (Lechi) вмѣстѣ съ Mezii, а потомъ принимаетъ рѣку Сарону (Чиръ?); когда же подойдетъ къ городу Царицыну (Zariza) и къ Волгѣ на 20-ть верстъ разстоянія, среди пѣсчаныхъ горъ Стрѣльныхъ, [244] точно возьметъ ее раскаяніе, и она сворачиваетъ въ своемъ теченіи съ востока на западъ и течетъ 35 верстъ мимо города Tujas, [245] сопутствуя его паралельному кругу на разстояніи 35-ти верстъ; послѣ того обращаетъ прямо на западъ свое излучистое русло и, принявъ слившіяся вмѣстѣ рѣки Шамену (Schameno), или Сосну (Sosnu), у Геродота Гирге (Hyrge), малый изъ Сѣверіи Танаисъ (Сѣверный Донецъ), Самару (Samara) и Саргу (Sarga), съ величайшею силою и волненіемъ, въ продолженіе 20-ти дней пути, протекаетъ Эксаполь (Exapolim), Навбаримъ (Naubarim), Великій Перевозъ (Weliki prewos, Magnum Trajectum), на Сѣверномъ Донцѣ Аксайскъ (Achas), [246] и Азовъ (Asophum), по древнему его названію Тана (Tanas), бывшій нѣкогда во владѣніи Генуезцевъ, а нынѣ подвластный Ѳракійскому Пашѣ (Thracio tyranno), послѣ

---

[243] Донковъ, бывшій въ старину городъ на р. Донѣ, выше нынѣшняго города Данкова (Рязанск. Губ.), верстахъ въ 20-ти, ниже впаденія въ Донъ рѣчекъ съ правой стороны Рыхотки, а съ лѣвой Поники.

[244] «А ниже Балыклеи рѣки на Волгѣ Стрѣльныя горы.» Кн. Б. Ч. стр. 152.

[245] Нынѣ тамъ Нагавская станица.

[246] Аксайская станица, на протокѣ Дона, Аксаѣ.

чего эта рѣка впадаетъ въ Гнилое (Putri lacui) или Меотійское болото (Meoti), нынѣ Темериндское (Temerindae) [247] и умираетъ въ немъ, этомъ дѣтищѣ, или кормилицѣ, ея водъ. Впрочемъ, Донъ не казался еще умершимъ до тѣхъ поръ, пока Магометъ, по завоеваніи Константинополя, не взялъ, черезъ Махмута Багрянороднаго, въ 1475 году, славнѣйшаго Генуезскаго поселенія, Кафы (Capham), при Киммерійскомъ Босфорѣ, на полуостровѣ, названомъ Таврическимъ, по имени владѣвшихъ имъ какихъ-то Тавровъ, народа Скиѳскаго происхожденія, не принудилъ къ стѣснительнымъ для свободы условіямъ Заволжскихъ Татаръ (ex Javolgensibus), повелителей всего Херсонеса и жившихъ въ дружбѣ и союзѣ съ Генуезцами, и пока внукъ его, отъ сына его, Баязета, Селимъ, послѣ побѣды надъ Ханомъ Мехметъ-Гиреемъ (Mechmeto Gyreyo), не овладѣлъ остальными городами на Хазарскихъ берегахъ (litora Gazariae). По тому что къ этой славной Ѳеодосійской (Theodosiae) пристани со всѣхъ сторонъ стекались купцы съ разными товарами, немаловажное число которыхъ приносилъ и Донъ изъ Русскихъ областей.

Полоцкое Княжество (Polociae Ducatus), въ Бѣлоруссіи (in Alba Russia), на р. Двинѣ (ad Dunam), считаетъ своимъ основателемъ, часто упоминавшагося здѣсь, Олега (Olechum). Изяславъ (Isoslaus), или Вышеславъ (Viseclaus), второй сынъ перваго Русскаго Великаго Князя, Володимира, получилъ въ потомственный удѣлъ это Княжество отъ своего отца, отнявшаго его у Псковскаго (Plescoviensium) Князя, Рогволода (Rochwologdo), вмѣстѣ съ его жизнію и дочерью Рогнѣдою (Rochmida), и передавшаго своему роду даже до правнуковъ. Но этѣхъ Князей, погибшихъ отъ меча въ разныхъ войнахъ, не стало: послѣдній изъ нихъ, по праведнымъ судьбамъ Божіимъ, назывался тоже Рогволодъ (Rochwologdus): тогда Полочане (Polocienses), убѣжденные своимъ Епископомъ, сами правили общественными дѣлами, посредствомъ выбранныхъ для того изъ ихъ среды 30-ти гражданъ, пока Мингайло или Михаилъ, сынъ Эрдивила, изъ рода Палемоновцевъ, Князь Новогородка Литовскаго, не побѣдилъ ихъ въ битвѣ и, лишивъ свободы,

---

[247] Темерникъ, рѣка Екатеринославской Губерніи, Ростовскаго Уѣзда, впадаюдающая въ р. Донъ и составляющая самое глубокое его устье, именующееся по ней Темерниковъ портъ, служащій только для малыхъ судовъ. Не отъ этой ли рѣки и Азовское море называлось тогда Темериндскимъ?

со всею областью не подчинилъ себѣ, а при своей кончинѣ въ томъ же году передалъ это Княжество второму сыну, Гинвилу (Ginwillonem). Ему наслѣдовалъ сынъ его, Борисъ, построившій на рѣкѣ Березинѣ Борисовъ: [248] онъ первый изъ Литовскихъ Князей принялъ Христіянскую Вѣру, но въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ потерялъ зрѣніе и владѣніе Княжествомъ. Преемникъ его былъ Василій Рехвольдъ (Basilius Rechwoldus), которому наслѣдовалъ сынъ его, Глѣбъ (Hlebus), умершій бездѣтнымъ въ молодыхъ еще лѣтахъ. Онъ возвратилъ было свободу Полочанамъ, только не надолго. По тому что спустя едва 5-ть лѣтъ заставилъ ихъ нести иго зависимости Тевтивилъ (Cieuciwilo), по обращеніи потомъ въ Христіянство получившій имя Θеофила, внукъ, по брату, Миндовга, Короля Литовскаго. Но онъ погибъ въ 1264 году злодѣйствомъ своего родича, Тройната (Troynato), Великаго Князя Литовскаго, который послалъ войско и занялъ Полоцкъ, а потомъ присоединилъ его къ Литвѣ, въ качествѣ области, со всею подвластною этому городу страною. Послѣ того Довмонтъ (Daumandus), съ трудомъ выносившій свою ссылку у Псковичей, завладѣлъ Полоцкомъ, вѣроломно переданнымъ ему Русскими, въ 1281 году, вооруженною рукою освободилъ его отъ власти своего брата, Тройдена, Великаго Князя Литовскаго и, по условіямъ послѣдовавшаго за тѣмъ перемирія между ними, удержалъ его за собою, однако жь не далѣе, какъ на нѣсколько мѣсяцевъ. По тому что на другой же годъ лишенъ былъ этой нечестно пріобрѣтенной области и случайно убитъ среди сражавшихся племянникомъ, монахомъ Римундомъ (Rimundo) или Лавромъ (Lauro), иначе Лаврентіемъ (Laurentio), который, сложивши на время клобукъ, возсталъ на него, братоубійцу, съ оружіемъ, въ качертвѣ мстителя за смерть отца. Хотя Полоцкъ потомъ и захваченъ былъ Андреемъ Вигундомъ, братомъ Ягайла, въ то время бывшаго уже Королемъ Польши, но вскорѣ взятъ у него назадъ Витовтомъ, съ согласія того же Ягайла и даже до 1563 года постоянно оставался подъ Литовской властью. Но въ исходѣ 1563 года Иванъ Васильевичъ Младшій, собравъ большое войско и подошедши съ нимъ къ Полоцку, привелъ въ такой страхъ оборонявшую его городскую стражу,

---

[248] Борисовъ построилъ, въ 1102 году, Борисъ Всеславичъ, по возвращеніи своемъ изъ похода на Ятвяговъ. Борисовъ принадлежалъ прежде къ Полоцкому Княжеству, а нынѣ Уѣздный городъ на р. Березинѣ въ Минской Губерніи.

что, безъ надежды на чью либо скорую выручку, они не далѣе 15-го Февраля откладывали сдачу города. Въ 1579 году Польскій Король, Стефанъ, мужественно осаждавшій этотъ городъ, не смотря на храбрость защитниковъ, взялъ его въ послѣдній день Августа и опять подчинилъ Литвѣ, давъ ему Воеводу. Однако жь Алексѣй исторгнулъ его изъ подъ Литовской власти, въ слѣдствіе заговора, которому поблажалъ и главный Литовскій военачальникъ, Янъ Радивилъ. [249] Полоцкъ орошается рѣками Двиною и Полотою и превосходно защищенъ крѣпостью и бастіономъ; замѣчателенъ также, какъ мѣстопребываніе Архіепископа Русской Вѣры, зависимаго отъ Римскаго Первосвященника. [250] Нынѣ, однако жь, принужденъ терпѣть у себя еретика, [251] вмѣстѣ съ рабствомъ, навязаннаго ему Алексѣемъ. Король Стефанъ учредилъ тамъ Коллегію отцовъ Езуитовъ.

Ростовское Княжество (Posthoviae Ducatus) — самое древнее; въ соименномъ ему городѣ, нѣкогда разоренномъ Татариномъ Батыемъ, имѣетъ мѣстопребываніе Митрополитъ. Съ городами Переяславлемъ (Pereslavia) [252] и Угличемъ (Uglitza), составлявшими нѣкогда особенное Княжеское, да еще съ Холопьимъ Городомъ (Chloppigrodia), [253] не менѣе извѣстнымъ по бѣгству Новогородскихъ рабовъ, какъ и по многолюднымъ ярмаркамъ, [253] Ростовское Княжество, по древнему обычаю, всегда назначалось второму изъ Великокняжескихъ сыновей, если бы оба Іоанна, дѣдъ и внукъ, не уничтожили этотъ древній обычай, истребивъ родъ Углицкихъ Князей.

Княжество Ярославское (Jaroslaviae Ducatus) получило свое названіе отъ города того же имени на рѣкѣ Волгѣ и отъ деревянной крѣпости. Титулъ Ярославскаго украшаетъ Ростовскаго Митрополита. По одинаковой судьбѣ съ Ростовскимъ, оно составляло нѣкогда удѣлъ вторыхъ Княжескихъ сыновей въ Московіи, и сдѣлалось потомъ добычею того же притѣснителя Ивана, сына

---

[249] Въ 1654 г., Іюня 29, Полочане сами сдали Полоцкъ. Все прочее выдумка. О. Б.

[250] Т. е., Уніятскаго Архіепископа. О. Б.

[251] Т. е., Православнаго. О. Б.

[252] Нынѣшній Переславь Залѣсскій. О. Б.

[253] Нынѣ Молога. О. Б.

Василія Темнаго, въ слѣдствіе обвиненія невинныхъ, оговоренныхъ въ ложныхъ преступленіяхъ Князей.

Бѣлозерское (Bieloiesero) — древнѣйшее Русское Княжество, нѣкогда было отдано въ удѣлъ Синаву (Sinau), одному изъ трехъ Варяжкихъ братьевъ. Оно получило свое названіе отъ Бѣлаго озера (ab albo lacu), на которомъ очень укрѣпленный и по мѣстоположенію почти неодолимый городъ съ крѣпостью представляетъ Московскимъ Государямъ надежное хранилище для ихъ казны и безопасное убѣжище въ случаѣ непріятельскаго нападенія.

Область Удорія (Udoria) или Обдорія (Obdoria) извѣстна по баснословному идолу Золотой старухи (aureae anus idolum). Названіе даетъ этой области рѣка Обь (Obbi), въ древности Карамбукъ (Carambucus), которая беретъ начало изъ Китайскаго озера (ex lacu Kitaisko) и протекаетъ по этому краю, имѣя въ нѣкорыхъ мѣстахъ 80 миль въ ширину. Ея обитатели, вмѣстѣ съ окрестными, живутъ безъ всякаго образованія, питаются мясомъ звѣрей, мѣхами, которыми платятъ дань Великому Князю Московскому.

Кондинія (Condinia) или Кондора (Condora), сосѣдняя область съ Обдоріей, вся въ лѣсахъ и рѣкахъ; тамошніе жители, кочующіе звѣролы, питаются мясомъ убитыхъ ими звѣрей, а мѣхами ихъ платятъ дань Московскому Царю.

Витебское Княжество—часть Бѣлоруссіи (Albae Russiae). Главный его городъ Витебскъ (Vitepscia), съ крѣпостью, на рѣкѣ Двинѣ. Отнятый у Русскихъ Викиндомъ, племянникомъ Литовскаго Короля Миндовга, въ 1240 году, онъ имѣлъ потомъ своихъ Князей, данниковъ Литвы, до тѣхъ поръ, пока Ольгердъ, Великій Князь Литовскій, женившись на наслѣдницѣ Витебскаго Княжества, Маріи, въ угодность которой, говорятъ, принялъ и Христіянство, закрѣпилъ за нею это владѣніе и власть. Когда же, въ 1396 году, взялъ его Болеславъ Свидригайло, Витовтъ долженъ былъ отнимать его назадъ долговременнымъ облежаніемъ. Но въ 1413 году тотъ же Свидригайло, ведя войну съ своимъ соперникомъ, Сигизмундомъ, въ Литвѣ, покорилъ этотъ городъ и, въ безсильномъ гнѣвѣ, сбросилъ его Воеводу, Князя Гольшанскаго (Holsanum Ducem) съ высокой горы въ текущую подъ нею рѣку. Послѣ того, какъ Сигизмундъ возвратилъ Витебскъ опять Литвѣ, этотъ городъ наслаждался подъ Литовскою властью долговременнымъ миромъ, но въ 1655 году, истощивъ силы и людей и время продолжительной осады, онъ сдался Москвитянамъ, между тѣмъ какъ Ли-

товскія войска смотрѣли, точно въ качествѣ приглашенныхъ свидѣтелей такого торжественнаго дѣйствія, по тому что Главный Военачальникъ, Янъ Радивилъ, связалъ ихъ приказаніемъ не схватываться съ непріятелемъ безъ его вѣдома. Смоленскій Воевода, Александръ Гонсѣвскій (Gosievus), первый положилъ въ Витебскѣ основаніе Коллегіуму отцовъ Езуитовъ. Тамъ же имѣлъ мѣстопребываніе Епископъ Русскаго обряда (Russici ritus), находившійся въ общеніи съ Католической Церковью, [254] хотя много жило и еретиковъ [255] въ городѣ, которые, въ ожесточеніи религіозной ненависти, въ 1622 году, замучили тамошняго Епископа и вмѣстѣ Архіепископа Полоцкаго, Іоасафата, [256] тѣло его похоронено въ Полоцкѣ, въ церкви Святой Софіи. Въ наказаніе за то Витебскъ, лишенный городскихъ правъ, обращенъ былъ въ село, сохранивъ только замокъ и судебную власть.

Мстиславское (Micislaviensis), Княжество лежитъ при рѣкахъ Борисѳенѣ (Днѣпрѣ) и Припети (Prepotio). Симеонъ (Simon) Лингвеній (Linguienius), братъ Ягайла, получилъ его въ потомственное владѣніе. Святославъ Смоленскій, осаждая его главный городъ, Мстиславль (Micislaviam), [257] былъ убитъ Витовтомъ. Сынъ Симеона, Юрій ,несчастливо сражавшійся въ 1432 году при Ошмянахъ (ad Osmianam) за своего дядю, Болеслава Свидригайла, съ племянникомъ его, Сигизмундомъ, Великимъ Княземъ Литовскимъ, лишенъ былъ побѣдителемъ свободы и наслѣдственнаго удѣла, и въ Троцкой темницѣ вынесъ долговременное мученіе, какое терпятъ всѣ, плохо защищаемые приверженцы чьей ни будь стороны. Черезъ два года послѣ того братъ его, Ярославъ (Jaroslaus), вооружившись за ту же сторону, былъ взятъ въ плѣнъ сыномъ Сигизмунда, Михаиломъ, и убитъ по его приказанію. Но по смерти Сигизмунда, погубленнаго злодѣйствомъ заговорщиковъ, въ 1440 году, въ Трокахъ, преемникъ его, Казимиръ, сынъ Ягайла, возвратилъ прежнюю свободу Юрію. А этотъ, отплачивая за добро зломъ, отказывался возвратить Казимиру Смоленское Княжеству, захваченное возмутившимся его подданными, до тѣхъ поръ, пока Казимиръ не выгналъ его оттуда вооруженною рукой; со

---

[254] Т. е., Уніятъ. О. Б.

[255] Т. е., Православныхъ. О. Б.

[256] Это извѣстный изувѣръ Уніятъ Кунцевичъ.

[257] Мстиславль, Уѣздный городъ Могилевской Губерніи, на берегу рѣки Вѣхры.

всѣмъ тѣмъ Юрій увидѣлъ въ немъ такого кроткаго побѣдителя, что получилъ потомъ отъ него въ подарокъ владѣніе своею родовою областью и по смерти оставилъ ее своему сыну. Этотъ сынъ его, Михаилъ, хоть и храбро оборонялъ Мстиславскую крѣпость, осажденную Москвитянами въ 1500 году, подъ начальствомъ Государя ихъ, Ивана Васильевича Старшаго, однако жь, слѣдуя по стезямъ другого Михаила, т. е., перебѣжчика Глинскаго (Klinskii), съ безразсуднымъ позоромъ передалъ это крѣпость и все Мстиславское Княжество сыну Ивана, Василію, въ 1508 году. Въ смутное время Лжедимитріевъ Мстиславль опять былъ занятъ Поляками, и остался за ними по миру съ Михаиломъ Өедоровичемъ, но утраченъ въ войнѣ ихъ съ его сыномъ, Алексѣемъ. Въ 1660 году онъ былъ выжженъ Москвитянами, Смоленскимъ Воеводою, Княземъ Иваномъ Борисовичемъ Репнинымъ (Iuano Borissowicz Reppino), котораго раздражили частыя возмущенія этого города.

Чрезвычайно напыщенное хвастовство писать себя въ титулѣ повелителемъ всѣхъ Сѣверныхъ областей. Однако жь, кромѣ тѣхъ владѣній, которыми Алексѣй умножаетъ свои титулы, есть и другія въ Сѣверномъ краѣ, признающія данію Московскихъ Царей за своихъ Государей.

И во первыхъ Лукоморія (Lucomoria), область, простирающаяся между Сибирью и Китайскимъ озеромъ (Kitaiskum lacum), съ стремнистыми горами и густыми лѣсами, о жителяхъ которой праздные люди баютъ, будто бы каждый годъ при наступленіи зимы они, подобно ласточкамъ, лишаются, отъ продолжительнаго холода, всякой жизненной дѣятельности, а потомъ, въ свое время, получаютъ ее опять отъ теплой весенней погоды.

Во вторыхъ область Печора (Petzora), которая тянется очень далеко къ берегамъ Сарматскаго или Ледовитаго моря (Sarmatica Cronii maris), и называется такъ отъ протекающей по ней рѣки. Она изобилуетъ драгоцѣнными мѣхами, особливо черныхъ соболей, которые водятся въ великомъ множествѣ около кедровыхъ деревьевъ, растущихъ на сосѣднихъ, чрезвычайно высокихъ, горахъ, называемыхъ туземцами Каменнымъ Поясомъ (lapideum cingulum). Для Царской забавы на птичьей ловлѣ и охотѣ она посылаетъ также соколовъ (hierofalchos), которыхъ Русскіе зовутъ кречетами (Kretzet), [258] самыхъ лютыхъ недруговъ

---

[258] Аделунгъ замѣчаетъ, что «это названіе производятъ отъ Норвежскаго слова

аистамъ; они отличаются отъ другихъ соколовъ смѣлостью и величиной. Любопытство моего товарища видѣть хоть одну такую птицу и желаніе срисовать ее, заставило его цѣлыхъ полгода не разъ настоятельно просить нашихъ Приставовъ, чтобы они позволили ему это: они хоть и обѣщали, только все откладывали Наконецъ, когда его желаніе, утомленное долгою проволочкой, на столько уже поостыло, что недоставало немногаго, чтобы ему совсѣмъ изгладиться въ душѣ отъ забвенія, вдругъ въ самое Воскресенье на масляницѣ, т. е., въ пятидесятое (Quinquagesima), совершенно неожиданно представилось намъ зрѣлище ряженыхъ (personatorum). Мы сидѣли еще за обѣдомъ съ нѣсколькими собесѣдниками, когда нашъ благородный Приставъ, принявъ на себя важную осанку, будто хочетъ заняться съ нами дѣломъ великаго значенія, просилъ насъ войти во внутренній покой и выслушать, что онъ намъ скажетъ. Когда мы вошли туда, тамъ главный начальникъ охоты Великаго Князя и шесть сокольниковъ, одѣтые въ дорогіе кафтаны изъ Великокняжеской казны, держали каждый по кречету въ правыхъ рукахъ, на которыхъ надѣты были рукавицы съ новою золотою бахрамой. Кречеты были въ новыхъ колпачкахъ изъ великолѣпной ткани и съ длинными золотыми веревочками на лѣвыхъ берцахъ, а у самаго лучшаго изъ нихъ, бѣлаго цвѣта съ крапинами, какъ у аиста, правое берцо облегало золотое кольцо съ рубиномъ значительной величины. Тогда Приставъ, снявъ шапку и вынувъ изъ за пазухы свернутую въ свитокъ бумагу, объяснилъ по ней слѣдующій поводъ своего посольства, между тѣмъ какъ мы слушали его стоя: «Великій Князь и Царь, Алексѣй Михайловичъ (по обыкновенію, онъ пе-

---

Gyrfalk, Geyerfalk, по чему по Латыни называли его также Falco vulturinus (Соколъ-коршунъ). Другіе полагаютъ, что это названіе произошло отъ слова Hierofalco, Hierax, или Falco sacer Египтянъ. Наконецъ производятъ это названіе отъ слова gyrare (gyrum facere), кружить, или кругъ описывать, по тому что этѣ птицы обыкновенно весьма долго кружатъ въ воздухѣ, прежде нежели опустятся на свою добычу. Кречеты въ особенномъ уваженіи у Якутовъ, которые называютъ ихъ Урунъ Кири, т. е., бѣлый соколъ. По причинѣ ихъ быстраго полета, они уподобляютъ этихъ птицъ молніи, и считаютъ ихъ вѣстниками небесной воли. Если случится, что кречетъ попадетъ въ сѣти, поставленныя для другихъ птицъ, они, опасаясь прикоснуться къ нему руками, освобождаютъ его изъ сѣтей палочками, или другимъ способомъ.» Баронъ фонъ Мейербергъ стр. 217.

ресказалъ въ подробности весь титулъ его), узнавъ о нашемъ желаніи видѣть которую ни будь изъ его птицъ, прислалъ посмотрѣть намъ шесть кречетовъ, изъ расположенія къ своему любезнѣйшему брату, Цезарю Римскому, Леопольду.» Такая потраченная по пусту торжественность и пышность обстановки располагала къ смѣху, и духъ, затронутый забавною картиною этого пустого чванства, разразился бы хохотомъ, если бы, сдерживаясь уваженіемъ лица, показывавшаго это зрѣлище, къ высокому значенію приславшихъ, не подавилъ въ себѣ возбужденнаго расположенія. И такъ, обратившись съ важнымъ видомъ къ Приставу, мы очень расхвалили птицъ въ напыщенныхъ выраженіяхъ и, будто бы увлекшись удивленіемъ къ большому росту ихъ, освѣдомились, въ какихъ краяхъ онѣ водятся? «Въ областяхъ Великаго Государя,» отвѣчалъ онъ сухо, положивъ себѣ на уста перстъ Гарпократа, чтобы не выболтать Государевой тайны. Поблагодаривъ за то, что Великій Князь удостоилъ насъ такого особеннаго почета, мы изъявили одобреніе дѣйствующимъ лицамъ этой комедіи самымъ пріятнымъ для нихъ образомъ, т. е., сдѣлали имъ подарки, и отпустили ихъ.

Въ 3-хъ, область Самоѣдовъ (Samojedarum), сопредѣльная Печорѣ и платящая въ Царскую казну дань драгоцѣнными мѣхами. Ея жители, поѣдающіе другъ друга (se invicem comedentium), [259] прекрасно описаны у Олеарія. [260]

И наконецъ въ 4-хъ, тотъ уголъ земли, который, закривляясь въ Сѣверномъ Океанѣ подъ самымъ полюсомъ, дѣлаетъ заливъ въ Бѣломъ морѣ; этотъ уголъ населяютъ Лапонцы, раздѣленные на три области: одни подвластны Московскому, другіе Норвежскому, а прочіе Шведскому, скипетру. Порода тамошнихъ звѣрей дикая и свирѣпая, которую хоть и стараются давно приручить сосѣдніе жители, однако жъ никогда не могли сдѣлать домашнею.

Иверія или Иберія (Jueria sive Iberia), называемая нынѣ Грузіей (Georgia) или, по Турецкому имени, Гургистанія (Gurgistania), граничитъ къ югу съ Мингреліей (Mengrelia), въ древности Колхидой, къ востоку Ширваніей (Sirvania), въ древности Мидіей

---

[259] Невѣрное объясненіе. О. Б.

[260] Въ Русскомъ переводѣ кн. III, глав. 3, стр. 125 и слѣд. О. Б.

Атропатіей (Media Atropatia), къ сѣверу Кавказскими горами и частію древней Албаніи (veteris Albaniae), населяемой нынѣ Черкасами (Circassi), къ югу большою Арменіей (Armenia major) или Туркоманіей (Turcomania). Нѣкогда она имѣла многихъ Царьковъ, принявшихъ Св. Крещеніе во времена рождающейся Церкви (какъ Царица Русцида (Ruscida) и сынъ ея, Давыдъ, писали къ Верховному Первосвященнику, Григорію IX, въ 1240 году). Только всѣ они дали соблазнить себя заблужденіямъ, которыя распространилъ Евтихій объ единой природѣ Христа, послѣ соединенія въ Немъ той и другой природы, а потомъ свирѣпо защищалъ Іяковъ Барадей (Jacobus Baradeus) Сирскій, по чему и получили они названіе Яковитовъ (Jacobitos). Въ прошлое столѣтіе они вмѣшались въ самую жестокую войну Турецкихъ Султановъ, Селима, Солимана, и Амурата, III этого имени, съ Персидскими Царями, Измаиломъ, Тамасомъ (Tamasum) и Магометомъ, приставая то къ тѣмъ, то къ другимъ, и часто принимая ихъ различное вѣроученіе, однако жь большею частію къ Персамъ, которымъ платили дань. А чтобы самыми признательными заявленіями вѣрности заслужить доброе мнѣніе о себѣ той стороны, которой передались, такъ много этихъ людей перешло въ Магометанское суевѣріе, въ слѣдствіе постыднаго отступничества, что между Князьями Грузіи едва остался одинъ, или двое, сохранившіе обѣщанную вѣрность Христу Спасителю. Кромѣ Гори (Gori), Гримъ (Grim), Кайги (Caigam), Сомка (Somka) и другихъ городковъ, они владѣли еще Тифлисомъ (Tiflim), въ древности Юромъ (Jur), городомъ, который долгое время осаждали Турки, съ большою потерею крови и золота: его орошаетъ рѣка Киръ (Cirus), называемая туземцами Хюръ (Chiur), вытекающая изъ горъ Арменіи и, пересѣкши Грузію, впадаетъ, близъ города Кіавата (Ciavat), [261] въ Араксъ (Araxem), а этотъ и отводитъ ее въ Каспійское море. Москвитяне зовутъ этихъ владѣльцевъ Карталинскими и Грузинскими Царями (Cartalinios et Grusinios Tzares). Въ прежніе годы сильно угнеталъ ихъ тяжелыми повинностями, свыше терпѣнія данниковъ, Персидскій Царь, у котораго они находились въ подданствѣ и обязаны были чеканить свою монету съ его гербомъ; по этому они и просили покровительства Московскаго Царя, порубежника съ ними въ Черкасіи (Circassia), по милости котораго порučен-

---

[261] Полное названіе этого города Карагагды-Жіавотъ.

ные его дружескимъ посольствомъ расположенію Персидскаго Царя, они чувствовали себя нѣсколько свободнѣе. Но въ 1654 году Персидскій Царь послалъ въ ихъ область Кумыковъ (Kumukis), которые, покинувъ въ древности берега Чернаго моря, овладѣли горами Арменіи, лежащими между Грузіей и Мидіей Атропатіей, гдѣ живутъ и понынѣ. По этому случаю Давыдъ Темрюковичъ (Temrasciowick), въ рукахъ котораго было тогда кормило правленія, велѣлъ спѣшить въ Россію сыну своему, Николаю, къ Алексѣю, съ просьбой у него, какъ покровителя, защиты противъ Персидскихъ насилій, присоединяя къ политической цѣли еще и духовную, а угождая Московскому Царю, отказался отъ родной Вѣры и пожелалъ принять Русскую. Однако жь, онъ не могъ получить ничего другого отъ Алексѣя, воевавшаго тогда съ Литвой, кромѣ множества Священниковъ, которые научили народъ въ тѣхъ областяхъ покланяться Богу по Русскому обряду и старались обратить въ Христіянство знатныхъ лицъ, исповѣдывавшихъ Персидскую Вѣру. Все это обратилось въ пагубу того, кто получилъ его. По тому что раздраженный Персидскій Царь занялъ этѣ области силою оружія, взялъ въ плѣнъ Александра, управлявшаго ими по смерти его роднаго брата, Давыда, и, за отсутствіемъ его племянника, Николая, отвелъ его въ Персію и до того заградилъ ему возвращеніе на родину, что нынѣ со многими вздохами поздняго раскаянія, смотритъ онъ изъ города Терки (Terki), своего постояннаго мѣстопребыванія, на утраченное имъ владѣніе, подобно нашему прародителю, изгнанному изъ райскаго сада. Такъ какъ эти Владѣтели, ведя свой родъ отъ Еврейскаго Царя, Давыда, хотятъ изъ пустаго тщеславія называться Царями, то и были очень довольны Царскимъ титуломъ, который пожаловалъ имъ Московскій Царь, чтобы честь такого громкаго названія отражалась и на немъ: такъ онъ и носитъ названіе Царя Царей (Tzarum Tzar), которое, по его мнѣнію, получилъ надъ ними по праву покровительства. Отсюда ясно, что Алексѣй совсѣмъ не въ правѣ называться Государемъ Иверіи, Карталиніи (Cartaliniae) и Грузіи (Grusiniae), а также Кабардинской области (Cabardiniae), лежащей при Азовскомъ морѣ и населяемой ордою или сборищемъ Татаръ, подвластныхъ жестокому Турецкому игу.

А Государемъ Черкаскихъ Князей называется онъ по праву, хоть и не тѣхъ, которые живутъ у Чернаго моря, между водами

Фазиса (Pasidis) [262] и Азовскаго моря, приняли Св. Крещеніе, но отказались отъ него и, обрѣзанные по Магометански, были нѣкогда разсадникомъ Мамелюковъ (Mamalucorum), но тѣхъ, что, по происхожденію Татары, придерживаются обрѣзанія и смѣшенно съ нимъ идолослуженія, населяютъ древнюю Албанію отъ береговъ Каспійскаго моря до Кавказскихъ горъ, между Нагайскою степью (Hagaicum desertum) и рѣкою Быстрой (Bistrum), у Птолемея Gerrum. Съ разрѣшенія Өедора Ивановича Астраханскіе Казаки заставили ихъ силою оружія уступить Москвитянамъ главный ихъ городъ, Терки; сами же они, разсѣявшись по деревнямъ и городамъ, платятъ дань и повинуются все тѣмъ же своимъ Государямъ.

Но менѣе справедливо величаетъ онъ себя Государемъ Горскихъ Князей (Montanorum Principum), по тому что этотъ горскій народъ называется у Персовъ Лезги (Lesgi), а у Олеарія Дагестаны (Dagestani) или Горцы (Montani), которые, по его увѣренію, родомъ Татары и, можетъ быть, изъ тѣхъ, что владѣли Грузіей около 1240 года, а по разбросаннымъ въ разныхъ мѣстахъ извѣстіямъ другихъ писателей для потомства, Грузины (Georgiani) Магометанскаго исповѣданія, обитаютъ на крутой горѣ, называемой Турками Брусъ (Brus), и продолжаютъ протяженіе своей области до Черкаскаго городка Терки (Terki), начиная съ того города, который лежитъ между тѣснинами Кавказскихъ горъ, соединяющихся съ берегомъ Каспійскаго моря, и который построенъ Александромъ Великимъ, долго носилъ его имя, и въ послѣдствіи названъ Дербентомъ (Derbentho), по своему крѣпкому положенію, а по Турецки Демиркапи (Demircapi), т. е., желѣзныя ворота. Тамъ они пользуются полною свободой, подъ управленіемъ многихъ своихъ владѣтелей дворянскаго рода, и подъ верховнымъ наблюденіемъ Шамхала (Schemcalis) или Луменія (Lumenia). А Пятигорцы (Petigoriensis, Quinquemontani), обитатели сосѣдней съ Кабардою древней Колхиды, оказываютъ подданническое уваженіе Оттоманской Лунѣ.

Надобно, однако жь, сказать правду, что общее заключеніе титуловъ ни какъ не лишнее, по тому что, кромѣ показанныхъ областей и народовъ, Алексѣй владѣетъ и правитъ еще другими, между которыми особенно выдаются: знаменитое Бѣльское Кня-

---

[262] Ріона. О. Б.

жество (Bielskiae Ducatus), съ городомъ и крѣпостью Бѣлымъ (Biela urbe), [263] лежащими среди обширнѣйшихъ лѣсовъ на рѣкѣ Обшѣ (Obscha). Князь его, Василій, былъ не лучшей вѣрности, какъ и сосѣдніе Сѣверскіе Князья, да и для такой же, какъ они, судьбы перебѣжалъ отъ Ягайловыхъ дѣтей къ Великому Князю Московскому, Ивану, сыну Василія Темнаго, по тому что сынъ этого Ивана, Василій, несправедливо отнялъ Бѣльское Княжество у троихъ сыновей его.

Ржевское (Reschoviae Ducatus) обширное Княжество, знаменито городами: Ржевью (Rosowa), памятникомъ побѣды Дмитрія, Волокомъ (Woloko), [264] Торопцомъ (Toropecio) и Великими Луками (Weliki Lugo), побѣдными трофеями Польскаго Короля Стефана; славится также и охотою за бѣлыми зайцами.

Также и Суздальское Княжество (Susdaliensis Ducatus) съ городомъ, въ коемъ мѣстопребываніе Архіепископа, и крѣпостью, лежащее между Ростовскимъ и Володимирскимъ. Прежде нежели Великій Князь Московскій, Ярославъ Всеволодовичъ (Sevolodicz), приглашенный на отравленный обѣдъ Татарами, кончилъ поприще своей жизни въ послушаніи Римской Церкви, къ которой незадолго до того перешелъ стараніемъ Іоанна Плано-Карпини изъ Ордена проповѣдниковъ (Praedicatorum), онъ назначилъ это Княжество въ удѣлъ шестому изъ 11-ти сыновей своихъ, Андрею. [265] Отъ него, черезъ праправнука его правнука,

---

[263] Бѣлый, прежде Бѣльскъ или Бѣльская переправа, Уѣздный городъ Смоленской Губерніи на р. Обшѣ. Уже самый гербъ этого города: два мѣшка съ крупичатой мукой, перевязанные золотыми шнурами, даѣтъ понятіе о значеніи этой пристани въ торговомъ отношеніи.

[264] Это нынѣшній Вышній Волочокъ, Уѣздный городъ Тверской Губерніи, при р. Цнѣ. Названіе свое получилъ отъ того, что, до сдѣланнаго Тверецкаго шлюза и канала, привозимые по Тверцѣ мелкими судами и полубарками товары отъ пристани Николы Столпа перевозились сухимъ путемъ и, по нагрузкѣ въ Вышнемъ Волочкѣ на суда Осташевки, отправлялись уже дальше водою.

[265] Владимирскій (1190 — 1246). Далѣе разсказывается выдумка Папы Иннокентія IV и его пословъ къ Александру Невскому. Но Андрей Ярославичъ, братъ Александра Ярославича Невскаго, не былъ родоначальникомъ Князей Шуйскихъ, происходящихъ, по показанію самаго Царя Василія Ивановича (въ грамотѣ его избранія) отъ сына Невскаго, Андрея Александровича, старшаго брата Даніила Александровича Московскаго. Василій Васильевичъ

Василія Васильевича, ведутъ начало родоначальники Скопиныхъ Шуйскихъ (Suiskii Scopinorum), потомокъ коихъ, Василій, овладѣлъ наконецъ Царскимъ скипетромъ и, послѣ трагической погибели Димитрія, тоже и самъ былъ трагическимъ лицомъ. Однако жь, потомки Суздальскихъ Князей, вмѣстѣ съ сосѣдними Галицкими (Galiczinis), ведущими родъ отъ Великаго Князя Московскаго, Димитрія Донского (Demetrio Domskoi), дожили до изгнанія своего изъ этихъ владѣній, поглощенныхъ самой хищной акулой къ чужимъ областямъ, Великимъ Княземъ Московским, Иваномъ Васильевичемъ Старшимъ.

Великіе Князья всегда имѣютъ при себѣ Думу но многіе изъ нихъ обыкновенно спрашивали ея мнѣнія только для вида, чтобы свалить съ себя на нее ненависть за сдѣланную ими несправедливость. Алексѣй превосходно идетъ по слѣдамъ ихъ, распоряжаясь всѣмъ по своему произволу, или лучше, думая распоряжаться, по тому что, осаждаемый и проводимый своими любимцами, либо совсѣмъ не знаетъ положенія дѣлъ, либо видитъ его подъ прикрытіемъ обмана тѣхъ же любимцевъ. Въ мою бытность въ Москвѣ Думу составляли около 13 Бояръ (Bojaris), 30-ти Окольничихъ (Ocolniciis), семи Думныхъ Дворянъ (Dumni Duoraninis): всѣ они, принадлежа къ знатному сословію, сидѣли въ этой Думѣ, а трое Думныхъ Дьяковъ (Dumni Diakis), изъ простаго званія, должны были стоять.

По произвольному распоряженію Царя, между этими совѣтниками раздѣлены всѣ заботы о какихъ бы то ни было дѣлахъ Царства, относящихся какъ къ общественному, такъ и частному, положенію подданныхъ. По тому что, такъ какъ въ Москвѣ учреждено 33 главныхъ правительственныхъ мѣстъ, называемыхъ Прика-

---

Гребенка былъ Намѣстникъ въ Псковѣ (1476 — 1478, 1480 — 1482), Нижнемъ (1478 — 1480) и Новгородѣ (1482 — 1487), а Иванъ Васильевичъ Скопа—родоначальникъ Князей Скопиныхъ Шуйскихъ, угасшихъ въ 1610 году. Царь Василій Ивановичъ (1553 — 1612) былъ сынъ знаменитаго Воеводы Ивана Петровича, отразившаго нападеніе Баторія на Псковъ;, смертію младшаго брата его, Ивана Ивановича, пресѣкся родъ Шуйскихъ въ 1638 г., а происходящіе отъ Княза Ивана Дмитріевича Губки, выѣхавшаго въ Великое Княжество Литовско-Русское при Царѣ Иванѣ Грозномъ, сохранились тамъ и до нынѣ, именно вѣтвь Литовская; вѣтвь же. Волынская угасла въ началѣ текущаго столѣтія со смертію Княжны, бывшей за Марченкомъ. О. Б.

зами (Pricazas), то къ нимъ, какъ первостепеннымъ учрежденіямъ, по предписанному распоряженію, принадлежать всѣ дѣла, касающіяся правосудія, казны, или войны. Въ каждомъ изъ нихъ, а иногда и во многихъ, предсѣдательствуетъ одинъ изъ этихъ совѣтниковъ: онъ завѣдываетъ съ полною властію дѣлами, подлежащими его судопроизводству, и даетъ окончательные приговоры, съ большею, или меньшею, прибавкою къ своему родовому имуществу, такъ что самъ бываетъ оцѣнщикомъ степени своей благосклонности. Такъ Царь, сохраняя за собою всю полноту Царской власти, дѣлаетъ видъ, что нѣкоторую часть ея передаетъ своей Думѣ, отсылая просьбы народа на разсмотрѣніе ея членовъ. Во каждомъ Приказѣ должность Секретарей исправляютъ особенные Дьяки: каждаго изъ нихъ Великій Князь всегда обыкновенно наряжаетъ въ товарищи своимъ Посламъ къ иноземнымъ Государямъ.

Любимцы у него непрочны, не только по общему пороку всѣхъ Дворовъ, по которому положеніе любимцевъ, слѣдуя непрочности всѣхъ человѣческихъ дѣлъ, всегда шатко и легко рушится въ прахъ отъ всякаго, хоть бы и слабаго, удара, но и по тому еще, что это люди безъ твердыхъ основаній въ какой бы то ни было добродѣтели, укрѣпившись на которыхъ, громоздкое зданіе Государевой милости стоитъ прочно, поддерживаемое заслугами.

Между всѣми ими отличался, недавно умершій, Морозовъ (Morosovius), воспитатель его дѣтства, по тому что хотя послѣ народнаго возстанія противъ него, по видимому, и поупалъ въ своемъ могуществѣ, однако жъ, сохраняя силу болѣе изъ дружеской пріязни къ нему Государя, нежели по наружному виду, всегда вліятельный въ его душѣ, онъ никогда не испытывалъ утраты его расположенія. Искренность этой дружбы Алексѣй дадъ ему почувствовать многими опытами въ то время, когда разстроенное здоровье не позволяло ему выходить изъ дома. По тому что хоть онъ и удалился отъ гражданскихъ должностей, но въ увядавшемъ тѣлѣ сила ума и здраваго сужденія были еще въ полномъ цвѣтѣ: отъ того-то Великій Князь часто и навѣщалъ его тайкомъ и совѣтовался съ нимъ о важнѣйшихъ дѣлахъ. Это былъ человѣкъ съ природнимъ умомъ и, по своей долговременной опытности, способный править государствомъ, если бы только умѣлъ ограничивать свое корыстолюбіе. Но самыя вѣрныя доказательства своего искренняго распо-

ложенія къ Морозову Алексѣй заявилъ въ послѣднее время его жизни: онъ навѣщалъ его, утратившаго уже всякое чувство и сознаніе, не пропуская ни одного дня, по одному только простому долгу, а не въ видахъ будущихъ заслугъ за то; а по кончинѣ Морозова, когда слѣдовало похоронить его, Алексѣй самъ пожелалъ отдать послѣдній долгъ покойному въ церкви, вмѣстѣ съ прочими, не думая ни мало, что унизитъ тѣмъ свое Величество, если будетъ оплакивать его при всѣхъ.

Теперь является передъ нами Царскій тесть, Бояринъ Илья Даниловичъ Милославскій (Ilia Danilowicz Miloslawski). Выбравшись изъ грязи самаго бѣднаго люда и самаго низшаго дворянства и, по неожиданной прихоти играющаго счастія, вознесенный на самую высокую степень почестей въ Московіи, онъ получилъ у Царя весьма большую силу въ качествѣ его тестя. Впрочемъ, не очень-то величается ею, по тому что Московскіе Цари, подобно Мельхиседеку, хотятъ быть безъ отца, безъ матери, безъ родословной. Алексѣй и, еще важнѣе, сама дочь его, Царица (Tzarissa), въ разговорѣ съ нимъ зовутъ его всегда Ильей, а не тестемъ, не батюшкой. Да онъ и не пользуется какою ни будь большою милостью у зятя, и не одинъ разъ отвѣдалъ его тряски за волосы на головѣ и бородѣ и кулачныхъ тузовъ. Когда, въ исходѣ осени 1661-го года, послѣ пораженія, нанесеннаго Литовцами Хованскому (Kovanskium) и Нащокину (Nasciokinum) на Полоцкихъ поляхъ, [266] разнесся слухъ о приходѣ туда Польскаго Короля съ многочисленнымъ войскомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, гонецъ донесъ объ опасности Переяславля у Черкасовъ (apud Circassios), [267] жестоко стѣсненнаго Козаками, Алексѣй, 10-го Ноября, созвалъ Думу и совѣщался съ ней, какою дорогою и съ какими силами итти на встрѣчу такому превосходному непріятелю. Илья, сидѣвшій недалеко отъ Царя, сказалъ: «Государь, поставь меня Воеводой твоихъ полковъ, и я плѣню и приведу къ тебѣ Польскаго Короля.»

---

[266] Это произошло при мѣстечкѣ Глубокомъ. О. Б.

[267] Юрій Хмельницкій, съ своими Козаками и Поляками, шелъ было къ Переяславлю Кіевскому, но услышавъ о движеніи противъ него Князя Ромодановскаго, остановился противъ Канева и былъ разбитъ Ромодановскимъ и Наказнымъ Гетьманомъ Сомкомъ, соединившимся съ нимъ, послѣ чего послѣдніе направились къ Чигирину (въ Іюлѣ), но Юрій, бѣжавъ въ Черный Лѣсъ и присоединивъ къ себѣ Татаръ, оттѣснилъ Ромодановскаго отъ Чигирина за Днѣпръ. О. Б.

Такое пустое самохвальство тщеславнаго Фразона (Thrasonis), разсердило Царя: вспыливъ отъ негодованія, онъ отвѣчалъ: «Съ чего ты, блудницынъ сынъ (fili meretricis), приписываешь себѣ такую опытность въ военномъ дѣлѣ? Когда это ты набилъ руку на воинскомъ поприщѣ? Спрашиваю тебя: пересчитай свои славные воинскіе подвиги, тогда и мы можемъ надѣяться, что исполнишь свои обѣщанія. Пошелъ къ праху, старикъ, съ своими бреднями!» Тутъ, поднявшись съ мѣста, онъ сперва влѣпилъ ему громозвучную пощечину и, тряся его за бороду, прибавилъ: «Какъ смѣешь ты, негодяй, потѣшаться надо мной такими непристойными шутками? Сейчасъ же вонъ отсюда!» И, говоря это, выгналъ его пинками изъ Думы, и самъ заперъ двери за нимъ. Точно слуга, чтобы за то быть бариномъ. Илья съѣдаетъ и перевариваетъ въ своемъ строусовомъ желудкѣ это, хоть и очень жесткія вещи, только бы сохранить вліяніе, благодаря, которому подаетъ всегда новое, дорогой цѣны, кушанье прожорливости своего ненасытнаго корыстолюбія, проголодавшейся отъ долгаго поста. А этому, глядящему въ гробъ, старику такъ немного нужно денегъ на путевые издержки, чтобы добраться до роковой цѣли своего странствія, которой онъ почти уже и достигъ; при томъ же у него нѣтъ сыновей, а только дочери, которымъ и долженъ передать послѣ себя наслѣдство (точно рѣку въ море). Но такъ ужь устроена самая испорченная природа Москвитянъ. Жадность въ ихъ сердцѣ—не гостья, а коренная обитательница: они не только постоянно поддерживаютъ ее пищею, какъ древнія Весталки священный огонь, но еще любятъ, чтобы она съ каждымъ днемъ и добрѣла отъ этой пищи.

Другой, пользующій милостями государя, считается Ѳедоръ Михайловичъ Ртищевъ (Theodorus Michalowicz Ertischew), еще съ отроческихъ лѣтъ Царскій Постельничій (lecti strator), стало быть, сжившійся съ нимъ на дружеской ногѣ, а нынѣ Окольничій, Царскаго Дворца Дворецкій и Управляющій всѣмъ монетнымъ дѣломъ въ Государствѣ. Впрочемъ, по исправленію этой послѣдней должности, онъ нажилъ себѣ жестокую ненависть нѣкоторыхъ, такъ какъ не безъ основанія считается главнымъ виновникомъ чеканки мѣдныхъ денегъ, которыя совершенно вывели изъ обращенія золотыя и серебряныя деньги, съ большимъ убыткомъ для всѣхъ, а по тому Богу извѣстно, какая еще будетъ его участь у народа, расположеннаго къ мятежамъ по своей приро-

дѣ. Между тѣмъ, сильный благоволеніемъ къ себѣ Государя, онъ пренебрегаетъ опасностью и, превосходно зная ослиныя свойства Москвитянъ, подгоняетъ ихъ ударами нести свое ярмо. Впрочемъ, довольно еще ловко скрываетъ бичъ по своему благоразумію, по которому едва, 40-ка лѣтъ отъ роду, станетъ выше многихъ стариковъ. [268]

Послѣ него по справедливости слѣдуетъ въ числѣ любимцевъ Окольничій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово (Bogdanus Mattheowicz Hitrow), третій изъ Царскихъ уполномоченныхъ для разсужденій съ нами. Множествомъ оказанныхъ ему милостей Алексѣй заявляетъ свое уваженіе къ его военной и гражданской извѣстности. [269]

Нельзя также пропустить и Князя Юрія Ивановича Ромодановскаго (Georgius Juanowicz Romodanowski), Царскаго Спальника (a cubiculis), который приходится Царю въ 3-й степени родства по бабкѣ съ матерней стороны. Съ этимъ Княземъ, отличающимся болѣе силою легкаго остроумія, нежели сужденія, да и чуть не сверстникомъ Царя, Алексѣй часто бесѣдуетъ по пріятельски, сложивъ съ себя суровую важность Величества. Этотъ, до сихъ поръ благоразумный любимецъ (gratiosus) не распускаетъ большаго паруса по вѣтру Царскаго расположенія къ себѣ, а скромно принимаетъ его малымъ, чтобы этотъ вѣтеръ не умчалъ его въ открытое море зависти и не столкнулъ съ вліяніемъ безпокойнаго Ильи; впрочемъ, не всегда же придерживается и низкихъ песковъ прибережья. Но, по своей бѣдности, онъ жадно падокъ на подарки. [270]

Было время, когда Патріархъ Никонъ, котораго Царь любилъ больше всѣхъ ихъ, казался у него всемогущимъ, но, свергнутый силою постигшей его судьбы придворныхъ, уже шесть лѣтъ скрывается въ построенномъ имъ монастырѣ, бросивъ всякую надежду на свое возвышеніе при Дворѣ, но возвышаясь благород-

---

[268] См. выше стран. 69 примѣч. 104. О. Б.

[269] См. выше стран. 71 примѣч. 107. О. Б.

[270] Это отецъ извѣстнаго Князя Кесаря Ѳедора Юрьевича, одинъ изъ любимѣйшихъ приближенныхъ Царя Алексѣя Михайловича. Родъ Князей Ромодановскихъ угасъ съ кончиной Князя Ивана Ѳедоровича (1737 г.), женатаго на родной сестрѣ извѣстной Царицы Прасковьи. О. Б.

ствомъ духа. Этотъ монастырь называется (Новымъ) Іерусалимомъ и находится въ 40-ка верстахъ отъ Москвы [271] и только въ 300-хъ шагахъ отъ прежней обители. О паденіи Никона разныя лица говорятъ различно. Вѣрнѣе приписываютъ его тому, что Никонъ очень ужь много давалъ воли своему, жадному до новизны, уму, почему и впуталъ своимъ опрометчивымъ совѣтомъ въ Шведскую войну Московію, уже замѣшанную, по его же настоянію, въ Польскую. При томъ, для разогнанія Москвитянскаго невѣжества открылъ еще въ Москвѣ училища Латинскаго и Греческаго языковъ, удалилъ изъ церквей висѣвшіе на стѣнѣ противъ алтаря св. образа, принадлежавшіе частнымъ лицамъ, чтобы не сказывалось неприличное пренебреженіе алтарю, когда молельщики станутъ класть, по обыкновенію, земные поклоны симъ образамъ. Оба пола подняли такъ же сильный шумъ на установленіе, въ видахъ опрятности, весьма частыхъ омовеній, по Турецкому обряду, чѣмъ Никонъ умножилъ довольно явныя доказательства затѣяннаго имъ новшества въ религіозныхъ догматахъ для подозрительныхъ Московскихъ умовъ, державшихся упорно стариннаго обычая. За все это всѣ возненавидѣли Никона, и съ общаго желанія требовали его ссылки. Онъ не нашелъ никакой защиты въ расположеніи къ себѣ Алексѣя, сердце котораго давно уже по немногу отдаляли отъ Патріарха, заронивъ непріязнь въ него, жена Царя и тесть, ненавидѣвшіе Никона по особеннымъ причинамъ. Тѣ придворные любимцы и прочіе первые сановники такъ осѣтили со всѣхъ сторонъ добраго Алексѣя, что никому нельзя было добиться доступа къ нему. А сами эти господа либо совсѣмъ скрываютъ отъ него вопли угнетенныхъ, крайнія нужды государства, несчастные случаи съ войскомъ, либо же представляютъ ихъ ему въ такомъ видѣ, какой выгоденъ для ихъ намѣреній.

Величіе пышно обставленнаго Царскаго сана Алексѣй заявляетъ безчисленнымъ множествомъ придворныхъ, въ числѣ которыхъ многіе славятся своимъ знатнымъ происхожденіемъ. Всѣ Бояре обязаны ежедневно до полудня посѣщать его дворецъ, для засвидѣтельствованія ему почтенія. Какъ муравьи въ свой муравейникъ, такъ и они туда собираются, и главный Кравчій, завѣдывающій поставцемъ съ напитками, и Спальники, Крайчіе, Стольники, и прочее

---

271 У заштатнаго города Воскресенска Звенигородскаго Уѣзда при рѣкѣ Истрѣ въ 50 в. отъ Москвы. О. Б.

множество должностныхъ дворянъ, каждый для исправленія своей должности. Царь садится одинъ за свой обѣденный столъ, уставленный великимъ числомъ кушаньевъ. Утоляетъ жажду квасомъ, (aqua fermentata), какъ и многіе. Для укрѣпленія желудка выпиваетъ, однако жь, полную чару Испанскаго вина. Жена и сынъ, хотя уже десятилѣтній, никогда не обѣдаютъ съ нимъ, а тѣмъ менѣе сестры и дочери, и не показываются на глаза посторонихъ (для внушенія къ себѣ большаго уваженія). Между тысячью придворныхъ служителей едва ли найдется одинъ, который могъ бы сказать, что онъ хоть однажды видѣлъ кого ни будь изъ нихъ. Разъ, когда Царица лежала больная въ постелѣ, она пожелала принять приглашеннаго врача въ своей спальнѣ, сумрачной по случаю завѣшенныхъ оконъ, чтобы ему было не видать ее, и подала ему для изслѣдованія правую руку, покрывъ сначала жилу у ней самою тонкою тканью, а то обнаженную онъ могъ бы осквернитъ своимъ прикосновеніемъ. Когда она пожелаетъ выѣхать пользоваться воздухомъ, ее везутъ въ закрытой каретѣ (rheda), или саняхъ (traha), смотря по времени года. Если случится увидать запряженною многими бѣлыми лошадьми карету Царицы, подражающей Юпитеру, или Солнцу, подумаешь, что видишь четверыхъ Камилловъ, [272] справляющихъ свой тріумфъ. А при выходахъ въ церковь, она ходитъ туда изъ дворца сѣнями, закрытыми со всѣхъ сторонъ, чтобы случайно не осквернилъ ее грубый взглядъ прохожихъ; въ торжественные дни, или въ обыкновенные праздники, идущая позади у ней знатная дѣвица держитъ надъ головой ея круглый зонтъ, привѣшенный на придѣланной къ нему длинной рукояти. Въ самые большіе праздники, когда надѣваетъ вѣнецъ (corona), четыре такихъ же дѣвицы носятъ надъ нею длинный зонтъ (балдахинъ), подъ которымъ между нею и идущими впереди ея Царскими сестрами, мамки, обреченные монастырю въ случаѣ смерти ихъ потомцевъ, несутъ дѣтей ея обоего пола, пока еще они не подросли. Впереди ея всегда идутъ нѣсколько благородныхъ дѣвицъ, держащіе восковыя свѣчи въ темную пору; если она намѣрена служитъ панихиду по душамъ усопшихъ, вмѣстѣ съ дѣвицами идетъ вдова изъ знатныхъ, несущая въ про-

---

[272] Это тѣмъ болѣе походило на торжественный выѣздъ Римскихъ тріумфаторовъ въ Капитолій, что лошади Царицы запряжены были врядъ; съ вершниками (форрейторами) тогда еще у насъ не ѣздили. На рисункѣ у Майерберга Царицу везутъ 12-ть лошадей.

тянутой впередъ рукѣ небольшой серебряный сосудъ съ медомъ, пшеномъ, смоквами и сахаромъ, называемый кутьею (kutiat), чтобы поставить ее на гробницѣ. Всегда тоже ходитъ въ числѣ провожатыхъ Царицы и вдова Анна, сестра Царскаго Дворецкаго, Ѳедора Михайловича,[273] исправляющая ту же должность при ней, подъ именемъ, однако жь, Кравчей, приставленной при кушаньяхъ, которыя она разрѣзываетъ.

Кладовыя Царскаго дворца полнехоньки всѣмъ, что только Амальтея (Amalthea) придумаетъ излить изъ своего рога изобилія для роскоши смертныхъ. а винные погреба не только уставлены множествомъ боченковъ съ Критскимъ, Испанскимъ, Французскимъ, Рейнскимъ и Астраханскимъ, винами, но также и бочекъ съ пивомъ, различными медами и водкой, а въ лѣтнее время всегда набиты грудами льда; все это составляетъ немаловажную статью въ счетѣ издержекъ Царскаго расходчика. По тому что это не только должно служить для ежедневнаго содержанія самой многочисленной толпы придворныхъ, но и для весьма частыхъ пирушекъ Бояръ, которые, употребляя во зло снисходительность Алексѣя, безъ его вѣдома просятъ економа и погребщика нацѣживать себѣ вдоволь всего, для угощенія пышными обѣдами своихъ гостей; даже еще самовластно приказываютъ имъ это; однако жь, никто не посмѣетъ доносить на нихъ Великому Князю. Доходы Великаго Князя Московскаго, не только, какъ и всѣхъ прочихъ государей въ мірѣ, состоятъ въ особенныхъ государственныхъ помѣстьяхъ и земляхъ, въ десятинахъ съ пахотныхъ полей, въ оброкахъ съ крестьянъ, въ пошлинахъ и торговыхъ сборахъ, также въ податяхъ съ соли и желѣзныхъ рудниковъ, въ налогахъ и подушныхъ, но даже и съ винныхъ погребовъ, въ которыхъ, по выдумкѣ Царя Годунова, выставляется на продажу, посредствомъ его служителей, пиво, медъ и водка для общественнаго употребленія, подъ строжайшимъ запретомъ, чтобы никто другой не смѣлъ продавать эти напитки. Всѣ эти погреба, ведя широко распространенную торговлю по всѣмъ городамъ его Россіи, каждогодно приносятъ ему одному огромную прибыль отъ различныхъ напитковъ. Не мало также онъ получаетъ съ торговли, которую ведетъ покупкой и продажею товаровъ черезъ своихъ повѣренныхъ

---

[273] Анна Михайловна Вельяминова, урожденная Ртищева.

и прикащиковъ, по стародавнему обычаю Великихъ Князей. Въ казнѣ его выставлены открыто на продажу разные драгоцѣнные мѣха, которые ежегодно приносятъ ему сѣверныя области, да и почти всѣ другія, каждая въ положенномъ числѣ, подъ неопредѣленнымъ названіемъ дани. На народной площади мясники продаютъ говядину, барину и свинину, а торговки яблоки, Грецкіе орѣхи и полотна, и громко выкрикиваютъ, что этотъ явный торгъ ведутъ они для прибыли Великаго Князя, чтобы легче заманить такимъ припѣвомъ прохожихъ купить Царскаго мяса, Царскихъ яблокъ, Царскаго полотна. А при продажѣ Великій Князь пользуется гораздо высшею цѣной противъ дешевой цѣны другихъ продавцовъ, по тому что всякой, привезшій въ Москву товары, обязанъ объявить о нихъ таможеннымъ Приставамъ, для назначенія имъ цѣны и никому не предлагать этихъ товаровъ на продажу, пока Царь не объявитъ о своемъ намѣреніи купить ихъ. А когда пожелаетъ купить что ни будь, никто другой уже не допускается набивать цѣну.

Однако жь, если бы я отважился утверждать что ни буть вѣрное объ его доходахъ, то справедливо подвергнулся бы замѣчанію въ смѣлости. Ни одинъ народъ въ свѣтѣ не скрываетъ своихъ дѣлъ тщательнѣе Московскаго; ни одинъ столько недовѣрчивъ къ другимъ, и ни одинъ не получилъ привычки такъ великолѣпно лгать о своемъ могуществѣ и богатствѣ. Слѣдовательно, если иностранецъ спроситъ о томъ Москвича, этотъ, или по дѣйствительному, или притворному, невѣдѣнію, либо промолчитъ о томъ, либо скажетъ преувеличенно, изъ подозрѣнія, что чужеземецъ хочетъ развѣдать государственныя тайны съ предательскимъ умысломъ. Нѣмецкіе купцы съ торговой пристани у храма Михаила Архангела [274] въ состояніи еще сообщить что ни будь вѣрное о торговыхъ пошлинахъ Москвѣ, но о прочихъ доходахъ и они не могутъ сказать ни одного слова. Стало быть, объ этихъ доходахъ можно болѣе догадываться, нежели знать навѣрное, по великому числу расходовъ, для покрытія которыхъ никогда не истощается его казна.

По тому что къ огромнымъ, уже показаннымъ нами, расходамъ на свой Дворъ, Царь дѣлаетъ еще немаловажную прибавку, давая ежегодно щедрое жалованье Дьякамъ всѣхъ Приказовъ (Prica-

---

[274] Въ Архангельскѣ. О. Б.

zarum), или Правительственнымъ чиновникамъ, ихъ Поддьякамъ и писцамъ, троимъ Лѣкарямъ, съ которыми почти никогда не совѣтуется, многимъ Спагирикамъ и Аптекарямъ, которыхъ свѣдѣній никогда не испытываетъ, множеству различныхъ мастеровъ, которыхъ, по приглашенію, велитъ приводить съ немалыми издержками изъ разныхъ странъ Европы, и тринадцати главнымъ Переводчикамъ съ разныхъ языковъ, съ 60-ю ихъ несвѣдущими помощниками.

Много тоже тратитъ Царь на пріемъ и содержаніе Пословъ иноземныхъ Государей и на отправку къ нимъ своихъ. По тому что частыя посольства приходятъ отъ Римскихъ Императоровъ, изъ Польши Англіи, Даніи, Щвеціи и Царей Персидскихъ, отъ Перекопскихъ и Нагайскихъ Татаръ, рѣже отъ Турецкаго Султана, обратно также и отъ самаго Царя къ нимъ: всѣмъ имъ Великій Князь даетъ достаточное число повозокъ и содержаніе въ своихъ областяхъ (если бы только хищность Приставовъ и низшихъ чиновниковъ не обворовывала гостепріимную щедрость множествомъ тайныхъ кражъ въ свою пользу).

Но пропасть, всегда зіяющая ужасною пастью и поглощающая почти все богатство казны, это—военное жалованье, выдаваемое всегда, какъ въ мирное, такъ и военное, время. Царь имѣетъ подъ знаменами постоянно 40 тысячъ тѣлохранителей, которыхъ Москвитяне называютъ стрѣльцами (Strelitzios); третью часть ихъ назначаетъ для охраненія своей особы, а остальныхъ, раздѣливъ на сторожевые отряды, размѣщаетъ по пограничнымъ мѣстамъ и каждому даетъ пособіе на подъемъ. Ихъ Полковникамъ (tribunis) и Сотникамъ (centurionibus), вмѣсто жалованья, идетъ доходъ, который они получаютъ съ имѣній, назначенныхъ имъ Царемъ для пользованія, въ видѣ временнаго обезпеченія; кромѣ того по щедрости, обратившейся почти въ обязанность отъ долговременнаго употребленія, онъ выдаетъ имъ каждый годъ одежду и деньги. У всякаго Сотника двое подчиненныхъ Пятидесятниковъ, изъ которыхъ каждый начальствуетъ пятидесятью человѣками, десять Десятниковъ и двадцать такихъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ власть надъ четырьмя рядовыми. Пятидесятникамъ (subcenturionibus) Царь платитъ ежегодно 8 рублей, Десятникамъ (decurionibus) по 7-ми рублей, Поддесятникамъ (subdecurionibus) каждому по 6-ти рубей, а рядовому (gregariis) 5 рублей. Сверхъ того каждому безъ различія (кромѣ Сотниковъ,

которымъ дается вдвое) отпускаетъ по двадцати мѣръ овса и ржи, обыкновенная цѣна которыхъ около 18-ти рублей. Всѣмъ, также вмѣстѣ, даетъ одноцвѣтнаго по полкамъ сукна, изъ котораго они сами шьютъ себѣ кафтаны, прикупая на свой счетъ прикладъ; однако жь отставные должны сдавать это платье новобранцамъ, или ихъ наслѣдники послѣ ихъ смерти казначею, для употребленія другихъ, поступившихъ на мѣсто умершихъ, если, по просьбѣ ихъ вдовъ, Царь не подаритъ его этѣмъ послѣднимъ. Впрочемъ, тѣмъ, которые стоятъ у него на караулѣ, а особливо находящимся во временныхъ посылкахъ, нерѣдко дается хлѣбъ, приварокъ и три кружки квасу, да и всѣмъ имъ Царь дѣлаетъ иногда подарки. Такъ мнѣ извѣстно, что, въ бытность мою въ Москвѣ, по случаю торжества рожденія у него сына, Ѳедора, онъ роздалъ по три рубля на каждаго рядового.

Къ этой пѣхотѣ надобно прибавить еще конницу, которой нынѣ немного полковъ служитъ на Царскомъ жалованьѣ. Они поставлены въ пограничныхъ областяхъ, для отраженія нечаянныхъ набѣговъ безпокойныхъ сосѣдей, имѣя передъ собою попремѣнно одного изъ нихъ на своей стоянкѣ. Каждый полкъ, по своему устройству, долженъ состоять изъ 2,000 конниковъ, раздѣленныхъ на 11-ть отрядовъ (эскадроновъ), а Офицерами въ нихъ нынѣ поставлены почти все иностранцы, по Нѣмецкому обычаю. Жалованья каждому иностранному Полковнику 40 р. въ мѣсяцъ, если оно не отступаетъ отъ обыкновеннаго по выговоренному условію; Подполковнику 18 руб., главному начальнику надъ караулами (Маіору) 16 руб., начальнику коннаго отряда (эскадрона) 13 р., его намѣстнику 8 руб., и корнету 7 руб. Прочимъ же низшимъ должностнымъ лицамъ, которые все Москвитяне, платится наравнѣ съ рядовыми, по 15-ти рублей въ годъ каждому; сверхъ того, при выступленіи противъ непріятеля, на каждаго выдается по два Вѣнскихъ кувшина водки, по 3 четверика пшеничной муки, по одному пшена, по 5-ти полтей свиннаго сала и по 24 фунта сушеной рыбы.

Въ томъ же случаѣ, когда Царь предвидитъ, что предстоитъ ему тяжелая обязанность начинать, или продолжать, войну, онъ обязываетъ къ пѣхотной службѣ и другихъ вольноопредѣляющихся, отребіе своихъ городовъ; въ такомъ числѣ, сколько понадобится, они сбѣгаются по барабанному бою, безъ видовъ на жалованье, а только на одну добычу; въ отличіе отъ стрѣльцовъ, Царь назы-

ваетъ ихъ, какъ и у насъ же, иностраннымъ названіемъ солдатъ (soldatos) и распредѣлить по полкамъ, которыхъ Полковниками иностранцы. Полковнику Царь платитъ жалованья 30 р. въ мѣсяцъ, Подполковнику 15, Маіору 14, Сотнику 11, Пятидесятнику 8 и Прапорщику 5 рублей съ половиной. А рядовому и каждому изъ низшихъ Офицеровъ тоже даетъ шесть копѣекъ (copicorum) въ день на содержаніе.

Это жалованье у нихъ выдается каждому съ такою точностью въ свое время, что если кто изъ получающихъ его не явится за нимъ въ первый день по прошествіи года, или мѣсяца, къ военному казначею, то на другой день оно посылается къ нему сполна и на домъ. Если же кто изъ нихъ падетъ, храбро сражаясь, въ въ бою, Царь заботится о честномъ пропитаніи его жены, до вступленія ея во второй бракъ, и дѣтей его до ихъ совершеннолѣтія. Взятыхъ въ плѣнъ Царь возвращаетъ назадъ, заплативъ за нихъ непріятелю выкупъ, а женамъ ихъ во все это время даетъ половинное жалованье ихъ мужей, уплачивая остальную половину этимъ послѣднимъ по возвращеніи ихъ изъ плѣна.

Отъ того-то и вышло, что этихъ иноземцевъ набралась такая пропасть въ Москву на Царскую службу изъ Германіи, Батавіи, Англіи, Шотландіи и другихъ странъ: въ 1662 году, кромѣ двухъ полныхъ Генераловъ, и двухъ Генералъ-Маіоровъ, я могъ бы прочитать записанныя въ моей памятной книжкѣ имена болѣе ста иностранныхъ Полковниковъ, многихъ Подполковниковъ и Маіоровъ, и назвалъ бы почти безчисленное множество Капитановъ и Прапорщиковъ. Всѣмъ имъ Алексѣй не тяготится платить жалованье даже и задаромъ въ мирное время, чтобы имѣть ихъ всегда на лицо при неожиданно наставшей войнѣ. Впрочемъ, я зналъ между ними очень много такихъ, которые раскаяваются въ томъ, что забрались въ этотъ лабиринтъ, въ надеждѣ выгодъ, покинувъ отеческихъ боговъ и не подороживъ свободною службой среди своего народа. По тому что Царь жестоко издѣвается надъ условіями, которыми они обезпечили себѣ увольненіе на родину, послѣ опредѣленнаго срока службы, положившись на нихъ, точно на Аріаднину нить: одного онъ останавливаетъ щедростью, другого просьбами, третьяго повышеніемъ, даже, если ему угодно, ссылкою въ излучистые закоулки безвыходныхъ трущобъ; проповѣдуетъ всѣмъ о неприличіи увольненія отъ службы для военныхъ людей въ такое время, когда война въ самомъ разгарѣ, или

когда ея опасаются. Бѣдняки никогда и не отпускаются изъ за этого опасенія, отъ котораго Алексѣй ни на минуту не можетъ освободиться, такъ какъ обширное Московское Государство почти отвсюду опоясано воинственными народами, не терпящими покоя, и окружено ихъ завистью и ненавистью. Впрочемъ, иностранцевъ тревожитъ и другая, да еще самая важная, причина къ раскаянію, которую и надобно сообщить.

Деньги, которыя изстари льютъ въ Московской Россіи для всеобщаго употребленія, состоятъ въ серебряной продолговатой монетѣ, называемой копѣйка (copicus): шестьдесятъ четыре ихъ, по количеству и вѣсу серебра, совершенно равняются рейхсталеру (dalero Imperiali). Другая монета мѣдная деньга (denga), которыхъ четыре, по обще употребительной оцѣнкѣ, равняются цѣнѣ одной копѣйки; но онѣ не въ ходу въ торговлѣ и рѣдко еще трутся въ рукахъ народа на овощныхъ рынкахъ. Три копѣйки составляютъ воображаемый алтынъ (altinum), десять такую же гривну (grivnam), и сто копѣекъ — такой же рубль (rublum). Но по случаю торговыхъ сношеній заѣзжіе купцы привозятъ въ Московію Іоахимс-талеры (daleri Joachimici) и золотые червонцы (solidi aurei), которые въ Германіи мы называемъ дукатами (ducatos); первые цѣнятся въ 50, послѣдніе въ 100 копѣекъ. Мнѣ часто приходилось слышать и прежде, что кто пожелалъ бы размѣнять золотой для исправленія какихъ ни будь мелочныхъ надобностей по хозяйству, тому давали только 94 копѣйки и съ трудомъ 96 копѣекъ. Когда же Алексѣй убѣдился, что казнѣ его не справиться съ нуждами въ поднявшейся войнѣ съ Поляками, и на продолженіе войны съ Шведами, онъ легко далъ уговорить себя, чтобы велѣлъ бить мѣдныя копѣйки и принимать ихъ всѣмъ по равной цѣнѣ съ серебряными, при взаимныхъ торговыхъ сдѣлкахъ. И такъ на 160 копѣекъ выданныхъ для покупки мѣди онъ нажилъ 100 рублей, вылитыхъ на его монетныхъ дворахъ. Отъ того тѣ расходы, которые прежде тратилъ на жалованье одному военному, теперь уже издерживалъ на 60-тъ человѣкъ. Никто и не чувствовалъ убытка отъ ухужденія качества монеты до тѣхъ поръ, пока она, смѣшанно съ монетой лучшаго качества, принималась безобидно всѣми, безъ всякой разницы въ цѣнѣ. Но когда Дворъ, не довольствуясь такою выгодой и жадничая перевести въ свои руки все серебро и золото, отрядилъ людей, для обмѣна золотой и сереб-

ряной монеты на мѣдную, который надавалъ имъ, съ прибавкою еще большой платы за обмѣнъ такихъ денегъ, народъ замѣтилъ, что Дворъ недорого цѣнитъ свою монету, да и самъ сталъ цѣнить еще дешевле, такъ что одинъ червонецъ покупалъ за 10 мѣдныхъ рублей. Необходимымъ послѣдствіемъ того была величайшая дороговизна всѣхъ вещей, такъ какъ купцы просили за свои товары, а крестьяне за свой хлѣбъ и другіе съѣстные припасы, вдесятеро дороже противъ обыкновеннаго; такая дороговизна надоумила наемныхъ военныхъ людей, сколь недостаточно стало на семейныя надобности этихъ мѣдныхъ копѣекъ, которыя хотя на столько ниже были въ цѣнѣ серебряныхъ, однако жь выдавались имъ не въ большемъ количествѣ противъ прежняго. Это-то и заронило въ ихъ душу раскаяніе, хотя и позднее, въ своемъ неосторожномъ переходѣ въ Москву.

Случалось со всѣми государями, что они наказывались бѣдностью за долгое продолженіе войны. А Алексѣй, пока велъ свои войны, нажилъ себѣ половину тѣхъ денегъ. По случаю того, что этѣ мѣдныя деньги широко разошлись по всѣмъ его областямъ, онъ собралъ огромное сокровище въ золотой и серебряной монетѣ, скупленной посланными для того людьми: оно и припрятано, чтобы не возвращаться ему болѣе на свѣтъ Божій, даже и въ случаѣ крайней необходимости. Между тѣмъ для всѣхъ подданныхъ, осужденныхъ къ мѣднымъ деньгамъ, служитъ къ отягощенію не только вся та монета, что чеканится открыто въ литейныхъ ихъ государя, и, въ продолженіи пяти лѣтъ, какъ стали выбиваться, возрасла уже до 20-ти милліоновъ рублей, но, сверхъ того, и другая, которая, въ видахъ большаго прибытка, ввозится, по слухамъ, въ Московію изъ заграничныхъ областей, а коегдѣ чеканится и самими Москвитянами съ подѣльными клеймами. Одинъ Илья Даниловичъ постарался выбить ее для себя на сто двадцать тысячъ рублей. Въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1661-го года въ Москвѣ содержалось въ темницахъ до сорока тайныхъ литейщиковъ мѣдныхъ копѣекъ. А такъ какъ деревенскіе жители, да и сами дворяне, живущіе въ своихъ деревняхъ и помѣстьяхъ, обыкновенно зарываютъ свои нажитыя деньги въ землю въ лѣсахъ и поляхъ, по обычаю, заимствованному отъ предковъ, то, когда, въ случаѣ надобности, или изъ любопытства, выроютъ ихъ, то съ воемъ находятъ всѣ этѣ мѣдныя деньги изъѣденными ржавчиной отъ сырости земли и больше ужь негодными ни къ какому употребле-

нію. Такъ мы все и боялись, чтобы, вынужденный отчаяніемъ, народъ, всегда и безъ того уже готовый возмутиться, по своей наклонности къ мятежамъ, не поднялъ бунта, съ которымъ не легко будетъ сладить. Особливо, когда этотъ народъ, подъ гнетомъ такой дороговизны хлѣба, что пшеницу долженъ покупать въ 14 разъ дороже, да и все прочее изъ съѣстнаго, и одежды тоже по очень высокой цѣнѣ. Отъ того-то у нѣкоторыхъ вырывались уже угрозы противъ Думныхъ Бояръ, остановленныя на этотъ разъ строгою казнію—лишеніемъ руки и языка, когда виноватые уличены были въ произнесеніи этихъ угрозъ однимъ зажиточнымъ купцомъ.

Къ тому же присоединилась еще тягость войны, такъ несчастливо веденной въ продолженіе двухъ лѣтъ, отъ которой области истощились въ крестьянахъ, по случаю безпрестаннаго пополненія полковъ, а конница измельчала, по тому что безчисленное множество дворянъ или похищено было смертію, или изнурено въ плѣну, или обезсилѣло въ дальнихъ походахъ. Это отъ того, что Московія лишена того облегченія, которымъ пользуются многія государства, нанимающія иноземныхъ солдатъ и берегущія своихъ жителей: все войско Великаго Князя состоитъ изъ жителей его областей, за исключеніемъ иностранныхъ Офицеровъ, о которыхъ мы уже говорили, жертвующихъ своею кровью чуждой власти и чуждому вѣроисповѣданію.

Здѣсь справедливо удивится всякой, что Московскій народъ, привыкшій ставить ни во что иноземные народы, изъ гордаго своеправія, не отказываетъ въ повиновеніи иностраннымъ начальникамъ. Вся сила состоитъ въ дознанной доблести, послѣдствъ которой онъ не находитъ въ своемъ соотечественникѣ. По тому что всѣ граждане хорошо извѣстны другъ другу и ни одинъ изъ нихъ никогда не подчинится другому, о которомъ знаетъ, что и тотъ такъ же какъ и самъ онъ, не храбраго десятка, да и безъ всякихъ свѣдѣній. А заѣзжему воину, въ пользу котораго говоритъ молва объ его храбрости, онъ повинуется безропотно, какъ человѣку, справедливо поставленному выше его.

Встарину Великіе Московскіе Князья обыкновенно вооружали на непріятеля одну только конницу, а нынѣ Алексѣй пользуется совсѣмъ другимъ способомъ: узнавши по опыту, что въ пѣхотѣ больше силы, вводитъ въ сраженіе великое число пѣшихъ

солдатъ изъ стрѣльцовъ и набранныхъ вольноопредѣляющихся, вооруженныхъ ружьями, мечами, или шпагами, и серпообразными сѣкирами. Къ нимъ прибавляетъ гораздо меньшее число конницы, набранной изъ дворянъ, обязанныхъ служить за свои помѣстья, и немногихъ Татаръ изъ Казанскаго и Астраханскаго Царствъ, вооруженныхъ самопалами,[275] пистолетами и кривыми саблями, а иные изъ нихъ имѣютъ брони и шлемы. Въ этомъ войскѣ не бываетъ тоже недостатка и во множествѣ спѣшившихся конниковъ, подобныхъ «димихамъ» Александра Македонскаго, въ родѣ амфибій, называемыхъ у насъ обыкновенно драгунами; почти всѣ они состоятъ изъ самыхъ мелкихъ дворянъ, извѣстныхъ подъ именемъ Дѣтей Боярскихъ (Sin boiarski), также и въ большомъ нарядѣ военныхъ пушекъ, но употребленіе ихъ, по неопытности Москвитянъ, воображающихъ себя артиллеристами (libratores) обыкновенно немного причиняетъ вреда непріятелю. Надъ войскомъ, хотя бы и большимъ, назначается вождь (dux); но ему не придается никакихъ намѣстниковъ (legati), а при немъ находится лишь нѣсколько лицъ, для совѣщаній, а не для дѣйствованія. При самомъ началѣ похода онъ назначаетъ, какимъ полкамъ быть на правомъ крылѣ, какимъ на лѣвомъ, какимъ въ переднемъ и сторожевомъ: такъ и дѣлаетъ походъ, никогда не измѣняя этого порядка.

Пѣхотинцы, подъ начальствомъ храбраго вождя, дерутся превосходно, перестрѣливаясь на мѣстѣ, пока находятся за укрѣпленіемъ, или плотно огорожены переноснымъ заборомъ изъ поперечныхъ брусьевъ, изъ котораго со всѣхъ сторонъ выставлены впередъ заостренныя бревна и пики (lanceolae acuminato veru munitae), такъ что могутъ принять нападающаго непріятеля съ увѣренностью въ самихъ себѣ. Но если не видятъ безопаснаго убѣжища, въ испугѣ они трусливо бѣгутъ. А конники никогда не показываютъ опытовъ такой же военной храбрости, по тому что дворянъ, недостойныхъ этого названія, ни какъ нельзя заставить чтобы отважились напасть на непріятельскій строй, выстрѣливъ въ него разъ; когда же и выѣдутъ впередъ нѣкоторые изъ нихъ посмѣлѣе, подъ начальствомъ иностранца, то, если непріятель тотчасъ же не обратится въ бѣгство, они сами бѣгутъ, безстыдно покидая пѣхоту на произволъ его и подвергая ее плѣну, или смерти.

---

[275] Rotatus scloppus, вѣроятно, не marteaux d'armes, какъ переводитъ Францу-

Войско не ввѣряютъ никакому другому вождю, кромѣ Москвитянина, а при выборѣ его смотрятъ не на преимущество въ военой опытности, а на знатность происхожденія, будто бы знаменитые предки родители необходимо, вмѣстѣ съ кровью, вливаютъ и доблесть, храбрость и опытность въ своихъ дѣтей и внуковъ. Но людскія дарованія такъ ужь устроены, что тратятъ свой трудъ и свѣдѣнія только тамъ, гдѣ имѣютъ въ виду прибыль и честь, а гдѣ нѣтъ надежды на это, ихъ рвеніе ослабѣваетъ. Случалось въ продолженіе этой войны, что коекому изъ полководцевъ и везло минутное счастье, но, какъ при этомъ случаѣ не распоряжались ни разсудокъ, ни разумъ, то ни благоразуміе, ни знаніе военныхъ наукъ, не проявили себя тутъ никакимъ храбрымъ подвигомъ: причина та, что люди знатнаго происхожденія, получивъ должность главнаго военачальника, присвоиваютъ себѣ ее, какъ слѣдующую ихъ званію и исправляютъ коекакъ. А изъ незнатныхъ, отчаявшихся когда ни будь получить начальство, одни думаютъ, что будетъ съ нихъ и того, если станутъ исправлять свою должность удовлетворительно, другіе съ горя, что доблести ихъ закрытъ доступъ къ званію вождя, добровольно лѣнятся нести лежащую на нихъ служебную обязанность даже и такъ, какъ слѣдуетъ. Оттоманскіе Султаны гораздо разумнѣе заботятся о своемъ Царствѣ: они выбираютъ вождей по ихъ доблести, и если въ которомъ ни будь замѣтятъ храбрость, они даютъ ему награды и повышаютъ въ высшія военныя и придворныя должности. Хотя и есть въ Московскомъ войскѣ немало Полковниковъ изъ иностранцевъ, но какъ они, за немногими исключеніями, едва только ползли у насъ въ низшихъ чинахъ, а пришедши въ Московію, быстрымъ скачкомъ перенеслись черезъ всѣ промежуточныя подчиненныя должности прямо въ высокую должность Полковника, то и не въ состояніи учить другихъ умѣнью начальствовать, которому и сами не учились. А Москвитяне, по врожденной гордости, пренебрегая ихъ наставленіями, не слушаются ихъ совѣтовъ, хотя бы и благоразумныхъ, до тѣхъ поръ, пока, сбившись съ пути, не зайдутъ туда, откуда жь и ноги не вынесешь. Тогда, въ сильномъ переполохѣ, при большой неурядицѣ дѣлъ, поздно переломивъ себя, просятъ они совѣтовъ

скій переводчикъ, а пищали, у которыхъ были замки съ коловоротомъ или колесомъ (Radschlösser); онѣ назывались самопалы, или ручницы. См. «Истор. опис. вооруж. Русс. войскъ, Вейдемейера.

у чужеземцевъ, которые не принесутъ больше никакой пользы, и, пріунывъ со страха, добровольно уступаютъ имъ начальство надъ войскомъ, къ неизбѣжной для него гибели. Отъ того Московскія войска столько разъ и были разбиты; отъ того частыя пораженія, понесенныя Хованскимъ (Gavansky), великій уронъ Трубецкаго въ Сѣверіи, позорный плѣнъ Шереметева въ дальней Волыни, со всѣмъ его 70-тысячнымъ войскомъ, и безполезное усиліе самого Царя предъ Ригою.

Ежели разсмотрѣть ходъ войны его съ Литвою, или съ Ливоніей, ясно будетъ, что Москвитяне какъ будто бы и сдѣлали коечто, когда въ первой странѣ Полякъ, утомленный Козацкимъ возстаніемъ, а въ другой Шведское Королевство, опираясь не на свои силы, а на возмутившихся и измѣнниковъ, слѣдовательно, ослабленныя, останавливаемыя взаимною ненавистью, не спѣшили для обороны своихъ областей. Но тотчасъ же, по заключеніи мира между ними, Поляки вздохнули свободно, и Москвитяне, ослабѣвшіе отъ понесенныхъ ими пораженій, хотя и сбыли съ рукъ тягость одного непріятеля, заключивъ съ Шведами постыдный и опрометчивый миръ, однако жь не могли справиться и съ одними Поляками. Да еще такъ, что, когда Московскіе города не въ силахъ уже были давать охотниковъ въ военную службу, и многіе изъ нихъ, вмѣстѣ съ Москвою, почти совсѣмъ опустѣли, по случаю свирѣпствующей чумы. Москвитяне, для вознагражденія своихъ потерь, по необходимости прибѣгнули къ набору въ войско крестьянъ; но этихъ столько убѣжало изъ стана и вернулось къ отеческому очагу, что Московія никогда не могла выставить надлежащаго войска противъ непріятеля. Охотно соглашаюсь, однако жь, съ справедливостью того мнѣнія, что Московскій народъ при оборонѣ крѣпостей и городовъ показалъ много опытовъ мужества, по тому что это народъ самый привычный къ работѣ, жару, стужѣ и голоду, еще съ пеленокъ закалилъ тѣло и душу отъ невзгодъ жизни. Онъ дерется съ увѣренностью въ себѣ, когда видитъ себя за оградою стѣнъ. Не хочу, впрочемъ, скрывать, что иногда приходитъ мнѣ сомнѣніе, устоитъ ли онъ съ тою же спокойностью и успѣхомъ противъ нашего народа и искуства.

Между тѣмъ замедленія, остановившія ходъ нашего порученія, со дня на день упорнѣе привязывали насъ безъ всякой перемѣны къ Москвѣ, даже въ продолженіи 12 мѣсяцевъ: скука

постояннаго нашего затворничества въ домѣ и уединеніе были для насъ горькимъ доказательствомъ, что у Москвитянъ почти нѣтъ ни какой разницы между посланниками мира и плѣнниками войны, и что перерывъ всякихъ письменныхъ сношеній огорчаетъ пословъ даже еще пуще темницы. Въ Москвѣ мы часто письменно просили позволенія писать къ нашему Августѣйшему Императору, только не получали его никогда. Когда же и приходили къ намъ какія письма изъ Германіи, палачъ Алмазъ принуждалъ ихъ силою открывать сперва ему ввѣренную имъ тайну, а потомъ собственноручно предавалъ ихъ позорной казни. Разъ Герцогъ Курляндскій вздумалъ предупредить этотъ обманъ и передалъ Императорскія письма къ намъ, ввѣренныя его старанію, Воеводѣ осажденнаго Москвитянами Динабурга (Duneburgi), для отправленія въ Москву, потребовавъ отъ него росписки въ ихъ полученіи, но онъ не достигъ цѣли, которой искалъ, а еще болѣе удалился отъ нея. По такой старательной заботливости о вѣрной передачѣ въ наши руки писемъ Москвитяне заподозрили, что въ нихъ содержатся какія ни будь тайны: изъ сильнаго любопытства распечатали ихъ и утаили втихомолку. А чтобы не открылось это на будущее время, когда, 15-го Марта, сошлись мы для совѣщанія съ уполномоченными во дворцѣ въ 1662 году, эти сказали намъ, что къ Великому Князю писалъ Динабурскій Воевода, что въ исходѣ Ноября онъ лично получилъ посланныя къ намъ Императорскія письма отъ Курляндскаго Герцога и хранилъ ихъ у себя по случаю набѣговъ Литовцевъ изъ окрестностей для добычи. Хотя же послѣ того и послалъ ихъ по проселочной дорогѣ, они все таки попали къ нимъ въ руки. Правда гнуснаго дѣла была намъ ясно извѣстна, но такъ какъ заявить ее въ лицо уполномоченнымъ значило бы выдать того, кто сказалъ намъ ее, то, стыдясь такой расплаты съ нимъ и не желая преградить путь дальнѣйшимъ извѣстіямъ, мы молча проглотили обиду. Приличіе предписывало повторить намъ то же и въ Смоленскѣ, когда мы узнали, что письма отъ насъ къ Цесарскому Посольству въ Польшѣ, ввѣренныя Царскому Послу, Князю Одоевскому, для передачи по назначенію, этотъ Посолъ переслалъ въ Москву къ Великому Князю. Одоевскій думалъ, что мы не знаемъ того: онъ хотѣлъ предупредить подозрѣніе, которое наконецъ зародится въ насъ, когда узнаемъ, что гонецъ не подалъ писемъ Цесарскому Послу и при нашемъ отъѣздѣ изъ Смоленска добровольно солгалъ, сказавъ

намъ, что ихъ отнялъ у гонца Литовскій Канцлеръ Пацъ. Съ такою точностію онъ постарался быть лжецомъ и обманщикомъ.

Въ Москвѣ захворалъ Гонсѣвскій (Gosievius) и, по заявленію расположеннаго къ нему врача, отчаялись въ его жизни; по тому, опасаясь, чтобы смерть не похитила его у нихъ безъ выкупа, Москвитяне надумали предупредить его безприбыльную для себя кончину, и легко сдались на убѣжденіе врача возвратить ему свободу съ условіемъ, что онъ, тотчасъ же по возвращеніи въ Литву, склонитъ Короля, согласно прежнему его предложенію, отпустить изъ Польскаго плѣна пятерыхъ, названныхъ по именно, Московскихъ Бояръ. Въ слѣдъ за нимъ немедленно долженъ былъ ѣхать и извѣстный Нащокинъ (Nasciokinus), въ качествѣ Царскаго Посла къ Королю, для заключенія тайнаго договора между тѣмъ же Гонсѣвскимъ и Царскими Уполномоченными, Княземъ Юріемъ Долгорукимъ (Georgium Dolgoruki) и Царскимъ Дворецкимъ Ртищевымъ (Ertischew), да и самимъ Царемъ, о мирѣ и его условіяхъ, на которыхъ долженъ быть выбранъ сынъ его въ преемнику Іоанна Казимиру. Москвитяне точно забыли, или вовсе не знали, что такая же надежда разлетѣлась въ прахъ, когда Великій Князь ихъ, Иванъ Васильевичъ Старшій, освободилъ своего плѣнника, Ивана Глѣбовича (Hlebowicz) за обѣщаніе хлопотать объ избраніи въ Польскіе Короли сына его, по смерти Сигизмунда Августа.

Между тѣмъ приблизилось 27-е Марта, [276] день, посвященный памяти Святаго Алексѣя Римлянина, и Царь, который чтилъ въ этомъ Святомъ своего покровителя (Ангела), по обыкновенію, пожелалъ дать намъ торжественный обѣдъ въ нашемъ помѣщеніи. По тому что у Москвитянъ было въ обычаѣ проводить цѣлый

[276] Юрій и Петръ Алексѣевичи, сыновья Воеводы Алексѣя Григорьевича (ск. 1649 г.). Первый былъ Бояринъ (1648), Дворецкій (1649), Начальникъ Пушкарскаго Праказа (1651—1661) и другихъ, Ближній Бояринъ и Намѣстникъ Суздальскій, Тверской, Новгородскій, Начальникъ Стрѣлецкаго, участвовалъ въ походѣ съ отличіемъ противъ Стеньки Разина и въ войнѣ противъ Поляковъ, былъ вторымъ Полномочнымъ Посломъ на съѣздѣ въ Смоленскѣ съ Поляками Уполномоченными 1664, 30 Марта 1672 и 1674 г., при Царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ подписалъ уничтоженіе Мѣстничества, и умерщвленъ, на 80 году, 16 Мая, 1680 г., больной, возмутившимися Стрѣльцами, убившими напередъ сына его, Князя Михайла Юрьевича, любимца Ѳеодора Алексѣевича, на Красномъ Крыльцѣ, 15 Мая. Младшій же братъ Юрія Алексѣевича, Петръ, былъ Окольничимъ и сконч. 1669 г. О. Б.

день имени, какимъ кто изъ нихъ называется, въ пирушкахъ и попойкахъ. Этотъ, подверженный суевѣрію, народъ не разстается съ нимъ и въ своихъ именахъ: какъ въ древности таинства богослужебныхъ обрядовъ запрещали произносить по Латыни названіе Рима, по чему Валерій Соранъ (Soranus) и долженъ былъ понесть такія тяжелыя наказанія за его огласку, такъ и многіе изъ Москвитянъ называются не тѣмъ именемъ, какое наречено кому ни будь изъ нихъ при крещеніи, но другимъ, которое даютъ имъ родители, скрывая прежнее, изъ опасенія, чтобы, послѣ огласки его, не употребляли она его во зло колдуньи для какого либо злаго дѣла къ пагубѣ называемаго. Такъ родные братья, Князья Юрій и Петръ Долгорукіе, такъ Канцлеръ Алмазъ, въ крещеніи названы были не Юріемъ, Петромъ, Алмазомъ, а Савономъ (Sawon), [277] Киромъ (Cyrus) и Іероѳеемъ (Jeroffius).

Чрезъ шесть дней потомъ Москвитяне праздновали славный и торжественный входъ Богочеловѣка въ Царскій Іудейскій градъ. По обыкновенію, Алексѣй шелъ въ золотомъ вѣнцѣ, осыпанномъ драгоцѣнными каменьями, изъ Кремлевской крѣпости въ сосѣдній храмъ, во имя Святаго Креста въ Іерусалимѣ, [278] за идущими впереди его хоругвями и святыми образами, которые несло высшее духовенство, и за придворными Боярами: онъ опирался на двоихъ Бояръ Намѣстниковъ, поддерживавшихъ его съ обѣихъ сторонъ подъ руки. Между сопровождавшими его шло нѣсколько Іерарховъ въ шапкахъ (митрахъ) изъ бѣлой шелковой ткани, искусно вышитыхъ крупнымъ жемчугомъ золотошвеями. Оттуда, чрезъ четверть часа, въ томъ же порядкѣ отправился онъ на мѣсто противъ крѣпостныхъ воротъ, которое, въ видѣ полукружія, возвышается съ нижней улицы вровень съ поверхностью обширнѣйшей площади передъ крѣпостью, какъ стѣна изъ тесенаго камня. [279] Онъ остановился тамъ, принявъ видъ самаго глубокаго смиренія, но съ гордымъ высокомѣріемъ попирая подосланные ему драгоцѣннѣйшіе собольи мѣха. Немного погодя,

---

[277] Въ Родословной Книгѣ, составленной Княземъ Петромъ Владимировичемъ, части 1 й, 1855 (Спб.), стр. 88, онъ носитъ имя Юрій-Софроній, а не Sawon, (Самонъ, Савинъ?) О. Б.

[278] Это Покровскій Соборъ, что на Рву, или церковь Василія Блаженнаго. О. Б.

[279] Аделунгъ полагаетъ, что это извѣстное Лобное Мѣсто.

онъ подозвалъ къ себѣ въ одно и то же время Думнаго Дьяка (Dumni Diako) или Государственнаго Канцлера, Иларіона Лопухина (Hilarione Lapoukino), [280] да еще простаго Дьяка: перваго послалъ къ намъ, глядѣвшимъ точно изъ орке стра,съ противоположнаго, немного возвышеннаго, помоста,освѣдомиться отъ имени его,всѣ ли мы въ добромъ здоровьи, а на другого возложилъ такое же порученіе къ Шведскимъ Посламъ,тоже смотрѣвшимъ недалеко.отъ насъ съ, построеннаго, также для этого назначенія на скорую руку, помоста (двѣ недѣли назадъ, въ присутствіи этихъ Пословъ, приложившись къ образамъ и приведя ихъ въ свидѣтели, онъ съ клятвою обѣщался соблюдать миръ, заключенный въ Ливоніи между нимъ и Шведскимъ Королемъ). Послѣ того, какъ соборъ духовныхъ, не знаю что-то проговорилъ тихо, Царскій тесть, изъ рабской услужливости, съ почтеніемъ снялъ съ Царя вѣнецъ, и онъ внимательно слушалъ, какъ Протопопъ (Archipopus) читалъ воспоминаніе, переданное Евангелистомъ,Матѳѣемъ въ XXI главѣ его Евангелія, о входѣ возсѣдавшаго на осляти Спасителя въ городъ Сіонъ. По окончаніи чтенія, Алексѣй поцѣловалъ съ благоговѣніемъ крестъ, поднесенный къ лицу его Сарскимъ (a Sarkiensi) Митрополитомъ, исправлявшимъ въ то время должность сосланнаго Патріярха, а потомъ и руку самого Митрополита, чтобы пустить пыль въ глаза народу блестящимъ заявленіемъ Христіянскаго смиренія предъ Святителями, по благочестивому обычаю; послѣ того принялъ вѣнецъ, возложенный на него тестемъ. Между тѣмъ двое церковнослужителей, представлявшіе учениковъ Христовыхъ, привели изъ Кремля лошадь. Митрополитъ взлѣзъ и сѣлъ на ней по женски, не выпуская изъ рукъ святаго креста, Царь же, взявъ поводья узды, съ смиреннымъ достоинствомъ повелъ ее съ сѣдокомъ въ Кремль по сукну, которымъ

---

[280] Сынъ Дмитрія Никитича, двоюродный дядя Царицы Евдокіи Ѳедоровны, первой супруги Петра I. Онъ находился во время осады Москвы въ 1610 г. и, за проявленное мужество, получилъ помѣстье въ Ростовскомъ Уѣздѣ сельцо и деревню, въ 1649 опредѣленъ Дьякомъ Посольскаго Приказа, 1651 посыланъ въ Малороссію къ Гетьману, 1653 Думный Дьякъ, вторично посланъ туда же и склонилъ Митрополита Сильвестра Косова признать соединеніе Малороссіи съ Москвою 19 Генваря, 1654, участвовалъ подъ Смоленскомъ, въ третій разъ отправленъ въ Малороссію 1657 съ Ближнимъ Окольничимъ Богданомъ Хитровымъ, для утвержденія Гетьмана Виговскаго, и въ четвертый разъ присутствовалъ тамъ же при переговорахъ 1659 съ Гетьманомъ Юріемъ Хмельницкимъ; Думный Дворянинъ и второй Судья Казанскаго Дворца; умеръ 1671 г. О. Б.

устилали шагъ за шагомъ предъ нимъ дорогу, межъ тѣмъ какъ священнослужители и прочіе пѣвчіе пѣли, повторяя много разъ попеременно Іудейское Осанна, а стрѣльцы, разставленные по обѣимъ сторонамъ во всю площадь, смиреннымъ образомъ отдавали честь крестному ходу, ударивъ челомъ въ землю. Въ этотъ день у насъ не было недостатка въ обыкновенныхъ отъ Царя подачахъ.

Двадцать четвертаго Апрѣля насъ отвели въ Кремль для совѣщанія съ Уполномоченными, которые прочитали намъ Царское рѣшеніе о нашемъ возвращеніи назадъ, по обыкновенію, по бумагѣ, т. е., отправлялись бы мы, согласно нашему желанію, въ Смоленскъ, для исправленія тамъ возложеннаго на насъ порученія, и въ свое время возвратились бы чрезъ Польскія области къ Всемилостивѣйшему нашему Государю. Вручена будетъ намъ Царская грамота съ его отвѣтомъ на всѣ наши предложенія. Но, желая почтить Его Священное Цесарское Величество, какъ своего любезнѣйшаго брата, преимущественно предъ всѣми другими, Царь приметъ насъ не на обѣдѣ у себя, каковая почесть оказывалась до сихъ поръ вообще всѣмъ Цесарскимъ Посламъ при ихъ отпускѣ, но, по особенной благосклонности, никогда и никому еще не оказанной до сего времени, удостоиваетъ насъ сейчасъ же пріятельской бесѣды въ собственныхъ его внутреннихъ покояхъ.

И такъ мы вошли въ верхній ярусъ къ Царю по лѣстницамъ и сѣнямъ, уставленнымъ по обѣимъ сторонамъ густыми рядами стрѣльцовъ въ блестящемъ вооруженіи и вездѣ сплошь устланнымъ коврами такъ тщательно, что нельзя было видѣть даже самаго маленькаго не покрытаго уголка ни на полу, ни на стѣнахъ, ни на потолкѣ. Во второмъ покоѣ его помѣщенія, довольно обширнаго и съ каменнымъ сводомъ, освѣщеннаго восковыми свѣчами и вездѣ обитаго богато вытканными Белгійскими и Персидскими обоями, на очень высокомъ престолѣ, поставленномъ, по обыкновенію, въ углу, у окна, возсѣдалъ самъ Царь въ народной шапочкѣ, которая твердо сидѣла на головѣ отъ жемчуга и драгоцѣнныхъ камней, держа въ правой рукѣ скипетръ, украшенный значительной величины алмазами; на лѣво отъ него сидѣло на лавкахъ немало Бояръ. Послѣ того, какъ мы отдали ему почтеніе, онъ велѣлъ намъ сѣсть на лавкѣ противъ себя, у другого окна, возлѣ стѣны, и благоволилъ спросить о нашемъ здоровьи у стоящаго подлѣ насъ Канцлера (Думнаго Дьяка) Лопухина.

Потомъ всталъ и, стоя на ступенькѣ престола, придѣланной къ нему, въ видѣ подножія, положилъ шапочку и скипетръ, взялъ, отъ подавшаго большую хрустальную чашу, налитую медомъ, и, обернувшись ко мнѣ, провозгласилъ здоровье своего любезнѣйшаго брата, Его Священнаго Цесарскаго Величества, изъявляя желаніе свое въ слѣдующихъ словахъ: «Дай, Господи, чтобы Мы, Великіе Государи, могли одолѣть всѣхъ нашихъ недруговъ, и въ три пріема выпилъ чашу. Потомъ, взявъ опять шапочку, сѣлъ и подалъ мнѣ изъ своихъ рукъ большую серебряную чашу съ виномъ, также моему товарищу и троимъ нашимъ чиновникамъ, которыхъ, получивъ на то позволеніе, мы привели съ собою. Когда этѣ чаши были осушены, онъ поднесъ намъ, въ томъ же порядкѣ и такимъ же образомъ, одну за другой, еще пять чашъ; самъ, однако, не пилъ больше. Мы пили ихъ въ послѣдовательномъ порядкѣ, по чинамъ: за здоровье его, потомъ первороднаго сына, младшаго и всего его семейства, и за добрый успѣхъ счастливаго мира. Услыхавъ это послѣднее желаніе, Царь сказалъ: «Это было бы великое дѣло!» Исполнивъ все это, мы удалились, замѣчая, однако, что Стольники, приносившіе Царю чаши, для поднесенія намъ, всегда съ накрытыми головами входили въ покой и стояли тутъ, пока не подадутъ ему чашъ, хотя всѣ Бояре сидѣли безъ шапокъ. А когда дожидались чашъ, пока онѣ будутъ выпиты, снимали свои шапки; принявъ же ихъ, опять накрывались при выходѣ. [281]

На другой день привели насъ къ Алексѣю для публичнаго пріема въ то же мѣсто и съ тѣми же обрядами, какіе соблюдались при второмъ нашемъ пріемѣ. Послѣ того какъ Канцлеръ, стоя возлѣ насъ, прочелъ рѣшеніе о возвращеніи нашемъ домой, Царь всталъ съ престола и поручилъ намъ, когда воротимся къ его любезнѣйшему брату, Его Священно-Цесарскому Величеству, сказать ему отъ его имени съ искреннею любовію поклонъ. Потомъ вручилъ намъ свои къ нему грамоты и, удостоивъ поцѣловать его руку, отпустилъ насъ. Въ тотъ же день, по приказу его, въ нашемъ помѣщеніи подали намъ отъ него обѣдъ съ торжественною

---

[281] «Межъ тѣмъ какъ мы сидѣли въ этомъ покоѣ, многіе изъ первыхъ Князей и Царскіе Спальники пригласили въ первую комнату членовъ нашего общества на пріятельскую пирушку, и, старые служаки, чуть не споили съ ногъ новобранцевъ,» говоритъ Майербергъ въ своемъ: «Relatio humillima.» См. «Sammlung v. Wichmann.»

обстановкою во всѣхъ подробностяхъ. [282] Черезъ 4-ре дня онъ подарилъ мнѣ 400 собольихъ мѣховъ различной цѣны, а товарищу моему 240, чтобы отдарить насъ за поднесенные ему дары, прибавивъ, сверхъ того, мнѣ 4 соболя, да товарищу моему два, въ знакъ недавней нашей пріятельской бесѣды съ нимъ. Прислалъ также еще 200 соболей, для раздачи нашимъ служителямъ.

---

[282] Церемоніалъ отпуска бывшимъ у Царя Алексѣя Михайловича Цесарскимъ Посламъ, Майербергу и Калицію, 1662 г. Апрѣля 15-го дня. 170 Апрѣля въ 15 день указалъ Великій Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, быти у себя, Великаго Государя, на дворѣ на отпускѣ Цесаровымъ Посломъ, Августину Фонъ Маерну да Горацыушу Вильгельму Калюцыушу. А пріѣзду ихъ къ Великому Государю быти, и рындамъ при Государѣ стоять, и встрѣчникомъ встрѣчать во всемъ по прежнему. А какъ Цесарскіе Послы войдутъ къ Великому Государю въ золотую меньшую подписную палату, и явити ихъ Великому Государю, челомъ ударить Окольничему. А молытъ: «Великій Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержецъ и многихъ Государствъ и земель Восточныхъ, и Западныхъ, и Сѣверныхъ Отчичъ, и Дѣдичъ, и Наслѣдникъ, и Государь, и Обладатель, брата Нашего, Великаго Государя, Леопольдуса, Божіею милостію Цесаря Римскаго и иныхъ, Великіе Послы, Августинъ Фонъ Маернъ да Горацыушъ Вильгельмъ Калюцыюшъ, Вамъ, Великому Государю, челомъ ударили и на Вашемъ Царскомъ жалованьѣ челомъ бьютъ.» И Цесарскіе Послы бьютъ челомъ на Государевѣ жалованьѣ. И Великій Государь пожалуетъ велитъ Пословъ спросить о здоровьѣ Думному Дьяку, Ларіону Лопухину. Да пожалуетъ Великій Государь велитъ Посломъ сѣсти на скамейкѣ, а скамейкѣ быть по прежнему. А послѣ того велитъ Великій Государь Думному Дьяку Ларіону Лопухину говорить Посламъ рѣчь. И Думный Дьякъ Ларіонъ молытъ: «Цесарскаго Величества Послы, Августинъ Фонъ Маернъ да Гораціушъ Вильгельмъ Калюцыушъ! Великій Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, и многихъ Государствъ и земель Восточныхъ, и Западныхъ, и Сѣверныхъ Отчичъ, и Дѣдичъ, и Наслѣдникъ, и Государь, и Обладатель, велѣлъ вамъ говорить: Приходили есте къ Намъ, Великому Государю, къ Нашему Царскому Величеству, брата Нашего Великаго Государя, Леопольдуса, Божіею милостію Цесаря Римскаго, о нашихъ Государскихъ общихъ великихъ дѣлахъ съ грамотою, и Мы, Великій Государь, Наше Царское Величество, васъ, Посло, въпожаловали, велѣли принять честно, и Наши, Царскаго Величества, очи видѣть вскорѣ, и грамоту брата Нашего Великаго Государя, у васъ приняли и выслушали любительно. А о которыхъ дѣлахъ къ Намъ, Великому Государю, братъ Нашъ, Великій Государь вашъ, Его Цесарское Величество, въ грамотѣ своей писалъ, и что Нашимъ, Царскаго Величества, Боярамъ и Думнымъ Людемъ какихъ дѣлъ вы, Послы объявили, и о томъ о всемъ Мы, Великій Государь, въ Нашей, Царскаго Величества, грамотѣ писали къ брату, къ Его Цесарскому Величеству, и пожа-

Третьяго числа Мая мы отправились изъ Москвы и, сдѣлавъ 70 верстъ, 8-го числа прибыли въ Можайскъ. Это деревянный городъ, защищаемый сильной каменной крѣпостью, отданный встарину Великимъ Княземъ Московскимъ, Дмитріемъ Ивановичемъ,

---

ловавъ Нашимъ Государскимъ жалованьемъ, отпускаемъ васъ въ Нашу, Царскаго Величества, отчину, въ Смоленскъ, къ Нашимъ, Царскаго Величества Великимъ и Полномочнымъ Посломъ, къ Ближнему Боярину и Намѣстнику Астраханскому, ко Князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому съ товарыщи, для посредства съ Польскими Коммисары на съѣздъ; а буде Польскіе Коммисары васъ, Царскаго Величества, Пословъ въ посредство примутъ, и вамъ у того посредства быти; а буде Польскіе Коммисары въ посредство васъ Пословъ, не примутъ, и Мы, Великій Государь, указали вамъ, Цесарскаго Величества, Посломъ, ѣхать къ Цесарскому Величеству, и посылаемъ Нашу, Царскаго Величества, грамоту къ брату Нашему, къ Великому Государю, къ Его Цесарскому Величеству, съ вами, Послы.» А изговоря, Думный Дьякъ Ларіонъ Лопухинъ подаетъ Посломъ грамоту близко Государя. А послѣ того прикажетъ Государь къ Цесарю поклонитися, а молыть: «Августинъ, Горацыушъ Какъ будете у брата Нашего, и вы отъ Насъ Брату Нашему, Леподьдусу Цесарю, поклонитеся, и Нашу, Государскую, присную любовь къ нему разскажите!» А послѣ того пожалуетъ Великій Государь Пословъ къ рукѣ. А послѣ Пословъ пожалуетъ Великій Государь къ рукѣ Царевыхъ Дворянъ. И велитъ Великій Государь Посломъ сказать свое, Государево, жалованье, отъ своего, Царскаго, стола ѣству и питье, Думному Дьяку, Ларіону Лопухину. И Ларіонъ молыть: «Августинъ, Горацыушъ! Великій Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, и многихъ Государствъ и земель Восточныхъ, и Западныхъ и Сѣверныхъ, отчичъ и Дѣдичъ, и Наслѣдникъ, и Государь, и Обладатель, жалуетъ васъ своимъ, Государевымъ, жалованьемъ отъ своего Царскаго стола, ѣствою и питьемъ,» и отпуститъ ихъ на подворье. А встрѣчникомъ провожать до тѣхъ же мѣстъ, гдѣ встрѣчали.» —Церемоніалъ угощенія Царскимъ кушаньемъ и питьемъ Цесарскихъ Пословъ, Майерберга и Калиція 1662 г., Апрѣля 15-го. Лѣта 7170-го, Апрѣля въ 15 день, Великій Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, велѣлъ Стольнику Князю Алексѣю Ивановичу Буйносову Ростовскому ѣхати къ Цесарскимъ Посломъ, къ Августину Фонъ Маерну да къ Горацыюшу Вильгельму Калюцыушу, съ своимъ, Государевымъ, жалованьемъ, съ ѣствою и питьемъ. И Стольнику Князю Алексѣю Ивановичу, пріѣхавъ къ Посломъ на дворъ, есѣсти съ лошади у лѣсницы и ити къ Посломъ въ хоромы, а за собою велѣть нести ѣству и питье. А пришедъ къ Посломъ въ хоромы, молыть рѣчь: «Великій Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, и многихъ Государствъ и земель Восточныхъ, и Западныхъ, и Сѣверныхъ, Отчичъ, и Дѣдичъ, и Наслѣдникъ, и Государь, и Обладатель, любя брата своего, Великаго Государя вашего, Леопольдуса, Божіею милостію Цесаря Римскаго, а васъ, Пословъ его, жалуя, прислалъ,

сыну своему, Андрею, но, спустя недолгое время послѣ того отнятый у внука его, Ивана, другимъ Иваномъ, единодержавнымъ Московскимъ Государемъ, сыномъ Василія Темнаго: сынъ этого Ивана, тоже Василій, часто посѣщалъ это мѣсто для охоты за

къ вамъ съ своимъ Царскимъ жалованьемъ, съ питьемъ, и велѣлъ васъ потчивать;» да взявъ ковшъ питья, пити чашу Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержца: а молыть: «Чаша Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержца, и многихъ Государствъ и земель Восточныхъ, и Западныхъ, и Сѣверныхъ Отчича, и Дѣдича, и Наслѣдника, и Государя, и Обладателя: дай, Господи, Великій Государь нашъ Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, здоровъ былъ на многія лѣта, и чтобъ межъ Великаго Государя нашего, Его Царскаго Величества, и Брата его, Великаго Государя вашего, Леопольдуса, Божіею милостію Цесаря Римскаго, Ихъ Государская братская дружба и любовь множилась и прибавлялась!» Да ковшъ выпити напередъ, да поднести къ Посломъ, а Приставомъ и Дворяномъ подать. А будетъ Царскіе Послы учнутъ говорити, чтобъ онъ съ ними вмѣстѣ посидѣлъ и Государева жалованья испилъ, и Стольнику за столъ сѣсти, по конецъ стола, и подносить Посломъ питья, вина и меды. А буде напередъ станутъ пить чашу Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержца, Цесарскіе Послы, и ему то дати имъ на волю. А послѣ того пити чаша Леопольдуса, Цесаря Римскаго, а молыть: «Чаша Великаго Государя вашего, Леопольдуса, Божіею милостію Цесаря Римскаго, Его Цесарскаго Величества здоровья!» А изговоря, чаша выпити жъ и Посломъ, и Приставомъ, и Дворянамъ подать. А послѣ того пити чашу Государя Царевича и Великаго Князя Алексѣя Алексѣевича, всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи, а молыть: «Чаша Великаго Государя нашего, Его Царскаго Величества сына, Благовѣрнаго Государя нашего, Царевича и Великаго Князя Алексѣя Алексѣевича, всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи: дай, Господи, онъ, Государь нашъ, здоровъ былъ на многія лѣта!» Да ковшъ выпить, и вышедъ изъ за стола, и Посломъ поднести. А послѣ того пити чаша Государская Царевича и Великаго Князя Θеодора Алаксѣевича, всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи, а молыть: «Чаша Великаго Государя нашего, Его Царскаго Величества сына, Благовѣрнаго Государя и Вели каго Князя Θеодора Алѣксѣевича, всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи: дай, Господи, онъ, Государь нашъ, здоровъ былъ на многіе лѣта!» Да ковшъ выпить, и вышедъ изъ за стола и Посломъ поднесть. А буде Послы учнутъ пити чашу Цесаревыхъ дѣтей, и Стольнику тѣхъ Цесаревыхъ дѣтей чаши пити учтиво. А пивъ чаши, ѣхати къ Великому Государю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу, всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержцу. А буде Цесаревы Послы учнутъ его дарити, и ему подарки приняти. А буде что поднесутъ обычное, или худое, и ему того не имать, а молыть: «Государскимъ жалованьемъ всего у меня

пестрыми зайцами. Можайскъ, въ продолженіи 6-ти мѣсяцевъ, понапрасну осаждалъ Король Владиславъ и извѣстный Великій Ходкевичъ (Chodkiewiczo). Имъ управляетъ Воевода изъ Московской Великокняжеской области.

11-го того же Мая, проѣхавъ 130 верстъ все лѣсомъ, пустынность котораго охраняется только одною деревней, Царево Займище (Tzarowe Zamiesice), мы прибыли въ Вязьму (Wiesmam). Этотъ городъ весь деревянный, а дома его построены на небольшихъ возвышеніяхъ разбросанно, какъ въ деревнѣ. Въ немъ есть и крѣпость, снабженная 6-ю кирпичными башнями, а промежутки между ними занимаетъ ближняя роща. Вмѣстѣ съ Можайскомъ, городъ находится подъ управленіемъ особеннаго Воеводы его области, тогда какъ въ древности имѣлъ своихъ собственныхъ Князей. По тому что въ 1435 году Михаилъ Львовичъ, сражавшійся за Болеслава Свидригайла, съ Сигизмундомъ, Великимъ Княземъ Литовскимъ, былъ взятъ въ плѣнъ и убитъ сыномъ Сигизмунда, Михаиломъ.

На другой день, на 15-й верстѣ отъ Вязьмы, намъ попались два земляныхъ возвышенія или кургана, составляющіе рубежъ между Москвитянами и Литовцами, и поставленные по случаю мира, заключеннаго Польскимъ Королемъ, Владиславомъ I-мъ, съ Русскимъ Великимъ Княземъ, Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, на рѣкѣ Поляновкѣ, въ деревнѣ Деулиной (Diwilina), въ 1634 году. На слѣдующій день пріѣхали мы въ деревню Благовѣщенье (Blogowestine), и тамъ переночевали.

Тутъ въ первый разъ мы увидали рѣку Днѣпръ (Dnieperum), называемую у древнихъ географовъ Борисѳеномъ. Ея истоки возлѣ деревни Днѣправской (Dnyepersko), въ Волконскомъ (Volkonskia) лѣсу, въ 50-ти верстахъ отъ истоковъ Волги.[283] Тихо идя отсель впередъ, она неподалеку оттуда протекаетъ Вязьму и, быстрая больше въ глубинѣ русла, нежели на поверхности, проходитъ потомъ

много, ни чѣмъ не скуденъ.» И вставъ, ѣхать къ Великому Государю. А о чемъ съ нимъ Цесаревы Послы поговорятъ, и ему съ ними, противъ ихъ спросу говорить, что будетъ пригоже, чтобъ Государеву имяни къ чести и къ повышенью и Московскому Государству къ доброй славѣ и похвалѣ.» —Переводчикъ, считая любопытнымъ оба эти Церемоніяла, приводитъ ихъ здѣсь изъ Аделунгова: «Baron. v. Mayerberg und seine Reise», стр. 62—72.

[283] Днѣпръ начинается въ Бѣльскомъ Уѣздѣ, изъ большаго болота Ишакра между деревнями Кленовой и Аксеновой, въ дачахъ села городка, въ нѣсколькихъ

города и городки: Дорогобужъ (Drohobusum),[284] Смоленскъ, Дубровну (Dubrownam), [285] Оршу (Orszam), [286] Копысъ (Kopisium), [287] Шкловъ (Szkloviam), [288] Могилевъ (Mohiloviam), Бракалобовъ (Brakalabowiam), [289] и Быховъ (Bichoviam), и принимаетъ рѣки: Корань (Choranum), Мерейку (Mzeriam), [290] Оршанку (Orszankam) [291] и Баранъ (Baranum).[292] Но вскорѣ, сдѣлавъ изгибъ въ своемъ теченіи, касается городовъ: Рогачева (Rogoczowiam), [293] Рѣчицы (Rzeczicam), [294] Холмеча (Cholmieziam), [295] Лоевой Горы (Loiowagoram), [296] Любеча (Lubeczam), [297] Навоза (Nawosiam), [298] Кіева,

---

верстахъ отъ потоковъ нѣсколькихъ побочныхъ притоковъ Западной Двины. Истоки трехъ рѣчныхъ системъ: Днѣпровской, Западно-Двинской и Волжской отдѣлены гребнемъ отъ сѣверо-востока къ юго-западу. Гребень этотъ есть часть покатости Валдайской плоской возвышенности, древнихъ Аланскихъ или Алаунскихъ горъ. О. Б.

[284] Дорогобужъ, Уѣздный городъ Смоленской Губерніи, лежитъ по обѣимъ сторонамъ р. Днѣпра.

[285] Дубровна, мѣстечко Могилевской Губерніи въ Оршанскомъ Уѣздѣ, въ 17-ти верстахъ отъ Орши, на лѣвомъ берегу Днѣпра.

[286] Орша, Уѣздный городъ Могилевской Губерніи, по обѣ стороны р. Оршицы.

[287] Копысъ, Уѣздный городъ Могилевской Губерніи, при рр. Смаркевшѣ и Страшевкѣ.

[288] Шкловъ, мѣстечко Могилевской Губерніи, въ 22 верстахъ отъ Могилева.

[289] Не Бракалабовъ, а Вракалоховъ, которыхъ два: Старый и Новый, оба мѣстечка между городами Могилевымъ и Быховымъ.

[290] Мере, рѣчка, впадающая въ Днѣпръ при мѣстечкѣ Лядахъ, составлявшая нѣкогда границу между Смоленскою Губерніей и Бѣлоруссіей.

[291] Оршанка или Оршица, рѣчка, впадающая въ Днѣпръ при городѣ Оршѣ, Могилевской Губерніи.

[292] «А съ правыя страны Днѣпра, ниже Дубровны, пала въ Днѣпръ рѣчка Баранскъ, выше града Баранска 25 верстъ». Кн. Бол. Чертеж. стр. 80.

[293] Рогачевъ, Уѣздный городъ Могилевской Губерніи, на Днѣпрѣ.

[294] Рѣчица, Уѣздный городъ Минской Губерніи.

[295] Холмечъ, мѣстечко Минской Губ. Рѣчицкаго Уѣзда.

[296] Лоевъ или Лоевогородъ, мѣстечко, замѣчательное битвой въ 1649 году, лежитъ на западномъ берегу Днѣпра.

[297] Любечъ или Любячъ, въ Городницкомъ Уѣздѣ: въ немъ были съѣзды Русскихъ Князей въ 1097 и 1135 годахъ; родина Малка, Малуши, Добрыни и преп. Антонія. О. Б.

[298] Навозъ, мѣстечко Черниговской Губерніи. Щекатовъ упоминаетъ о немъ въ числѣ мѣстъ, гдѣ есть перевозы черезъ Днѣпръ, Т. II, стр. 218.

Трехтимирова (Trethumirowam), [299] отданнаго Королемъ Стефаномъ Козакамъ, Канева (Kaniowiam),[300] Черкасъ (Cirkassios),[301] а за порогами эта рѣка падаетъ уступами внизъ черезъ скалы и камни, Кайдака (Kudacum), [302] построеннаго въ 1637 году Конецпольскимъ, Семьмаяковъ (Simimaiokum),[303] и возлѣ него Рогуткерменя (Rogutkiermen), [304] Тегинки (Teginkam),[305] а напротивъ Татарскаго Остамкирменя (Ostamkirmen) и Турецкаго Очакова (Oczakoviam), въ древности Ольвіополя (Olbiopolim) и Мелитополя (Miletopolim). Въ этомъ пространствѣ своего теченія она увеличивается водами принимаемыхъ ею рѣкъ: Друца (Druco), [306] Бобофры (Bobofra)?, [307] Березины, Ведроши (Wiodrayca), Сожи (Soszia), Брагины (Brahino), [308] При-

---

[299] Мѣстечко Богуславскаго Уѣзда, на правомъ берегу Днѣпра, наискось Переяславля.

[300] Каневъ, мѣстечко, нѣкогда городъ, Кіевской Губерніи въ Богуславскомъ Уѣздѣ, при рѣкѣ Каневкѣ, на правой сторонѣ Днѣпра, пониже Переяславля, уже въ XI столѣтіи извѣстенъ: онъ взятъ былъ Батыемъ, и съ тѣхъ поръ составлялъ долгое время мѣстопребываніе Баскаковъ. О. Б.

[301] Черкасы, Уѣздный городъ Кіевской Губерніи, бывшій нѣкогда главнымъ городомъ Запорожскаго (Малороссійскаго) войска.

[302] Кайдакъ или Койдакъ Екатеринославской Губерніи, близъ Екатеринослава. Въ 1639 году Конецпольскій, построивъ эту крѣпость для обузданія Запорожцевъ, спросилъ ихъ: «Годна ли вамъ, Козакамъ, эта крѣпость, и довольно ли крѣпка будетъ для васъ?»—«Еще нѣтъ такой постройки, дѣланной людьми,» отвѣчалъ ему по Латыни Хмельницкій,«которой бы нельзя было разрушить.» См. Чтенія въ Императ. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1847 г.

[303] Кажется, тамъ, гдѣ нынѣ Старая и Новая Маячка. О. Б.

[304] Вѣроятно тамъ, гдѣ рѣчка Рогачикъ, впадающая въ Днѣпръ съ лѣвой стороны его. О. Б.

[305] «А ниже Ингульца 20 верстъ пала въ Днѣпръ рѣчка Тегинка». Кн. Б. Чертежа. Нынѣ рѣчка эта Тягинка на правой сторонѣ Днѣпра, въ Херсонскомъ Уѣздѣ, гдѣ и мѣстечко Тягинка, между городомъ Бериславомъ и рѣкой Ингульцемъ, ниже Берислава. О. Б.

[306] Друцъ, Друецъ, Друтъ, Друва, Друсха, рѣка Могилевской Губерніи, впадающая въ Днѣпръ подъ городомъ Рогачевымъ.

[307] Сожъ, рѣка, вытекающая изъ Смоленской Губерніи, Смоленскаго же Уѣзда; она входитъ въ Могилевскую черезъ Краснинскій Уѣздъ и впадаетъ въ Днѣпръ, при Лоевѣ.

[308] Брагинка, рѣчка, текущая въ Рѣчицкомъ Уѣздѣ Минской Губерніи.

пети (Pripetio), Ирпеня (Repino), Десны [309] (Dziesna), Стугны (Stuha), [310] Ильтицы (Iczyca), [311] Трубежа (Trubiece), [312] Роси (Rosso), [313] Супоя (Supoio), [314] Сулы (Sula), [315] Хороля (Horolo), [316] Псела (Psezolo), [317]Ворсклы (Worstlo), [318] Тясмина (Taszmino), [319] Ореля (Orelo), [320] Самары (Samara), [321] Конской Воды (Konska woda), [322] у древнихъ Panticape, Ингульца (Inguleco); въ самомъ своемъ устьѣ Днѣпръ увеличивается еще прибавкою р. Буга (Bugo) или Гипаниса (Hyppani), такъ что послѣ теченія тысячи миль [323] отъ своего истока, впадая въ Черное море, черезъ Каркинитскій заливъ, широчайшимъ устьемъ, кажется моремъ, изливающимся въ другое море. Съ помощію свободной торговли Днѣпръ доставлялъ бы и Русскія богатства, которыя раздѣляли бы между собою Ѳракія и Греція, если бы Татар-

---

[309] Ирпень, рѣка въ Кіевскомъ Уѣздѣ, составлявшая нѣкогда границу Малороссіи съ Польшею.

[310] Стугна, рѣка, впадающая въ Днѣпръ между Васильковымъ и Триполемъ въ Кіевской Губерніи.

[311] Рѣки Ильтица или Альта, впадаетъ въ р. Трубежъ, въ самомъ Переяславлѣ. О. Б.

[312] Трубежъ, рѣка Полтавской Губерніи, впадающая въ 7 верстахъ въ Днѣпръ отъ Переяславля, и беретъ начало въ Уѣздѣ Козелецкомъ Черниг. Губ.

[313] Рось, рѣка Кіевской Губерніи. Въ Книгѣ Бол. Черт. она названа Росаной въ Словарѣ же Щекатова—Розанъ.

[314] Супой, рѣка Полтавской Губерніи Золотоношскаго Уѣзда, подъ мѣстечкомъ Чигринъ-Дубровой впадаетъ въ Днѣпръ.

[315] Сула, рѣка текущая въ Харьковской и Полтавской Губерніяхъ.

[316] Хороль, текущая въ Полтавской Губерніи, впадаетъ съ правой стороны въ р. Пселъ.

[317] Пселъ, рѣка, вытекающая въ 25-ти верстахъ отъ г. Обояна Курской Губерніи; оттуда течетъ она въ Харьковскую, потомъ, чрезъ Черниговскую, входитъ въ Полтавскую, гдѣ и впадаетъ въ Днѣпръ при городѣ Кременчугѣ.

[318] Ворскла вытекаетъ въ Бѣлгородскомъ Уѣздѣ Курской Губерніи, потомъ течетъ въ Харьковскую, а въ Полтавской, при городѣ Переволочнѣ, впадаетъ въ Днѣпръ.

[319] Тясминъ течетъ въ южной части Кіевской Губерніи.

[320] Орель или Ореля, рѣка, служащая границей между Полтавскою и Екатеринославскою Губерніями, и впадающая въ Днѣпръ при мѣстечкѣ Орели или Орликѣ.

[321] Рѣка Самара, въ Екатеринославской Губерніи, впадаетъ въ Днѣпръ въ Ново-Московскомъ Уѣздѣ.

[322] Конскія Воды, степная рѣчка Екатеринославской Губерніи, которую она отдѣляетъ отъ Таврической.

[323] То есть, по нынѣшнему измѣренію, 1600 верстъ. О. Б.

скіе разбои и, еще опаснѣе ихъ, Турки, не заставляли купцовъ удерживаться отъ такой дороги.

Но какъ ни Греческая роскошь, ни Турецкая гордость, не хотятъ лишать себя хорьковыхъ и куньихъ мѣховъ, то и посылаютъ Греческихъ купцовъ въ Московію черезъ Ѳракію, Нижнюю Мизію, Бессарабію, составлявшія Римское поселеніе подъ завѣдываніемъ Флакка, Подолъ и Черкасовъ,[324] живущихъ на берегахъ Днѣпра. Эти купцы привозятъ сапфиры, рубины и Анкирскую зеленоватую волнистую зуфъ (камлотъ), чтобы потомъ вывезти оттуда въ обмѣнъ мѣха, или на деньги, въ добавокъ вольной съ обѣихъ сторонъ цѣны за привезенные товары.

14-го числа Мая насъ привезли въ Дорогобужъ (Drohobusum), въ Смоленской области, въ одинаковомъ разстояніи, по 90 верстъ между Вязьмою и Смоленскомъ: онъ раскинутъ по отлогости горы, на лѣвомъ берегу Днѣпра, и имѣетъ крѣпость, защищаемую окопомъ изъ кольевъ и брусьевъ. Это былъ нѣкогда наслѣдственный удѣлъ Іереміи [325] и его потомства, правнука Ярослава, перваго Великаго Князя Тверскаго, отъ сына его, Михаила, и внука Константина. 18-го Мая мы пріѣхали въ Смоленскъ, въ Бѣлой Россіи, по весьма небрежно содержимымъ дорогамъ, затруднительнымъ для ѣзды отъ множества древесныхъ пней.

Смоленскъ (Smolenscia) въ старину раздѣлялся на городъ и крѣпость, между коими течетъ рѣка Днѣпръ. Земскій Смоленскій Судья, Іеронимъ Цѣхановичъ (Ciechanowicz), соединилъ ихъ мостомъ на сваяхъ. Нынѣ весь городъ, состоявшій изъ восьми тысячъ зданій, разрушенъ, и въ 1609 году, когда овладѣлъ имъ Сигизмундъ, сожженъ самими жителями: стоитъ одна только крѣпость и, поднимаясь изъ низменныхъ долинъ къ возвышенностямъ, по крутымъ и утесистымъ горнымъ спускамъ, гдѣ, по словамъ Ваповскаго (Vapovius), находились нѣкогда жертвенники Александра, она господствуетъ надъ лѣвымъ берегомъ Днѣпра. Она обнесена стѣною въ 20-мъ геометрич. футовъ толщины, 21 футъ вышины отъ земли, изъ тесанаго камня, а свыше 28 футовъ изъ кирпича. Эта стѣна построена въ правленіе Великаго Князя Ѳедора Ивановича и его преемника, Бориса Годунова, на про-

---

[324] Малороссіянъ. О. Б.

[325] Скончался 1352 г. О. Б.

странствѣ 3-хъ верстъ и защищена 32-мя башнями, въ равномъ разстояніи одна отъ другой. Валомъ совсѣмъ не ограждена, не защищается и рвомъ отъ непріятельскаго приступа; имѣетъ только окопъ, да и тотъ сдѣланъ не сплошной, на внутренней площади, чтобы служить ея защитникомъ для новой обороны, когда нападеніе осаждающихъ отгонитъ отъ стѣнъ, разрушенныхъ силою военныхъ орудій, или подкопами. Въ окружности ея при домахъ, и то уже рѣдкихъ, встрѣчаются большіе дворы и очень много обширныхъ садовъ, а по тому и жителей въ ней мало. Въ Смоленскѣ былъ и Епископъ истинной Латинской Вѣры, поставленный Польскимъ Королемъ Сигизмундомъ III и утвержденный Папою Урбаномъ VIII, при Сигмундовомъ сынѣ, Владиславѣ IV, былъ тоже и Архіепископъ Греческой Вѣры, присоединившійся къ Римской Церкви: выгнавъ ихъ, Алексѣй поставилъ Архіепископомъ своего еретика. Кромѣ Аббатства и монастырской обители чина Св. Василія Великаго, подчиненной Римской Церкви, [396] въ этомъ городѣ были: Коллегіумъ Общества Езуитовъ, монастыри Ордена Проповѣдниковъ и Ордена Миноритовъ de observantia, основанные Сигизмундомъ III-мъ. По тому что тамъ много жило приверженцевъ Римской Вѣры; но, въ нарушеніе вѣрности договора, заключеннаго обѣими сторонами при сдачѣ крѣпости, многіе изъ Католиковъ, либо запуганные угрозами, либо осыпанные обѣщаніями, либо захваченные открытой силой, принуждены были Москвитянами вторично креститься по Московскому обряду, благодаря совѣту и стараніямъ Альберта Голимонта (Alberti Golimonti), измѣнившаго Богу и отечеству. А остальныхъ, которыхъ Москвитяне не могли совратить съ недвижимаго камня непоколебимѣйшей Католической Вѣры никакимъ лукавствомъ, ни силою, они осудили къ лишенію храмовъ и таинствъ, въ той надеждѣ, что жалкія овечки, принужденныя блуждать безъ пастырей, внѣ овчарни своего святилища, обращеннаго въ глазахъ ихъ въ судебное мѣсто, должны будутъ наконецъ забрести въ логовище волковъ. Москвитяне никогда не воздерживались отъ всѣхъ несправедливостей и въ другихъ городахъ, которые сдавались имъ на какихъ бы то ни было условіяхъ. Жестокій властелинъ, Турокъ, хотя считаетъ всѣ Вѣры ниже своей Магометской, однако жь равно дозволяетъ людямъ какъ Римской, такъ и Греческой, Вѣры,

---

[396] Уніятской. О. Б.

свободное отправленіе ихъ богослуженія. Опуская многія другія мѣста, пользующіяся тою же свободой подъ Оттоманской властію, приведу въ свидѣтели этой истины только одно, Перу, или Галату, нѣкогда Генуезское поселеніе, 200-ти лѣтъ тому назадъ покоренное Магометомъ и отдѣляемое отъ града Константинова узкимъ проливомъ, Ѳракійскимъ Босфоромъ, который носитъ названіе канала. Тамъ монахи, живущіе по уставу Св. Патріярховъ Игнатія, Доминика и Франциска, строжайшаго, или слабаго соблюденія, отправляютъ торжественно богослуженіе для Католиковъ, стекающихся гласно и открыто, безо всякой остановки, въ оттворенныя врата храмовъ. А Москвитяне только что войдутъ въ раскрытыя ворота какого ни будь города, или городка, послѣ сдачи его довѣрчивыми гражданами, тотчасъ же истребляютъ всякое подобіе Католической Вѣры въ пренебреженіе всякихъ договорныхъ условій, скрѣпленныхъ какою бы то ни было клятвой. Пусть же Католики, служащіе у Русскихъ на жалованьи противъ своихъ единовѣрцевъ, вѣдаютъ, какой отчетъ они должны будутъ отдать Божественному Судіи за такую непристойную службу. По тому что ни какъ не примется та пустая отговорка нѣкоторыхъ, что въ этихъ войнахъ сражаются прежде всего за Государство, а не за Вѣру, прочія же несчастія случаются уже потомъ, да и безъ намѣренія, слѣдовательно, въ нихъ они не виноваты. Вѣдь могли же они научиться изъ опыта, подверждаемаго многими вѣками, что эти бѣды слѣдуютъ въ такой неразрывной связи съ первоначальнымъ намѣреніемъ въ Московскихъ войнахъ, что куда бы Москвитяне ни вносили свои военныя знамена по счастливой случайности, вмѣстѣ съ ними всегда они приносили и эти бѣдствія. Между тѣмъ пока Господь не вразумитъ этихъ служащихъ иноземцевъ къ лучшему, надобно восхвалять Его за милость къ Его малому Католическому стаду, за то, что онъ ослѣпляетъ тусклый разумъ Москвитянъ блескомъ самаго ихъ счастія, такъ что они не видятъ, что переходъ отъ величайшей свободы къ самому низкому рабству, безъ чего-то средняго между ними, можетъ совершиться только чрезвычайно насильственнымъ путемъ, и что насильственое положеніе и долговременность ни какъ не вяжутся между собой. Жестокости, какихъ надѣлали они надъ Литовцами, такъ отвратили отъ нихъ сердца этого народа и отпугнули всякую вѣрность къ нимъ, что онъ выгналъ ихъ изъ своихъ областей съ такой же ненавистью, съ какимъ радушіемъ принялъ было ихъ туда.

Между тѣмъ въ бѣшенство обратилось терпѣніе бѣднаго простого народа въ Москвѣ, дознавшаго горькимъ опытомъ, что дешевая цѣна мѣдныхъ денегъ, при великой дороговизнѣ съѣстныхъ припасовъ, не даетъ ему никакихъ способовъ къ поддержанію своего убогаго существованія: онъ поднялъ неистовый бунтъ въ Москвѣ, послужившій къ погибели его виновниковъ, какъ обыкновенно бываетъ со всѣми возмущеніями, которымъ недостаетъ вождя.

4-го Августа, 1662 года, [327] 9 тысячъ заговорщиковъ изъ 18-ти тысячъ всѣхъ, принадлежащіе къ подонкамъ черни, вооружась одними ножами, пришли къ Алексѣю, проживавшему въ шести верстахъ отъ Москвы, [328] для пользованія сельскимъ воздухомъ, и, по обычаю простаго народа, всегда нерасположеннаго къ знати и властямъ, принесли безчисленныя жалобы на Царскаго тестя, Илью Даниловича Милославскаго, дядю Семена Лукьяновича Стрѣшнева, Дворецкаго Ѳедора Михайловича Ртищева, Богдана Матвѣевича Хитрова, и Ивана Андреевича Милославскаго, на ихъ строптивость, нахальство, взяточничество, растрату казны, измѣну, и требовали ихъ смерти.

Алексѣй, еще за день тайно предувѣдомленный объ этомъ заговорѣ, собразилъ, что зараждающееся зло легко истребить и, желая подобно хорошему врачу, лучше исцѣлять зараженные члены, нежели ихъ отсѣкать, запасся ласковыми словами, для услажденія желчности неистовыхъ людей и для смягченія ихъ гнѣва. Но если этотъ мятежъ, только что зародившійся и еще не пришедшій въ зрѣлость, не образумится, то, не давая усилиться злу, когда онъ укоренится, Алексѣй изострилъ и карательный мечъ, чтобы истребить его съ корнемъ, наказавши людей, упорствующихъ въ неповиновеніи. И такъ отвѣчалъ имъ, что несправедливо требовать, чтобы обвиненные выданы были ярости обвинителей. Онъ Государь надо всѣми: онъ разыщетъ виноватыхъ и строго накажетъ уличенныхъ за вину ихъ, безъ всякаго лицепріятія. Онъ предлагалъ въ поруки этого обѣщанія жену и сына, которые были тутъ же. Но мятежники, заподозривъ въ этихъ словахъ трусость Алексѣя, еще смѣлѣе приня-

---

[327] По нашимъ грамотамъ это происходило Іюля 25 и далѣе. О. Б.

[328] Въ Коломенское, при р. Москвѣ, теперь въ 10 верстахъ отъ города. О. Б.

лись за наглости, не воздерживаясь и отъ ругательныхъ словъ на Царицу. Алексѣй вспылилъ: «Избавьте меня отъ этихъ собакъ!» сказалъ онъ, обернувшись къ стрѣльцамъ и своимъ придворнымъ. Эти тотчасъ же бросились на мятежниковъ и перебили почти всѣхъ ихъ; впрочемъ, они погибли не совсѣмъ безъ отмщенія, потому что съ отчаянной смѣлостью вонзили въ грудь многимъ стрѣльцамъ свои ножи и закололи ихъ въ поминокъ по себѣ. Когда три тысячи другихъ вооруженныхъ, которые, по уговору, слѣдовали за первыми имъ въ помощь, увидали ихъ убитыми, они стали осторожнѣе: положили оружіе, упали въ ноги Царю, отмаливались отъ заслуженной ими смерти, прося лучше сослать ихъ въ Сибирь, что и получили отъ Алексѣя, гнѣвъ котораго укрощенъ былъ казнью другихъ. А потомъ висѣлицы, поставленныя на площадяхъ и перекресткахъ въ Москвѣ, приняли 500-тъ человѣкъ изъ тѣхъ, которые остались въ городѣ для ограбленія богатѣйшихъ домовъ.

Наконецъ 8-го числа Сентября мы положили выѣхать изъ Смоленска, и сѣли въ лодки, когда Москвитяне отказали намъ въ повозкахъ, изъ боязни, чтобы не захватили ихъ Литовцы. Такъ и проѣхали по теченію Днѣпра сначала Дубровну (Dubrownam), городъ прежде Мстиславскаго Воеводства, а нынѣ Витебскаго: онъ возвышается на обоихъ берегахъ рѣки въ 80-ти верстахъ отъ Смоленска, и нѣкогда имѣлъ великое множество зданій, а нынѣ бѣдственно разоренъ во время Московской войны, съ огромнымъ убыткомъ въ имуществѣ его владѣльца, Георгія Карла Глѣбовича, послѣдняго мужескаго пола потомка Монтвида, сына Гедимина, Великаго Князя Литовскаго. Оттуда пріѣхали мы 12-го Сентября въ Оршу (Orszam), городъ Витебскаго Воеводства, въ 20-ти верстахъ отъ впаденія рѣки Оршанки (Orszanka) въ Днѣпръ, раскинутый на обоихъ берегахъ этой рѣки.

Только что мы отплыли съ версту оттуда, какъ самое печальное явленіе представилось моимъ глазамъ. Молодой человѣкъ, недавно еще вышедшій изъ отроческихъ лѣтъ и взятый мною въ число служителей въ качествѣ спальника, увидавъ челнокъ изъ древеснаго дупла, плывшій съ гребцомъ возлѣ моей лодки, вздумалъ спрыгнуть въ него, чтобы прокатиться взадъ и впередъ по Днѣпру для забавы. Товарищи его, мои служители, старались разумнымъ предостереженіемъ удержать его, идущаго на явную смерть; но бѣднякъ, увлекаемый силою рока, безразсудно смѣял-

ся надъ разсудительными совѣтниками. Вдругъ челнокъ опрокидывается и выбрасываетъ въ рѣку несчастнаго, вмѣстѣ съ гребцомъ. По природному побужденію, оба они хватаются за ненадежную лодку, ожидая спасенія отъ виновницы своей опасности, но отъ усилія обоихъ взобраться въ лодку, опрокинувшись три раза, она выбросила столько же разъ и ихъ. Между тѣмъ пропиталось водою платье на бѣдномъ юношѣ, узкое и короткое, по Французской модѣ, бывшей тогда въ ходу у молодыхъ людей, и своей тяжестью утащило внизъ съ собою несчастнаго, котораго никто такъ и не видалъ больше. Гребецъ, прикрытый только сорочкою и исподнимъ платьемъ, легче держался на водѣ, ухватился одинъ за лодку, уже свободную отъ другого пловца и, поварачивая ее по своей волѣ, быстрымъ прыжкомъ попалъ въ нее, такъ что растянулся въ ней, выставивши только голову изъ покрывавшей его воды, и отдался на волю теченія рѣки, пока не подплыли и не взяли его другіе наши.

Мы подплыли къ деревянному мосту на рѣку Оршѣ, лежавшему на плоскихъ судахъ, между которыми могли проходить однѣ только рыбачьи лодки: въ то время, какъ мы подъѣзжали, начальникъ моста выѣхалъ къ намъ верхомъ и протянулъ свою палку къ нашимъ лодкамъ, съ угрозой, чтобъ мы не выходили тутъ на берегъ.

Но какъ тутъ было мѣсто, черезъ которое плывущіе изъ Смоленскаго Княжества въ Литву, оставивъ лодки, обыкновенно начинали ѣхать сухимъ путемъ по Одрузскимъ полямъ (per Odrusios campos) Ваповскаго, то мы послали Александра Войскаго (Woieshi), Настоятеля Августинцевъ; освобожденнаго, по нашему ходатайству, изъ Московскаго плѣна и ѣхавшаго съ нами къ своимъ, съ просьбою къ Воеводскому Намѣстнику, Козарскому (Kozariski), чтобы онъ позволилъ намъ нанять тутъ лошадей съ повозками для проложенія нашего пути берегомъ. Этотъ отказалъ наотрѣзъ. Уже не прежде полуденъ на другой день Настоятель могъ выпросить у него позволеніе тотчасъ же развести мостъ для прохода нашихъ лодокъ, чтобы высадиться ниже этого мѣста.

Съ закатомъ солнца мы прибыли въ Копысъ (Kopisium), деревянный городъ Мстиславскаго Воеводства: онъ обнесенъ деревянной стѣной, которая укрѣплена была башнями, и защищенъ деревяннымъ дѣтинцемъ по срединѣ высокаго холма; построенъ въ 50-ти верстахъ отъ Орши, на лѣвомъ берегу рѣки, и принадлежитъ Князю Богуславу Радивилу (Bogislaum Radivilium).

Сдѣлавъ 20-ть верстъ на другой день мы прибыли въ Шкловъ (Zklowiam), славный городъ Полоцкаго Воеводства, на правомъ берегу рѣки, тоже деревянный, прекрасно укрѣпленъ и со всѣмъ Воеводствомъ принадлежитъ, по смерти Александра Ходкевича, внуку его отъ дочери, Синявскому (Siniavium). Хотя здѣсь мы приняты были гораздо вѣжливѣе Воеводой Андреемъ Дзержановскимъ (Andreas Dzierzanowski), однако жь все же не могли добиться и отъ него позволенія выйти на сушу, изъ опасенія его, чтобы Литовцы не поставили ему, Поляку, въ вину, что, вопреки примѣру Оршанскаго Воеводы дозволилъ, намъ высадиться.

И такъ проѣхали близко Быхова (Bichoviam), прежде деревянной крѣпости, на лѣвомъ берегу Днѣпра, въ Полоцкомъ Воеводствѣ, и, сдѣлавши 20 верстъ, высадились въ Могилевѣ (Mohiloviam), [329] послѣ стучанья во столько воротъ, пока не отворились для насъ хоть одни. Это городъ Витебскаго Воеводства, но вольный Королевскій. Послѣ нашего двухдневнаго пребыванія на берегу, Городской Сенатъ постыдился дольше отказывать намъ въ гостепріимствѣ и, принявши насъ въ городъ, позволилъ отправляться куда угодно.

Названіе Могилева, лежащаго на возвышенномъ правомъ берегу рѣки Днѣпра, означаетъ усыпальницу (sepultura) какого ни будь рода, и долгое время былъ мало извѣстенъ. Но Бѣлорусскіе (Albiae Russiae) купцы, привлеченные удобствомъ мѣста, переселились въ него и, умножавшись въ числѣ, построили тамъ множество домовъ, а сто лѣтъ тому назадъ такъ населили его, что дали ему видъ обширной пристани, знаменитой по всѣмъ Россіямъ (per universas Russias). Онъ исповѣдуетъ Христіянскую Вѣру по еретическому Греческому обряду, хоть и имѣлъ двѣ Римско-Католическія церкви: приходскую, разрушенную Москвитянами, вмѣсто которой мы видѣли часовню, построенную приходскимъ Каноникомъ, Михаиломъ Обринскимъ (Michaelis Obrinski), пока не настанетъ лучшее время, и другую Кармелитскую, совсѣмъ разоренную Москвитянами: мѣсто ея занято теперь однимъ Священникомъ того же Ордена, чтобы не утратить права гражданскаго владѣнія на это

---

[329] Но, вѣдь, Быховъ, Старый и Новый, лежатъ не между Шкловымъ и Могилевымъ, а, на оборотъ, за Шкловомъ Могилевъ, за нимъ же и оба Быхова? Очевидная путница! О. Б.

мѣсто, какъ бы уже покинутое его душею. Отцы Езуитскаго Общества никогда не имѣли тутъ никакого Коллегіума, и Аслекандръ Гонсѣвскій учредилъ его для нихъ въ Витебскѣ, а не въ Могилевѣ, какъ невѣрно утверждаетъ то Пясецкій (Piasecius). Въ 1654 году, когда въ Могилевѣ считалось до 8-ми тысячь домовъ и онъ превосходно былъ укрѣпленъ внутри и внѣ своей окружности стѣной и бастіонами и снабженъ пушками, 17 Августа этотъ городъ добровольно сдался Московскому Великому Князю Алексѣю, при вторженіи въ Литву союзныхъ съ Москвою Запорожскихъ Козаковъ: онъ бросилъ своего законнаго Государя, Польскаго Короля, покинутаго тогда счастьемъ, понадѣявшись на лучшую долю, подъ покровительствомъ единовѣрнаго съ нимъ народа. Когда жь эта надежда рушилась, онъ получилъ урокъ, что перемѣна Государей не прибыль для подданныхъ. И такъ долгое время видя себя въ пренебреженіи у Москвитянъ, обезумѣвшихъ отъ своего счастья, въ униженіи и въ упадкѣ, онъ отеръ свои безполезныя слезы рукою отчаянія и, одушевившись местью, составилъ заговоръ, 11 Февраля, 1661 года: при боѣ въ набатъ перебилъ 960 человѣкъ Московской городской стражи, изъ которой 150 ускользнуло, и тѣмъ возвратилъ себѣ свободу. Нынѣ, гордясь двоякой измѣной, онъ обороняетъ возвращенныя себѣ права съ такимъ своевольствомъ, что хоть Католики и сохраняютъ свою долю въ его Сенатѣ, но онъ едва удостоиваетъ признавать Польскаго Короля своимъ верховнымъ главой, и рѣшительно отказывается принять въ городъ его стражу, ввѣряя охраненіе своихъ воротъ и стѣнъ однимъ своимъ горожанамъ, которыхъ все еще считается до 4,000 способныхъ носить орудіе. Впрочемъ, это народъ грубый, обманчивый и не отличается нравами отъ Москвитянъ, какъ и прочіе Русскіе (если исключить его неумѣренную заботливость о своей свободѣ). Городское хозяйство въ мирное время обыкновенно каждый годъ даетъ 100 тыс. талеровъ на Королевскій столъ. и очень прибыльное управленіе имъ, въ видахъ найбольшой пользы, Король возложилъ на Гонсѣвскаго, по возращеніи его изъ плѣна

Въ деревняхъ, подвласныхъ городу, мы наняли за дорогую цѣну лошадей съ повозками, которыя и повезли насъ съ пожитками до Вильны.

Послѣ того, какъ мы выѣхали изъ Могилева, 27-го Сентября, и покинули р. Днѣпръ, текущую въ Евксинскій Понтъ (Черное

море), болѣе чуждую и негостепріимную для насъ, чѣмъ это темное море, 2-го Октября, въ 120-ти верстахъ отъ Могилева, предсталъ нашимъ глазамъ Борисовъ (Borisovia). Это городъ Минскаго Воеводства, получившій свое названіе отъ построившаго его Полоцкаго Князя, сына Гинвилона (Ginvilonis), Князя Новогородецкаго. [330] Онъ состоитъ изъ двухъ крѣпостей на лѣвомъ берегу Березины, которой воды, умноженныя водами сливающейся съ нею рѣчки Схи (Scha) протекаютъ и окружаютъ его. Строеній въ немъ никакихъ нѣтъ, кромѣ убогаго жилища Воеводы, съ часовнею, назначенною для богослуженія по Греческому обряду. Въ Іюлѣ 1655 г. Москвитяне взяли этѣ крѣпости вооруженною рукой, но черезъ семь лѣтъ, въ томъ же самомъ мѣсяцѣ, должны были возвратить ихъ опять Литовцамъ, изнуренные голодомъ по случаю медленнаго облежанія, а прилежавшій къ крѣпостямъ городъ совсѣмъ разоренъ. Тутъ мы принуждены были промѣшкать довольно долго у построеннаго на сваяхъ моста для перехода черезъ болотистую Сху, пока не склонили Воеводу позволить перевезти и насъ на берегъ Березины, которую иные изъ древнихъ считаютъ за Днѣпръ, слѣдуя не очень основательнымъ извѣстіямъ.

Переночевши тамъ, на другой день мы переправились черезъ рѣку въ лодкѣ. Березина [331] беретъ начало недалеко отъ деревни Докшицы (Doxice), Борисовскаго Уѣзда; протекши сперва большое болото и принявши тамъ малый ручей, она орошаетъ Борисовъ. Принимаетъ потомъ рѣки Бобръ (Bobro), Свислочъ (Swislocza), Волну (Wolana), Бобричъ (Bobricia), Предивину (Predivina), Ушу (Usza), Олу (Olha), Жердь (Zerdzia) и Свѣдь (Swieco), и протекши Горваль [332] (Howolium), впадаетъ въ Днѣпръ между Стрѣшинымъ (Striesnam) и Рѣчицею (Rzeczicam) [333]

Сдѣлавъ еще 70 верстъ по лѣсистой пустынѣ, 5-го Октября

---

[330] По нашимъ лѣтописямъ это былъ Борисъ Всеславичъ, а не Всеволодовичъ, какъ говоритъ Даниловичъ, (Лѣтоп. стр. 122), основавшій его 1102 г., послѣ похода своего на Ятвяговъ. О. Б.

[331] Березина беретъ начало въ Минской Губерніи и впадаетъ съ правой стороны въ Днѣпръ, выше Припети. Прежде она была границею Смоленскаго Княжества съ Литвой.

[332] Горваль, мѣстечко Рогачевскаго Уѣзда Могилевской Губ. на р. Днѣпрѣ.

[333] Стрѣшинъ, тоже мѣстечко при Днѣпрѣ той же Губерніи и того же Рогачевскаго Уѣзда.

мы прибыли въ Минскъ (Minscum), главный городъ Минскаго Воеводства, расположенный на холмахъ и рѣкѣ и удостоенный чести имѣть Верховный Судъ для всей Литвы, кромѣ Вильны, каждые три года поочередно съ Новогородецкимъ. Грустнымъ взоромъ мы смотрѣли на разореніе, причиненное этому городу Москвитянами. Присоединенные (Униты) Базиліяне, Доминиканцы, Бернардинцы, начали уже тамъ поправлять свои разрушенныя св. обители и церкви, съ помощію подаяній благочестивыхъ людей. Отцы Езуитскаго Общества тоже готовились положить основаніе учрежденію тамъ своего Коллегіума.

13-го Октября везли насъ 70-ть верстъ трудной дорогой, на которой безпокоило насъ множество неудобствъ: ночевали часто въ лѣсахъ и пустыняхъ, сдѣланныхъ Московскими опустошеніями, подъ открытымъ небомъ, подвергаясь обидамъ разбойниковъ; вездѣ насъ ненавидѣли, гнушались нами Наконецъ пріѣхали мы въ Вильну, или лучше пожарище Вильны (Vilna).

Въ то время жило тамъ много знатныхъ людей изъ Великаго Княжества Литовскаго, особливо тѣ, которымъ поручено было Королемъ и Рѣчью Посполитой привести надлежащими мѣрами въ прежнюю покорность войско подъ начальствомъ вождя его, Гонсѣвскаго, но, по извѣстнымъ свѣту причинамъ, оно возмутилось, отказавшись, вопреки воинской подчиненности, отъ должнаго повиновенія своимъ вождямъ, дерзко требовало своего жалованья, отставило этого вождя и на его мѣсто выбрало Жиронскаго (Zeronscium). Эти знатные люди выслали встрѣтить насъ, въ 40-ка шагахъ отъ города, Ошмянскаго Воеводу (Praefectum Osmianensem), Капитана и Члена Военнаго Совѣта, Альберта Константина Цѣхановича (Ciechanowicium), сопровождаемаго многочисленной толпой знатныхъ и дворянъ, который принялъ насъ вѣжливо, изъ уваженія къ Цезарю и, сѣвши съ нами въ присланную на встрѣчу намъ карету Подскарбія (Supremi Thesaurarii) и Вождя Гонсѣвскаго, проводилъ насъ въ гостинницу.

Этотъ городъ орошаетъ рѣка Вилія (Vilia), вытекающая, въ видѣ ручья, изъ небольшаго озера, не далеко отъ истоковъ рѣки Березины, но, увеличившись водами рѣкъ Девиноши (Dewinosii), Сервечи (Serwoczae), Узлы (Uzlae), Нарочи (Naraczae) и Ошмяны (Osmianae), и принявъ рѣку Вильну (Vilnam), отъ которой этотъ городъ получилъ и свое названіе, вмѣстѣ съ рѣчками: Вакою (Vaca),

Бразалой (Brazala) и Литовскою рѣкой Свентою (Swienta), уноситъ ее въ рѣку Нѣманъ (Nemenum), при городѣ Ковнѣ (Caunam). Говорятъ, что основателемъ Вильны былъ Великій Князь Литовскій Гедиминъ, построившій, въ 1305 году, на холмахъ, при сліяніи Виліи и Вильны, двѣ крѣпости: одну, опоясанную рѣкой Вильной, при подошвѣ горы, а другую повыше, на самомъ хребтѣ горы. Въ послѣдствіи тамъ прибыло столько зданій, построенныхъ купцами, собравшимися туда съ разныхъ сторонъ, что Вильна достойно стала считаться въ числѣ большихъ городовъ; а послѣ того, какъ Гедиминъ поставилъ въ ней Воеводу и начальника крѣпостей, она не только поднялась на степень столичнаго города Гедиминовой Литвы, но и всего Великаго Княжества Литовскаго, получивъ право голоса при избраніи Королей. По возрожденіи Св. Крещеніемъ, Ягайло, около 1387 года, укрѣпилъ ее, и даровалъ ей Епископство, котораго судебной власти подчинены Воеводства: Виленское, Троцкое, Новогородецкое, Полоцкое, Витебское, Минское и большая часть Подола и Полѣсья; Викарій же ея—Епископъ Метонскій (Metonensis), обыкновенно избираемый изъ духовнаго клира Соборной церкви. Въ 1506 году она окружена стѣной, только не вездѣ, да и небрежно, и обширными предмѣстьями, умножающимися со дня на день: кажется, что, подобно Спартанскому городу, Вильна хочетъ полагаться больше на силу своихъ гражданъ, для отраженія непріятельскихъ нападеній, нежели на твердость своихъ укрѣпленій. Хотя другіе и говорятъ, что это походитъ на пренебреженіе къ непріятелю, однако жь, оно стоило ей дорого, такъ какъ Москвитяне два раза уже занимали ее, грабили, жгли и разоряли. Кажется, она предусмотрительнѣе позаботилась бы о своей безопасности и презирала бы враговъ благоразумнѣе, если бы пожелала быть менѣе самоувѣренной и болѣе укрѣпленной. Потому что Москвитяне, не только въ 1610 году взяли и жестоко опустошили ее огнемъ и грабежемъ, но еще недавно, въ 1655 году, Августа 6-го, разорили ее послѣ одной небольшой стычки въ открытомъ полѣ съ ея малочисленнымъ войскомъ: тутъ Виленцы не отказались сразиться съ 200-ми тысячь непріятелей, по своему обычаю, презирая близкую опасность, съ безпечною самонадѣянностью, покинутые своимъ Воеводой, Княземъ Яномъ Радивиломъ (Iano Radzivilio), Великимъ Гетманомъ Великаго Княжества Литовскаго. Москвитяне владѣли этимъ городомъ, скованнымъ собственными цѣпями, жестоко угнетая его рабствомъ даже до 3 Декабря, 1661-го года. Въ бытность ихъ въ несчастномъ

городѣ, они столько совершили въ немъ убійствъ, насилій женщинамъ, грабежей, святотатствъ, разореній и пожаровъ, что если кто вздумалъ бы нынѣ искать Вильны въ городѣ Вильнѣ, тотъ найдетъ только плачевные слѣды одичалаго неистовства въ ея разрушеніи, пеплѣ и развалинахъ. Сколько ни было зданій, священныхъ, или обыкновенныхъ, выстроенныхъ изъ еловаго лѣса, все это распалось въ прахъ отъ огня, подложеннаго подъ нихъ Москвитянами. Каменныя зданія, изъ которыхъ состоялъ весь нижній городъ, составляютъ теперь однѣ лишь закоптѣлыя стѣны безъ кровель, остальное же все истреблено поджогами свирѣпаго побѣдителя. А что пощажено огнемъ, того не пропустило строптивое высокомѣріе обидчиваго гостя: Соборная церковь—зданіе Ягайла Христіянина, Коллегіумъ отцовъ Общества Езуитовъ, съ приписною къ нему церковью Св. Іоанна, воздвигнутый пастырскими заботами Валеріяна Сушковскаго-Проташевича (Valeriani Suszkowski Protaszewicz), четырнадцатаго Епископа Виленскаго, и увеличенный потомъ на денежные вклады непосредственнаго его преемника, въ послѣдствіи Кардинала, Георгія Радивила (Georgii Radivilii), пользующійся правами Академіи, съ разрѣшенія Короля Стефана, 1-го Апрѣля, 1579 года, утвержденными за нимъ Папой Григоріемъ XIII, 3-го числа Ноября, того же года; Езуитскіе домы, какъ для Новиціятовъ, такъ и для Профессовъ, посвященные Св. Казимиру и построенные щедростію Польскаго Принца, Карла Фердинанда; прекрасный монастырь отцовъ Францисканцевъ, живущихъ по правиламъ строгаго Устава Св. Франциска; монастырь Капуциновъ, вполнѣ соблюдающихъ правила Св. Франциска, съ храмомъ Пресвятой Дѣвы Маріи на пескахъ; два монастыря: Доминика, во имя Св. Духа, и Свв. Филиппа и Іякова; больница Братьевъ милосердія, послѣдователей Св. Іоанна Крестителя, подъ именемъ Св. Креста; монастырь Базиліянъ Греческаго обряда, но въ общеніи съ Римскою Церковью (Уніятскій), совершающихъ богослуженіе въ церкви Пресвятой Троицы; два монастыря Св. Георгія и всѣхъ Святыхъ Ордена Пресвятой Дѣвы съ горы Кармельской; монастыри Канониковъ Ордена Св. Августина, во имя главы Апостоловъ (Петра); монастырь Канониковъ Крестоносцевъ «Покаянія блаженныхъ мучениковъ» въ Зарѣцкомъ (Zarzeczano) [334] предмѣстьи, и тамъ же священныя зданія монашествующихъ

[334] Предмѣстье Зарѣчье (Zarzecze) лежитъ на правомъ берегу Вилейки, которая течетъ съ востока на сѣверъ. О. Б.

3-го чина Св. Франциска, женскіе монастыри: соблюдающихъ строгія правила жизни Серафимской дѣвицы Клары, во имя Св. Михаила, Терезы, во имя Св. Іосифа, чина Василія Великаго, во имя Св. Троицы и Святаго Бенедикта, во имя Св. Екатерины, съ ихъ церквами. Всѣ эти зданія либо разорены, либо сожжены, либо же умышленно пробиты и проломаны насквозь молотами и топорами, и свидѣтельствуютъ, съ какою дикой ненавистью исповѣдающіе Московскую Вѣру преслѣдуютъ Христіянъ Римско-КатолическагоИсповѣданія. Чтобъ показать это еще сильнѣе, церковь Русскихъ еретиковъ оставлена ими нетронутой, а вмѣстѣ съ ней и другая, принадлежащая монахамъ, живущихъ по уставу Кармелитокъ Св. Терезіи, по тому что она была отдана имъ Алексѣемъ, ради удобнаго сосѣдства. Колоколъ Сигизмунда III-го и всѣ другіе, кромѣ тѣхъ, въ которые звонятъ на колокольнѣ Русской церкви, расплавлены, либо увезены и оставили грустную тишину при богослуженіи. Москвитяне напрасно надѣялись выкопать также тѣло Св. Казимира, внука Ягайла, отъ втораго его сына, Казимира, обыкновенно почивавшаго въ Соборной церкви, послѣ того, какъ оно увезено было Георгіемъ Бѣлозоромъ (Georgio Bialozoro), ключаремъ этой церкви, нынѣ переведеннымъ съ Смоленской Епископской каѳедры на Виленскую, благочестіе Католиковъ перенесло его въ Рожану (Rozanam). [335] Однако жь Москвитяне ничего не сдѣлали ни Лютеранской киркѣ, ни Кальвинской молельнѣ: послѣдняя удалена лишь была изъ города и переведена въ предмѣстье еще въ 1640 году, въ наказаніе, присужденное Кальвинистамъ общимъ приговоромъ Сейма и Владислава IV, на основаніи отечественныхъ законовъ, за то, что они дерзновенно пускали стрѣлы въ изваянія Ангеловъ на фронтонѣ церкви Св. Михаила.

На третій день нашего пріѣзда въ Вильну Воевода Сапѣга (Sapieha) почтилъ насъ очень пышнымъ обѣдомъ, а на утро этого дня Гонсѣвскій.

Но какъ намъ не было позволено возвращаться въ Вѣну безъ спроса нашего Державнѣйшаго Государя, то мы и послали къ нему гонца, снабженнаго письменными видами отъ насъ и Королевскихъ Коммисаровъ.

Пока мы ждали его возвращенія, въ одинъ день, не извѣстно

---

[335] Рожана городъ Новогородецкаго Уѣзда Гродненской Губерніи. О. Б.

какой-то шляхтичь (nobilis) изъ членовъ Военнаго Совѣта Конфедеративнаго Литовскаго войска, въ пьяномъ видѣ подошелъ къ нашему дому, чтобы войти въ него; но такъ какъ его не впустили, изъ основательнаго опасенія, чтобы, по случаю распущенности тогдашнихъ нравовъ въ краѣ, не вырвалась у него какая ни будь непристойность, онъ цѣлый часъ осыпалъ насъ и всѣхъ нашихъ множествомъ ругательныхъ словъ (я, однако жь, не зналъ о томъ и ничего изъ нихъ не слыхалъ), три раза вынималъ изъ ноженъ свою Татарскую саблю и грозился убить перваго, появившагося на улицѣ, изъ нашей прислуги. На другой день пришли къ намъ двое его товарищей и, отъ имени кающагося гостя, просили извиненія проступку, сдѣланному въ хмѣлю: это и дали мы безъ труда, зная, что, при той распущенности, какую необузданное своевольство внесло въ то время въ нравы бунтовавшаго солдата, эти люди позволяли себѣ въ хмѣлю дѣлать все, и только отрезвившись изъявляли раскаяніе и просили прощенія въ своей винѣ.

Межъ тѣмъ Конфедераты (vinculati) (какъ они называли себя) пришли въ большое негодованіе на Гонсѣвскаго и Жировскаго (Zeronscium), котораго въ своемъ бунтѣ выбрали себѣ вождемъ, изъ за слуховъ, обвинявшихъ Гонсѣвскаго, что во время его плѣна у Москвитянъ, онъ договорился съ ними, чтобы, заплативъ ему значительную сумму, они удержали за то въ вѣчномъ владѣніи Смоленское и Сѣверское Княжества, на основаніи условій мира, не обезпеченномъ ничьимъ посредничествомъ, и поставили начальникомъ въ этихъ Княжествахъ его же, Гонсѣвскаго, украсивъ его званіемъ Воеводы. Въ тогдашнее время вѣрили тому безъ всякихъ сомнѣній, видя, что мы выѣхали изъ Москвы, по ихъ мнѣнію, въ необыкновенную пору, и слыша, что тотчасъ же послѣ насъ отправленъ Московскій Посолъ Нащокинъ, для окончательнаго заключенія при Королевскомъ Дворѣ того договора, начало которому положено было Гонсѣвскимъ. Между тѣмъ, въ залогъ этого договора, Гонсѣвскій позволилъ Москвитянамъ переправиться черезъ рѣку Двину (Dunam) къ Ригѣ (Rigam), съ 70-ю судами, по грамотамъ, за подписью своей и Жировскаго, какъ тогда говорили, тоже привлеченнаго подкупомъ на его сторону. И такъ эти военные люди, склонные къ гнѣву по своей природѣ, положили отомстить имъ обоимъ, какъ перебѣщикамъ, отступникамъ и измѣнникамъ отечества. Однако жь, чувствуя себя нѣсколько связанными уваженіемъ къ Сенатор-

скому званію одного и сану Гетьмана другого, они еще воздерживались отъ насильственныхъ поступковъ съ ними. Но, сверхъ того, разнесся еще слухъ, что оба они сговорились съ Королевскимъ Дворомъ пригласить, съ одной стороны, Шведовъ, а съ другой, Татаръ съ Козаками, силою оружія которыхъ бунтовщики либо приведены будутъ въ прежнее повиновеніе, либо поплатятся казнію за непокорность: тогда они ужь не могли сдерживать гнѣвнаго расположенія въ душѣ, и разразились местью. 24-го Ноября, въ 8-мь часовъ утра, по приказанію Котовскаго (Kotowicz), заступившаго мѣсто Жировскаго, шляхтичь Хлѣвинскій (Hlewinski), съ 50-ю всадниковъ, вступилъ въ Вильну и, къ изумленію всего города, увелъ Гонсѣвскаго изъ его дома, а Жировскаго изъ Кармелитскаго монастыря. Котовскій велѣлъ ему убить обоихъ, если не позволятъ себя взять, чтобы узы, связующія Конфедеративное войско, окрѣпли съ уменьшеніемъ ихъ надежды на прощеніе. Но какъ ни тотъ, ни другой не противились, Хлѣвинскій не согласился съ тѣми, которые внушали ему угрожать имъ смертію въ тотъ же день. Однако жь, счелъ благоразумнымъ отправить гонца къ Котовскому, разорявшему съ войскомъ тотъ край, который долженъ былъ бы оборонять отъ опустошенія, и находившемуся тогда въ Вильнѣ, съ извѣстіемъ объ исполненіи, и за совѣтомъ, какъ ему дальше распорядиться съ захваченными. Самъ между тѣмъ медленно подвигался къ Вильнѣ, чтобы разстроенное въ то время здоровье Гонсѣвскаго не пострадало отъ болѣе трудной ѣзды.

29-го Ноября, отправивши поспѣшно впередъ болѣе крѣпкаго силами Жировскаго въ Остринo (Ostriniam) [336] Хлѣвинскій вдругъ увидѣлъ шляхтича Новашинскаго (Nowaszinski), приближавшагося съ толпою всадниковъ позади его; онъ слѣзъ съ лошади и, подошедши къ каретѣ, гдѣ сидѣлъ Гонсѣвскій съ своимъ духовникомъ, Езуитомъ Самуиломъ Кудеровскимъ (Kuderowio) сказалъ: «Г. Подскарбій! Непремѣнный приговоръ всего войска таковъ, чтобы тебѣ больше не жить.» Потрясенный похороннымъ звукомъ рѣшительнаго голоса, Гонсѣвскій тотчасъ же вышелъ изъ кареты, совсѣмъ растерявшись, и въ этомъ смущеніи духа, захваченнаго врасплохъ, обнажилъ свою шею, вытянулъ ее, будто къ палачу, и отвѣчалъ печальному вѣстнику: «Въ чемъ провинился я когда ни будь предъ войскомъ, что долженъ поплатиться смертью за свою вину Пусть

---

[336] Небольшое мѣстечко Остринo въ Лидскомъ Уѣздѣ. О. Б.

назовутъ преступленіе, въ которомъ винятъ меня. Если не оправдаюсь въ немъ, обнаруживъ клевету, то по дѣломъ пролью свою кровь. Я, Сенаторъ Королевства и Королевскій Уполномоченный, не подлежу никакому другому суду, кромѣ общаго собранія Чиновъ, однако жь не ссылаюсь здѣсь на неприличность моего Суда, не протестую къ законамъ Государства, къ Сеймамъ. Поставьте меня передъ войскомъ. Сознавая свою невинность, я подчиняюсь чуждому мнѣ Суду. Но, выслушавши обвинителей, пусть онъ выслушаетъ и обвиненнаго. А не сдѣлавъ того, онъ очень повредитъ своей доброй славѣ, по тому что если осудитъ кого ни будь безъ допроса, не дозволивши ему защиты, онъ заявитъ его невинность, межъ тѣмъ какъ бы хотѣлъ, чтобы всѣ признавали въ такой личности правосудно казненнаго преступника. Бывши когда-то вашимъ вождемъ, я никогда не осуждалъ, не выслушавши ни маркитанта, но Обознаго, хотя бы и за явное преступленіе (не говорю уже о сослуживцахъ своихъ лучшаго разбора). И ты, Новашинскій, зная коротко правду моихъ словъ, позволяешь, даже дѣлаешь такъ, чтобы я, Сенаторъ Рѣчи Посполитой, честно служившій ей въ такомъ множествѣ должностей, не зная за собою никакой вины, погибъ такъ несправедливо, точно нѣмой, задушенный клеветою!»

Онъ сказалъ бы еще и больше, если бы Новашинскій не прервалъ его: заявляя о необходимости, возложенной на него, казни, ежели самъ онъ не хочетъ подвергнуться такой же судьбѣ, этотъ шляхтичъ склонялъ его немедленно подвегнуться той участи, которой измѣнить нельзя. «Такъ ужь нельзя измѣнить того?» спросилъ тогда Гонсѣвскій. Привожу въ свидѣтели Бога и всѣхъ Святыхъ Его, что погибаю невинно,» прибавилъ онъ. «Я всегда сохранялъ вѣрность и любовь къ своему отечеству. Чтó бы я ни дѣлалъ, все это обратилось бы въ его пользу, по моему доброму разумѣнію, если бы войско не разрушило моею необдуманною казнью вѣрной надежды на плодъ, который принесли бы мои дѣла. Не противлюсь дольше ожидающей меня судьбѣ. Подвергаюсь незаслуженной смерти, какъ ни дурно она присуждена мнѣ. Прошу только позволить мнѣ сперва исповѣдать духовнику мои грѣхи, и потомъ уже отдамъ мою душу примиренному со мною Богу.»

Когда Новашинскій согласился на это, онъ сталъ очищать свою совѣсть, передавая бывшему недалеко Священнику, со вздохами сокрушенной души, прегрѣшенія человѣческой слабости.

Но уже наступала ночь, и Новашинскій много разъ напоминалъ ему окончить свое благочестивое занятіе, однако жь онъ все еще упорно продолжалъ вызывать свои дѣла изъ сердца, терзаемаго скорбію раскаянія въ грѣхахъ. Наконецъ Новашинскій, не терпя дольше медленности, обратился къ духовнику и грозилъ ему общею участью съ Гонсѣвскимъ, если сей же часъ не разстанется съ нимъ. Такъ этотъ по необходимости и отошелъ немного въ сторону, а Новашинскій, приставивши къ головѣ Гонсѣвскаго пистолетъ, пробилъ на вылетъ пулею его виски, межъ тѣмъ какъ въ ту же минуту нѣкоторые изъ всадниковъ, выстрѣливъ разомъ изъ ружей, пронизали уже падавшій его трупъ.

Трупъ, отданный служителямъ Гонсѣвскаго, былъ отвезенъ ими въ Вильну и, положенный въ церкви Св. Казимира при учительскомъ домѣ Общества отцовъ Езуитовъ, долгое время служилъ свѣдѣтельствомъ для видавшихъ его, по какой скользкой стезѣ ходить стопа людскаго благоразумія. Этотъ человѣкъ, при всемъ своемъ прозорливомъ умѣ, хоть и не разъ получалъ предостереженія отъ расположенныхъ къ нему людей на счетъ озлобленія и умысловъ на него войска, однако жь лучше хотѣлъ остаться безъ стражи въ томъ несчастномъ мѣстѣ, гдѣ произошло съ нимъ насиліе, полагаясь на свое званіе и законы отечества, нежели, поразсудивъ о раздраженномъ его врагами звѣрствѣ наглыхъ и вышедшихъ изъ повиновенія солдатъ, переѣхать куда нибудь въ другое мѣсто, и подвергнуть опасности нравственную чистоту своей жизни.

Утромъ того же дня Жировскій, изрубленный въ Дубнѣ (Dubni) [337] Персидскими саблями, послужилъ кровію своею вмѣсто пролога къ этой трагической исторіи.

Мы узнали потомъ, что нашего гонца перехватили выѣхавшіе изъ войска Польскихъ Конфедератовъ всадники, отняли у него лошадей, оружіе, платье, деньги и письма, отвели его съ прямой его дороги въ Вольборы (Wolboriam) [338] къ Маршалу Сви-

---

[338] Конечно, не городъ Дубно, Волынской Губерніи, но скорѣе Дубинки (Dubinki), мѣстечко, въ 50 верстахъ отъ Вильны, къ сѣверо-востоку, когда то главный городъ Дубинскаго Уѣзда (districtus Dubinensis), съ за́мкомъ, по коему одна вѣтвь Князей Радивиловъ писалась Князьями «na Birzach i Dubinkach». О. Б.

[337] Wolborz въ Петроковской Губерніи Царства Польскаго, въ 2-хъ миляхъ (14

дерскому (Widerski) и содержали тамъ, какъ плѣнника, въ противность народному праву. А между тѣмъ одинъ злодѣй,—слуга главнаго начальника Жмуди, Георгія Карла Глѣбовича (Georgii Caroli Hlebowicz), пришелъ въ нашу гостинницу съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ: пренебрегая уваженіемъ, слѣдующимъ Посольскому званію по обычаю всего свѣта, онъ безжалостно умертвилъ привратницу, свалилъ съ ногъ ея мужа, и нанесъ ему 14 ранъ. Самый городъ ежедневно находился въ явной опасности разграбленія, по случаю смуты въ войскѣ: по тому мы и сочли чрезвычайно опаснымъ оставаться долѣе среди народа, который, попирая въ то время всякое право, предавался только порывамъ своего безумнаго звѣрства, и рѣшились уѣхать оттуда.

Въ окрестныхъ деревняхъ Вильны, особливо на берегу рѣки Ваки, живутъ Татары, потомки тѣхъ, которыхъ изъ Заволжскихъ и Нагайскихъ Ордъ вывелъ плѣнниками Ольгердъ въ 1397 году, разбивъ на Дону ихъ войско подъ начальствомъ Великаго Князя Витовта. Они постоянно держатся Магометанскаго суевѣрія, принятаго ими изъ дурныхъ рукъ, и пользуются свободой богослуженія въ своихъ мечетяхъ, которое отправляютъ муллы, присылаемые къ нимъ отъ Крымскихъ Татаръ: шляхтичи ихъ не имѣютъ, однако жь, ни какихъ преимуществъ, такъ что даже обыкновенную судебную власть начальниковъ крѣпостей признаютъ съ гражданскою покорностью. Многіе изъ нихъ служатъ въ войскѣ, не презирая, впрочемъ, почтарскимъ и извощичьимъ промысломъ, который отправляютъ съ прибылью для себя. И такъ, нанявъ у нихъ 30 саней, и не допросившись нѣсколькихъ конниковъ, для безопаснѣйшаго сопровожденія насъ до границы, ни у Королевскихъ Уполномоченныхъ, ни у Конфедератскаго войска, облеченнаго полною властію, 8-го Февраля, незадолго до полудня, мы направили путь въ Пруссію.

Мы не отъѣхали еще и десяти верстъ оттуда, какъ настигъ насъ

верстахъ) отъ Петркова (Piotrkowa). Въ немъ, 1420 г., Чешскіе послы предлагали корону Ягайлу; въ 1655 г. Янъ Казимиръ искалъ тутъ убѣжища отъ Шведовъ; въ 1662-мъ году, 24 Декабря, Конфедераты, подъ начальствомъ Маршала Самуила Свидерскаго, готовы были взбунтоваться, и едва согласились примириться съ Королемъ 2 Іюня, 1663 года, но тогда лишь, когда уплачено было имъ слѣдуемое жалованье. О. Б.

Литовскій шляхтичъ, Степанъ Марчинскій (Stephanus Marczynski), солдатъ изъ войска Конфедератовъ: онъ спѣшилъ къ своему отряду и ѣхалъ скорѣе нашего, тоже въ саняхъ и съ двумя служителями. Съ надменнымъ пренебреженіемъ не только къ нашему званію, но и къ принятому въ томъ краѣ обычаю между равными людьми, онъ повелительно требовалъ, чтобы мы свернули съ дороги, по которой поѣдетъ самъ онъ. Сидя одинъ позади всѣхъ въ своей каретѣ, положенной на сани и снаружи заставленной со всѣхъ сторонъ, я позаботился отвѣчать ему, чрезъ ближайшаго ко мнѣ моего постельника, довольно свѣдущаго въ Польскомъ языкѣ, что сдѣлать по его просьбѣ 30 санямъ нельзя безъ большихъ затрудненій. Пусть лучше самъ онъ удобнѣе свернетъ съ однѣми своими санями съ дороги, разстилавшейся въ обѣ стороны ровно и широко, какъ обыкновенно въ томъ краю, да и ѣдетъ куда ему годно. Онъ пришелъ въ бѣшенство, услыхавъ эти слова, вылѣзъ изъ саней съ обнаженною саблей и тысячью ругательствъ, и сперва напалъ на слугу, стоявшаго близко меня, чтобы пособить моему постельнику, который, не имѣя оружія, бѣгалъ кругомъ этого служителя и увернулся отъ удара. А потомъ, чтобъ отразить неистовое нападеніе этого съумасшедшаго, онъ прибѣжалъ съ небольшою гражданскою шпагой, немного посражался съ нимъ, но хоть и равнялся ему въ храбрости, да уступалъ въ оружіи, и почувствовалъ себя раненымъ въ обѣ руки, а особливо въ лѣвую, въ которой терпѣлъ отъ того въ послѣдствіи постоянную боль. Другой изъ моихъ слугъ, кравчій, совсѣмъ безоружный, но мускулистый, силился вырвать саблю изъ рукъ солдата и едва уже не сдѣлалъ, чего хотѣлъ, когда другой служитель Поляка нанесъ ему три удара саблей въ голову и принудилъ отстать отъ начатаго дѣла. Между тѣмъ я старался ласковымъ словомъ унять неистовство безумца, хоть и не могъ выйти изъ кареты, заставленной снаружи: только это было напрасно. Вмѣсто того онъ, произнося брань, направилъ въ грудь мнѣ пистолетъ и, безъ сомнѣнія, выстрѣлилъ бы, если бы не былъ остановленъ своими слугами. Все это мы снесли съ благоразумной кротостью на чужой землѣ, подверженной тогда насиліямъ отъ забіячливыхъ отрядовъ солдатъ, сторонниковъ этого звѣря, спѣшившихъ одною дорогой съ нами на самую пріятную стоянку въ Жмудь (Samogitiam), не имѣли и въ помышленіи отомщать за себя какъ ни будь, хотя бы это и легко было для насъ. А бѣшеный звѣрь, замѣтивъ, что мы остановились для перевязки нашихъ раненыхъ, хоть и видѣлъ ужь

нашу прислугу вооруженной и готовой отражать силу силой, совсѣмъ тѣмъ, обнаживъ саблю и махая ею въ поднятой рукѣ, въ изступленіи бросился на нашихъ съ такою свирѣпостью, что, кажется, никому бы не уйти цѣлымъ отъ его бѣшенства, если бы, въ видахъ необходимой обороны, не положили его на мѣстѣ, что дѣйствительно и было сдѣлано.

Поспѣшно продолжая наше путешествіе дорогами, постоянно днемъ и ночью, при чемъ очень вѣрно служили намъ Татары, и сдѣлавъ 27 большихъ миль, утромъ мы прибыли, через Ковно (Caunam), въ Юрбургъ (Jurburgum), на рѣкѣ Свентѣ (Swientam), пограничной между Литвой и Пруссіей. А оттуда, все избѣгая, однако жь, Польши, наполненной Конфедератами, через Пруссію, Поморье, Бранденбургскую Мархію, Силезію, Моравію и Австрію, благополучно возратились въ Вѣну, въ самый день Св. Іосифа 1663 года.

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ И ДРУГИХЪ НАЗВАНІЙ ВЪ ПУТЕШЕСТВІИ МАЙЕРБЕРГА.

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

I.

К.

Л.

М.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

Щ.

Э.

Ю.

Я.

Ѳ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строк.	*Напечатано:*	*Читайтѣ:*
VI	— 5	показываетъ	покрываетъ
9	— 5	сдѣлавшись	сдѣлавшихъ
13	— 18	побѣтелю	побѣдителю
17	— 12	это	этотъ
29	— 29	и благодаря	благодаря
30	— 12	себѣ	себѣ, а
39	— 12	посредникомъ	посредникъ.
44	послѣдняя снизу:	съ 50 недѣли	съ мясопустной недѣли
45	— 14	до 50 недѣли	до мясопустной недѣли
46	— 8	на себя	на себя его
50	— 12	съ присоединеніемъ	съ опущеніемъ
54	— 3	ручьевъ, которые	ручьевъ, по случаю островковъ которые
56	примѣч. 92	Сегрѣй Никаноровичъ Богдановъ Губернаторомъ	былъ Предводителемъ
58	— 14	за всякую	за всякую потерю
59	— 26	рѣки	рѣдки
64	— 6	стѣнамъ	ступенямъ
—	— 8	открымы	открытыми
66	— 12	и протянулъ	а правую протянулъ
73	— 17	на своего Короля и	ни своего Короля, ни
75	— 13	для насъ	для нихъ
79	съ конца 2	такой	толпой
85	— 5	по тому что всѣ	всѣ
91	— 14	легкій	мелкій
97	— 1	Но думая	Не думая
112	— 23	по тому что эта	эта
116	— 23	слѣдующее ей	должное правдѣ
119	— 20	заключающіяся	области, заключающіяся
125	— 24	земледѣльческаго	земледѣльческаго народа
156	— 19	Княжеское	Княжество
157	— 20	звѣролы	звѣроловы
167	— 25	по тому	хотя
174	— 6	барину	баранину
179	— 27	состоитъ	состоитъ тутъ

